

ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

НОВЫЙ
МИР

2002

8

2002

НОВЫЙ ВЕК, НОВЫЙ МИР БУДЬ КОНСЕРВАТОРОМ, ВЫБЕРИ СВОБОДУ

**В 2002 И В 2003 ГОДАХ
«НОВЫЙ МИР» ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ:**

- АНАТОЛИЙ АЗОЛЬСКИЙ. Глаша (повесть);
АНДРЕЙ БИТОВ. Общество охраны героев (повесть);
ОЛЕГ БОРУШКО. Класс «А» (роман);
РАВИЛЬ БУХАРАЕВ. Гость случайный (роман-эссе);
ДМИТРИЙ БЫКОВ. Орфография (роман);
СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО. Мария из Магдалы (повесть);
АНДРЕЙ ВОЛОС. Новая повесть;
ВЛАДИМИР ГЛОЦЕР. Я помню;
БОРИС ЕКИМОВ. Рассказы и очерки;
ВАЛЕРИЙ ЗАЛОТУХА. Свечка (роман);
ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР. Новые рассказы;
НИКОЛАЙ КОНОНОВ. Нежный театр (шоковый роман);
ИЛЬЯ КОЧЕРГИН. Помощник китайца (повесть);
ВЛАДИМИР КРАВЧЕНКО. Вечный календарь (роман);
МАКСИМ КРОНГАУЗ. Заметки о языке;
МИХАИЛ КУРАЕВ. Дом без адреса (повесть);
АЛЕКСАНДР КУШНЕР. Сквозь ночь (стихи);
ОЛЕГ ЛАРИН. Пейзаж из криков (повесть);
ВЛАДИМИР МАКАНИН. Новые рассказы;
ЮРИЙ МАЛЕЦКИЙ. Физиология духа (роман в письмах);
АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ. Чума (роман);
АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. Трансмутация истории (11 сентября
2001 года в исторической перспективе и ретроспективе);
ВЛАДИМИР НОВИКОВ. Моншер (роман); Алексия: десять лет
спустя (эссе);
ОЛЕГ ПАВЛОВ. Чаровщина;
ВИКТОР ПАНОВ. И там жили (рассказы; из наследия);
ЮРИЙ ПЕТКЕВИЧ. Заморозки (повесть);
ГРИГОРИЙ ПЕТРОВ. Перед вторым пришествием (роман);

(См. на обороте)

ИРИНА ПОЛЯНСКАЯ. Горизонт событий (роман);
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ. Третье дыхание (повесть);
АЛЕКСЕЙ ПУРИН. Ледяной улов (стихи);
ЕЛЕНА РАБИНОВИЧ. Филологические новеллы;
РУСТАМ РАХМАТУЛЛИН. Облюбование Москвы: Кузнецкий мост (эссе; продолжение);
ЕВГЕНИЙ РЕЙН. Избранник (роман); **Призрак среди руин** (повествование в рассказах);
МАРК РОЗОВСКИЙ. Театральный человек (документальное повествование);
ДИНА РУБИНА. На солнечной стороне улицы (роман); **Несколько торопливых слов любви** (новеллы);
РОМАН СЕНЧИН. Нубук (повесть);
ОЛЬГА СЛАВНИКОВА. Период (роман);
АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ. Игры на свежем воздухе (рассказы);
АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания;
ИРИНА СУРАТ. Пушкин и Мандельштам (параллели);
МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ. «Отдай мое» (повесть);
АЛЕКСАНДР ТИТОВ. Прощание с гармонистом (роман);
ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА. Своя правда (повесть);
ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ. Сансаныч (повесть);
АНТОН УТКИН. Новый роман;
ТАТЬЯНА ЧЕРЕДНИЧЕНКО. Силовики (эссе);
СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ. Откос (повесть);
ЕВГЕНИЙ ШКЛОВСКИЙ. Питомник (рассказы);
АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ. Домашние люди (современная история);

а также стихи **ТАТЬЯНЫ БЕК, СВЕТЛАНЫ КЕКОВОЙ, БАХЫТА КЕНЖЕЕВА, ГРИГОРИЯ КРУЖКОВА, ЮРИЯ КУБЛАНОВСКОГО, ВЛАДИМИРА ЛЕОНОВИЧА, СЕМЕНА ЛИПКИНА, ИННЫ ЛИСНЯНСКОЙ, ЛАРИСЫ МИЛЛЕР, ОЛЕСИ НИКОЛАЕВОЙ, ОЛЬГИ ПОСТНИКОВОЙ, ОЛЕГА ЧУХОНЦЕВА**; статьи, очерки, эссе **СЕРГЕЯ АВЕРИНЦЕВА, СЕРГЕЯ БОРОВИКОВА, ВЛАДИМИРА ГУБАЙЛОВСКОГО, НИКИТЫ ЕЛИСЕЕВА, ЮРИЯ КАГРАМАНОВА, ТАТЬЯНЫ КАСАТКИНОЙ, АЛЛЫ МАРЧЕНКО, ВАЛЕНТИНА НЕПОМНЯЩЕГО, МАРИИ РЕМИЗОВОЙ, ВАЛЕРИЯ СЕНДЕРОВА, ИРИНЫ СУРАТ, ДМИТРИЯ ШЕВАРОВА** и других авторов.

NEW!

Частные лица и организации, находящиеся в любой точке земного шара за пределами Российской Федерации и стран СНГ, могут подписаться на журнал «НОВЫЙ МИР» без посредников, круглый год, с любого месяца, на любой срок и на любое количество экземпляров.

СПОСОБ ЗАКАЗА: по факсу, по электронной почте или по Заявке (см. ниже).

СПОСОБ ОПЛАТЫ: 100 % предоплаты на счет ЗАО «Редакция журнала „Новый мир”» № 40702840938040101095 в Московском банке Сбербанка г. Москвы, Российская Федерация, Тверское отделение 7982, корр. счет 30301840638000603804.

Tverskoe OSB 7982 MB SBERBANK PF, Moscow, Russia, ACC. 30301840638000603804, ACC. Beneficiary: 40702840938040101095.

Заявка принимается к исполнению с момента поступления денег на счет редакции. О возможности купить номера журнала за прошлые годы можно узнать в редакции.

СТОИМОСТЬ одного экземпляра в 2002 году: \$ 10,

СТОИМОСТЬ годового комплекта: \$ 120.

АОЗТ «Редакция журнала „Новый мир”» обязуется: отправлять заказчикам журналы в экспортном исполнении (белой обложке) по почте бандеролью в течение 5 дней с момента выхода тиража за счет редакции, обменивать бракованные экземпляры или повторно высылать не полученные заказчиком экземпляры за счет редакции, немедленно информировать заказчиков о всех затрагивающих их изменениях (объем журнала, периодичность, цена и проч.).

С момента передачи оплаченного тиража журнала на Московский почтамт обязательства продавца считаются выполненными и право собственности переходит к подписчику.

Адрес редакции: Россия, 127994, ГСП-4, Москва, К-6,
Малый Путинковский переулок, 1/2, Редакция журнала «Новый мир».
Телефон/факс: (095) 200-08-29, (095) 209-62-13.
E-mail: novy-mir@mtu-net.ru

Заявка на подписку на журнал «НОВЫЙ МИР»

(вырезать или ксерокопировать Заявку,
заполнить и отправить в редакцию по почте или по факсу либо
отправить все требуемые в Заявке сведения по факсу или по электронной почте)

Я (фамилия, имя или название организации) _____

прошу подписать меня на ежемесячный журнал «Новый мир»
с _____ (месяц, год) на _____ месяцев.

Количество экземпляров _____

Стоимость заказа _____ (число месяцев x число экземпляров x \$ 10).

Дата оплаты (Заявка заполняется и отправляется в редакцию после оплаты) _____

Контактный телефон (факс, e-mail) _____

Адрес для отправки журнала (почтовый индекс, страна, город, улица, дом, имя и фамилия получателя) _____

Подпись заказчика и дата заполнения Заявки _____

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписной индекс «Нового мира» — 70636 в зеленом Объединенном каталоге «Подписка — 2002». Спрашивайте этот каталог во всех отделениях связи. Каталогная стоимость подписки на второе полугодие 2002 года — 330 рублей плюс стоимость доставки.

Те из вас, кто имеет возможность приходить за журналом в редакцию «Нового мира», могут оформить *льготную* подписку по адресу: Малый Путинковский переулок, 1/2 (м. «Пушкинская», «Чеховская», «Тверская»), в понедельник, вторник, среду, четверг с 10 до 17 часов. Для членов творческих союзов, преподавателей высших и средних учебных заведений, студентов вузов, постоянных подписчиков, пенсионеров и инвалидов предусмотрены дополнительные льготы.

В редакции можно приобрести отдельные номера «Нового мира». Журналы выдаются подписчикам в понедельник, вторник, среду, четверг с 10 до 18 часов. (Справки по тел. 200-08-29.)

Спрашивайте наш журнал в московских книжных магазинах «Ad marginem» (1-й Новокузнецкий переулок, 5/7), «Библио-глобус» (Мясницкая, 6), «Гилея» (Большая Садовая, 4), «Графоман» (1-й Крутицкий переулок, 3), «Летний сад» (Большая Никитская, 46), «Мир печати» (2-я Тверская-Ямская, 54), «Эйдос» (Татарская, 5, стр. 2).

Распространением журнала «Новый мир» за рубежом занимаются: германская фирма «Кубон унд Загнер» (Kubon & Sagner. D-80328 München Germany. Tel. (089) 54-218-130. Telex: 5216711 kusa d. Fax (089) 54-218-218; Электронная почта: postmaster@kubon-sagner.de Адрес в Сети: <http://www.kubon-sagner.de/ksinfo>)

американская фирма «Ист Вью Пабликейшенз» (East View Publications, Inc. 3020 Harbor Lane North Minneapolis, MN 55447 USA. Tel. (612) 550-0961. Fax (612) 559-2931. В Москве тел. (095) 318-08-81, факс (095) 318-09-37).

Уважаемые зарубежные подписчики!

Экземпляры журнала, предназначенные для распространения за пределами России и стран СНГ,

выходят в обложке белого цвета с надписью «Novy Mir».

Приобретая «Новый мир» в голубой обложке, вы отдаете свои деньги фирмам, не связанным официальным контрактом с журналом, что наносит редакции финансовый ущерб.

Вы очень поможете «Новому миру», оформляя подписку через наших официальных распространителей (см. стр. 4) или через редакцию журнала (см. стр. 3).

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ ПОЗДНЯЕВ — Не остыв от плача, стихи	7
ИРИНА ПОВОЛОЦКАЯ — После меня свет в доме стоит. Из записок «Прихожане». Между тем. Конспекты	11
ДАРЬЯ КУЛЕШ — Живые вещи, стихи. Предисловие Вл. Новикова	40
АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ — Присяга, рассказ	45
ВИКТОР КУЛЛЭ — Чистый лист, стихи	53
ДМИТРИЙ ГАЛКОВСКИЙ — Друг Утят, сценарий фильма	57

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

БОРИС ЕКИМОВ — Люди и земля	104
-----------------------------	-----

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ — К вечно-юному вопросу. Об «искусстве для искусства». Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Евгении Ивановой. Послесловие Павла Крючкова	112
--	-----

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА

РЕНАТА ГАЛЬЦЕВА — Тяжба о России. На рубеже столетий. Окончание	123
СЕРГЕЙ БОЧАРОВ — «Ты человечество презрел». Об одном сюжете русской литературы и его актуальности	141

МИР НАУКИ

ГАЛИНА МУРАВНИК — «Ибо прах ты и в прах возвратишься». Размышления о феномене смерти в научном и богословском аспектах	154
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ВЛАДИМИР ГУБАЙЛОВСКИЙ — Все прочее и литература	167
---	-----

По ходу текста

МАРИЯ РЕМИЗОВА — Где зарыта собака	175
------------------------------------	-----

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Василий Костырко. Отпавшие	179
Александр Зорин. В поисках адресата	181
Александр Люсый. «Богу дописать стихотворенье»	184
Филипп Дзядко. «Однажды Барков зашел к Сумарокову...»	187

КНИЖНАЯ ПОЛКА НИКИТЫ ЕЛИСЕЕВА	194
КИНООБОЗРЕНИЕ ИГОРЯ МАНЦОВА	199
CD-ОБОЗРЕНИЕ МИХАИЛА БУТОВА	206
WWW-ОБОЗРЕНИЕ СЕРГЕЯ КОСТЫРКО	211

ХРОНИКА

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН — Соловьевские чтения в Иванове	217
---	-----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко)	219
Периодика (составители Андрей Василевский, Павел Крючков)	221
SUMMARY	240

**ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШЕГО АВТОРА,
ЧЛЕНА ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА
ДАНИИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГРАНИНА
С ПРИСУЖДЕНИЕМ ЕМУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА!**

**ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШЕГО АВТОРА,
ЧЛЕНА ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА
ФАЗИЛЯ АБДУЛОВИЧА ИСКАНДЕРА
С НАГРАЖДЕНИЕМ ЕГО
АБХАЗСКИМ ОРДЕНОМ «АХЪДЗ АПША» («ЧЕСТЬ И СЛАВА»)
ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ И ПРИСУЖДЕНИЕМ ЕМУ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМЕНИ ДМИТРИЯ ГУЛИИ!**

Издание выходит при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и Министерства Российской Федерации по делам печати, теле-радиовещания и средств массовых коммуникаций.

МИХАИЛ ПОЗДНЯЕВ

*

НЕ ОСТЫВ ОТ ПЛАЧА

Стансы миллениуму

Умирает Пушкин, шофер такси,
человек бездетный и холостой.
Неказист собой, неширок в кости,
удирает в Ясную граф Толстой.
Улетает в Штаты на ПМЖ
господин Хрущев, член ВКП(б).
Царь Давид, как заяц, бежит по меже,
панихиду поет самому себе.

Неужели вот это и есть *итог*?
Треск петард, шампанское из горла,
и с размаху оземь «Корнет», «Исток»,
все дворы в осколках, как зеркала.
Что в них утром будет отражено:
Божий лик? упившиеся козлы?
Все равно: сегодня — разрешено
всё-всё-всё, разрублены все узлы.

Я перед глазами, как пациент
у врача глазного, машу рукой:
в полдень выступал один президент,
в полночь выступает совсем другой.
Истекает время, Троянский конь,
фаршем человеческим, скрытым в нем.
Зажигай скорей бенгальский огонь
и давай не чокаясь помянем.

Всё-всё-всё закончено, все-все-все
с Винни-Пухом, храбрым своим вождем,
в чистом поле скрылись, в густом овсе,
только мы с тобою чего-то ждем,
будто завтра сможем переиграть
партию ф-но и по новой спеть;
может быть... откуда нам точно знать...
Но как в самый первый раз — не успеть.

Все равно — по клавишам: блям-блям-блям,
и во всю головушку: ай-люли...
Ты не плачь, любимая, по нулям
счет в игре, которую мы вели.
Время, не имеющее цены,
в три нуля, три дырочки утекло.
За окном шампанское пьют пацаны.
Под ногами звонко хрустит стекло.

Стансы бессоннице

I

Нерасторжимо долнее с горним:
оба единым кормятся корнем,
алчут на пару, в обнимку не спят;
сердце разбито — и трещина эта
тянется в стороны мрака и света,
плоть расщепляя с макушки до пят.

II

Горизонтальную линию проще
вывести, чем вертикальную; рощи
много трудней рисовать, чем луга;
соотношение духа и праха —
тяжкий топор и дубовая плаха,
каждый другому царь и слуга.

III

Жизнь — это не киносъемка, но постриг:
над головою блистание острых
ножниц и свечки преломленной чад,
архиерей приподнялся из кресла;
и воспаленные мысли и чресла
часто-пречасто, как весла, стучат.

IV

Дым до небес восстает над дровами.
В патерике есть рассказ об Иване:
бес ему лоно изгрыз, и тогда
в келье бедняга зарылся по горло;
кровь почернела, дыхание сперло,
и вспылала его борода.

V

Чудище обло, озорно, огромно,
только и ты, в той же степени ровно,
мерзок, убог, и болящ, и постыл —
так колотись в испытанье жестоком
в Божьей деснице лягушкой под током,
прежде чем Он тебя не отпустил.

VI

Жизнь — это ночь накануне развода:
суд на пороге, зато и свобода
скоро вступает в права палача;
и два безумца за час до разлуки
переплетают ноги и руки,
в ухо друг другу проклятья шепча.

Правила складыванья стихаря

Складываю стихарь, как меня учили.
К солнечному сплетенью прижав звезду —
тоже и крест — на спине его, жесткий ворот
стисну зубами — и в стороны разведу
два рукава сиятельных: и лучи, и
крестные муки. Да нет: натянув узду,
скот подъяремный роет свою борозду,
морду склоняя долу. Престольный город
видит в окне алтарном, «Самел» куря,
страшное таинство складыванья стихаря.

Каждый апокриф грозит обернуться сплетней.
В медном кадиле курится ладан последний.
Свечи задуты. Земной положи поклон,
складываю подол стихаря, как складень,
и за углы поднимаю его горé —
он провисает, словно весь мир в нем скраден...
Как я хорош когда-то был в стихаре,
как я был молод когда-то, весел и ладен!
Ныне ж в моих объятиях, безотраден,
жертвенным агнцем опочивает он.

Поцеловав на прощание, на гробницу
я положу стихарь — и увижу вдруг,
со стороны первый раз на него взглянув,
как он похож сейчас на мою чаровницу,
как он сейчас похож на тебя, мой друг:
в точности так и ты, под утро уснув,
слезы не утерев, не остыв от плача,
складываешься вся, руки-ноги пряча,
как эмбрион (а он — как жук скарабей).
Я ухожу к тебе. Ты его слабей.

Складываю стихи на пути из храма,
где научился стоять со свечою прямо
на панихиде — в серебряном, точно иней,
и в золотом, как осень, любил ходить
важно по храму с трикирием на каждое,
Днесь благовернии петь, надевая синий,
в красном читать Апостола; и все это —
словно мне было дадено от рожденья,
чтобы однажды тень отделить от света,
чтобы к тебе склониться — и разбудить.

Правила исцеления от немоты

Немота прерывается комбинацией из двух пальцев, означающей и викторию, и рога, что без разницы, потому что образ врага — место общее для «Тангейзера» и «Паяцев».

Жест обыченный, предназначенный ослепить, забодать козла, что увел со двора молодку, утопает во рту, до упора уходит в глотку — и тогда сквозь рвоту ты начинаешь петь.

Третий час пополуночи, дом по имени Дом, соловей в кусте бузины, имеющем сходство с переметом рыбацким, — и ты, избывая скотство, наущаешься пенью сквозь зубы, с закрытым ртом.

Не рыча аки лев, не трубя по образу тура, но как тот соловей в тенетах, с ним в унисон, ты на глас шестой заливаешься: «Дура, дура...» — сорок раз подряд, как «Кирие элейсон».

В простыню увит, повернут лицом к обоям — «Дура, дура, дура...» — в пятом часу утра ты поешь псалом, адресованный им обоим, но тебя одного могущий поднять с одра.

И, восставши дыбом в седьмом часу, как к обедне, на крыльце, что на клиросе, но обращенный в ад, раздираешь гортань свою воплем: во всем виноват лишь один соловей в осиянном росой бредне.

Это он испытует пение немотою, это он, это он — когда я, на коленях стоя, на заре обнимая раковину, блюю: «Дура, дура...» — упрямо свищет: «Люблю! Люблю!»

ИРИНА ПОВОЛОЦКАЯ

ПОСЛЕ МЕНЯ СВЕТ В ДОМЕ СТОИТ

Из записок «Прихожане»

— Я сама видела, — говорила на церковных ступеньках и как бы никому прихожанка в белой косынке, держа за руку девочку-подростка, так же повязанную, — этот нарочно лез на солдатиков. Что им надо, демократам? И так есть нечего!

Впалые щеки горели румянцем, а подглазья были темны, но и у дочки румянец пятнами и такие же подглазья: верно, обе переболели накинущимся на город, три раза возвращающимся с лихорадкой и ознобом вирусом А. Был четверг перед Вербным, в зимнем воздухе жалко дрожала весна и пахло ржавчиною оттаявших сугробов, а всего в километре громоздилась драма: и сюда, в захолустную тишину сумерек, вползало напряжение со сцены — с площадей, заполненных техникой и людьми, — в кулисы, где мирно накрапывал дождь.

Все может быть сегодня, подумала другая женщина, вглядываясь в измученное лицо той, и перекрестилась с поклоном на храм, а когда выпрямилась, увидела тощего монаха, бегущего к церкви; два узла были перекинuty через плечо, а пластиковую сумку он тащил в левой руке, скоро и явно прихрамывая; посохом самодельным, зажатым в правой, себе помогал.

— Сестра! — крикнул он. — Тебя мне Бог послал.

Надеясь, что это женщине с девочкой, отступила, но он остановился перед ней, жарко отдыхиваясь и буравя птичьими глазами.

— Едва успел, сестра, — сообщил весело, — а то завтра к Причастию, а ночевать негде. Хотел в Даниловом остановиться, да туда теперь не доберешься, в метро толпы, слышь, стреляют, а в Лавру к отцу Науму далеко. Так что придется тебе, сестра, потрудиться. Я же знаю, у тебя свободная постеля есть. Отгадал? А теперь — к образам, вместе и припадем.

— Я уже отстояла, — отказалась, — а вы в храме спросите, при церкви где-нибудь и устроят.

— Жутко чужого человека, — согласилась та женщина, в косынке, — чужого всегда жутко, и в гостиницу, в Останкино вот, попасть можно.

— Попробуйте! — Это юный регент храма с нотной папкой под мышкой. Он тоже кланялся крестясь, а черную шляпу держал в руке, но уже ничего больше и не сказал, потому что монах повис на нем с троекратным поцелуем, а расцеловавшись, спросил с трепетом:

— Попоем вместе-то? И ты меня послушаешь, как пою. У себя дома и послушаешь. Вот только к образам приложусь, а ты жди, — и свалил ему под ноги нищие узлы.

— У меня нельзя ночевать, — регент глядел строго, хотя был почти мальчик, — родители неверующие, а я живу вместе с ними.

— Тогда попоем с тобою. На обедне. А ночевать у нее буду. Ладно, сестра? Приютишь отца Агапия? А он мне свой адресок даст, я к нему после Причастия чай приду пить. Чай-то можно?

Поволоцкая Ирина Игоревна — москвичка, окончила режиссерский факультет ВГИКа, сняла несколько художественных фильмов. Лауреат премии имени Аполлона Григорьева. Постоянный автор «Нового мира».

— Конечно, — теперь регент сказал с покорностью, — пожалуйста! — и вынул ручку, и вывел печатные буквы на клочке картонной обертки, стремительно подsunутой монахом и спрятанной тут же под рясу.

— Она одна вещи мои не дотянет. — Он смерил женщину неласковым взором. — А у отца Агапия силы кончились, хорошо, пред храмом и кончились. Так что ждите, помолюсь — приду. — И взбежал по ступенькам, но дверь в церковь уже заперли, и он стал колотить кулаком, а потом посохом бить, чтоб открыли. Кирзовые сапоги его были рыжими от засохшей глины, а ряса в грязи. Откуда же он бежал, так стремительно прихрамывая, со своими узлами?

— Не бойтесь, — сказал регент, — это наш, церковный, — и улыбнулся нежною бесстрастной улыбкой.

— Но у меня собака. Будет лаять всю ночь, перед жильцами неловко...

Она еще пыталась избавиться от постояльца, но регент понял по-своему.

— Собака нехорошо, где образа. У вас ведь есть образа?

Женщина кивнула, а он с врожденным наставничеством:

— Моя бабушка прятала иконку, это когда у нас в доме некоторое время жила собака. Доставала, только когда молилась. Как же иначе? А вы одна?

— Нет. Но сегодня — одна. Он верно почувствовал.

— Вот видите! А вещи отца Агапия я донесу и телефон свой оставлю, мы, кажется, соседи, так что не беспокойтесь. Утром он уйдет, к Причастию и уйдет.

Перед храмом уже никого не было, переулок был пуст.

— А вы не знаете, что там? — Она кивнула в темноту.

На этот раз он ее понял.

— Арестовали кого-то, посольство горит. Войска еще вчера пришли в город. — И вздохнул. Но вдруг с горячностью: — К сожалению, у таких, как Агапий, у них совершенно нет чувства времени. Не могут понять, что люди бивают заняты!

— Наверное, молится.

— Молится. Сначала опоздал на службу, теперь его ждут — он в молитве. Ему неизвестно, что есть еще дела во имя Господне.

— А вы знаете, когда трудитесь во имя Господа?

— Как же иначе! Это сразу понимаешь.

— Вы счастливый, — сказала, — а я не знаю. Иногда думаю, а на самом деле... Наверное, я неправильно живу.

Он ничего не ответил, но в это мгновение что-то решил, составивши мнение, которому, казалось, ни разу и не изменил впоследствии.

Этой женщины не должно было быть здесь сейчас, у невысоких стертых ступеней. Где-нибудь в горячечной толпе было ее никем не занятое место, но скудный пучок вербы к Неделе вайи уже стоял дома, и участь выпала, не уклонишься, и вот они шли втроем: гость налегке, припадая на ногу и развеселясь, что дождался его, и все спрашивая у регента, который тянул его вещи, знаком ли тот с игуменьей Маргаритой из какой-то пустыни, а ставший хмурым регент головою кивал, но не отвечал, а отец Агапий, напротив, становился словоохотливее и, шагая быстро, забегал под серьезные очи регента и только на остановке автобуса присмирел.

— Куда ж вы ведете меня? Она говорила — пешком!

Кстати, имя ее никак не запечатлелось в голове чудного знакомца, говорил — она, звал — сестра, а то и просто — женщина, когда же вспомнил, если вспомнил, то поздно было.

— Тепло, хорошо в доме как!

Не успели войти, а отец Агапий, стянув сапоги и размотав длиннющие портянки, ногу вытянул в подштанниках розовых, как-то нагло вытянул большую ногу, но тут же завертелся, семена и притоптывая освободивши-

мися от обувки ступнями, и все поглядывал на себя в зеркало со старинным стеклом, пока не замер и не произнес со значением:

— Лик!

Пальцем погрозил — а кому? — и, перекрестясь, опять пошел вкруголя в носках ярко штопанных.

— Сам штопал. Умею. Так шью, что с Афона отпускать не хотели, — запрыгал аистом, а это он большую ногу берег и, прыгая, обтер пятку лодыжкой здоровой ноги. — Во как! — Спросил: чем кормить будешь? успокоил: — У отца Агапия все есть, что надо, — распутал узел, выкинул, и как не разбил? бутылки — кефир, молоко, — молочное ем! Владыка больному так и сказал — больному можно, и еще картошечка вот! — и сунул пакет с морожеными, под рукой расползшимися картофелинами.

— Да есть у меня! — отмахнулась.

— Мое вари! Так хочю, чтоб мое, а уж все другое пусть твое будет, — и подмигнул глазом в воспаленном ободке. А регента рядом теперь не было.

Но тут наконец она вырвалась из комнаты, куда ее бесцеремонно и обманом пихнули. Только ей известным способом она умела открывать двери, и вот вылетела живым рыжим мячом, эта зараза, эта балованная таксячья стерва с пятнистою холеной шерсткой, и под вопли и верещания вцепилась в матерчатую завязку подштанников, и оторвала, и, оторвав, сплонула, и снова набросилась с взлаем, и повисла на грязной поле.

— Кошек люблю. Котов разных тоже. Глажу всегда, а псов поганых — у-у! — уже на кухне, когда сидел на лавочке, поджав под себя пятки, а ноги спустить боялся: такса взирала с ненавистью, ее мускулистое тельце дрожало от нетерпимости и презрения. Куда девался обычай бездумно брехать, вызывая на игру, мерцая графитовыми треугольниками глаз, или, оттопырив крепкую задницу, вилять ящеркою хвоста? А гость лил и лил постное масло на разрезанные по сердцевине картофелины, рукой выгребал из салата кислую капусту, оставляя на скатерти бледные подтеки, и такие же застывали вокруг рта, а лук ел не жмурясь, а чеснок отбрасывал надкусывая, а хлеб белый, обдирая корочки, мял ложкою — вилку кинул брезгливо, — мял, мял, чтоб смешалось с маслицем, запросив кефира, разбавил чаем, а то, объяснил, простыл, пока ехал в вагоне: у окошка ехал и простыл.

— Ты, сестра, еще маслица давай и картошку надо! Я ведь днем не ем, я вот утром и на ночь, два раза, а если один — желудок не работает. А пса уведи! В туалет хочется! — Стал высвобождать ногу, на которой сидел, но такса рыкнула, и он восхитился: — Тоже тварь! Стережет! Я те покусаю! Я те палкою!

— Нельзя палкой. Идите! Я держу.

На цыпочках, пятясь, он двинулся по стеночке, палкою, как слепой, обстукивая пол, но, схватясь за живот, замычав жалобно, выпустил посох, уронил и, тут же подхватив, скрылся, и сразу вслед ему такса вырвалась, мазанув по женской ладони влажными зубами и в прыжке лбом о дверь, а оттуда:

— Поганый! Поганый! Пес!

И замолк.

За окном было темно, ни звука сюда, в квартиру, где по трубам ручьем журчала вода — это отец Агапий спускал и спускал воду; а такса лежала вроде как бездыханною, но плюш по заливку топорщился... На спичечном коробке, а значит, курил строгий регент, нацарапал он свой номер. Оглядываясь, она протянула руку к трубке, но аппарат, вздрогнув, зазвонил.

— На улицах ОМОН, как в Литве, — сказала подруга, — включи телевизор!

— Ты была на митинге?

— Нет, надоело все, и голова болит. Включи телевизор.

— Хорошо, включю.

— Ладно, — подруга замолчала, — завтра работаю, послезавтра дома.

Послезавтра, повторила она про себя, послезавтра. В уборной грохнуло. Посох свой опять уронил, что ли?

— Иди сюда, — позвала собаку, и та вдруг послушалась. Но и отец Агапий — видно, в шелку следил за врагом — вылез и опять по стенке к столу. Хмур, взъерошен, а палку держал наперевес.

— Супу хочу! — сказал. — Без супу не засну. У меня геморрой — болезнь такая. Без супу больно!

— Одиннадцать скоро.

— Часы твои врут, женщина. Сейчас такой час, как отец Агапий скажет. Мало ужина твоего — живот бурчит. Свари супцу с капустой или еще что...

Дочь у подруги, а мужа только день как проводила и не готовила потому. Не колбасой же — а колбаса какую неделю морозилась в морозильнике — в пост монаха кормить?

— Кашу могу. Манную.

— Не буду! — Он даже голову склонил набок, как капризный детсадник, лишь зеленки не хватало, но голосом дьяконовским, и как из слабого горлышка, изо рта косога, а сейчас и разглядела криворотость, вырвался голосище: — Суп давай отцу Агапию!

Велел как воззвал.

— Вермишелевый. — Она смирилась.

— Картошку порежь, морковку, лучок, чеснока поболе.

И пока варево кипело:

— Вари-вари! А вкусный будет супец. Рисовый. Капустный!

— Вермишель!

— Ну и ладно, пусть она, вермишель эта. Такой суп получится, как я хочу, как мне, отцу Агапию, хочется, такой и будет. Я — волшебник! Послать меня свет в доме стоит, болезни уходят. Один милиционер, а он пропишеть и выписать может хоть кого, так и говорил матушке моей: хоть насколько твоего угодника пропишу. Во как! Угодника, вроде как Николая самого, а тут Агапия только.

— А матушка — мать ваша?

— Родители ко-о-гда померли. Поминаю обоих, а это уж, — губами зачмокал, — у каждого батюшки матушка должна быть. И у отца Агапия есть. Еленой зовут. Меня старше. Сероглазенькая, полная, с мужем своим жить не хочет, со мной хочет и чтоб в церкви обвенчали! Прекрасная Елена, сказка такая — Василиса Премудрая, а Елена уж Прекрасная. Я сказки люблю. Ты мне сказки, которые у тебя, отдай. Я прочту. На ночь — молитвы, а сказки потом, когда Бог даст. Елена Прекрасная, вот... — тянул он под вспухающую в кастрюле вермишель, а очередной силовой министр безвольно разводил руками по экрану крошечного телевизора, и брови подымал к младенческому лбу, и жевал губами собственный голос невнятный: сквозь грохочущие помехи женщина жадно следила гримасы на голлом, как яичко, лице, а вермишель булькала — варился ночной суп неожиданному постояльцу. Монаху не монаху, безумному не безумному, юридивому то есть, как там у Даля? от роду сумасшедшему, божевольному, но сколь сумасшедшему? сколь божевольному? Покачиваясь и улыбаясь в сумрачном клобуке, а носил без права, по хотению, нищий странник и ряженный тянул слова, как пел, а в голове женской выплывало, звенело почти колокольное — бомж! бомж! бомж! А он все про Елену, про матушку, как любила, как призналась: ты мне мужа ближе! Я с тобой повенчаться хочу! И взял он матушку Елену с собой, к настоятелю привел, так к отцу Гермогену и привел, а тот келейку дал, а Елене в келейке нельзя, не венчанные, и вообще нельзя, приходиться можно, когда келейку насовсем дадут, а вот к Причастию отца Агапия первым в храме пропустят и к трапезе зовут, это уж всегда, ну и Елене эта жизнь по нраву, не хотела Елена в деревню к мужу возвращаться, скучно ей без отца Агапия и с мужем не хочется, а

милиционер тут как тут: где твой угодник? Я его пропишу! А он, отец Агапий, тогда и ушел, пешком из Елениной деревни по полям и ушел, потому что есть у него еще одна, но та уж не матушка, та сестра, зовут Галиной. Галина городская, из Саратова, и мужа нет. Но с ней не путешествовал, она желала, а он опять ушел. Год пространствовал, а теперь вернется, и билет есть. До Пензы плацкарта! Зачем купированным, если он один. А священные лица теперь купированным путешествуют, дверь запер, и никто не войдет, и милиционер не войдет, если какой батюшка с матушкой едет.

Бормотал, и вермишель бормотала, и телевизор «Юность» тоже бормотал — «Пятое колесо» катилось в сумрачном пространстве, слабо и мутно высвечивая экран: уважаемый председатель, уважаемые депутаты! — кланялись невнятные фигуры из черных и белых точек, посапывал сникший от долгого лая и обиды пятнистый таксик; через семьдесят лет с небольшим в ее роду опять селились собаки, и какая-никакая мебелишка того века стояла по стенам, и книги ждали своего часа — часа чтения или часа пожара, что могло опять быть здесь, что грозило в окна, что подступало к дверям, к чему никто не был готов, и она сама, с весенней одышкой бредущая замусоренными дворами за коротконогой собакой с профилем Нефертити от продовольственного на Горке до булочной у Хлебозавода, но и девушки с нарумяненными лицами, переступающие брезгливо лужи растопленной соли, но и старухи с клеенчатыми сумками и визитками на еду, приколотыми к подкладкам тяжелых пальто, но и Главный с этой несчастной метиной на лбу — все надеялись на чудо.

Не до седьмого же колена...

До седьмого, до седьмого, думала она, наливая в тарелку этот ночной суп, к которому Агапий припал лицом — и только: — Ложку давай! — и заработала ложка, а он, всхлипывая на каждом глотке, обтирал рукавом враз вспотевшее лицо. Но сколь он над супом рыдал, столь и собака злобилась — она была врагом нищих, как и определено у Линнея. С барскою надменностью она приподнимала верхнюю губу, ее нельзя было сейчас прогнать, увести, она была готова и на хозяйку кинуться; многочисленные запахи, идущие от гостя, говорили ей подробней и больше, чем нестриженный затылок или утопленный в подскулях взгляд. То, что было сокрыто до срока, она уже знала и негодовала: тьмы и тьмы неведомых сведений били в замшевый нос. Она даже ноздри, бедная, поджимала. О, как они пахли все вместе — вокзалы и матушки, и та, болящая, у которой он ночевал прошлою ночью, а как утек, так и она назад в душевную больницу, где болела, и шашлыкник, одаривший мокрою луковицей и булкой, закишей от острого соуса, а «Житие Марии Египетской», тоненькая брошюрка с ятями и фитою, та уж благоухала общим вагоном с обязательной дезинфекцией раз в сутки, который аж с самой Сибири подрагивал и скрежетал на стыках, особенно когда спускался с Уральского хребта, то есть и горным хребтом отдавали нечетко ксерокопированные твердые знаки, а особенно станцией Ярославль-два, где отец Агапий и вскочил в поезд; опаздывал, как в храм на службу, но тоже подоспел в последний момент.

... — Молиться буду! — хмуро отодвинул тарелку. — Пса упрячь.

В ее комнате, где перед трехстворчатым зеркалом в самом уголке картонные иконки Спаса и Всех Скорбящих, лишь метнул глазами по мелочевке из бус и браслетиков, скопившихся за уже длинную жизнь и распиленных по шкатулкам и вазочкам вперемешку с усохшими, но державшими облик цветами, и перекрестился наотмашь, забирая перстами много пространства в магический четырехугольник — ото лба к солнечному сплетению и по обоим плечам справа налево, так что слышно было, как ударял себя, и что-то звякнуло — в нем ли самом обломилось или под рясою зазвенело, но он с этим же звоном и хрустом опустился на пол, и рюзовые подштанники обнажились.

— Господи Иисусе Христе, Боже наш, истинный и живой путь, — начал скороговоркою и не подымая головы молитву о путешествующих, в то время как собака царапалась, как кошка, в стеклянную дверь кухни... — состранствовать мнимому Твоему отцу Иосифу и Пречистой Ти Деве Матери во Египет изволивый, и Луце и Клеопе во Эммаус спутешествовавший! И ныне смиренно молим Тя, Владыко Пресвятый, и рабом Твоим Агапием Твоею благодатию спутешествуй, — монотонно, но живо, плача и головы не подымая, молил он о путешествующих и о самом себе молил, трясясь тягостной скорбью, так что отступила в смятении давшая ему приют. И дверцу прикрыла.

— У отца Агапия по всей Руси матушки, — оглядываясь, шептала по телефону регенту, — и вообще он больной человек. Видали бы вы, как он ест!

— Да, наверное, больной.

— И не монах вовсе!

— Конечно, не монах, — согласился, — юродивый. Да не волнуйтесь. Юродивых не следует опасаться. Вы же православная. А утром я позвоню. Он как раз к Причастию пойдет.

И замолчал. За бледным лицом регента, представляемым ею сейчас так отчетливо, и в этой манере сухой доброжелательности — расстояние между ними, может, шагов триста, но не прейти — вставало пространство иной жизни; в нее не постучать и не ворваться, особенно в эти великопостные часы, отданные молитве и бдению, когда в утлой кухоньке, — а что такие, знала, были у нее знакомые в том доме, мимо которого прошли с Агапием, и регент еще показал окна на пятом, Агапию показал и объяснил: здесь живут мои родители, — до поздней ночи, близоруко склонившись над бумагою, а рядом, верно, чайник с остывшей заваркой, соль, ржаные сухарики, переписывать ноты к завтрашней службе, но уже в семь утра в узком черном пальто и в такой же фетровой шляпе, с неизменной бледностью на крупных определенных чертах шагать отрешенно и легко, не замечая растерзанных мостовых и загаженных тротуаров, но и семенящих к автобусам и метро сограждан не видел... Она-то, наша неопределенная героиня, уже давно его углядела, выгуливая стервозную таксу, но в удивление было, что и он ее заметил, когда сказал: мы, кажется, соседи.

— А что он делает сейчас? — спросил регент, и она уловила промельк улыбки...

— Молится, — ответила и повторила вслед гостю и тоже улыбаясь, — Луце и Клеопе во Эммаус спутешествовавший!

— Кому звонила? — Агапий стоял рядом. Не расслабишься. И собака не рычит. Привыкла к гостю.

Наврала:

— Матери.

— Спать на кухне буду. А вот одеялко голубенькое давай. Шелковое. Есть у тебя. И еще спички.

Спички-то зачем? А он уже сам схватил коробок и в кулак зажал. Белье сбросил на пол, а в одеяло замотался поверх грязного платья и, чудно вертясь внутри накрученного им кокона, спеша и путаясь, стал снимать с себя одну за другой цветные ленточки с образками, прикладываясь к каждому губами, жарко постанывая, прощался будто. Не стол — лавка церковная.

— Богородицу на ночь снимаю и рядом ложу, а вот крест никогда! Доктор велел — снимай, просвечу! ох уж я возопил так возопил! — и вытянул, а была обернута вокруг худого остова поясом, священническую парчовую епитрахиль, в пятнах и выношенную, но священную епитрахиль, — красоту постирай, и смотри, женщина, знаю вас, баб, ниточки золотенькие не выдергивай.

Откуда же она у него? Но Агапий, учуяв смущение, глаза закатил благодно:

— Подарок от отца Гермогена, с Афона который. И ты мне подарки готовь. Сорочку, и чтоб теплая, как матушка моя. И еще Елене — юбку как у тебя вот, и кофточку надо.

И тут они оба услышали подземный гул. Агапий задышал неровно, может, решил, что за присвоенную епитрахиль наказание пребудет, а ей, жизнь прожившей вблизи Садовой, как было не узнать тяжкий грохот, от которого городские мостовые наутро лягут изрешеченной копиркой.

— Танки, — сказала и, прислушиваясь: — уходят.

Агапий поспешно перекрестился.

Они вправду покидали пригороды, где почти сутки простояли, замерев на ближних подступах в столицу, среди безликих кварталов бывших деревень, на трассах и шоссе, входящих в город проспектами, улицами, а теперь бросали временные стойбища, рыча и подрагивая спросонок, убирались на постоянные лежки, растворяясь в еще не стаявших снегах, в знобком тумане и смоге, который висел над окраинами от этого медленного предпасхального таяния.

Стирая, а потом высушивая Агапиеву красоту — ветхую епитрахиль, гадала, сколько раз незнакомый, а вдруг знакомый, священник привычно взмахивал над макушкой кающегося, отпуская грехи незнакомым, а может, и знакомым, пока сама епитрахиль — а каким образом подобрал ее косоротый? — не попала к Агапию, а теперь вот она трет и мылит парчовую ткань вместо того, чтобы сказать: отдай где взял! — стирает покорно. На что уповают женщины, когда подают копеечку, когда тянут упирающегося и распавшегося от пьяни забубенной мужика — своего до теплого дома, чужого — до подъезда, когда стирают исподнее безумному, а ведь он ей не только епитрахиль, но и рубаху бросил, да и портки бы кинул, выстирала бы. И мысль о претерпевшей царице и о том, блаженном или хитроване, Божьем человеке или маньяке, — не отпускала, а этот все не спал, жег свет, вздыхал и пел, но тут же и храпел со свистом и сам себя храпом будил, потому что тень его сызнова металась по матовому стеклу кухонной двери. А имя Агапий обозначало любовь... И агапы — вечера первых христиан — отсюда. Но кем же были его родители, коль нарекли так хилого послевоенного младенца и, не забоявшись мира, определили судьбу? Может, монашеский люд призрел сироту, окрестив убогого скитальца Агапием? А он утек из стен монастырских, как от матушек своих, и гонит его теперь по земле.

— Открой. Слышишь, открой! — колотил он посохом в замкнутую дверь ее комнаты с той же силою, что бил накануне в церковную. — Хозяйка, это, как тебя, отвори!

Показалось, что ругнулся, но уже слов не разобрать — разбуженная такса, гневная от недосыпа, зловредно потягиваясь во всю длину растянутого по породе позвоночника, разогрела моторчик, и теперь они оба вопили дуэтом.

На часах было восемь — ни звонка от регента она не услышала, ни будильника, сморенная нынешней ночью.

— Тише вы! — Она сама заорала наконец, и тут они оба замерли, и это было достаточно, чтобы схватить за ошейник собаку и, не отпуская ее от себя, повернуть задвижку.

Вопреки всему Агапий стоял за дверью благостный и тихий, попросил шепотом:

— Гляди на меня.

Руки по швам, лицо подтянулось. Видно, не спал, да и спит ли когда? Кажется, есть такая болезнь.

— Гляди, гляди!

Он был в клубке, с воздвигнутым за ночь крестиком из спичек, торчащим над макушкой, как над маковкой церковной. Поджигатель, раскаялась, но и такса задумалась, взирая на Агапия, а тот прилип к зеркалу, не отводя от собственного изображения млеющего взгляда:

— Вот теперь лик! Теперь красота, и на угодника я похож. На Николая.

— У Николая глаза светлые, — сказала хмуро.

Но он отмахнулся:

— Да уж это десятое, сестрица. Главное, что угодниче преизрядный, как матушка говорит Елена. И милиционер ее, он тоже: где угодник твой, пусть паспорт несет. А ты исподнее давай, в дорогу пора, а красоту в паке-тик упрячь. И плиту разожги, похлебаю супцу.

— А к Причастию?

— Какое ж Причастие, женщина? Молочное ел! Спал на мягком! Вечор не исповедался. Нет, суп буду и чай с вареньем, а ты подарки дари.

— Где мои четки? — спросила дочь перед тем же зеркалом, в котором Агапий и часу не прошло, как разглядывал себя в монашеском клобуке.

Четок не было, но и ничего не было из того, что вблизи лежало, поодаль висело, а в комнате и таилось, и разбрасывалось по коробочкам, и мерцало, и пахло, и валялось вроссыпь, бесценное, как бусы бабушки, грошовое, как мельхиоровые браслетки.

— Как ишак слизал. Подушиться нечем. — Дочка торопилась, опаздыва-вая и на ходу глотая завтрак; на ней был чужой вытянутый на локтях сви-тер, а губы и веки намазаны сиреневым, — странная мода оттуда еще больше бледнила лица здесь, но все так красились, и она сама вечерами, а днем зачем же? — но сейчас не встревала.

Входная дверь, недавно замененная на стальную, хлопнула со звоном. Ушла. Надо рожать много детей, подумала не впервые и запоздало и наме-шала кофейный суррогат в кузнецовскую чашку, а чем скуднее жизнь, тем больше вытягивалось на свет стародавней посуды, правда, и билось больше, но, поспешно собирая осколки, приговаривала семейное: удар судьбы мимо! Такса с ворчанием пустила в кресло, но тут же и устроила свою острую го-ловенку ей на колени, и вздохнула, темный зрачок блеснул нежно, и взрос-лая тетка заплакала посреди поруганного дома, да и жизни, так посчитала, а опомнившись, увидела, что на пустом столике нет и Библии — исчез том, который подарил мужу убитый в прошлом году священник.

— Еще бы с паперти кого позвали! И писать заявление нечего, этот, я так понимаю, продал все, пропил и в Пензу укатил. К матушке, извините. Или не к матушке. И не в Пензу!

Милиционер почему-то в штатском, куртка кожаная не по плечам, в пестрых накладках, видно, из Турции, тощий, востроносый, но усы висе-ли грозно, как у атамана Платова с лубочной картинки.

— Он не пьет, — сказала, — я напишу.

— Тогда изложите суть. Я, такая-то, привела домой неизвестного мне гражданина. А теперь прошу родную милицию вернуть — две точки и спи-сок пропавших предметов. Да я не шучу. Не до шуток. И побыстрее, по-жалуйста. У меня дежурство окончилось, тоже, надо сказать, ночь выпала. Кстати, а вы в эту церковь, где монаха подцепили, не навевались?

— Звонила. Вчера молился и полотенце вышитое стянул. Но сразу отдал.

— С ним ясно! А с вами что? Вроде нормальная.

Предложил «Яву». Сигарет в городе не достать.

— Спасибо, не курю.

— Ну и что?

Она медлила с ответом, он ждал. Глаза цепкие. Придется объяснять.

— Так совпало. Показалось, послушание такое мне. Служение, выпол-нение чего-то. И в монастыре вас сперва в монахи не возьмут. Будете по-слушником.

— В монастырь собрались? Круто! А мужа уведомили? — Он развесе-лился, а она положила на казенный стол, заваленный чужими бедами, и

свой сигнал SOS и пошла к дверям, нахлобучивая капюшон, но милиционер окликнул:

— У меня к вам тоже вопрос. — Теперь он замялся. — Одна знакомая просит ребенка крестить. Не моего, и потом девочку. Сказали, что можно. Я сам крещеный. Не помню, конечно, но крещеный точно. Вы там у вас разузнайте, что надо и как! И когда.

— Сейчас просто. Все время в церкви дети плачут.

— А почему плачут? — оторопел, носом зашмыгал: не такие посторонние — знакомая с дочкой.

— Вы не бойтесь, — успокоила. — Просто крестят много детей, и обязательно кто-нибудь заплачет. Но я узнаю. Я все узнаю.

Бледное от поста и московской весны лицо регента было встревоженным.

— Моя мать очень волнуется.

Еще бы! Адрес и телефон у Агапия, и уже какая-то позвонила, говорит, болящая, просила денег. Или одежду. Что есть лишнего.

Шаркая тяжелыми ногами и сердясь по обыкновению, служительница гасила свечи в пустынном храме, поглядывая в сторону регента и задержавшей его прихожанки: прихожанка не уходила, что-то объясняя, и платок носовой тискала. Явно просилась в хор. Но зачем такая непраздничная женщина? Регент и сам малахольный, на девиц не глядит. Тут такая краля навевывалась, платочек газовый, каблучки, он не взял. Голос есть, сказал, а грамоты не знает. Теперь грамотные толпой повалили, и эта из грамотных — вздыхала, выбирая оплавившийся воск, тетя Паша, Прасковья, которая Параскева, ныне пенсионерка, прежде удалая комсомолка... А те двое все чирикали.

— Там еще конвертик был вложен с дарственной надписью. Я знаю, в церкви многие не разделяют взглядов этого священника, но нельзя отрицать, что он был по крайней мере чистый сердцем и если ошибался...

— Да, да, — поспешно прервал регент, — он ошибался, безусловно, тут и говорить нечего, но это уж совсем к другому. И вы не думайте, что к нему относились предубежденно. Неправда. Раздувают специально, а вот, кстати, наш отец Михаил прекрасно знал его и даже служил с ним. Расхождения — другое дело. Конечно, он ошибался. Но и отец Павел ошибался. И отец Сергей... Они все ошибались. Как же иначе! То есть, наверное, можно не ошибаться, но как Господь положит. А мы люди... Дождитесь отца Михаила, он уже разоблачается. Расскажите — легче будет.

Она присела на лавку возле окна, и сейчас же плотный молодой мужчина с бородкою лопатой, в плаще и с сумкою, перекинутой через плечо, поведal мрачно:

— Мы к трапезе идем. Батюшка устал.

— Все ходят, ходят, передохнуть не дадут, — запрчитала Параскева, что гасила свечи, а простое крестьянское лицо отца Михаила, напротив, оживилось, когда женщина в капюшоне, петляя и путаясь, наконец добралась до развязки, а слушал вначале, как привычно для исповеди, вполоборота, только ухо приклонив к говорящей.

— Теперь такое творится! Ко мне подойдут — пусти на ночь! А я им... — И священник угрожающе взмахнул локтем, будто прогоняя. — Доверчивая ты, ох, Господи! Тут еще у меня прихожанку обманули, любовью поманили, а на руках у дуры перстни. Но я ее не виню. Я ее понимаю... А к тебе твой не приставал? Они ведь, сумасшедшие, чуть что — об этом. Да! И зачем ты его к себе привела? Регент, говоришь, узелки его нес? Ну, регент у нас знаешь какой! Конечно, талант есть и старание... А дома-то упадет, когда муж вернется?

— Не скоро вернется.

Отец Михаил покачал головой:

— Мужчины, они такие, не ревнует, не ревнует — и вдруг!

— Здесь другое.

— Ну, смотри, больше никого не пускай. Дни такие.

— Страстная скоро.

— Я сказал — дни такие, — сердито повторил священник, — легко отделалась.

И скоро перекрестив, пошел к выходу. Бородатый двинулся за ним.

— Батюшка, я ведь в милицию заявление подала! — призналась.

— Что? Тут ты сама решаешь. Тут твое дело. — Отец Михаил развел руками и вдруг с хитрецою поманил, так что она догнала его, зашептал: — Если того увидишь, ты ему скажи: у меня муж в КГБ работает. Вот! Отдай вещи.

— Женщина, мне храм запирают.

Это уж Параскева.

— Ухожу.

Обведя глазами непривычно свободное пространство храма, она вообразила слабогудящее движение людей уже через несколько часов здесь, когда не толпа, но еще и не паства, и голос служки в полутьме, и даже фистулы хоть той же Параскевы, принимающей записочки на завтрашнюю литургию о здравии и упокоении, все полно ожидания и сокровенного смысла, дареного и ей — просто так, *ни за что*. И давняя оторопь детская настигла: она стоит около распростершейся по каменному полу почтенной дамы в фетровой шляпке, недоумевая, что горделивая веселая бабушка рухнула, как больная, а теперь лежит у ее ног, обутой в валенки по скорой зиме, и свечи, которые та ей дала подержать, еще не зажжены и липнут к ладони, а глаза поднять боязно, но она подымает, и вспоминается — Казанская. И вспоминается запоздалое, но — в разуме — Крещение, и тайное — дочери, и разрешенный звон колоколов вместе с прожигающими плечо слезами поседелой незнакомки, что дожила.

И такой свет наполнил душу, что и несчастное лицо искусителя предстало как вживе — вот, в церкви с низкими белеными сводами крадется он сквозь напряженную очередь исповедующихся, зная, что сегодня никто не остановит его, может, только какая храмовая бабулька и скривит губы, а так никто, и он протискивается, толкаясь, в своем театральном клобуке с крестиком, сложенным из восьми спичек, кланяясь и канюча, все ближе, ближе к алтарю и хлоп — башкой, и плачет священнику в колени: бес попутал Агапия! — крестится, бормочет невнятно, слюной булькает.

— Батюшка, прости меня, грешного! У нее, у богачки-то, всего много. Иконки какие хочешь — и Спас, и Скорбящих, и Никола, и Михаил Архангел. И бумажные, и доски-то, а я бумажные только, а со стен ничего, и в шкафы не заглядывал, вот те Крест! А скляночки, каюсь, батюшка, склянки-то пахнут сладко, да я не себе. Я сестрицам своим. И юбку я просил, а она не дала юбку цветастую, сказала: нет у меня! неправду сказала, отказала нищему, я ей — вона юбка, а она — не юбка, сорочка, жалела больному, ну и еще ниточкой блестящею соблазнил, а камушки-то светятся прямо, глядят, как детишки просят: возьми сестрицам, у сестриц-то ничего такого... Прости, Христа ради, каюся...

Утомленный объяснениями, в Пост Великий особенно долгими и подробными, когда и про исподволь совершенную житейскую чепуху, как с соседкою ругалась или еще что съела скоромное ненароком, пропустить никак нельзя, исповедуясь, а молодые — те все про любовь, а интеллигенты — об унынии и гордыне, пожилой уже священник поглядит прозрачными глазами, взмахнет епитрахилью, перекрестит плешивую голову самозванного монаха, поистине большого Агапия, сироты с младенчества и бомжа, как из больницы душевной вышел, и отпустит грехи. Ему скорее, чем ей.

— Почему написано — блаженны нищие духом? — вопрошала тетя Паша почтительно внимающих ей церковных нищих, стоя как раз на том

месте у ступенек, где вчера, и суток не прошло, возник Агапий и окликнул: сестра!

Нищие молчали, а тетя Паша сама и ответствовала, туго натягивая черную косынку, поправляя барашковый воротник пальто — от близкой реки порывами дул ветер.

— А потому, что когда не знаешь чего, так и страху нет. А когда знаешь — другое совсем! Я к своей невестке приду, а она мне: у тебя, мама, каждый день праздник. Разве так проживешь, мама? Ты, мама, и меня праздновать заставляешь, а мне стирать нужно. Я раньше, говорит, всегда в праздник стирала, а теперь вот побаиваюсь. А я ей: тебя, говорю, Господь через меня просветил, а ты ноешь. Спасибо скажи! Тут подруга моя на Николу зимнего весь день провозилась, помолиться некогда, а на нее во сне коршун налетел и в руку — цок! Проснулась, а на руке рана. И так болела, так болела...

Параскева все с важностью объясняла нищим, те кивали согласно, поскольку нищие, а только что каждому дадено было ею по просфорке, были свои, судьбою приписанные к этому храму: инвалид неизвестно какой войны, но с орденскими колодками, привычно выставляемыми напоказ, да две пожилые подружки, они всегда держались вместе, сцепившись руками, и копейку делили пополам, да еще юноша с дергающимся глазом и потрепанным дипломатом...

А женщина в капюшоне, сперва оглянувшись и перекрестясь, а потом уже и без оглядки, уходила все дальше и дальше от них: она спешила домой.

У булочной хлебозавода, а кроме булочных сегодня магазины не работали, застыла длинная очередь старух, хотя дверь, перед которой они ждали хлеба, была заперта, а на двери наклеено объявление — «хлеба нет».

Но старухи стояли и ждали.

Господи, думала она, шагая вдоль черных сугробов, спутешествовавший нам, Господи, как спутешествовал Луце и Клеопе, шедшим во Эммаус.

МЕЖДУ ТЕМ

Конспекты

Пумперникель. Фирма оплатила, и он поехал в Петербург — выговаривали торжественно Санкт-Петербург, раньше не чеканили, посмеивались над чопорными питерскими «че»: что, конечно, вот и Лихачев, академик, тоже — что, а его предки московские: *што, дочь* и, конечно, — *конешно*, так вот, фирма оплатила, и, покидая свое одинокое логово с устоявшимся запахом гречки — казалось, что распаренной гречкой пахнут и старые книги, — запирая дверь и ключ поворачивая, не уверен был, поедет, нет. Не знал, а может, думал, что не знал. А когда от подъезда шагнул, сразу попал в замесь талую и в воздухе и под ногами, уразумел: вернуться надо, тяжело в дубленке, лучше, как обычно, в курточке на рыбьем меху, но решил — несолидно в курточке, если от фирмы. Слово вынулось чиновничье «несолидно», а сказал вслух, еще дома, поглядев в зажатое книжными полками тусклое зеркало; светильник в передней был тусклый, собственное лицо опять удивило морщинами, обмякшим подбородком. Он только привыкал к своему новому облику, только привыкал, потому и дубленку напялил. Нафталином пахнуло, но тут он не растерялся, вылил на себя пригоршню кельнской воды, чтимой еще с тогда, *когда не достать*, и понял: волнуется, потому и сердце частит. И все равно теперь шел дворами, нехстати благоухая, преодолевал метель, и мысли метались, и одна особая мельтешилась — ну почему эта дама из нынешних, грузная, с поджатыми

губами, а вокруг девочки-тонконожки и молодцы с тяжелыми головами, розовые щеки сквозь щетину, и в мерцающем поле всяческих интернетов среди прочих — он тоже! И она его держит...

Держала и называла *эксперт*, и эксперт приходит к двенадцати, и через часок все, и он тоже, как все, пьет кофе под треск факсов, гранулированный, с сухими сливками и булочками из кондитерской по соседству. Разве мог он предположить, мэнээс вечный, что будет являться не каждый день и пить этот кофе, сам-то ценил обычную арабику, которую, как и воду кельнскую, *тогда не достать*, хотя арабику проще. А ныне без восхищения гонял казенный напиток, и булочки с начинкою пластмассовой крошила рука. Задумавшись, он всегда крошил хлеб, мял листочки бумаги, салфетки или там носовой платок тискал, и дома, глядя в ящик из промякшего кресла, а глядел всегда жуткие новости, других не показывали, сыпал крошки на блокнотик с записями, вздыхал, ерзал, шептал: Прости, Господи! вот сижу в тепле и жую, взираю на этот смертный ужас, а как можно под такой кошмар, даже если вполуха, вполглаза.

Но еще подкрадывалось опасное — что завтра, если не эксперт?

Пока эксперт! И мог покупать в расплодившихся магазинчиках упакованные в прозрачное ничто папиросные листочки копченостей или там «Butter Cookies», датское сливочное печенье в жестяных банках, которым так любили хрумкать курсистки в этом самом Санкт. Да и вдовствующая императрица сбегала в милую сердцу Данию с какой-нибудь статс-дамою: высокие затылки с тяжелыми пучками гофрированных волос — ох уж эти Миллэесы и Россетти! А шляпы дымчатые в фиалках ли, незабудках — в сине-лиловых цветах начинался век, — и мелкими глоточками пить дымящийся кофе, модный шоколад, а узкая монаршья рука крошит «Butter Cookies». Откуда известно сие? Где написано? — спросила бы невестка, еще лучше, как она умела, — по какой программе сказали? А вот сын присвистнул, когда увидел батарею пустых коробок и на каждой хороводом крендельки, ромбики, бомбочки рассыпчатые с изюмом, такие бы внукам для игр, но внуков не было, и сын велел: порадууй бомжей! Снеси на помойку! Но он не послушался, это жена покойная любила выкидывать, а он и елку не желал разбирать, жалел до дрожи! И упрятал следы тайноедения в обширную полутьму александровского буфета.

Наш герой давно не выезжал никуда, потому, верно, и ехать не хотелось, но ноги бодро шли-вышагивали. Ссутулясь, он уже и двор миновал, и фургон на колесиках, где покупал хлеб, то есть мог вернуться, наврать, что билета не купил, но припомнил работодательницу: билет всегда возьмете. У людей денег нет, — губы поджала простецки, взгляд исподлобья подозрительный. Когда познакомили, молчала долго. Потом сказала: я вас, наверное, возьму.

Если ветер в лицо, загадал, не поеду, скажу — ангина, а доклад пусть перегонят, но из переулка вышел: на Валу тихо, бело, и троллейбус, как нарочно, и билеты на вокзале — пожалуйста, даже место досталось нижнее. Одно только: до отхода поезда часа полтора, и придется сыну звонить, раз уж едет. Карточку покупать не хотелось, и глаза сами уперлись в открытый павильончик с телефонами у каменного вождя; того, конечно, не убрали, да и уберут ли когда мрачную голову на столбе? и он спросил у надзирающей девушки, чем-то похожей на стюардессу его юности, ногами ли в лодочках, жакетиком синим с пуговичками, спросил: а в Москву звонить можно? — Можно, — отвечала без улыбки, — но у нас дороже!

Новые почти всегда были без улыбки и предупреждали о цене. Вид у меня такой, думал он каждый раз, что-то во мне не то. А голова подсказала — старость, старость всегда не та. А сердце упрямылось — не надо было в дублинке ехать, в курточке современнее. Моложе... Невестка еще долго бы вопрошала пространство, пока он не отзывался, затаясь, надеялся — сын возьмет трубку, а тот не брал, пришлось ответить, и она неожиданно

всполошилась: а где же вы будете жить? — и еще добавила: — Не простудитесь! Он не стал спрашивать, где сын. Как-то спросил, и, в общем, чужая женщина заплакала. Он испугался. Жена, та умела влезать в душу, а ему только бросала: эгоцентрик!

В боку кольнуло, он не хотел вспоминать о жене... В общем, выходило, что невестка опять виновата.

Он обнаружил не самый лучший на этом вокзале зальчик, бедную рондочку, но зато в стороне от киосков, толпы, музыки из этих киосков, изобилия чепухи, газет, кассет, книг в обложках, так презираемые им спортивные костюмы, красно-желтые, сине-красные. И кресло определил себе такое, чтобы никто не приваливался; справа и слева женщины-пассажиры его лет и даже похожи чем-то. Он теперь и в метро, и в магазине, оглядывая лица, ненароком примечал возраст и с облегчением вздыхал, если понимал — он не самый старый, и тут посмотрел: разные люди сидели, ждали, спали некоторые. Запах был тяжелый, верно, шел с кухни пищевого заведения, где жарили, а жарили до сих пор на тавоте; так вот он сел и портфель набитый поставил рядом, сумку у ног устроил, блокнотик достал, очки со складными дужками — записи просмотреть, но мелкий, испорченный ранним астигматизмом почерк раздражал, как и сам текст, и лампы жужжали, и душно было, а он еще и ручку уронил, а когда нашарил, обтер салфеткою бумажной, захваченной из дома на случай. Обтер, ручку спрятал, но не уgomонился — книжку извлек: письма одного русского философа к другому; русского, а потому, может, и не философа — философствующего, а разве мало? стал читать, теперь читай такое не таясь, не вздрагивая, тащи в путешествие, а он себя уже и путешественником читил, и философы, оба, согласно закивали, как божки китайские на старой этажерке, зашебуршали непонятное, и он слух напряг, но не услышал, задыхал неровно, покрываясь испариной, вздрагивая, и соседки его тоже вздрогнули разом от внезапного храпа мужского рядом и теперь глядели на спящего. А лицо того стало беззащитным.

...Во сне он спал. Плыл куда-то, спал, плыл сквозь сон, раздвигая волны сна руками, казалось — не то грипп начинался, не то жизнь кончалась или осень. Но не боязно было. И, раздвигая толщу золотистого, и в пасмурности золотистого, воздуха — не воды, нет! густых облаков, тумана, листьев, плывя в каких-то неведомых переулках, но так похожих на любимые Пречистенские, которые тоже плыли, снились, — он ощущал влажную морось и сознавал, что плачет, но хотелось понять, над чем, запомнить обязательно, а чтобы запомнить, записать надо, и он открыл привычную тетрадку и перевернул страницу, но страница была чужой — она ему не принадлежала — и тоже уплывающей, струящейся в странном золотистом свете, который никак не кончался, а шел откуда-то сверху волнами. И тогда окликнули: пумперникель!

Позвали. Он сам или его? Откуда вынулось слово? Пумперникель — пряник, темный, гвоздичный. Германский? Датский? Голландский? Двадцатый век начался, но еще бредет девятнадцатый, и в лавочках на Невском продают пумперникель и кукер, лучшее печенье и лучший пряник в спокойной Европе, и фиалки из Пармы. Боже мой, как много он знал ненужного, не бывшего с ним и волочил через жизнь; бедное тоталитарное дитя должен был помнить другое, очнулось это. Зачем?

...Умирают старые слова. Никто больше не скажет: жасмин благоухал.

Как стремительно уже на заре нового века превращались эти речения в тяжелые фолианты необходимых давно прошедшему — плюсквамперфектум — изданий с обрезками, с папиросными бумажками, нежно хранящими репродукции достоправных картин, обстоятельные литографии, карты изобар, ветров или расплавившихся империй. Это уходило, уплывало, и он уплывал, напичканный идиотскими знаниями, а он так любил свой ненужный гнозис, так лелеял тяжелые бессмысленные тома канувшей Атлантиды... И

юная сослуживица после командировки — не такой, питерской, а настоящей, туд а, — одарила его пряниками, уложенными в серебряный цилиндр с выпуклыми, тоже будто серебряными фигурами — рыцари, трубадуры, ремесленники, и дамы сердца, и крохотные киндер, и что еще? кирпичи, замки и коротколапые собаки с саблевидными хвостами... Он жадно вдыхал пряный гвоздичный аромат, сладкую горечь корицы: не принимая транквилизаторы, страстно жевал сахарное, сдобное, шоколадное, успокаиваясь, портил зубы, и успокаивался, жуя такой вот пряник из Аахена, где он никогда не был — *не был, не состоял, не участвовал* — и, кажется, не будет: ни в Аахене на юге, ни в Бремене на севере... Но все-таки аахенский пряник — не таинственный пумперникель! Привыкший говорить вслух с собою, он с подозрением огляделся — но сограждане были безучастны. А что нынешняя жизнь? — подумал он по обыкновению, — тоже уплывет. Так воображал, всматриваясь в фигуры, тела прикорнувших, замерших в дремоте ли, в ожидании людей, в их лица, хмурые, с зеленцой, в скверно обутые ноги. А шапки почти у всех, у мужчин и женщин, были меховые, хотя потертые; куртки вроде справные, как его собственная, на рыбьем меху, оставшаяся дома, но сидящий перед ним — стулья-креслица здесь были, как в кинотеатре, — хозяин похожей курточки к ее ядовитому цвету почему-то предпочитал красный шарфик, почти детский, а соседка справа рот открыла безвольно, руками как вцепилась в крупную кошелку из полуматерии-полубумаги, набитую, верно, необходимыми ей свертками, сложенными комком, и неряшливая фланелевая тряпица оттуда свисала — но женщина, чтобы скарб не украли, своей странно поставленной тяжелой ногой еще эту сумку и придерживала.

— Судари и сударыни! Граждане и гражданочки! Билеты попрошу предъявить.

Милиционер, крупный, здоровенный, будто деревенский, и почти ласково объявил, но зал дрогнул, какой-то вздох прошелестел, и все задвигалось, завозилось, зашелупонилось, и он сам, истерик несчастный, вспотел ладонями — куда билет сунул: в пиджак? в карман дубленки, в бумажник — куда? а нашел сразу, только рукой потянулся — здесь! вздохнул с облегчением и обомлел, оглядываясь. Никто, кроме него, кажется, билетов и не искал. Все прочие замедленно аккуратно собирали вещи, вещички, пакеты пластиковые с выцветшими картинками — а чемоданов ни у кого и не было! и неуклюже вставляли, молча в затылок, в пионерскую линейчку, в зековскую череду, и медленно и мимо розовощекого представителя закона, а тот уже был не один, с ним еще двое, помладше чином и ростом поменьше, томились, скучая, пока эти выйдут, а эти — шаг за шагом — к высокой двери, не глядя ни на службиста, ни на его подручных, ни на редких сударей и сударынь. Но и друг на друга не глядели, а как заведенные шествовали, обреченно, но не стыдливо, тихо, но не покорно, волоча ноги или под себя подгребая, как та женщина рядом, оказавшаяся не ровесницей, а крепкой еще бабенкой с размазанными от спанья губами, так она еще и прихрамывала, постукивая ногой, и потому была последней. Отстала, когда они уже удалились, исчезая, один за другим, но все вместе.

— Куда они? — спросил кто-то.

— На Курский, — ответил милиционер, — а там уж, — и пожал плечами.

Но он был один из них! черствый, усохший пумперникель. Он должен был встать в затылок впереди идущему, согнуть плечи и в потусторонней почти поступи исхода уйти, раствориться в промозглой крошечности города, в бензиновой вони, пропасть в темных дворах, в затхлых подвалах, в последних вагонах последних электричек, а он сидел сытый, в общем, здоровый и сейчас заметил: ногу на ногу положил. Новая жизнь подобрала его, а он не понял почему, а вот милиционер понимал, сказал и в билет не заглянув: что вы сидите, поезд ваш подали давно!

А он невпопад про бомжей — они же замерзнут! — это к тому, что соседка его еще ковыляла, постукивая.

— Холодно? — услышал сердитое. Женщина справа, так похожая на ту, что была раньше слева, и одетая так же: шапка, сапоги скверные — это она сказала. — Не знаю, как вам, а мне так с ними и сидеть противно. Не чувствуете — воняет? Они же и пикают под себя, пьяницы.

И он действительно усмотрел темные разводы на полу.

— Поезд на Мурманск через час, а моя дочка-дура — по магазинам. Но чего уж тут такое есть, чего у нас нет! — не унималась оставшаяся, — были бы деньги. — И опять к стражу порядка: — Уборщицы когда появятся?

— Уборщицы идут! — взревел милиционер.

Так выкликают: суд идет. И эксперт, хотя и неподсуден, потому что с билетом, рванул с места, а тут еще голос сверху про посадку объявил, так он побежал почти, чтобы в ритм тех шагов не попасть. Не бежал — несся. И, не чувствуя пожилой грузности, вылетел на платформу, едва не сбив милое создание, улыбнувшееся блестящими черными губами.

И вот он уже бойко шагал по перрону наравне с другими, и поезд ждал, а все вокруг шли, перегоняя друг друга; он сам перегнал длиннущего акселерата с лыжами и в шапке гнома, так, смирившись, обозвал убор спартаковский, а тому, с лыжами, махали руками такие же у следующего вагона, но он его опередил, шибко скользя подошвами башмаков, и к этому вагону прямо подкатил, развеселившись. И потом, уже сбросив так тяготившую дубленку и живот поджав, чтобы не мешать проходящим пассажирам, носом к стеклу — наблюдал вокзальную чехарду. И, выпренокно вопрошая пространство: какая она, эта жизнь? какая? застеснялся, будто можно было подслушать его вечный монолог в одиночку, выдохнул, шепча: такая, такая! Еще ниже голову опустил и увидел свои руки с вдавленным обручальным кольцом на безымянном пальце левой и темные пятна на коже, которые, появившись, уже не пропадут, а только расползутся, погустеют, и вместо вечного своего ответа: такая, такая! — прошлестел безмолвное — жизнь.

Мисюсь, или Школьная программа. Она продавала, он покупал.

Покупал-перекупал: квартиры, коттеджи, садовые участки, складские помещения, офисы, гаражи — смотри «Экстра М» и другие газеты, но и компьютеры с Формозы или матрасы из Словении «здоровый сон» — их он тоже брал.

А она продавала.

Бокалы со звоном, грациозные рюмки для ликера и пузатые коньячные, розетки и вазы, — о, какие вазы! — для цветов, фруктов, печенья, что еще? граненые штофы и графины, нарядные чешские и нищие советских тридцатых; ее мать любила симметричное — ваза изумрудная и такая же рубиновая, конфетница лиловая и золотая конфетница — теперь одинокая рубиновая пылилась в комиссионке на Брестской, а парная в постепенно освобождающейся от всякого скарба квартире. Отец умер лет двенадцать назад, почти сразу, как она уехала с французским мужем, с которым и рассталась сейчас, бабка умерла несколько лет спустя, а мать этой весной, и вот теперь она продавала. Мебель, посуду, вязальную немецкую машину и швейную, похожую на письменный стол, — кто-то, обознавшись, прислал литератора, но литератор не огорчился, схватил залитый чернилами том «Молодой гвардии», первое издание; здесь все можно было купить — книги тоже, но и кофточки, лифчики, панталоны трикотажные, пояса атласные, сделанные на заказ еще для бабки, по экономности старушечьей ни разу не надеванные, с висячими резинками для чулок, пуговицы, металлические крючки, простыни, подушки, покрывала китайские и тканевые одеяла, и это было разложено на еще не проданных, но продающихся

диванах, креслах, кроватях и, когда они утекали в свой черед, перекочевывало на пол такими же аккуратными стопками.

Если звонил домофон — покупатель! она приоткрывала массивную дверь, разом отступая и высовываясь, как птичка из гнездышка. А гнездышко было просторным, фундаментальным, явно в когда-то ведомственном доме для каких-нибудь особых инженеров, особых мозговиков, не главных, но особых руководителей, вряд ли особистов; это в хрущевскую эпоху их селили стадом, а после войны распределяли с равномерностью по возводящимся зданиям в стиле помпезной школы Жолтовского: почти палатца и колонны под крышей. По ее парижским расчетам, дорого — квартира в таком доме и вид на столицу с восьмого этажа!

Ушедшие в мир иной были хозяйки, не перекаати-поле, а от не выдержавшего ее бегства отца оставались сбережения, так что в период *отпуска* цен женщины запаслись по полной программе, и помимо хрусталя она продавала потекший «Эдельвакс» для натирки полов и пожелтевший «Био»: они шли ящиками — три рубля за штуку, или окаменевший «Лотос», а поскольку и рукодельницы, то заливившие от стирки вышитые трудлюбивой гладью и не менее трудлюбивым ришелье столовые салфетки, скатерти, полотенца и еще крохотные салфеточки для рюмок, чтобы на скатерти не было следов. Как вы догадались, винные следы пятнали эти салфетки. А еще продавались катушки с нитками и шерсть в клубочках и кофты, связанные из этой шерсти, но и присланные оттуда кофты, сберегаемые женщинами, одной старой, другой стареющей на потом, на потоп, на черный день, и старомодные и не очень сапоги, туфли, тапочки. Много тапочек... Те женщины любили гостей.

И среди всего этого она вставала утром и, облачась в мышинный костюмчик, завтракала на еще не проданной кухне из непроданных чашек; она как-то заранее определила, какую оставить на конец. На финал. Пока не упадет занавес, то есть пока не продаст квартиру, хотя продажа квартиры, особенно в связке со странными людьми, возникшими будто из небытия на ее родине в последнее десятилетие, всякими риэлторами, менеджерами агентств с мистическими названиями, казалась потусторонней; она никогда не принимала этих людей одна, звала соседей или давнишних подружек матери, те ахали, охали, возводили руки, утирали слезы, но каждый раз что-то покупали — заколки-невидимки, ведро эмалированное с крышкой, щетку или все тот же «Эдельвакс».

Сама она была уже почти француженка; ей нравилось, что на французском пишет, куда позвонить и кого ждать; обуглившись там, она не ошарашилась жизнью здесь, и что, спустившись во двор и выйдя через знакомую с пионерского детства арку, по-прежнему саднящую гуталином — дверь в сапожную мастерскую айсоров всегда запахнута, — она купит привычный пармезан к кофе и завтрак маленьких собачек — для своей Мисюсь.

Мисюсь, похожая на шпица узенькой мордой и твердо стоячими ушками, с пушисто-шелковистой шерсткой, черноглазая и вострая, как госпожа, жила у нее с тех пор, как в очередной приезд в отечество скончался от крысиного яда пикинес Чапа. Тогда сразу, нет, не через месяц, не через три дня — сразу же, — она взяла Мисюсь: поехала на Птичку со свойственной ей, но и наследственной энергичностью и взяла. В такси туда она плакала молча; тушь, хотя парижская, расплывалась, глаза пекло, она облизывала сжатые губы и снова плакала, слез не вытирала. Но, расплатившись, припудрила носик и сызнова подвела глаза. И купила Мисюсь. Если бы в ее привычках было догонять ушедшее, она могла бы остановить того таксиста — такси было проблемой, но глаза в щенячьей сизой пленке уже встретились с ее угольками, и теперь вдвоем, она и Мисюсь за пазухой, неспешно побрели к автобусной остановке; слезы все равно текли, Мисюсь делила ее горе: мать и бабка здесь, и пока еще муж парижский — не в счет.

— Эта квартира не стоит столько. Поверьте мне, — сказал он ей почти галантно, обычно грубее говорил. Но тут за ее острыми плечами, не по лету укутанными во что-то трикотажное, серенькое, стояла, видимо, специально приведенная для свидетельства или обороны тощая старуха, смутно напоминающая нечто из школьного кошмара, кожа — географическая карта, в венах, и тревожно взирала расширенными зрачками, теребя брошь у горла. Камея была настоящая, он в этом понимал и представил, как она поползет к себе в какое-нибудь Выхино с тремя пересадками — так решил, или даже в соседний подъезд, ну, на другой этаж, тиская ворот, и брошка расстегнется, конечно, она ее уронит обязательно, потеряет, если в метро — безвозвратно, а тут, в доме, они будут долго искать — обе, старая и молодая, светить фонариком, чиркать спичками, зажигалкой... Но и себя он представил в их вопрошающих глазах — крепкого и с бритым черепом, сильно приподнятого над землей толстыми подошвами необходимо начищенных ботинок, в черной джинсовой тужурочке — такой крутой. Он себе понравился и потому усмехнулся:

— Да здесь один ремонт не меньше двадцати тысяч зеленых. Не меньше. Она даже не расстроилась — у меня все равно нет документов.

Он опешил.

Она объяснила — забыла. Там.

— Если будет покупатель, слетает. — Это старая сказала строго, ей сказала, и оставила брошь в покое.

— У вас подъезд не в порядке. Надо целиком подъезд брать, — задумался.

— Возьмите, — попросила, — я поговорю с жильцами! — даже горячность проявилась, но сразу завяла — айсоры никогда не согласятся. Сапожники. У них на крыше голубятня.

И вдруг глаза ярко почернели — он удивился, как у нее антрацитово блеснули глаза, — и поманила, отступая в глубь этого сумасшедшего жилья, магазина промтоваров, галантереи времен развитого социализма — это он потом, потом с ненавистью так обзывал, а тогда пошел как дрессируемый в клетку, а она ворковала торопливо: смотрите, смотрите, у меня тут много чего. Может, захотите купить? Вот люстра хрустальная, с подвесками, а вот другая — поменьше. Да вы не туда глядите! Эту люстру я еще не сняла, она на потолке, — и мелкие зубки обнажились, когда она задрала вверх безрумяное личико, и собачка тыркнулась ему в ноги, туго, жарко, она все время так тыркалась, пока они разговаривали, — не то патрулировала, как эта с камеей, не то ласкалась.

— То, что я хочу, — не продается, — сказал он.

И ушел. Спустился на дребезжащем лифте, точно, если по делу — надо подъезд покупать, и, распахнув массивную дверь, изувеченную кодовыми врезками, сразу увидел айсоров: они восседали на лавке под тополями, уже набрякшими горячим июньским ватином, будто специально ожидая появления некоего анонима из этого парадного и внушительного прохода его к собственной «ауди». А выезжал из арки на боковую асфальтовую дорожку, давешняя старуха, но уже в плаще до пят, он ее в боковом зеркальце заметил, бодро и прямо держа спину, волочилась в невнятную глубину проходных московских дворов, нагруженная сетчатыми сумками. Когда-то они назывались авоськами. Он принял это за добрый знак, не подозревая, что и сама тень ускользающего существа с авоськами из реестра давно покинутого, изжитого успешным столичным провинциалом есть опасность оглядки — издревле опасность. Не понял! И потому вернулся и на глазах торжествующих айсоров набрал номер ее квартиры. Она открыла не спрашивая...

Лето было грозovým, грозящим планетарными катаклизмами, услада партии зеленых, чтобы приковывать себя цепями к оградкам, рельсам, надувать воздушные шары с апокалипсическими письменами, и бросать дымовые шашки, и бросаться на лодчонках под пузо гибельных линкоров —

так лихорадило: засушливый воздух прорывался, арктический холод хватал за горло, но подступала азийская жара, ртуть в барометрах падала и возносила — по мобильнику не дозвонишься — бури на солнце, ветры, близкие к урагану; рушились, разбиваясь в прах древесный, мощные деревья, пыль городская смерчем крутилась, а он почти каждый день заезжал к ней, и она с легкостью отзывалась, тихо, почти смиренно, ни о чем не спрашивая у него, ничего не говоря про себя. Он не мог ревновать, знал — у/ней нет другого мужчины, и, похоже, давно нет, но и понять не мог — ждет она его или просто торчит дома, а он застаёт ее случайно. Решил привезти вина, удивил, французского! она отпила чуть, вертя бокал за ножку, кося глазами на играющие грани. Будто оценивала.

— Русское стекло.

И задумалась.

— Почему? — поинтересовался.

— Как в комиссионке. Минус двадцать процентов.

— А это сколько?

— Покупаешь?

После вина ее губы были как червленые. Кажется, они улыбались...

Он сторговал у метро розы, тяжелые, восковые. Домофон долго не отзывался, айсоры уважительно, даже сочувственно наблюдали, пока наконец откроется парадное перед ним, с обременительным букетом в руках. А у нее теперь не было подходящей вазы, и она бродила по квартире, заглядывая в пустые шкафы, и Мисюсь, постукивая коготками, за ней, а когда они ничего не нашли, села на табуретку, поджав колени, и стала срезать шипы, укорачивать стебли, обрывать лишние листья, медленно, сосредоточенно, по обыкновению молча и вроде специально тянула время — и вдруг кинула цветочный ворох в мойку, где засыхали невымытые чашки. Кстати, чаю или кофе она ему не предложила ни разу...

Сказала утвердительно:

— Спешись.

Конечно, он спешил, всегда спешил, но и она срывалась к любому звонку. Она продавала. Однажды он пришел к ней — огромная квартира во тьме: у нее купили люстры. В следующий раз не было дивана. В другой раз мойки, в которую она швырнула розы. Но и шкафчиков не стало кухонных, и стола пластмассового. Господи, и его кто-то возжелал, пожелтевшего шестидесятника на слабых ножках, наперсника кухонных застолий, молчальника и соглядатая тех споров... Но современный благополучный человек, по крайней мере себя мнящий таковым — кирпичный дом в 40 км от МКАД, с гаражом, газоном и обязательной охраной поселка, жена, похожая на фотомодель, и парень двух лет, похожий на него, — ежедневно вступал в мир исчезающих предметов и теней, где она, эта женщина, одетая во французскую фланель гонконгского извоза, казалась не то продавщицей призраков, не то воплощением другого света, или того, в конце концов. Мистический эротический триллер — он пытался шутить, подымаясь в колымаге древнего лифта, где зеркало в подтеках и деревянные двери, которые надо открывать самому. Но подымался и открывал, и с первого дня не покидало ощущение, что все это ему знакомо, было с ним, с нею, именно так, не иначе: скрипучий лифт, мрачные айсоры на лавке, аэродромный гул магистрали за высоким трехстворчатым окном с фикусом в ржавом горшке и неминуемая мысль о его, фикусе, дальнейшей участи.

Случилось, он заехал к ней утром — время необычное для свиданий, — и она была явно удручена. На полу лежали свитки бумаг и письма, письма, письма. Озабоченная Мисюсь едва вильнула — ее слишком донимали запахи из вороха памяти и беспамятей, непереносимые для собачьего существа: морда скукожилась, а сама Мисюсь нервно подчихивала. Путем, что почта — электронная, и какой-нибудь лабрадор, потомок его нынешнего, не заболает от прошлых ароматов, а хозяйка Мисюсь уже скармливала той шоколадные

конфеты из только что принесенного им узорного сундучка фирмы «Коркунов», и надо же: нос Мисюсь стал влажно поблескивать. Зараза! — решил он, не зная, о ком, но раздражаясь на обеих, а женщина оборотилась через плечо — жилки вспухли на шее, шея будто с лишним позвонком, что-то жалкое в ней мнилось сегодня, — и привычно мешая «ты», «вы»:

— Купите мне минералку. Пожалуйста! Когда выйдешь из арки, направо. Лучше «Славяновскую».

За сезон свиданий — единственная просьба, если не считать раннего моления о покупке подъезда. Но он не врубился! Тут они и поговорили. А ведь мог выпасть им другой случай: его не донимала бы важная встреча, отчего виски загодя давило, у ней — аллергия на бумажную пыль не схватывала бы дыхание, Мисюсь не дрожала бы мелкой дрожью совсем некстати, и получился бы возвышенный диалог, а не дребедень пустая, от которой мучаются горожане, страдающие от недостатка кислорода в крови, и прочее, и прочее...

— Что за воду ты пьешь? «Славянскую»!

— Не «Славянская». «Славяновская», — поправила. — Был такой профессор Славянов.

— Какой?

— В панамке, — прищурилась, и лицо дернулось.

Они лежали на ковре; кровать двуспальная уплыла вместе с остальными атрибутами родительского супружества, выпавшего на урочные годы, но ковер текинский здесь. Вчера ждала покупателя. Из-за ковра она, что ли, убивается?

— Не знал про профессора. Думал, славяне.

Вспыхнула:

— Все вы сейчас тут... «Славянская». Еще лучше евразийская!

— А почему нет? Пространство евразийское. Назарбаев сказал.

— Назарбаев?

Она даже закашлялась и потянулась к своей профессорской воде, и пила, по-птичьи закинув шею, но угольки, враз загоревшиеся, с него не сводила, так и пила, уставившись, и он узнал этот неумолимый взор, когда-то донимавший его беззащитную подростковую, нет уж! он давно не ученик, но она точно — учительница, как та старуха с камеей, и спросил, не сомневаясь, хотя знал — правды не скажет:

— А кто ты по профессии?

Поймал! Она помолчала.

— Видишь — продаю.

— А за кордоном?

— Разное.

— А живешь на что?

— Иногда на пособие.

Голос глухой, а рука гладит Мисюсь.

— А зачем же ты едешь туда?

— Мне нравится жить там.

Нахмурилась и вдруг яростно чернея глазами:

— У вас есть теща?

Про жену — никогда.

— Ну есть.

— Тогда возьмите ей мыло! Даже если стиральная машина, женщины любят стирать простым мылом. У меня его много и совсем дешево, — и рванула к встроенному в угол громоздкому шкафу, и, пригнувшись, — пятки розовые мелькнули, она вообще любила ходить босой — вытасила на середину пыльный ящик и крышку разъяла, отдирая неподдающуюся клейкую бумагу, и он увидел упакованные в одервеневшую обертку, в ней будто опилки торчали занозами, кирпичики мыла, и на каждом куске оприходовано тяжелым прессом — 72%.

— Возьмите, — велела. И улыбнулась сухой европейской улыбкой: — Вашей теще будет приятно. Всего пятьдесят.

Он разозлился.

— Кто ты такая?

— Я не из этого города, — сказала она.

— И я не из этого, — сказал он. Взвалил на плечо оказавшийся неожиданно тяжелым картонный короб, оставил полтинник и ушел.

И зарядили дожди, обыкновенные для августа здесь, с пузырями по лужам, многоцветием разводов бензина на черных тротуарах и запахом бензина и влажной гари — свербящим духом большого перенаселенного пространства, но, торча в автомобильных пробках — хоть бросай тачку, лезь с гражданами в метро, — он опять пытался понять, почему он сбивается, теряет себя, привычного ему и другим, бесконечно ведя несуществующие разговоры или мысленно поднимаясь на достопамятном лифте, обхватывая за плечи меркантильную продавщицу и насадную училку с хлопотливой собачкой у ног. Кажется, шпицеподобная тварь и не гавкала никогда. Было в этом не однажды пройденное... Он ударил во сне свою ускользающую партнершу — так уж ему во сне захотелось, но и в воображаемом пространстве она выстояла; он ничего не добился, и только накапывало: шершавые ладони, которыми она закрывала лицо, и, когда он отводил руки, она всегда сжимала их в кулачки, а ногти были обкусаны.

А ездил мимо, так получалось, и, возводя взор на имперскую пирамиду, не мог отгадать те окна. Как-то не выдержав, свернул под арку и остановил машину у подъезда.

Лил дождь, и скамейка айсоров была пуста. Он набрал код квартиры, но номер никак не высвечивался, ему не открывали, и тогда он увидел булыжник, заткнутый под входную дверь, — подъезд был не заперт. Он показался ему еще обширнее и грандиознее: уходящие в никуда пролеты, площадки без дверей, наверное, за глухими стенами первых этажей сапожная мастерская или тот магазинчик, где он покупал воду имени профессора в панамке, а слово «пролет» ничего не подсказало ему, да если бы и гуманитарий когда-то, что с того теперь? Левитацией не чудился, а так хочется написать беллетристическое — взмыл, но поехал, на лифте, и на восьмом этаже еще в кабине штукатурка шибанула в нос, и сквозь распахнутую дверь ее квартиры он увидел ремонтный разор, и среди разора на подоконнике без фикуса крупную хохлушку, жующую кровавый томатный бутерброд, и двух мужиков, остервенело ломающих перегородки.

...А через полгода или больше хмурая теща, оглядев зятя уже на выходе, спросила с неким подозрением:

— Слушай, ты в прошлый раз такое мыло хорошее доставал. Кончилось уже!

Мисюся, где ты?

Запах. Из какого дома он пришел?

Приезжал — звонил, и голос в трубке: это — Яшша! Я в Москве! Ты рада?

— Рада! — ответила эхом, а когда-то в праздник был его приезд, и все все приходили: он приезжал оттуда. Уехавшая туда подруга передала по наследству, так и сказала: сковородки соседям, мебели родственникам, а тебе мою форточку, моя форточка — это Яша, но спокойно! он, кажется, голубой! — И Яша возник зимой, с морозу, красно-рыжий, рыжее, чем сейчас, моложе были, в ушанке меховой из какой-то собаки, туго завязанной под подбородком, которого вроде как не существовало, вместо него мягкий скос к шее девически тонкой... Дед Мороз с пакетами из пресловутой «Березки», и с чайного коробка потешаются над ее восторгом — это

вам не опилки «Бодрость» — узкоглазые китайцы в расшитых кафтанах, а сам гость, резвясь, — это от ЦРУ! — и мигом скинул грубые башмаки; это по новой, усвоенной им привычке панельной Москвы; она еще и возразить не успела, а он уже стоял против нее, узкий, длинный, в носках домашней вязки, может, и голубой, как и обещала ухававшая, а на той кафедре почему-то и были такие, но зато можно пожать его мальчишескую руку и в щеку ткнуться с той беспечностью, с которой когда-то дружила с соседом Кисою. Киса выросстал, а все Кисою был, и они вдвоем ездили в окраинный универмаг за тушинскими колготками и радовались, что купили, а потом вдруг Киса сгинул — куда? А теперь вот этот, да еще книжку привез недоступную. Что уж тут чай с ароматом, когда у нее эта книжка, и она в благодарности повела Яшу на концерт полуподпольный, почему-то в НИИ, в холодном зальчике с Лениным, задвинутым за штору, а вместо президиума — бабки, фольклорные старухи северные и мужичок с ними — в шевиотовой паре и военных медалях, а перед началом одна, что помоложе, почтальон, местная интеллигенция, вышла и стала объяснять про одежду из сундуков, так наряжены были, не в кокошниках картонных с налепленными бусами, а повойники, душегрейки, и выступающая все это терпеливо, не торопясь, объясняла певучей многоударной речью... Говорила: душегрейка — и показывала, а это — повойник вот! — а напоследок руки подняла высоко, и широченные, вышитые красно-черными криптограммами рукава как крылья упали, а почтальонша улыбнулась зубным металлом, зарделась, сказала тихо: а это рукава!

Тут Яша с голубой знаменитой кафедры залепетал горячо: я понял! — Что ты понял? Что? — проворчала. Ведь они и не спели ничего, а он уже понял, и глаза мокрые, но Яша и успокоившись повторил: Понял! — с самодовольной усмешечкой отвернулся.

Так из какого дома теперь пришел Яша?

Обычно он там и останавливался, и трубку брал, даже странно, как будто гостиница, но Яша — живу у друга, не называя имени, да она и не спрашивала, раз не говорил. Редко, но к телефону подходила женщина, и в это утро подошла. Голос глухой, бесцветный. Но, может, со сна такой или рядом спят? Хотя бы тот друг неведомый. Сама-то она проспала, потому и позвонила, чтоб Яша примедлил, а не застала: ранняя, иноземная птичка упорхнула. Тогда никаких кулинарных излишеств! ветчина и разрезанные помидоры на листьях салата, да еще давешний пирог с яблоками. Все. Яша и так будет в восторге, восторг у него полагается, и обязательно — моя родительница на день Благодарения печет пирог с яблоками. Тож-же.

Надо отдать дань его любви к трудности русского произношения — тожже, родительница, а сам он — Яшша.

Они обнялись в передней, и она почувствовала его крепкий спортивный остов и йодистый аромат хорошей туалетной воды, и ничуть не смутило, что вот и он ощутил ее верно, как и она его, но они так братски-сестрински всегда встречались. В конце концов, двадцать лет почти, как он плакал над старухами в повойниках, шептал в ухо: понял, понял! А сейчас он подымет брови домиком, будто породистая овчарка, спросит: как твои? Все о'кей? И она скажет ему — о'кей! И сказала. И еще сказала: извини, я буду готовить завтрак. Проспала будильник.

— Проспала будильник? А так можно говорить?

— Можно, — успокоила. — У нас все можно.

— Да, да, — он засмеялся, — в пе-етлю залезть, из петли-и — вынуть.

Черный юмор? Раньше не замечалось. Как он, однако, давно не заходил к ней! Все проездом, пролетом, бегом через столицу в глубинку — на Урал, в Зауралье и дальше, какие-то симпозиумы, семинары; хотя нет, вспомнила, они видались позапрошлым летом, нечто благотворительное: в новом, с иголки помещении двухметровые густомазаные девицы разносили после

скучных скрипок бутерброды с вершок, публика непонятная, и Яша ни с кем вроде и не знакомил, даром, что был по обыкновению восторжен и нежен, а она гадала в раздражении, чего позвал, и, прощаясь, у вешалки нос к носу столкнулась с человеком, которого знала, кивнула обрадованно, он в ответ игриво, а дома смекнула — это же совершенно отвязанный депутат — и развеселилась... А сейчас Яша, казалось, что-то затаенно переживал, так понимала и ловила на себе его вопрошающие, но уклончивые взгляды, когда они сидели за столом; он и жевал без обыкновенного воодушевления, вроде сыт был, а кофе варила, так затылок пекло от взоров гостя; конечно, они не стали моложе, но уж и не ее морщины тревожили русиста, а повернулась — чудно скосив глаза, а зрачки закатились вбок от напряжения, белки поблескивали с обозначившимися склеротическими жилками, пытался прочесть нечто во вчерашней газете; она обычно кидала эти бумажные полотнища на лавочку возле стола, и он с азартом, но и не подвигая к себе газетный листок, шею вытягивал, тайком впился в текст, готовясь в любой момент отпрянуть. И отпрянул, лишь она объявила:

— Кофе готов!

— О'кей! — Безмятежная улыбка нового континента была предъявлена, но все равно получилось фальшиво.

— Тебе нужна эта газета? — спросила.

— А ты ее выписываешь? — Он вроде как недоумевал, картинно, и лоб наморщил.

— Выписываю.

— Но она была правительственная, да?

— В некотором смысле...

— А сейчас?

— Газета, и все.

— Сейчас у вас много газет. — А глаз любопытствующий упер в эту бывшую правительственную.

— Хочешь, возьми!

— Нет! нет! — Он испугался даже, но продекламировал с чувством: — Глотатели пустот, читатели газет!..

— Наверное, — мелодекламация злила, — это когда в Париже...

— А в Москве?

— Я раньше вообще не читала газет.

— Раньше — да. — Он закивал с умилением, ресницами захлопал, он так бескорыстен был и несовременен в своих привязанностях. — Когда мы познакомились, у тебя не было газет. Только книги. А тут я включил телевизор, а там, как у нас! Ви-кто-ри-на! Глупые вопросы. Реклама. Раньше...

— Выключил бы.

— Мой друг выключил. Но я не о том. Вам это не идет.

— Почему? — спросила она. — Мы что, не люди?

— Ты не понимаешь.

Он был почти в отчаянии.

— Вы не должны быть, как все. Вы не можете быть такими. — Он искал слово, не нашел, сказал: — Вы другие, — и улыбнулся примиряюще. И взялся за ветчину.

И спросил вдруг серьезно:

— А где ты покупаешь мясо?

— Везде, — ответила.

А может, он пришел из дома, где хозяин — это муж женщины с запавшим ртом, которая когда-то забирала дефицитное лекарство? Яша оставил, но женщина и в квартиру ее не вошла, сказала, на улице грязь, а она, женщина, торопится к мужу, и теперь вспомнилось не только имя мужа, он был известен, и лицо того: черноволосое, круглое, усатое, а глазницы запавшие. У ней — рот такой, у него глазницы! Но разве это имело значение? Как определить, что разделяло: не внешность, нет! не недостаток про-

шлый или нынешний, не талант, не доступ недоступному... Одни и те же фигуры, обладатели курносых и длинных носов, широкоскулые и узколицые были с обеих сторон. Одна и та же физиономия вызывала ненависть и нежность, понимание и раздражение — что видели в ней? что узнавали? какой такой смысл? Выключая звук в телевизоре, она просто вглядывалась в существа, шевелящие губами; некоторые здорово наострились, уразумели, как надо взирать в объектив. Это вам не фигурки с папирусов, чтобы личики в профиль, тулово в фас! Надо пялиться с экрана в душу, в сердце, в печень! Один из таких для демонстрации здоровья прыгнул за волейбольным мячом, и она отшатнулась от его заголившейся подмышки — в нос ударило сквозь индифферентный к запаху экран.

— Скажи, это можно смотреть? — Яша вытащил из кармана бумажку слепую, почти по складам прочел.

— Жуткое название — бр-бр-бр! Но смотреть можно все!

Он назвал режиссера, а она опять — затрещала: бр-бр!

— Ты невозможна! Клоун. Пьеро! Пьетрушка, за это я люблю тебя.

— Я не Петрушка! Ты не заметил? Я — Коломбина.

Она и в толк не могла взять, почему невозможна сегодня.

— Тогда, Коломбина, — он не обиделся, — пойдем со мной. У меня два билета.

— Я не хожу в этот театр.

— Почему? Ты же не видела.

Она пожала плечами:

— А зачем видеть?

— Ты знаешь заранее? Да? Тебе не нравится этот театр.

— Там не театр.

— А что?

— Может, вокзал. И все поезда в одну сторону.

— Это плохо?

— Это не для меня. И я хочу в другую!

Теперь он огорчился:

— Ты кричишь! Знаешь, вы здесь все очень-очень изменились. Особенно женщины. Женщины, они...

— Нетерпимые, — подсказала.

...Еще вчера, говоря с Яшей по телефону, она вдруг почувствовала присутствие кого-то чужого, а чужой-чужая и не скрывался: я не знала, что ты говоришь! Извини! — щелкнуло, и трубку параллельную положили, но голос остался...

— Решительные! — Это Яша ее поправил.

Они замолчали и, не сговариваясь, повернулись к окну.

Они оба смотрели в окно — на двор, где, исчеркивая асфальт цветными мелками, рисовали дети, а постарше прыгали через перекрещенные веревочки, попеременно и с места; мужчина в спортивном костюме выгуливал пуделька; женщина с третьего этажа что-то сердитое кричала мужчине или детям; парочка в шортах, он и она, провели двух догов; пуделек кинулся за ними, и туча, подсвеченная солнцем, стала наползать тенью на город — все было, как всегда, но все было для них другим и обозначалось разное: дети, собаки, горластая тетка, парочка, прошептывавшая мимо, сама туча. Все, что видел он, и все, что видела она, было непохожим. Его туча была не похожа на ее тучу. И дети были не те дети. И асфальт размалеванный. И звуки города. Само небо. Все! Она поняла это в те несколько секунд, когда они смотрели в окно, после того, как он уточнил — решительные.

И заторопился.

Она хотела напомнить, он должен куда-то позвонить, и не напомнила.

— Все хорошо! — Он улыбнулся светлой безмятежной улыбкой, но в голосе звучал вопрос: да?

— Да, о'кей. — Она опять стала эхом.

И сказала любимое:

— Ты — о'кей! Я — о'кей!

— Берн!

Он все знал, этот Яша.

Он ушел, и она не стала его провожать переулком, как всегда делала в давешние годы. Допила кофе, подумала: такое кино! И не вставала долго.

...Яша был совершенно ни при чем. Он явился к давней своей знакомой от своих приятелей. На его inferнальных крылышках играла пыльца того дома. Того, другого. По-прежнему трепетный мальчик, хотя с проплешиной, он даже имя свое Джек менял тут на русское — Яшша, для них всех менял, но, кажется, ничего не понимал. А она понимает?

Кот Мура, о котором она совершенно забыла и который прятался или спал, мягко вспрыгнул на стул, где последние два часа сидел гость. Потом он лег шкуркой и стал нюхать след.

Между тем. Мужчина, в которого они обе были влюблены, сидел на кровати в душном номере, окнами на закрытую веранду, на какой-то застекленный балкончик, увитый так, что моря не видно, и курил. Ковер был в пятнах, у раковины пустые бутылки, а эти две устали на него, черная и рыжая, тощая и персик, зеленоглазая и каряя, обгоревшие на солнце крали, кошмар во сне — подумал он, просто кошмар — подумали они, но молчали, если бы не Виктор Блуа, дверь толкнул и вошел, на мгновение позже, черной и рыжей показалось — вечность, спросил, не здороваясь:

— Шеф, натура есть?

— Натуры нет, — ответил мужчина, — ничего там нет, кроме, — и попросил жалобно: — Девушки, уйдите! Встретимся через час.

Виктор обнял их, выпроваживая, шепнул черной: Все будет о'кей! — и остался с женщиной. И замок щелкнул.

— Ненавижу! — улыбнулась рыжая, — я их всех ненавижу! — и поплыла по затертому плюшу, а черная шагала как аршин проглотила.

— Голова болит, — сказал мужчина Виктору, — и кишки.

Он так и сказал: кишки. А день назад в городском кинотеатре после сеансов зарубежного фильма, конечно, французского, конечно, с носатым комиком, смотрели материал, отснятый в экспедиции, — его привез утренним рейсом из Москвы ассистент оператора Петрик. Группа узнала, и все съехались, хотя дирекция объявила выходной... *Время было такое, время.* Танки давно вошли, и вроде надеяться было не на что, но война еще не началась, и съемки были на середине, и, казалось, все могло решиться — туда или не туда, грохнет или образуется. Изображение сперва удивило черно-белую сухостью, так отпечатали цветной негатив, и фонограммы не было; герои безмолвно шевелили губами, во что-то вглядываясь, море на экране было белым, берег сверкал, солнечное небо темнело, а танкер вполморя картинно разворачивался в кадре — к сюжету он не имел отношения, но режиссер настаивал, Виктор плавал на катере договариваться, договорился, и вот теперь танкер разворачивался. Группа сидела в разных концах пустого зала, и бригадир осветителей со своими, и гример Люба, и костюмер Мария Степановна, даже она подтянулась к полуночи. Сегодняшний невыспавшийся мужчина и одна из двух вошедших к нему, та, что злее и чернее, как всегда, были не рядом: она впереди, близорукая или притворялась, его тень, буфер и завистница — второй режиссер, он — главный, творец! у будки механика, а ноги в джинсах и сандалях положил на спинку кресла. Материал шел минут сорок, и чаще всех артистов на экране мелькала с хлопучкой помреж эстонка Эльза; теперь стало понятно, зачем Эльза красила глаза и губы, и водружала на голове крахмальную вязаную шляпу, и улыбалась после того, как восклицала: кадр сто пятнадцать, дубль восемь, — и ножку отставляла.

— Эльза, вы очень фотогеничная. — Как только свет зажегся, черная встала, ни на кого не глядя.

И вдруг Виктор Блуа, знаменитый на фабрике ассистент, а фамилия от прадедов, осевших в России, негромко, — а материал классный! — и к режиссеру в сандалях: — Шеф! По-моему, получается! — тихо сказал, но услышали. А когда грузились в автобус, он уже и режиссершу под локоток.

— Ты говорил, у тебя больше не будет шефа! — Это рыжая мурлыкнула.

Блуа посмотрел на нее тяжелым цыганским взглядом, он был широк в плечах, могуч, такой студийный Тарзан, а кепку или там шапку зимой никогда не носил, ничем, даже под солнцем, не прикрывал жесткие курчавившиеся волосы, когда выстаивал у камеры долгие съемочные дни. Его не жаловали, он не пил со всеми, да еще его прошлое, все эти слухи о близости к самому, кажется, тот и скончался у него на руках. Правда, бродили и другие версии. Для рыжей это не имело значения, она была любопытна к собственной жизни. Среди дедушек-танцоров и бабушек-балерин училась батманам, но полнеть стала, не сгодились для взмыдлы с залезанными волосенками, и, уклонясь от семейной стези по студии, ассистентка Женя — это рыжая — летала, и если очередному постановщику хриплым голоском с кошачьей грацией мяукала вроде ниоткуда взявшаяся фамилию, пупом чуяла: в листа! в яблочко! А к Блуа, кстати, приезжала веселая и крепенькая девчушка и уехала через три дня такая же веселая.

— Того шефа не будет, — шепнул Виктор Жене, и они так странно смотрелись вдвоем в прозрачной темноте автобуса, когда то акация в окна билась, то тени от луны, от фонарей скользили — мерцающая мраморная головка и мрачный базальтовый истукан.

А наутро шеф смылся, укатил с оператором Сенечкой в виноградники на холмах — выбор природы! записки не оставил, да еще прихватил Тарабанову, замдиректора, она как сумасшедший жаворонок вставала и, верно, попала под руку. Взбудораженная ночным просмотром группа жаждала снимать; бригадир осветителей — ни рынка нормального, ни магазинов, одно море! — талдычил, заявившись в так называемый репетиционный «люкс» с портьерами пышными и непомерным балконом, грузно свисающим над тротуаром набережной. По ней вечерами гулял город, а днем в номер било солнце, и в прорези штор торчала грудь раскаленной кариатиды. Рита, так черную звали, пролежала весь день, копя злобу, пока Женя не постучала, прогоревшая на пляже, с мокрыми волосами и цыплятами табака, завернутыми в местную «Правду». Это было вчера.

— Женя! Риточка Николаевна! — Это к ним, как только они вышли из гостиницы, Тарабанова подскочила, сияющая свежей хной, в костюме чемпиона и белых босоножках, и сразу: — Петров наступал в дирекцию, что природы нет! Но не волнуйтесь! Я объявила выходной!

— Вчера — да, выходной, — согласилась черная, — позавчера выходной, а сегодня — что?

— И сегодня — выходной!

Рита закашлялась — и эту обаял, сволочь. Но Петрова не обаял. Петрова не обаяешь!

Петров — администратор, воюющий с Тарабановой за место под солнцем, всю экспедицию на жарких югах проходил в бежевом костюме с галстуком: у него был псориаз и незагорающее лицо в пятнах. И тут он сам, и мимо, филин в бифокальных очках, и ботинками прошлепал по ступеням.

— Ненавижу, — опять сказала Женя.

— Кого теперь?

— Петрова. Всегда, — и потянулась, зевая, и сказала, как все вдруг стали говорить в то давнее лето: — Красиво жить не запретишь! — И по набережной — снежинкой по сцене, родственнички не дождались, чтоб в кордебалете! и Рита взяла шаг, а Тарабанова помедлила, ну секунду, и вслед, и не отставала, в конце концов, ей тоже хотелось кофе и моря, но эти шли быстро, как будто ее не было, она решила обидеться, не обиделась, и они втроем, Женя, потом Рита и Тарабанова за ними, спустились по лестнице в вы-

боинах и сразу же одинаково заковыляли, потому что галька, и к кромке прибора уже вместе, увязая в пляжном песке, сыром после ночи.

Солнце не поднялось над горою, а на пустынном горизонте застыл военный корабль. Знаменитый турок только разогревал жаровню, и они долго ждали кофе на брезентовых стульчиках и глядели на свинцовое безлюдное судно. За их плечами был город и влажная гора с особняками, и где-то отчетливо било семь. Тарабанова по привычке посмотрела на свои часики — спешат! — но никто не ответил. Рыжая прикрыла глаза по-кошачьи, а черная тянула носом воздух, как борзая. А было что нюхать — горькою струйкой пролился-таки долгожданный аромат, и сразу же появилась помреж Эльза, очень накрашенная, очень томная, и, если прищуриться — Монро, и Тарабанова восхитилась:

— Эльза, вы такая женственная! И никогда не носите брюк. Умница!

— Мне не идут брюки, — отчетливо, как все, что она делала, сказала Эльза, — у меня тут, — она показала на коленки, — такой разворот. И получается — всадник!

— Кто? — спросила Рита.

— Всадник! — безмятежно повторила Эльза.

— Говорят — кавалерист. — Женя упала на пластмассовый столик головою, а Рита закрыла лицо ладонью и вдруг крикнула: — Не могу! — и отняла руки ото рта, и Женя зашлась от смеха. Они сейчас похожи были, как это всегда понимал тот, который считал, что они влюблены в него, но и Эльза увидела, как они одинаково глядятся, смеясь, и что подвоха нет, а остроумное, так казалось, идет от нее, от ее слов, и сама захихикала, и нежные ямочки проявились.

— Детский сад! — вздохнула Тарабанова, а Эльза пододвинула очередной стульчик и села.

— Красавица. — Это турок наконец принес кофе и впился взором в неправильные Эльзины коленки и цокнул языком, восхитясь: — Какая у тебя шляпка! — и сразу же спросил-крикнул: — Когда приехала? Когда уезжаешь? — велел: — Завтра обязательно приходи! Завтра я приготовлюсь, и все будет лучше! Кофе лучше! Море! Солнце! И ты, моя милая, будешь еще лучше! — и опустил на корточки, привалился спиной к фанерному ящику, сел, как любят сидеть здесь мужчины, опять цокнул: — Русская красавица!

— Нет, — важно объяснила Эльза, — я эстонка.

— Эстонка! Куда залетела? — он даже глаза зажмурил, — поешь, наверное? Я по телевизору видел, как у вас поют, — стадион поет! Трезвые, а поют! У нас в республике тоже поют немножко, но сперва сидят пьют, кушают, тосты говорят, потом поют. Да! А вон лохматый человек бежит, руками машет. Странные люди приезжают.

Они повернули головы и увидели Виктора Блуа. Он, правда, бежал сюда и махал им.

А добежав, сказал:

— Ангелина здесь! Прилетела.

— Здравствуйте! — крикнула Рита. — Ни звонка, ни телеграммы! — охнула Женя. — Похоже на нее! — это Рита. — Надо снимать! — это Виктор. — А что натура? — это Тарабанова, а Виктор: — Есть вариант. Петрик проявил фото! — Алексеева нет! Я отпустила Алексеева! — возопила Эльза. — Алексеева нашли! Он уже учит текст, — это опять Виктор. — Объявлен выходной! — возмутилась Тарабанова, но Виктор: — На базу позвонил. Группа едет. У Лины послезавтра спектакль!

— Я пойду под суд! — заорала Тарабанова, — у меня ни одного выговора, а с вами всеми я пойду под суд!

Ее как подбросило, она понеслась, Виктор за нею; она делала три шага короткими, быстрыми ногами, а он — шаг, и галантно поддержал, когда она взбиралась по откосу. Так они удалялись, издали почти миролюбиво.

— Под суд, — повторила Женя и опрокинула пустую чашку из-под кофе, а Рита свою и, подперев щеку, ждала, когда застынет кофейный отпечаток судьбы, таинственные узоры, и Эльза перевернула выпитую чашку, а турок засмеялся... Чему смеется турок? Что не болит на погоду поясница? И так легко вдыхать сладостный воздух, не замечая его приторного волшебства? Или тому, что не молод и не надо мучиться с какой-нибудь заезжей: поедем, дорогая, я покажу тебе горы! А можно вот так лениво и покойно сидеть, прислонясь спиной к ящику из-под винограда, а темные волосатые руки привычно печет утреннее солнце, а женщины гадают. Что еще делать женщинам?

Время, такое было время. Танки вошли, война не началась.

Теперь они идут по набережной, заполняющейся всяким людом, но еще достаточно свободной, чтобы идти рядом, как они идут втроем: Женя в надувшейся парашютом майке, Эльза, держа за улетающую шляпу, Рита, как всегда что-то возглашая, к примеру: — Бриз! Днем с моря, вечером с суши! Я хотела быть капитаном, — и кашляет. А звуковики из тонвагена, умные, самые умные! в тенечке перед гостиницей со спортивными газетами. А какими еще? А в самой гостинице — Лина. Как прилетела из сумрачной столицы в плаще до пят с капюшоном, так и не снимает. И в темных очках. И не ясно, что думает, что скажет, а у скрещенных ног сумки нездешних авиакомпаний, и весь душный, потный, заторошенный провинциальный вестибюль тянет шею, она не она, та не та, она, та! Ан-гели-на! и простодушно ловит уклончивые взгляды и напрягается, как гостиничная администраторша в прическе «хала», следит дергано-изысканные движения существа с голубыми ногами — колготки такие, — и тут существо подносит к яркому рту стаканчик с дымящимся напитком из термоса: у Лины давление на нуле, тибетский доктор назначил Лине травы.

Да он не спал с нею, как думали те дуры. Когда Блуа поднял с подушки — Лина прилетела! — выругаться хотелось, и голова болела и внутри, он повторил: — Кишки болят! — так муторно было после мотания по окрестностям, когда еще и Тарабанова увязалась. Впрочем, это было ее дело, замдиректора, или не ее, а Петрова, но по крайней мере Петров не увязывался, просто стучал. Но вот натуры не нашли, а может, так показалось, и весь путь назад по горной дороге он приставал к Тарабановой — откуда такая фамилия, и наконец спросил: не от мужа ли? Обидел, потому что крашенная хной Тарабанова, лошадка из старой гвардии, но не стареющая, по слухам, вообще была девушка. И зачем он мучил ее вопросами хамскими, а она терпела и даже улыбалась — верно, не первый хам попадался на кривом студийном пути, и как она этот бред терпела, и откуда подлое в нем бродило — он потом понял и напился, решил, что те двое виноваты — обе! Черная, с ее вечными претензиями на первенство, с мрачным закусыванием губы и холодным огнем в узких глазах, и рыжая, в веснушках, с улыбкою, разрешающей все, а на самом деле через плечико только: При-и-вет! — лениво. Она всегда разговаривала лениво. А когда супруг прилетел на три дня — тоже звезда! и с каких-то гастролей, болгарских ли, чешских, привез кривую бутылку неведомого здесь ликера и длинные обвислые майки, в которых она теперь как танцевала по площадке своими крупными балетными ногами, то и рядом с тощим знаменитым мужем, опершись на впалую грудь того рыжею круглою головкой, следила за ним. Так ему хотелось по крайней мере. И после съемок в автобусе, а они, эти молодожены, все про Фолкнера несли понесуху, Женька вдруг щелкнула у него над ухом пальцами, как кастаньетами, — с затылка лысеешь! тут сразу же черная — как Вронский! — и звезда покатылся со смеху, показывая сделанные дантистом зубы, а он подумал о Рите: все-таки змея! Он никогда не подавал ей пальто. Стоял и ждал, пока она крутилась в своих тесных курточках и рвала молнию — никогда ничего у нее не застегивалось с первого раза, — он вообще ни в чем не помогал ей, так было лучше для дела, но тут он посмотрел на нее, когда она выпалила: Вронский! потому что знал ее манеру: сказать и

отвернуться. А не отвернулась Рита, и он увидел обращенные к нему дружелюбные глаза и твердо сжатый рот, то есть увидел лицо человека, на которого можно положиться, но спросил нарочно:

— Где секундомер, Маргоша? — Не зови меня так, не люблю, — быстрым шепотом сказала Рита, — секундомер я тебе отдала! — Не отдала! Я бы не спрашивал! Ты свой потеряла, а теперь мой! — У меня есть секундомер, — сказала Эльза, — личный! Я могу вам отдать, а взять у администрации. — У меня нет! — заорала мигом возбуждающаяся Тарабанова, — я отдала вам и Блуа! — Нет — и не надо! — спокойно сказал он, — в конце концов, обойдусь и часами! — и достал секундомер. — Детский сад! — крикнула Тарабанова. — Идиот! — это теперь Рита сказала. — Маргоша! — теперь это он сказал. — Да, — Тарабанова сказала, — я могу понять Петрова! — Нет, — сказала Женя и обняла Тарабанову, — вы его не можете понять, потому что вы с нами!

— А он поет против нас!

Это уже звезда... Когда это было? Неделю назад. Год. День... Но танки уже вошли.

Виноградники косо подымались к горам, и туча стояла косо, сама как гора снеговая, или не туча, а еще одна гора. Но все-таки туча, потому что расплзлась по вершинам и клубилась, выпростав на предгорья дымчатые легкие руки. Эпизод с Линой отсняли до полудня, и можно было уезжать, но тут Сенечка стал требовать еще дубль самого первого кадра — он, верно, хотел попробовать другой режим.

— У тебя что, не получилось? — спросила Рита.

— У меня всегда получается, — сказал Сенечка и подмигнул Петрику: — вот так вот, Маргоша!

Но Рита не разозлилась, только сдернула с Сенечкиной головы кепку. Все рады были, что снято. Ну, еще один дубль, ну, два — но все это уже просто и не важно.

— Только бы не брак! — вздохнула Тарабанова. Она все-таки умела сказать то, что не нужно, и сейчас сказала, и тут он встал с брезентового кресла, на котором намалевано краской — «режиссер», и, обернувшись к горам, стал смотреть из-под руки на тучу, которая, медленно, очень медленно перемещаясь, сползала в долину, и у дальнего края ее вспыхивало беззвучно. Он знал, тот дубль, который они сняли первым, и войдет в картину — если, конечно, не брак, тут Тарабанова права — а он помнил все кадры, но и дубли помнил, и чем они отличались, тоже, не запоминая, чувствовал как-то изначально, и он сказал негромко и никому: — Я пошел! Вы меня подберите у поворота. Сенечка, я пошел! — Это уже рядом с Сенечкой. Сенечка и Петрик стояли совсем близко друг от друга, голова к голове, и шептались, и когда он сказал: — Я пошел! — то Сенечка кивком показал, что понял, прикрыл глаза белесыми ресницами и продолжал шептаться с Петриком; что-то у них там не заладилось, но он решил уйти, раз уж встал. Он любил уходить первым, его просто несло иногда, и после просмотра рванул, и сейчас. Почему? А он и не думал. Не задумывался. Он перепрыгнул канаву и сразу услышал за собою бархатный голосок, и сквозь мегафон бархатный: — Тишина на площадке! — Это Женя, а через мгновение резкий высокий: — Аппаратная готова? — Рита, и ответный звонок из тонвагена, и отстраненное: — Мотор! — и азартное: — Начали! — но не обернулся. Он уже шагал по белой дороге, растрескавшейся, горячей, между рядами зреющего винограда, но то, что с площадки съёмочной казалось медленным уклоном, было холмом, и, пройдя метров триста, а может, и больше, он сильно поднылся над ними, все продолжал идти быстро и не сворачивая и глядел перед собою в узкие борозды между виноградными лозами, и дальше глядел, и выше, забирая взглядом горы и тучи над ними. Впереди, так он рассчитал, должна была быть дорога, по которой они и спустились с перевала, когда утром въезжали в долину неуклюжим караваном — автобуса, тонвагена, и всегда отстающего лихтвагена, и всегда перегоняющего «газика», и теперь

он хотел пересечь эту длинную петлю, чтобы ждать у поворота, и спешил, не оглядываясь, хотя почему-то казалось, что кто-то смотрит ему в спину. А когда не выдержал и обернулся, чувствуя на затылке чей-то взгляд, никто на него не смотрел — они опять снимали.

Вот Эльза, оставив ножку влево и заведя обе руки направо, хлопнула хлопушкой, открывая, как рыба, рот, а потом плавно попятилась этакой черепахой, семена ножками, паучком испуганным, а камера с Сенечкой и как пристегнутым к ней Петриком поехала на Лину, но что-то сорвалось, камера откатилась, массовка отбежала, а Сенечка соскочил с тележки и, размахивая руками, метнулся к узкой Ритиной фигуре, и теперь уже Рита кинулась к Лине, и сразу за ней с двух сторон и обгоняя Риту — гример Люба с чемоданчиком и Петрик с экспонометром, но Рита их настигла, локтями отвела и зашептала что-то Лине в лицо, кружа ладонями, заколдовала-заколдовала, а Лина закивала-закивала, но Сенечка не выдержал — воздел руки к небу, и все отпрянули разом, и даже Рита отлипла. Но тут через площадку клубочком покатились Мария Степановна с какой-то тряпицей и напялила это на Лину, и все опять замахали руками, кто как мог, а Рита присела на краешек стула, вроде сидит не сидит, вскочит, побежит — побежала! А Женя опять подняла мегафон, сейчас двинет массовка, но Мария Степановна мешала, крутилась вокруг Лины волчком — он догадался: это она чистила одеяние Ангелины, всегда что-то к нему приставало. И опять Люба с пуховкой — пируэт, и Эльза — большой батман, и Блуа отпрыгнул легко, и тележка вновь покатились, и теперь уже Петрик куртуазно склонился в менюэте, а микрофонщик поднял журавлик свой и сам журавушкой под крыло втянул голову...

Меньше всего двигалась Ангелина. Меньше всего. Она была, как матка в улье: неподвижная, большая, одинокая, всем нужная тунейдка. А он в некотором роде боялся ее, вернее, романа с ней, которого, казалось, не избежать, и все понимали это, и он сам еще до проб, до всего, до ее утверждения на главную роль, когда она впервые пришла в группу и села перед ним в низкое студийное кресло, как-то завалившись, и кинула сумочку у скрещенных ног — Лина всегда так садилась и сумку кидала, — а полы черной суконной юбки распахнулись на боку, стал виден узорчатый шелк подкладки. Она была запелената, замотана от высокого горла к груди, ниже — к бедрам, к коленкам торчащим, где материя наконец расходилась, открывая длинные ноги, будто отдельно существующие от крошечного брезгливого личика с выпуклыми глазами.

Можно ли избегнуть неизбежного? И где кончается твоя воля? Не грех ли шагнуть в сторону? Да он и не думал ни о чем таком, а просто, не отводя взора, смотрел на таинственное представление, даваемое среди гор без зрителей — сам он не в счет — он все равно был среди тех, он даже увидел себя там, как Риту или Виктора; с умилением до озноба он наблюдал беззащитную игру взрослых людей, танцы журавлей под грозовым небом. И в голову не приходило, когда он так легко и беспечно взошел на виноградный холм и застыл, обернувшись, что это его звездный час — яркая осень в горах, странное, потешное дело, эти женщины, и даже то, в конце концов, как он взошел на холм. Откуда было знать, что все обрушится и он будет бесконечно сдавать, сдавать несдаваемое кино, и до самого конца с ним пребудут только бессменная Тарабанова, к финалу уставшая подкрашивать виски, и бифокальный Петров. Да еще Лина укором судьбы мелькнет иногда в студийных коридорах, патрулируемая угрюмою напомаженной критикессою. Но это потом. А сейчас словно сквозь дождь старинных лент он смотрел на чудо в долине, и ему казалось, он слышит — не ветер, нет, а тонкий звук льющегося сквозь пальцы золотого песка времени, а *время было — между тем как...*

ДАРЬЯ КУЛЕШ

ЖИВЫЕ ВЕЩИ

Новорожденный младенец входит в мир головой, а не ножками. Не календарный, настоящий двадцать первый век в поэзии будет отмечен прежде всего новым содержанием, острым лучом мысли. Дарья Кулеш есть что сказать. Современный мир, погрязший в апатии и обыденности, ее явно раздражает, но это раздражение — творческое. Юная поэтесса азартно погружается в житейский хаос, надеясь создать из него что-то стоящее, причем создать не только на бумаге. Ее жизнетворческий порыв, максималистская мечта о построении человека из груди черновиков явно перекликаются с поэзией русского футуризма. Что ж, если из футуризма вычесть социальный утопизм, то эта могучая система словесно-стиховых приемов еще может дать небывалые результаты — в отличие от постакмеистического болота, в котором все еще продолжают тонуть унылые стихотворцы чуть ли не трех поколений. Дарья Кулеш уже опубликовала одно выразительное стихотворение в «Арионе», но настоящий дебют ее — здесь и сейчас: в «Новом мире» экспонируется по-настоящему индивидуальный новый мир со своими дерзкими и властными законами.

Вл. Новиков.

Шансон д'амур

В Лионе или
Лилле
под ливнем я шла и смотрела вниз:
в черных лодочках белые ноги мои
плыли...
Я не сразу тебя заметила.

...В серебристом «пежо»
ты присохшие брызги стираешь с моей
голени,
а я ничего не чувствую —
как будто ты ластиком трешь
бумагу.
Зачем?
И дождь уже вроде бы кончился...

Щекотно!
Целуешь мне кончики пальцев:
сухие леденцы ногтей
скользнули по твоим губам;
на язык, на зубок не попали —
еще не успел
распробовать.

А ну-ка
отниму
руку!

Ты не в глаза, а на глаза
смотришь.
Я для тебя — совсем не я,
а части тела
в одном наборе —
все включено!
Грудь, ноги, шея, губы, волосы —
все пункты списка комплиментами
перечисляешь и прицениваешься.
Какая денежная мелочность!
Как будто ты на распродаже:
успеть бы быстро нахватать
побольше! По дешевке!
Даже имя свое — Франк,
как монетку, мне бросил ты.

Ты уверен во мне — заплачено:
целый день провозил по городу, угощал, говорил приятности
этой глупенькой русской девочке...
А я — ускользну, обману.

...Никогда бы тебе не пришло на ум
простую нежность — такую мелочь! —
ни за что, словно милостыню, подать:
просто положить
поцелуй
на дно моей ладони —
в протянутую руку...

Недо-

Вряд ли каждый из нас
был задуман отдельно.
Просто кто-то занудно пытается сделать
человека.
Далеко не всегда получается.

Вокруг — черновые лица.

* *
*

Это мы не проходили, это нам не задавали...

Погибла.
Убита.

Как температура,
сбита —
холодно в классе,
где поминают ее.

На доске: фото;
старательно имя написано мелом;
две белые розы прилеплены скотчем белым,
на пластырь похожим.

Розы устали —
будто стрелки обратно идущих часов,
на полседьмого почти
упали;
внезапно — задолго до полночи —
время нулей настало —
часы встали.

Сорваны стрелки, как розы, —
страшен пустой циферблат!
По-английски стрелки — это руки,
и циферблат безрукий —
даже не калека, а пятно
без конечностей, без лица,
без движенья,
без начал, продолжений
и концов;
плоская дыра, в которой нету
ничего —
даже глубины.

Неужели
по ту сторону жизни и времени
такая же пустота?

* *
*

Отрезвляли нас всякие-разные —
по семь
раз
отмеряя,
отрезали резоны при свете разума,
заверяя:
общество
не организм,
а механизм.
Нам-то какая разница?!

Не припугнешь неживым и мертвенным:
боимся *мертвого* —
того, что жило.
В нервную полночь сова Минервина
доложила:
ваш мир
умер.

Страшно, зябко себя заставляя понять,
что стручки побуревшие —
это рыбки засохшие
(из стеклянного ящика — прыг! — и в щель);

что свернулась не шина клубком вон там —
 это тушка собачья в грязи лежит;
 что тряпица *пернатая*
 по асфальту размазана
 и т. п.

Древним спокойнее было
 верить, что все в мире дышит.
 Мы же покоимся с миром,
 видя кругом только вещи,
 чуждые жизни и смерти.

Дети боятся, что вещи — живые.
 Мы же боимся, что вещи —
 мертвы.
 Увы,
 это так.

Нихт ферштейн

1

Прохожая —
 престарелая дурочка:
 лицо
 сдвинутое,
 как ящик стола,
 выдвинуто;
сверху туда
 украдкой
 смахивают
 всяческий хлам,
 дабы всем Божьим рабам
 был виден один
 порядок.

А мы?
 Нам тоже — только бы *прибрать*,
 порядок навести:
 не я ведь и не ты,
 а *тот*
 ist tot.
 Кто помер — ничего с собой не заберет,
 а ведь добру, поди, негоже пропадать —
 так почему бы нам бесхозное не взять?..

2

Давным-давно, жила-была, так получилось:
 лаборантка Сим-Сима
 открылась —
 и правда речь о золоте. О том
 колечке именном
 на пальце безымянном:
 — А это муж
 с войны привез!
 И надпись на колечке есть:

«Генрих und Гретхен.
Дата».

— Да ты
что же, Сима,
чужое носишь?
— Ну и что? Мне какое дело?
Сколько зим, сколько лет!
— *Не свою* ты судьбу надела,
оттого тебе счастья нет!

Вор
наказан, хотя и не пойман:
муж твой, Сима, —
специалист
запойный,
а чадо —
исчадие:
с 13 лет —
все пьянь, мужики...

...Разве это,
Сима,
твоя
жизнь?

Молчи и спи — не надо отвечать.

3

Лишь дикари считают явью даже сон;
мы приучились даже в жизни спать
и не трудиться понимать,
что к чему нам снится,
не надеясь пробудиться

себя.

АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ

*

ПРИСЯГА

Рассказ

— Если к сосне поднести горящую спичку, она вспыхнет, как свеча.
— От одной спички?

- У нас тоже никто не верил. А потом весь лес спалили.
- Слушай, а как ты думаешь, нам бром в чай подсыпают?
- Да хер его знает.
- А то ко мне в воскресенье жена приезжает.
- Везет...

Мы лежали на сухой земле, глядели, как уходят в небо, сближаясь вер-хушками, высокие деревья, и курили. Сосны раскалились от зноя, насы-щая воздух смолой, и слабо шумели. По устланному ветками небу бежали облака, где-то далеко стучал дятел и скакала с дерева на дерево рыжая бел-ка. Хотелось лежать и лежать. Глаза слипались, земля куда-то провалива-лась, а деревья клонились и падали.

— Кончай, перекур! Рота-а! Стройся.

Толстый человек с тонкими ногами, одутловатым брюзгливо лицом, но еще энергичный и свежий, в щегольских хромовых сапогах намеренно на нас не смотрел. Рядом с ним надрывался щуплый паренек со старательны-ми и злыми глазами. Три дня назад он был назначен старшиной. Избрав-ший его для этой должности толстяк с двумя звездами на погонах нахо-дился на той роковой стадии военной карьеры, когда офицер либо получа-ет звание полковника, либо остается навсегда подполковником, и из кожи вон лез, чтобы случилось первое, а не второе. Старшина — единственный, кто знал службу, — как бы по ошибке обращался к нему «товарищ полков-ник». Мы не обращались никак, а старшину презирали. От подполковни-ка зависело наше настоящее, а от нас — его будущее. Точнее, от того, как пройдет наша рота на плацу в день принятия присяги, когда в воинскую часть прибудет декан, парторг и главный университетский генерал.

По лицу Жудина было видно, что ему все осточертело. Он приезжал в это место каждый год много лет подряд и наперед знал, что будет. Студен-ты будут натирать ноги, пить водку, ходить ночью купаться на Клязьму, лазить по огородам, острить над названиями двух соседних деревень Феду-лово и Пакино, меняя местами первые буквы, и полагать, что они первые до этой шутки додумались. Командиры рот поначалу поиграют в настоя-щую армию, для чего поделят студентов на сержантов и рядовых. Сержан-тами будут те, кто служил до университета в армии, их назначат команди-рами взводов и отделений, соберут всех вместе и поставят задачу устроить молодым настоящую службу, но из этой затеи ничего не получится. Труд-но вместе четыре года учиться, ездить на картошку и в стройотряды, сда-вать сессии и пьянствовать, а потом начать друг друга гнобить. Все равно

Варламов Алексей Николаевич родился в 1963 году. Закончил МГУ. Печатался в журна-лах «Знамя», «Октябрь», «Москва» и др. Первый лауреат премии «Антибукер» за опублико-ванную в «Новом мире» в 1995 году повесть «Рождение». Живет в Москве.

все сдадут экзамены, получают свои звездочки и забудут, чему их здесь учили, потому что никогда им это не потребуется.

Но пройти по плацу мы были должны. Один раз. Четко, красиво, с пением строевой песни.

— Рота! Слушай мою команду. С левой ноги шаго-ом марш!

Подмышки у подполковника потемнели от пота, а лицо блестело и вопреки всем законам физики отказывалось загорать, оставаясь розовым, как у младенца. Зато мы побурели, три дня ходили прихрамывая, а через неделю половина перешла на кроссовки. Мозоли, как и предполагал Жудин, натерли не только молодые бойцы, но и старослужащие. На первых подполковник орал, вторых стыдил, но кроссовок не отменял: если заставить разгильдяев носить сапоги, то кто тогда выйдет в день присяги на плац? Он только уводил роту подальше от части, чтобы она не попадалась никому на глаза.

Но что там кроссовки: если бы солдаты из ковровской учебки увидели, что строевой подготовкой с нами занимается подполковник, вероятно, решились бы, что он рехнулся. Близко настоящего подполковника настоящие солдаты за все время службы видят раза два или три. Так рассказывали нам те, кто служил. А у нас в глазах рябило от офицерских звездочек: одни учили нас ходить строем, другие — чистить, разбирать и собирать автомат, а третьи — писать листовки, призывающие врага сдаваться.

Последнее было нашей военной профессией — спецпропагандой — и казалось самым абсурдным во всей военно-полевой затее. Можно с песней идти по владимирским проселкам, мыть полночи посуду на четыре роты и стоять всю ночь под грибком, охраняя спящих товарищей и автоматы Калашникова с просверленными дулами, но предположить, что наши войска войдут в Испанию и где-нибудь в Гвадалахаре мы будем убеждать испанских солдат переходить на сторону освободителей — даже для оруэлловского 1984 года было чересчур.

А между тем усилия Жудина не были напрасными: постепенно нам стало что-то удаваться, и из толпы баранов мы начали превращаться в подобие строя. Я даже вошел во вкус этого занятия и был у подполковника на хорошем счету. Мозолей у меня не было, я ходил в сапогах, которые чудом точь-в-точь попали в мой размер, тянул ногу, выпячивал грудь, держал равнение и вместе со всеми шел по лесной дороге, подымая пыль и крича во всю ширь молодой глотки:

— Так пусть же Красная...

Иногда на дороге появлялись большие военные автомобили, и мы скачивались на обочину, перекуривали, а потом становились и снова шли, глядя в стриженные затылки друг другу. А вечерами, когда после отбоя офицеры уходили к себе в общежитие, вылезали на улицу, кипятили чай без брома, наедались за весь день привезенными из дома консервами и копченой колбасой, пели свои песни, жгли костры и передразнивали наших командиров.

Беда случилась, когда за несколько дней до присяги мы стали репетировать наш маленький парад на плацу и вместо четкой офицерской команды: раз-два, левой! — зашагали под марш полкового оркестра. Именно тут-то и выяснилось, что я не чувствую ритма и сбиваю всю роту. Единственный на сто с лишним человек. Первый раз Жудин сделал мне втык, второй... я старался изо всех сил, я смотрел на ноги впереди идущего курсанта, пытаюсь не отставать и не забегать вперед...

— Барабан слушай! — орал на меня Жудин. — Марш в конец строя!

В конце строя двинулся как иноходец малахольный Вася Куницын, гениальный лингвист, который знал шутку двадцать языков и среди них хинди, литовский и суахили и был абсолютно неприспособлен к жизни. Ни к военной, ни к мирной. Он даже не знал слов красноармейской песни, а лишь беззвучно открывал рот и что-то пришептывал. Я шел не дыша

вместе с ротным аутсайдером, изо всех сил пытаюсь поймать барабан, как ловят голос Америки. В моей голове играл оркестр. Самые запойные меломаны и завсегдатаи консерватории не слушали с таким трепетом и душевным волнением концерты Рихтера и Гарри Гродберга, с каким внимал я разбойничьей игре полкового оркестра ковровской танковой части. Стук барабана растворялся и смешивался с завыванием блестящей на солнце полковой трубы. Барабан пропал. Играли лишь трубы. Нога моя беспомощно зависла над пропастью плавящегося асфальта, и в эту секунду до меня дошло, почему не могли сдерживать улыбок факультетские девицы, когда я танцевал быстрые танцы.

Но Жудин не засмеялся. Он рассвирепел, выдернул меня из строя и заорал:

— До конца сборов будешь на кухню в наряд ходить!

Рота посмотрела на меня как на покойника и унеслась вперед. Оркестр наяривал «Прощание славянки», Вася одиноко ковылял сзади, но в ногу, и я ощутил, как тяжело оказаться вне коллектива, выброшенному на обочину военной дороги. Однако никаких внеочередных нарядов на кухню я не получил. У Жудина были куда более важные задачи, чем сводить счеты с неритмичным студентом. Он просто меня не замечал, как ненужную вещь, и в то время, покуда все маршировали по асфальтовому плацу, я сидел на скамейке запасных и курил, ловя на себе возмущенные и завистливые взоры. Я дурашливо поднимал вверх сжатый кулак, но горькое чувство царило в моей оскорбленной душе.

Быть может, именно оно помешало мне ощутить всю торжественность того момента, когда солнечным воскресным днем, стоя перед пузатым подполковником, я в свой черед прочитал заранее выученный наизусть текст военной присяги, а потом поставил на листе неразборчивую подпись. Больше всего я переживал оттого, что на церемонию приехал из Москвы на ночном поезде мой папа, который никуда не выезжал из дома уже много лет. В его сознании присяга сына была жизненной вехой, может быть, даже более важной, чем для меня, и теперь, когда из своего укрытия я видел, как, вытягивая голову, он ищет меня среди марширующих лингвистов, мне сделалось ужасно неловко. Каково ему будет узнать, что его чадо не умеет ходить строем.

— Вы отлично прошли, — сказал мне папа с легкой примесью неуверенности, когда после парада сияющий от прилюдной генеральской похвалы Жудин отпустил нас до вечера в увольнение.

Я не стал разочаровывать своего родителя, хотя так и не узнал, от него или от мамы унаследовал полное отсутствие чувства ритма. Скорее все-таки не от него, папа в армии служил и никогда на проблемы со строевой подготовкой не жаловался.

Он вообще ни на что в жизни не жаловался и, по-моему, хотел еще что-то сказать такое, что должен сказать отец сыну в торжественный день, но я не был расположен слушать скупые мужские поздравления. Принятие присяги не произвело на меня никакого впечатления. И вообще скорей бы все закончилось.

После присяги военно-лагерная жизнь переменилась. Офицеры как будто вспомнили, что местечко, в котором находится воинская часть, окружено со всех сторон лесами, а недалеко протекает очистившаяся от грязных подмосковных вод Клязьма с песчаными пляжами и заливными озерами с отличной рыбалкой. Они выписали из Москвы семейные обозы и, хорошо выспавшиеся, забежали в лагерь часов в десять утра по дороге в сосновый бор или на пляж, давали нам задания на самоподготовку и исчезали. Однажды нам устроили обкатку танками, которые мы закидали деревянными гранатами и получили благодарность от командования за то, что танк не проехал ни по чьей голове; пару раз нас водили на стрельбище и

давали стрелять сначала из «калашников», а потом из «макарова», причем рядом с каждым стреляющим стоял офицер, готовый в любую минуту выбить из рук студента оружие, если бы тот, задумавшись, вдруг случаем направил его на соседа. Еще мы изучали громоздкую машину, оборудованную матюгальником, и зачитывали составленные каждым из нас послания, адресованные окруженным врагам, на разнообразных европейских языках и изошрялись, как могли, в искусстве агитации и пропаганды, а в остальное время народ покуривал, рассказывал анекдоты и разрисовывал топографические карты военными значками.

Так было во всех ротах, кроме нашей. Виной тому был вовсе не подполковник Жудин, которого мы видели теперь очень редко, а державшийся до этого в их тени майор Мамыкин, преподававший у нас тактику. То был невысокий суховатый человек очень нездорового вида, с пыльным загорелым лицом. Физиономия его чаще всего выражала раздражение и недовольство. Известно было, что три года он пробыл военным советником в Анголе, а до этого служил в Казахстане. Ходили слухи, будто бы в Африке он потерял жену и ребенка. Он редко смеялся и носил черные очки, как Абадонна. Но когда Мамыкин снимал очки, то глаза у него оказывались вовсе не страшные и не злые, а мечтательные. И вот именно этот блаженный романтик отравлял нашу молодую жизнь так, как никакому Жудину не снилось. Он был единственным офицером, который приходил в лагерь к шести утра и проводил с нами зарядку. Мы бежали за ним следом по пересеченной местности, голые по пояс, в сапогах, по пять-шесть километров, а потом подтягивались вслед за ним на перекладине. Вместе с нами в просторной, похожей на московский олимпийский объект столовой он завтракал, съедая без аппетита и без отвращения резиновую перловую кашу, а потом уводил голодных, так и не привыкших к солдатской еде юнкеров, далеко в поля и там проводил занятия на местности.

Июль взбирался к макушке лета, к комарам прибавились мошка и овода, стала петь первая черника, и пошли колосовики, днем нещадно палило солнце, а Мамыкин, еще более сухой, похожий уже не на Абадонну, а на Марка Крысобоя, гнал нас по сухим проселочным дорогам.

В роте зрело недовольство. В отношении Жудина к нам было и нечто пренебрежительное, и просительное одновременно, он не слишком уважал нас, а мы его, но это была чистой воды сделка: пройдите, как надо, — и я оставлю вас в покое. Мамыкин таких обещаний не давал и задачи перед нами ставил куда более значительные: этот двужильный человек-механизм с африканским загаром и обожженным сердцем пытался сделать из нас солдат. Хотя бы чуть-чуть. Не из вредности и не из прагматических соображений, что, дескать, мужчинам это не повредит. Иные помыслы владели нашим майором.

Это было начало восьмидесятых. Умер Брежнев, Андропов прервал все переговоры с американцами, и мы видели, как воспряли наши офицеры. Скоро будет война, когда начнется война, в случае войны, вероятный противник — эти присказки то и дело раздавались и в душных подземных аудиториях старого корпуса университета, где располагалась военная кафедра, и в вольном сосновом бору у широкой речной долины. Трудно сказать, что они думали на самом деле: запугивали нас, набивали себе цену или действительно у них чесались руки повоевать, может быть, у них иначе устроены мозги — кто разберет, но ни один из них не сомневался в своей победе. И если Жудин на вопрос, зачем армейскому политсоставу строевая подготовка, невнятно отвечал — дескать, призовут вас в армию, а вы и пройти как следует не сможете, и солдаты вас уважать не станут, то Мамыкин подобного вздора не говорил никогда.

— Вы должны уметь защищать свою Родину.

Но, помилуй Бог, кому охота совершать марш-броски, окапываться и изучать тактику ближнего боя, в то время, куда твои товарищи из дру-

гих рот валяются на песочке, купаются, ловят рыбу и собирают ягоды да грибы! А если война, какая разница, умеешь ты воевать или нет, когда всех накроет ядерным зонтиком, грибом или как он там называется?

На этот прямо заданный вопрос Мамыкин ничего не отвечал. Только губа у него обиженно выпячивалась. Он поднимал нас после обеда и тащил в лес, где мы строили какие-то укрепления, разбивались на группы, устраивали засады и надевали на себя комплекты защитной одежды, в которых выглядели как инопланетяне. По несколько часов мы отработывали в палатках команду отбой — подъем, чтобы научиться одеваться за сорок секунд. Никогда прежде я не догадывался, что любовь к Родине может выражаться подобным образом, но, странное дело, Мамыкину верил и единственной девушке, которая не смеялась над моими танцами, я писал красными чернилами письмо о том, что скоро случится конец света, а посему нам надо непременно пожениться.

Больше всего майором Мамыкиным были возмущены наши старички. За что страдали молодые, было еще понятно — но они-то при чем? Иногда сержанты собирались в кучку и толковали, глядели на него как волки и по-визгивали, но выступить открыто против не решались. Майор требовал от них службы, требовал, чтобы они были ему помощниками и учили молодых, но какая может быть служба и учеба, если нельзя дать солдату в зубы?

Мамыкина не любили не только они. Для большинства наших офицеров военная кафедра была либо синекурой, где они коротали последние перед выходом в отставку годы, либо трамплином перед назначением в ГлавПУР или отправкой за границу. Место это было не пыльное, удобное, сытое и ни к чему не обязывающее, а Мамыкин мозолил своим товарищам глаза неуместной, ненужной и неуместной деятельностью и не понимал простой вещи: единственное, о чем мечтало наше военное начальство, — лишь бы со студентами не случилось какого-нибудь ЧП и все вернулись в Москву целыми и невредимыми.

Чтобы мы не утонули ночью в Клязьме, нас пугали патрулями и грозились, что всех, кого патрули поймают, посадят на гарнизонную гауптвахту или отчислят из университета. Нам рассказывали про колонию уголовников, расположенную в здешних краях, и обещали устраивать ночные проверки, но при этом ни гражданскую одежду, ни паспортов не отобрали, и вечером, переодевшись в джинсы и свитера, мы чихать хотели на любые патрули. Да и не было, по правде сказать, никаких патрулей; и проверок тоже не было.

Что там Клязьма! Однажды ночью вместе с Лехой Светозарским и Юркой Кутыревым мы смотались за ночь на электричке в Боголюбов, до которого было километров восемьдесят. Я хорошо помню эту ночь. Когда после отбоя мы покинули лагерь и дошли до станции, был поздний час. Однако народу в маленьком зале ожидания и на платформе собралось очень много, и среди них бросались в глаза бедно одетые женщины с отрешенными равнодушными лицами.

Ждали поезда на Москву, он запаздывал. Пахло углем, мазутом, электричеством. Внезапно Леха пригнул наши головы:

— Бежим!

На платформе появился офицер из наших. Мы были в своей обычной одежде, но он нас узнал и отвернулся, как если бы и сам тайком бежал из части.

Подошел поезд. Он остановился на полминуты, не больше, народ рассредоточился и принялся на ходу запрыгивать в вагоны, люди кричали, совали проводникам билеты, передавали детей и вещи, где-то в тамбуре исчез напугавший нас и совсем не страшный подполковник, преподававший французский язык, и мы надолго остались одни на ночном полустанке.

Наконец пронзительно загудела, освещая рельсы, последняя электричка. Казалось, она пройдет мимо, но в последний момент машинист затор-

мозил, и мы оказались в пустом вагоне. Мы ели консервы, пили из фляжки холодный чай и смотрели в окно, боясь пропустить свою станцию. Луна бежала за вагоном, освещая лесную равнину и редкие полустанки. Через час мы вышли в Боголюбове и зашагали назад по ходу поезда по тропинке вдоль железной дороги. Ночь была короткая, скоро рассвело, но на земле лежал сильный туман, и вдруг мы увидели в белой мгле небольшую одноглавую церковь. Я много раз видел ее на фотографии, но никогда прежде — наяву и боюсь увидеть снова, чтобы не исказить то восприятие. Вокруг не было никого. Она стояла на берегу пруда или заливного озерца, речка протекала с другой стороны. Мы ничего не говорили, ходили вокруг, задирали голову и трогали руками камни — нам было, Господи, страшно сказать, по двадцать лет. А ей — восемьсот.

Вдруг откуда-то раздался голос:

— Стой! Кто такие?

Мы вздрогнули, повернули головы и увидели пожилого милиционера. Милиционер был лысоватый и совсем нестрашный. Он смотрел на нас одновременно с опаской и любопытством, как смотрят собаки и дети. Проще простого было дать деру в туман. Однако ноги наши приросли к траве. Милиционер приблизился.

— А документы у вас есть с собой, ребята?

Паспорт был лишь у одного из нас. К счастью, он же оказался и самым речистым и очень убедительно рассказал про археологическую практику, которую мы проходим. Милиционер немного поколебался, поглядел на наши стриженные головы, московскую прописку и еще ничем не обожженные глаза и отпустил с миром.

На обратном пути в электричке мы заснули. В последний момент, когда поезд уже сбросил ход и остановился у знакомой станции, окруженной путями, на которых стояли составы с зачехленной техникой, мы успели выскочить наружу. В лагере спали все, кроме старшины. Он неодобрительно на нас посмотрел, но сказать ничего не решился. Мы тоже хотели лечь, но делать этого уже не имело смысла: до подъема оставалось меньше получаса.

А через несколько ночей Мамыкин нагрянул в лагерь с проверкой. Это была самая обычная июльская ночь. Теплая и нежная. Дневальные, которым было положено стоять под грибками, дрыхли, курсанты, которым было положено спать, пили чай, а кто и водку, часть ушла купаться на Клязьму, а другая — в соседнюю деревню на огороды. Дежурный сержант пел под гитару французские песни в палатке, откуда раздавался женский смех.

Я не видел, но думаю, что, стоя посреди этого цыганского табора, майор заплакал. Гнев его был неопишем. Сержанта он разжаловал в рядовые, а дневального отправил на гауптвахту. Но результата не было никакого. Днем подполковник Жудин привел с собой двух насмерть перепуганных бойцов, выстроил роту, по-страшному их обматерил и дал каждому в зубы, но сержанта по его приказу втихую восстановили в звании и перевели в другую роту, а дневального отправили на кухню.

— Настоящий офицер, — сказали наши старики уважительно.

Мамыкина мы не видели после этого несколько дней.

Дни были паркие и душные. Мы сидели в классе самоподготовки и зарисовывали топографические карты. Карты были не выдуманными, как в школьных учебниках и атласах, а настоящими, секретными. Их выдавали под расписку, и на владимирские поля и леса мы наносили расположение частей нашей армии и армии вероятного противника, устраивая на зеленых листах бумажные войны и не задаваясь вопросом, как мог добратся коварный враг до тех мест, где после татар шесть веков не было иноземных завоевателей.

На закате третьего спокойного дня после ужина в лагере снова появился Мамыкин. Окончилась веселая вечерняя прогулка и поверка, прозвучала команда «отбой», но майор никуда не уходил. Он сидел в курилке и

глядел, как засыпает лагерь. В палатках бурчали и злились: ночь была нашим законным временем. Потом пошел дождь. Он стучал по брезенту, и казалось, старая, выгоревшая на солнце материя не выдержит и прорвется, обрушив на нас тонну воды. Но брезент держал. Иногда мы выглядывали наружу и видели, что майор надел плащ-палатку и никуда не уходит. Постепенно все уснуло, а среди ночи нас разбудил его голос:

— Рота, подъем!

Сонные, не понимающие, что к чему, мы оделись и построились. Дождь был такой сильный, что даже песчаная почва не успевала вбирать в себя влагу, и палатки стояли окруженные водой. Холодные струи залезали под воротник и стекали по спине.

— В пятнадцати километрах от лагеря выбросился вражеский десант. Ставлю задачу окружить и уничтожить его.

— Совсем рехнулся! — пробормотал кто-то.

Нам выдали автоматы и зачем-то большие армейские ватники. В таких хорошо сидеть поздней осенью на рыбалке, когда ночами идет на донку налим. Но не бежать теплой летней ночью, когда хлещет дождь. Телогрейки промокли через пятнадцать минут и висели, как бронезилеты. В них мы пробирались по сырому лесу на северо-восток. Потом деревья кончились, мы вышли на дорогу и двинулись по ней на север. Какая-то деревня встретила нас на пути. В ней было домов, может быть, двадцать. Небольшие покосившиеся избы, огороды, заборы и картофельные поля. Полуразрушенная церковь с пустыми оконными и дверными проемами стояла на краю. Дома были расположены по обе стороны, но не близко друг от друга, как обычно стоят они в русских деревнях, а на отдалении, словно пожар, война или время выбивали избы, как выбивают они людей.

Ни одно окно не было освещено изнутри, только молнии блестели в стеклах. Мы шли походным строем через эту деревню, и вдруг в одном окне я увидел старуху. Ей не спалось, или же она боялась грозы и, припав к стеклу, испуганно и печально смотрела на идущих по дороге солдат. Быть может, бабка решила, что опять началась война. Может быть, и Мамыкин так думал и верил, что в лесу выбросился десант, который он должен уничтожить с сотней необстрелянных бойцов. Но было что-то в этой грозовой ночи необыкновенное, и я снова ощутил то волнение, которое испытал несколько дней назад, стоя перед церковью на Нерли. Я не знаю, действовала ли на меня какая-то неведомая, возникшая помимо моей воли спецпропаганда, но в эту минуту, идя в тяжелом ватнике и хлюпающих сапогах с противогазом и бесполезным автоматом сквозь незнакомую русскую деревню, я понимал, что если потребуется, то умру за эту деревню, за церковь Покрова, за своих ребят, за отца и даже за майора Мамыкина.

Мы свернули с дороги и пошли через поле. Начало светать, дождь приутих, и впереди в его пелене мы увидели заросшую тростником реку. Одинокая лодка стояла на якоре на стремнине: какой-то мужик в комплекте химзащиты удил в проводку рыбу и время от времени прикладывался к бутылке.

Мы рассыпались по местности, занимая оборону.

— Газы! — крикнул майор. — Всем окапываться.

Я копал. Боже, как я копал! В противогазе было страшно душно. В земле попадались корни, которые я перерубал саперной лопаткой и дальше вгрызался в землю, которую должен был защищать и которая должна была защитить от пули меня. Сколько это продолжалось, не помню. Почва сменилась тяжелой речной глиной. Из-за пота, который тек по лицу под маской противогаса и смешивался с каплями дождя, я ничего не видел и ничего не слышал, кроме дробы барабана и бульканья в ушах, и очнулся лишь в тот момент, когда кто-то толкнул меня в спину.

Надо мной стоял старшина.

— Построиться! — сказал он лениво.

Мамыкин стал обходить линию обороны.

— Это кто копал? — спросил он, глядя на вырытую мной яму.

Она казалась совсем маленькой и неказистой, разве в такой спрячешься? Но, видимо, прочие были еще мельче.

— Я.

— Отставить — я. Как надо обращаться к командиру?

Я назвал свою фамилию.

— Объявляю вам благодарность! — Лицо его сделалось еще смурнее — такое бывает у человека либо чем-то сильно раздраженного, либо испытывающего изжогу.

Перепаханный глиной, я растерянно молчал и тяжело дышал.

— Ну! — зыкнул на меня старшина.

— Служу Советскому Союзу! — сказал я хрипло и подумал о папе: в эту ночь я принял свою присягу.

История эта имела конец нелепый и вздорный. За неделю до окончания сборов, когда и майор наш начал уставать и когда мы начали догадываться, что после Африки он не совсем здоров и занятия даются ему еще тяжелее, чем нам, он пришел по обыкновению к шести часам утра в лагерь.

Народ выполз из палаток и построился. Все, кроме одного. Этим одним был старший сержант по фамилии Трушин, который служил в стройбате и которому все надоело. К тому же ему было двадцать пять лет, он изучал греческий язык и латынь, а накануне сильно перепил деревенского самогона, и разбудить его не могла бы и всамделишная война.

— Старший сержант Трушин!

Лучше бы Мамыкину было закрыть на него глаза и не трогать.

— Пошел ты на х... — сказал Трушин и перевернулся на другой бок.

Сказал ли он так громко нарочно или нет, но слова его услышали все, и замять историю примчавшемуся из офицерского общежития Жудину не удалось. Трушина разжаловали в рядовые и посадили на губу, откуда выпустили только в тот день, когда мы, переодевшиеся, счастливые, со своими сидорами стояли на станции Федулово и ждали электричку на Владимир. А во Владимире взяли пива и вместе с офицерами пили и курили, и только Трушин ничего не говорил, хотя и его тоже звали.

Потом он все равно получил, как и мы все, лейтенанта и даже хотел извиниться перед Мамыкиным, но не смог его найти. Третья звезда для Жудина не срезалась. Год спустя я встретил его в университете с полковничьими погонами. Он узнал меня и протянул руку, которую я не отказался пожать. А куда делся Мамыкин, я спросить постеснялся.

ВИКТОР КУЛЛЭ

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

* *
*

В филологическом азарте,
где всяк коллегами тесним,
легко забыть об Александре
Сергеиче — и иже с ним;

довольно просто заиграться,
изгадить исподволь язык...
Но послевкусье деклараций
как стойкий перегар разит.

Язык не ведает закона
извне — он сам умрет в свой срок.
Не заглянув в глаза дракона,
не свяжешь вместе пары строк.

Уже не пушкинские санки —
свистящим полозом в строке, —
но клейстер аглицкой овсянки
как вязкий ком на языке.

* *
*

...что не понял современник —
то оценят позже.
Я ведь не за-ради денег
так нелепо прожил

свой единственный огрызок,
разрушаясь телом.
Но зато, казалось, близок
был великим теням,

коим даже не наследник —
так, приبلудный малый.
Слава Богу, быть последним
роскошь миновала.

Слава Богу: все, что было,
 обернулось только
 памятью о том, как било
 наши пальцы током.

Жизнь провел — как на мякине
 влюбчивая птичка.
 Но последней не покинет
 вредная привычка

говорить — как будто нету
 дел иных на свете —
 как положено поэту:
 о любви и смерти.

* *
 *

Живу как будто не в стране
 и не в эпохе — где-то обок.
 Я не на дне — я просто вне
 тусовки. Я недавно отбыл

в те допотопные края,
 где душу ничего не держит.
 Где сочиняют без вранья
 и любят — даже без надежды.

* *
 *

Выпьем с горя — и пойдем,
 разойдемся по отсекам.

Виктор Коркия.

Дожив до скончания века
 и переступив за порог,
 мы все разбрелись по отсекам,
 как спьяну Платоныч предрек.

Фанаты расчистили сцену —
 по дурости или со зла, —
 и кодле партийной на смену
 лихая тусовка пришла.

Не то чтобы новый порядок
 не в жилу — я сам не из тех, —
 но стал смехотворен и гадок
 когда-то трагический смех.

Извечный закон победивших:
 когда устаканен расклад,
 забыть об истоках, родивших
 намедни поверженный ад.

Разделена поровну слава,
изжит на корню пиетет,
и сладкое слово «халява»
ужо обещает фуршет —

являй же напор и сноровку,
о постмодернизме трепись...
Закон коммунальной тусовки
не слаще, чем бывший совпис.

У власти, как прежде, уроды,
а дружества круг поредел.
Ревнителю тайной свободы
в диковину сей беспредел.

И скушно, дружочек, и грустно,
и некому морду набить.
...Вот тут и спасает искусство
жестoko и вдумчиво пить.

* *
*

Ор<фей> насилывал судьбу...

Алкей.

...пусть птицы замирают на лету
и падают — пока ты человек,
пересекая (вплывь ли, на плоту)
единственную из великих рек, —

попробуй оглянуться. И она
останется с тобой — отдельно от
той плоти, что сегодня так нежна,
но послезавтра вытравит твой плод.

Страх, а не похоть к перемене мест —
смысл содроганья струн, стремленья строк.
Бог торгашей, услужливый Гермес,
я говорю спасибо за урок.

За чистый лист, с которого давным-
давно пора начать незнамо что, —
спасибо. Я стал злобным и дрянным
за эти годы самоуничто-

жения — не говоря о том,
что в этом деле таки преуспел.
Похоронил жену, оставил дом.
Пытался петь — и временами пел.

Теперь весь этот миф не про меня —
я слишком стар насилывать судьбу.
Нагие пляски бешеных менад
несут не смерть — но попросту сумбур

и пустоту. Для голоса вполне
достаточно звериного угла
и той, что в сонме пляшущих теней
вслед за тобою из Аида шла.

* *
*

Сбывается исподтишка
все то, что смолоду накаркал.
И это — повод для стишка,
для бесполезного подарка —
вполне безадресного, без
амбиций. Так, ни за понюшку
истаяв, даришь сам себе
загадочную финтифлюшку
на день рождения, к иной
вполне неочевидной дате.

Не проживаешь путь земной,
но, собезьянничав у Данте,
буравишь время, словно крот.
Перемогаешь в легких клетот.

На смену тяжести идет
нечеловеческая легкость,
когда, мотор зажав в горсти,
преследуем эриний сворой,
ты к двери пробуешь ползти,
чтобы открыть ее для «скорой».

ДМИТРИЙ ГАЛКОВСКИЙ

ДРУГ УТЯТ

Сценарий фильма

I

Общество будущего — это общество добровольной дезинформации. Сознательно никто никого не обманывает. В мире давно отсутствуют какие-либо идеологические системы: «коммунизм», «либерализм», «фашизм». Вместо этого существует единый информационный поток — каждый день в мире происходит столько культурных, политических, экономических, религиозных и криминальных событий, сколько раньше происходило за столетие. Отдельный человек уже не в состоянии уследить за «потоком жизни». Этим занимаются несколько мировых информационных агентств, точнее, несколько агентств гиперпрограммирования, которые поставляют пользователям персональные модераторы. Персональный модератор — это сложная программа, имеющая антропоморфную оболочку (виртуального «диктора»), настроенная на психологию восприятия конкретного заказчика и фильтрующая информацию по установленным заказчиком критериям.

Например, пользователь устанавливает фильтр: темы — «Румыния», «баскетбол», «египтология»; объем — тридцать минут аудио- и видеoinформации в день; характер подачи — легкий скепсис с элементами эротики; внешность модератора — мой дедушка. В этом «румыно-баскетбольно-египтологическом» коконе пользователь может прожить всю жизнь, общаясь через Интернет с такими же товарищами по несчастью. Или он может, наоборот, менять фильтры каждый день. Это не важно. Важно, что человек сам определяет, что он хочет знать, и тем самым из общения элиминируется элемент драматургии. Из мира исчезла «чужая воля», но, таким образом, каждый конкретный человек, будучи представленным сам себе, этой чужой воле подчинился абсолютно. Он стал никому не нужен, никто не заинтересован в его переубеждении или просвещении. Общество будущего лживо до такой степени, что даже правдиво. Зачем кого-то сознательно обманывать, если этот «кто-то» сам устанавливает в фильтре, через который он общается с миром, параметр «правдоподобности». Предположим, пользователь интересуется проблемой «НЛО». Он может установить фильтр правдоподобности равным ста процентам, и его будут потчевать разоблачениями шарлатанов и научными исследованиями массовой психологии. Но он может установить уровень

Дмитрий Евгеньевич Галковский родился в 1960 году в Москве. Окончил МГУ. Автор философского романа «Бесконечный тупик» (М., 1997), статей, рассказов, пьес. Составитель антологии советской поэзии «Уткаречь» (Псков, 2002). Лауреат литературной премии «Антибукер» за 1997 год (от премии отказался). В 1996 — 1997 годах издавал журнал «Разбитый компас» (вышли три выпуска). Сайт Дмитрия Галковского: www.samisdaf.ru В «Новом мире» печатались обширные фрагменты «Бесконечного тупика» (1992, № 9, 11) и статья «Поэзия советская» (1992, № 5). О «Бесконечном тупике» см. новомирскую рецензию Татьяны Касаткиной (1997, № 10).

Редакция считает необходимым предупредить читателей о том, что многие персонажи фильма отличаются грубостью нравов и несдержанностью выражений. Заранее приносим свои извинения.

правдоподобности равным одному проценту, и ему каждый день по его же просьбе будут вешать на уши лапшу о контактах с альфой Центавра.

II

Начиная с 2030 года начался массовый выпуск антропоморфных роботов. Это привело к девальвации промышленного производства. Поскольку роботы могли создавать сами себя, то промышленный потенциал начал увеличиваться в геометрической прогрессии. Через десять лет стоимость роботов стала исчезающе мала, а материальные затраты на производство товарной массы свелись к нулю. Стоимость продукции отныне целиком определялась стоимостью планирования и интеллектуальной собственности. Это привело к колоссальному повышению жизненного уровня. Средний обыватель 2100 года стал жить как граф эпохи Людовика XV. Причем не только в смысле материального благополучия, но и в смысле принципиального отказа от любых форм физического труда. В моду снова вошла личная прислуга, целиком состоящая из роботов. Соответственно и массовая культура XXI века стала в некоторых своих чертах напоминать стиль рококо.

III

Основной формой поселения людей будущего стал «кенотаф», сложное понятие, не имеющее аналогов в современном языке. С одной стороны, это нечто вроде латинской «фамилии», семьи людей и роботов, живущих под одной крышей. С другой, кенотаф — это латинская «вилла», имение, причем имение подземное.

Знатные люди — выдающиеся программисты, ученые, менеджеры, политики, гипераниматоры — могут иметь огромные кенотафы первого или даже нулевого класса, объединяющие по пятьдесят человек и двести роботов. Стандартный кенотаф второго класса, в котором живут пятьдесят процентов граждан цивилизованных стран, — это четыре-пять человек и пять-десять роботов.

Само слово «кенотаф» взято из древнегреческого языка. Кенотаф — это «собачий мавзолей», ложная гробница, сооружаемая для обмана воров. Поселения в виде кенотафов возникли прежде всего из соображений безопасности.

Кенотафы размещаются «кустами» — поселениями, рассредоточенными на площади в тысячи квадратных километров. Средняя глубина размещения кенотафа — один километр. Кусты часто привязаны к разрушенным крупным городам. В каждом кусте находятся «точки сборки» — примерно десять постоянно меняющихся центров управления. В них расположены больницы, интернаты, склады и аэродромы. Рассредоточение приводит к невозможности эффективного поражения больших масс населения. Даже прямой термоядерный удар с заглублением приводит к гибели отдельного кенотафа или максимум одной «точки сборки».

Конечно, в кенотафы людей загноили объективные обстоятельства. Однако есть здесь и оборотная сторона медали. В кенотафах людям оказалось жить приятно. Система кондиционирования и интернет-коммуникаций создала ощущение удобства, архетипической «норы», чувства, свойственного любому ребенку — детенышу крысоподобного протомлекопитающего. Жизнь в уютных и аккуратных норах — это следствие общей инфантилизации общества. Жуткий беспорядок и разруха поверхности («реаллайфа») есть не только причина, но и следствие размещения людей в бронированных кенотафах.

В принципе, кенотаф построен так, что может автономно существовать неопределенно долго. Поэтому как, например, арестовать человека в кенотафе? Это проблема гораздо большая, чем поимка непокорного феодала в XV веке. У кенотафа есть режим аутизма, когда верхние пятьсот метров шахты взрываются. Чтобы ее просто раскопать, требуются большие затраты времени. Что же говорить о «массовых репрессиях» или еще больше — завоевании другого государства. Общество стало в значительной степени анархическим, где каждый сам себе хозяин.

IV

Практика человеческой цивилизации показывает, что каждое революционное изменение в жизни общества сопровождается революцией, то есть глубокой реакцией на революционные изменения. Эти «революции» не имеют к настоящим революциям никакого отношения, но человечество запоминает именно их и со временем в своем массовом сознании даже начинает отождествлять с подлинными революциями.

Когда в грузинскую деревню приезжал князь, родители били детей, чтобы те запомнили событие на всю жизнь: «Князь приехал!» Учитывая масштаб «Князя», ошастливившего своим появлением человечество XXI века, выживут после этого мероприятия немногие. Человек будущего — существо не только зажившее, но и ПУГАНОЕ, панически боящееся потерять свой уют и комфорт.

V

Для основной массы людей будущего исчезли привычные ценности нашего мира: «работа», «карьера», «политика», «искусство». Тем не менее люди есть люди, поэтому естественная драма человеческой жизни никуда не делась и в XXII веке. Просто она стала носить превращенную, виртуальную форму, форму гудилапа. Гудилап — это трупна виртуального театра и сам этот театр в его контакте-конфликте с реальной жизнью. В первый раз в гудилап люди входят, как правило, в подростковом возрасте. «Грузинские праздники» привели к тому, что огромное число детей растет без родителей и проводит детство в интернатах. Именно интернаты сделали систему гудилапов жизненным стандартом. В гудилапе люди выдумывают себе роли на всю жизнь. Сначала это просто сложная многопользовательская компьютерная игра. Но постепенно игра начинает все более и более определять реальную жизнь. Место в детском коллективе определяется в зависимости от хода многолетней игры. Избранный в гудилапе псевдоним — «ник» — становится вторым, а то и первым именем. Это не просто детское прозвище, а целый мир. Человек приобретает свою игровую историю, его игровая биография нередко бывает гораздо более яркой, чем реальная жизнь. Самовосприятие гудилапа напоминает коллектив актерской студии.

Искусство почти исчезло из нового мира, но это не значит, что люди стали примитивнее. Словно говоря, вместо небольшого слоя художников-мастеров и многомиллионной массы потребителей образовалась единая масса художников-дилетантов. Их уровень, в общем, невысок, но зато в творческом процессе участвуют все. Каждый член нового общества немножко актер, немножко режиссер, немножко писатель. Каждый день он решает небольшие творческие задачи. Образ жизни художника ему понятен и для него естествен. Тупая масса мещан исчезла. Но с ней исчезли и подлинные творцы. Людям стало интересно участвовать в спектаклях, но неинтересно — смотреть, как играют другие.

Именно такое отношение к жизни стало первой ласточкой новой эпохи. Если гиперинформационное общество стало развиваться с 2010 года, после срачивания Интернета и телевидения, а роботизация, как говорилось выше, стартовала в 2030 году, то первые начатки гудилапов прослеживаются еще в девяностых годах XX века. Возникнув практически одновременно с персональными компьютерами и электронной почтой, гудилапы явились первыми ростками «дивного нового мира».

Действующие лица:

1. Люди как люди:

Елена Викторовна Небольсина — миловидная интеллигентная женщина 28 лет, немного издерганная счастливым будущим.

Большой человек — лысый чиновник московско-татарского вида.

Гаденыш — сын Вали Тамбовского, балованный, раскормленный мальчик лет двенадцати.

Миша в рот — толстый бородатый пахан, стриженный под горшок.
Новый русский.

Ректор.

Секретарша ректора.

Тяни-Толкай — даун 18 лет (как все дауны, выглядит моложе своего возраста).

Игорь Петухов — компьютерный хулиган («козлачков»). Тридцатипятилетний тщедушный блондин в очках. Желательно роль дать актеру Виктору Сухорукову.

Первый мордоворот.

Второй мордоворот.

Валя Тамбовский — пахан новой формации, в галстук и в очках.

Мать и дедушка Гаденыша.

Дочь, сын, жена и теща Большого человека.

Директор школы.

Учительница.

Лена — дауниха.

Солнцевские и кавказские уголовники.

2. Утята:

Зерг — комсомолец-затейник («Пельш» из «Угадай мелодию»).

Бомбастик — студент-очкарик.

Гудвин — «первый любовник».

Ручейник — тщедушный молодой человек без рук. На клавиатуре компьютера работает при помощи палочки, зажатой во рту.

Иезуит — двухметровый худошавый блондин с тонкими губами. Тридцать лет.

Сим-Сим — «золушка».

Панк Тимур — с огненно-рыжей копной волос, небольшого роста.

Крысоскорпион — четырнадцатилетняя стукачка-«отличница».

Генерал Солнышкин — 40 лет, с профессорской бородкой.

Хифловер, Долгоносик, Алхимик, Штуша-Кутуша, Стар-мастер, Лыжник, Но-Нейм, Леди Май — современные люди среднего возраста.

Самокомментатора не видно.

3. Актеры:

Лев Дуров, Олег Табаков, Владимир Меньшов, Юлия Меньшова, Вера Алентова, Михаил Горбачев и Клаудиа Кристиан.

Похожи сами на себя, в идеале сами себя и играют.

4. Роботы:

Роботы отличаются от людей некоторыми особенностями пластики в экстремальных ситуациях и особой меткой на одежде — широкой (как правило, белой) полосой по диагонали от плеча до ноги.

Трофим — слуга. Солидный отставник с бакенбардами.

Авдотья — кухарка. Ворчливая, но добродушная толстуха.

Жорж — личный врач и по совместительству любовник. Наглый молодой человек.

Псевдоденис — семнадцатилетняя девушка.

5. Фантомы:

Всякого рода «говорящие головы» и «закадровые голоса».

ПРОЛОГ

Титры: Куст Москва, 19 октября 2101 года. Кенотаф III класса 81/914.

Темно. Загорается свет, освещающий спальню. Включается экран большого дисплея.

Дикторша (с экрана). С добрым утром, Елена Викторовна, поздравляем вас с годовщиной выпуска.

Елена Викторовна (открывает глаза). С добрым утром.

Дикторша. Напоминаю, что сегодня запланирована ваша поездка в реаллайфе на встречу выпускников интерната. В связи с этим настоятельно рекомендую прослушать местный выпуск новостей.

Елена Викторовна. О господи. Что такое. Ну, читайте. (Встает, совершает всякого рода утренние процедуры под текст дикторши. Действие заканчивается в ванной.)

Дикторша. Население Московского куста — 123 511 человек, площадь — десять тысяч квадратных километров. Средняя плотность населения — двенадцать человек на квадратный километр. Средняя глубина проживания — один километр сто метров. Ежегодный прирост — около восьми тысяч человек. Тип прироста — миграционный.

Сегодня 19 октября 2101 года. Температура на поверхности — минус двадцать восемь градусов, уровень радиации — сто рентген в час, атмосферное давление эквивалентно двум тысячам тремстам метрам над уровнем моря. Ветер постоянный, умеренный. По-прежнему обнаруживается глубокое мультикапсульное заражение боевой оспой, а также следы спор зеро и мокрой заеды. Динамика заражения стабильная. Сейсмическая активность удовлетворительная — небольшая вероятность землетрясения силой в два — два с половиной балла...

К сожалению, существует некоторая трудность. Произошла внезапная переориентация спутника прикрытия, в результате чего в нашем секторе коэффициент маскирования понижен до семидесяти пяти процентов.

Елена Викторовна (капризно). Ну и что, что из этого?

Дикторша (вздыхает). Десятилетняя годовщина выпуска — важное событие в Вашей жизни. Однако, ввиду указанного обстоятельства...

Елена Викторовна. Ничего не хочу слушать. Полгода не была в реаллайфе, и вот на тебе. Поеду, поеду, поеду.

В ванную комнату входит Авдотья с полотенцем.

Авдотья. Куда, куда, мать, собралась? Тебя только там не хватало.

Елена Викторовна. Замолчи, Авдотья, все приедут.

Авдотья. Да никто не приедет. Дураков нет.

Елена Викторовна (дикторше). Кто-нибудь отказался?

Дикторша. Отказов нет.

Елена Викторовна. Вот видишь, еду, еду. Ничего, проскочим.

* * *

Через несколько часов. В верхнем холле у лифта стоят Елена Викторовна, Авдотья, Трофим и Жорж.

Трофим (Жоржу). Скажите хоть вы барыне, чтобы не ехали сегодня. Мыслимое ли дело — спутник переориентировали. Уж там какая защита поставлена. Это такие механики работают, что не приведи господь. Это о нас НАВЕРХУ подумали.

Жорж. В самом деле, Леночка, может, не поедешь? (Дает ей на блюдце какую-то капсулу. Она капсулу глотает, запивает водой.)

Елена Викторовна. Все, кот. Антидот приняла, теперь надо ехать. *(Целуется с Жоржем и Авдотьей.)*

Жорж. Ну, с богом!

Авдотья. Эх, гулена, гулена! *(Украдкой смахивает слезу.)*

Елена Викторовна и Трофим входят в комнату-лифт. Лифт с огромной скоростью поднимается вверх. На табло бешено вращаются цифры от тысячи ста до ста метров. Елена Викторовна в процессе подъема надевает в лифте скафандр и берет автоматическую винтовку. Трофим помогает, тоже вооружается. Их действия сопровождаются металлическим голосом модератора куста.

Модератор. Внимание! Модератор куста предупреждает: социальная обстановка в вашем секторе ограничено стабильная. При выходе в реаллайф мы не можем гарантировать вашу абсолютную безопасность. Стоит ли в подобных условиях подвергать себя неоправданному риску? Подумайте еще раз. У вас есть время для отмены принятого решения. Напоминаем, что выход в реаллайф в вашем секторе несовместим с жизнью. Необходим скафандр класса «Зет» и выше... Как хорошо, что вы надели скафандр... Это правильное решение. Может быть, вы забыли оружие индивидуальной защиты?.. Вы не забыли оружие индивидуальной защиты — замечательно! Напоминаем, что в случае захвата в заложники при помощи пароля активизируется вшитый в скафандр эвтаназер. Эвтаназер на основе цианидов избавит вас от ненужных мучений. Это необходимый элемент поддержания стандартного качества жизни. Уверенность и свобода — лозунг производителя эвтаназеров «Маккинли Корпорейшн». *(Лифт останавливается.)* Вы поднялись на верхнюю палубу. До поверхности осталось сто метров. Решение отменяется?

Елена Викторовна. Нет. *(Новый подъем.)*

Модератор. Вы поднялись на нулевую палубу. До реаллайфа двадцать пять метров. Решение отменить?

Елена Викторовна. Нет.

Дверь лифта открывается. Трофим и Елена Викторовна выходят. Помещение похоже на ангар. Посередине стоит небольшой, но массивный вертолет без стекол. Залезают внутрь.

Трофим. Курс — точка сборки Московского куста. Старт.

Автопилот. Задание понял. До старта осталась одна минута... тридцать секунд... пятнадцать секунд. Включается «невидимость». *(Вертолет почти исчезает.)* Десять секунд, пять, четыре, три, два, один. Старт!

В потолке открывается люк. Невидимый вертолет выбрасывается в люк механической платформой на пружинах. Люк тут же закрывается. Снаружи его совсем не видно. Полетели!

Внизу зимняя ночь, панорама разрушенного города. Вертолет пролетает под свеченную прожекторами гигантскую скульптуру какого-то человека в виде сфинкса. На сфинкса надета шапка с козырьком. На фундаменте скульптуры надпись: «Друг Утят».

Автопилот. Пять минут, полет нормальный... пятнадцать минут, полет нормальный... *(Беззвучная встывка молнии.)* Когерентный излучатель вывел из строя систему маскирования. Связь со спутником разорвана. Включена система контурной маскировки... Сбой в компьютере. Повреждена система фокусировки чехла невидимости... Зафиксирован сильный магнитный импульс — система фокусировки блокирована. Внимание, мы летим в режиме полной видимости. Включена система противоминного рыскания, расстояние до поверхности земли сокращено до восьми метров. *(Кабину наклоняет из стороны в сторону, вертолет маневрирует.)* Продолжать полет по заданному курсу?

Елена Викторовна. Продолжайте.

Автопилот. Включен размножитель голографических фантомов. *(Рядом с летящим вертолетом появляются восемь голограмм-двойников.)* С левого борта зафиксирована летучая мина. *(Начинает звенеть зуммер, мигает красная лампочка. Выстреливаются фальшимшени, вертолет круто идет вверх.)* Расстояние до летучей мины пятьсот метров, четыреста, триста, триста пятьдесят, двести, сто, десять, двадцать пять, двадцать пять, пятьдесят... *(Взрыв. Вертолет трясет.)* Физических повреждений нет, магнитное излучение уничтожило автоматическое управление. Резервная система пневмологики поддерживает взятый курс. Для изменения курса следует перейти на ручное управление. *(Трофим берет управление на себя.)*

Елена Викторовна. Трофим, возвращаемся!

Трофим. Задание понял. *(Крутой вираж вертолета.)*

Елена Викторовна. Крест дай!

Трофим. Не понимаю.

Елена Викторовна *(срывает у него крест с шеи, зажимает в кулаке, пытается целовать через стекло шлема)*. Господи, спаси и сохрани! Господи, спаси и сохрани!

Трофим работает тумблерами с нечеловеческой скоростью, вертолет все время маневрирует. Параллельно механическому движению рук идет фоном его медленный успокаивающий голос.

Трофим. Не волнуйтесь, барыня, не волнуйтесь... Доставим в лучшем виде... Так-то вот... Доставим, доставим... Вы не плачьте, мы уже прилетели почти.

* * *

Сцена встречи Елены Викторовны в родном кенотафе. Елена Викторовна ревет как белуга, обнимается с Жоржем и Авдотьей.

Елена Викторовна. Авдотьюшка, миленькая, меня убить хотели.

Авдотья. Все неймется ей. Стрекоза. А мы тут... *(Громкие всхлипывания.)*

Трофим. Ну будет, будет вам. Нет худа без добра. Теперь страховку получим.

Жорж *(стреляет из иглоукалывателя хозяйке в плечо, массирует, чтобы лекарство быстрее рассосалось)*. Ого! Страховочка — это очень даже ничего. Детальки новые подкупим. *(Похабно улыбаясь, что-то шепчет на ушко Елене Викторовне. Та сквозь слезы хихикает.)*

Авдотья. И-и, охальник. «Детальки». Не покупай ему ничего, коту бесполезному.

Жорж. Я не в том смысле.

Авдотья. Знаю я, в каком смысле. Эх, нет нашего Виктора Андреича, светла солнышка. Царствие ему небесное. Уж он-то показал бы тебе «детальки». И тебе, гулена, на хвост перцу бы насыпал.

Елена Викторовна. Все, надоели. Стоп! *(Роботы замирают.)* Стандарт! *(Роботы принимают стандартную позу покоя — садятся на корточки, голова между ног, руки на затылок.)*

Под действием транквилизатора страх у Елены Викторовны сменяется злобой. Она идет в гостиную, садится перед экраном.

Елена Викторовна. Новости! *(Загорается экран.)*

Дикторша. Фильтр?

Елена Викторовна *(обиженно-злбно)*. Черный! *(Смотрит новости, скрестив руки на груди.)*

Дикторша. В пятом векторе Московского куста только что совершено покушение на Елену Викторовну Небольсину. Сработала воздушная мина-ловушка в треугольнике между памятником Другу Утят, развалинами Бизнес-Сити и южной группой воронок ядерной бомбардировки семьдесят седьмого года. Мина установлена около недели назад, террористическая организация неизвестна, связь с перепрограммированием спутника прикрытия недоказана. Предположительная цель — общее устрашение. За последние тридцать дней это всего второй случай фонового терроризма в Московском кусте, что соответствует жизненному стандарту. Однако переориентация спутника заставляет задуматься о возможности подготовки серьезной акции. Контртеррористические и контрконтртеррористические подразделения куста приведены в состояние усиленного режима.

Вокруг зеленоградского провала продолжают аномальные...

Елена Викторовна. Пропустить.

Дикторша. США. Джон Мицкевич достиг пятилетней абстиненции от курения. Ему вручена премия в размере пятидесяти миллионов долларов. Таким образом, среди госслужащих США курение табака окончательно ликвидировано... В районе Нью-Дели опять...

Елена Викторовна (*в ужасе*). Пропустить.

Дикторша. На Плутоне запущен резервный завод по регенерации кислорода. Местная администрация продолжает расследование террорист...

Елена Викторовна. Пропустить.

Дикторша. Умер известный...

Елена Викторовна. Пропустить.

Дикторша. Новый успех американской администрации. В штате Теннесси на подходе к подземному федеральному складу медикаментов обнаружена самоуглубляющаяся ядерная мина мощностью в семь мегатонн. Мина успешно обезврежена... Продолжается добровольная стерилизация мусульманской общины Индонезии... Антинусисты в Швеции...

Елена Викторовна. Пропустить.

Дикторша. Антинусисты в Боливии...

Елена Викторовна. Пропустить.

Дикторша. Антинусисты в Луна-Сити...

Елена Викторовна. Пропустить про антинусистов все!

Дикторша. Население Индии достигло девяноста восьми миллионов человек, вновь превысив население самого крупного государства Европы... Уф... Это я сама пропущу (*вопросительно смотрит*)...

Елена Викторовна. Если нет непосредственной угрозы нашему кусту, пропустить.

Дикторша. Пропускаю, непосредственной угрозы нет.

Елена Викторовна. Изменить фильтр.

Дикторша. Цвет?

Елена Викторовна. Бледно-розовый.

Дикторша (*становится бодренькой*). Новости бизнеса и культуры. Россия прочно удерживает первенство в мировом производстве антропидных роботов. Еще четыре государства купили лицензии на программное обеспечение антропидов «Станиславский-2100».

Звонок телефона.

Елена Викторовна. Так, начинается. Трофи-им, возьми трубку. (*Входит Трофим.*) Сейчас пойдут звонки по поводу покушения, ответь за меня сам. Стиль: тревога, благодарность за сочувствие. Все без иронии.

Возвращается к новостям.

Дикторша. Студия «Ретро-интернешнл» выпустила новую версию фильма о становлении гудилапа на основании пакета актерских программ «Мосфильм-2000». Спецификация фильма — реаллайфное ностальжи.

Елена Викторовна. На этом и закончим. Дайте фильм.
 Дикторша. Персональная фокусировка?
 Елена Викторовна. Стандартная.
 Дикторша. Коррекция фильтра?
 Елена Викторовна. Ноль.
 Дикторша. Принято.

Экран монитора увеличивается до экрана фильма.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Анимированная заставка: Гиперанимационная кампания «Латона Эссет Менеджмент» при финансовой поддержке геной техногруппы «Три яйца». Пакет актерских программ «Мосфильм-2000». Реаллайфное ностальжи «Друг Утят».

Реклама квадратных яиц:

Новинка сезона. В 2099 году геной техногруппой «Три яйца» сконструированы и запущены в серию пищевые яйца кубической формы (кадры работы огромного механизма, выпускающего кубические яйца). Кубическое яйцо — это удобная упаковка (кадры расфасовки яиц в прямоугольную тару — 4 яйца, 8, 16, 32, ящик, контейнер). Это на двадцать семь процентов больший объем и вес при той же стоимости. (На весах взвешиваются обычное яйцо и яйцо квадратное. Квадратное перевешивает.) Резюме: умная дочь (актриса Юлия Меньшова) и глупая мать (актриса Вера Алентова) заказывают по Интернету яйца. Получают по пневмопочте. Глупая берет обычные яйца, а умная — за ту же цену квадратные. Получается намного больше, к тому же глупая от удивления роняет обычные яйца из уродливого пакета, куда они неудобно насыпаны.

I. ГАДЕНЬШ

Титры: Москва, 4 ноября 1996 года.

Компьютерный клуб «Хочувсёзнайкин». На вывеске нарисован смешной утенок. Небольшое помещение, пара компьютеров, кадка с пальмой. В углу глобус звездного неба. За компьютером сидит Бомбастик (молодой человек в очках), что-то печатает. Бомбастик одет в белый халат с желтым квадратом на рукаве.

В клуб входят два мордovorота.

Первый мордovorот. Это, что ль, клуб компьютерный?
 Бомбастик. Да.

Раса: Бомбастик.

Утенок второй категории. Провел 9 игр, выиграл 1.

Основная профессия: директор компьютерного клуба.

Жизненная установка: быть как все.

Особые свойства: отсутствуют¹.

Первый мордovorот. А чем вообще занимаетесь?

Бомбастик. Мы поддерживаем ПБЕМ-игру «Гэлэкси Плюс».

Первый мордovorот. Как это?

Бомбастик (*поставленным голосом профессионального зазывалы*). ПБЕМ-игры — это игры по электронной почте. В принципе, шахматы по переписке тоже можно считать ПБЕМ-игрой. Игроки отправляют на специальный почто-

¹ Примечание: Выделенные в тексте рамками характеристики рас в фильме оформлены в виде страничек Интернета.

вый сервер приказы (вроде е2 — е4), сервер обрабатывает полученные команды и рассылает ответы, отображающие результаты хода. Только в отличие от шахмат в партию «Гэлэкси Плюс» одновременно играют не два игрока, а человек сорок. Одна игра длится несколько месяцев. По своему сценарию «Гэлэкси Плюс» является походовой космической стратегией вроде «Мастера Ориона». Есть такая игрушка. Играли?

Первый мордоворот. Чего?

Бомбастик. Там надо колонизировать планеты, развивать промышленность и науки, строить транспортные и боевые суда, а также воевать. Цель игры — уничтожение противников и сбор голосов в галактике. У нас то же самое, только игроки еще могут от имени космических рас, за которые они играют, анонимно переписываться друг с другом. Поэтому главная часть игры — это не столько правильные ходы, сколько правильная дипломатическая переписка. Кто кому мозги прокомпостирует, тот и выиграл.

Первый мордоворот. Понятно. А навару эта «Гэлэкси» много приносит?

Бомбастик. Да что вы. Игра бесплатная. Подайте заявку по электронной почте и играйте сколько угодно.

Первый мордоворот. Бесплатная, значит. А за аренду помещения кто платит?

Бомбастик. Это я не знаю. У нас некоммерческая организация. Сам я работаю бесплатно.

Второй мордоворот. Некоммерческая, а бар прикинь какой купили. *(Пытается открыть глобус. Глобус ломается.)* Ё-мое!

Бомбастик *(возмущенно встает)*. Что вы наделали!

Первый мордоворот *(толкает его)*. Сиди, лох.

Бомбастик валится на стул, стул переворачивается. Очки слетают на пол, он пытается их нашарить.

Первый мордоворот *(брезгливо оттопыривая палец, берет очки за дужку и выбрасывает в форточку)*. Смотреть больше не надо. Расслабься и слушай. Каждый месяц будешь отстегивать по двести баксов за крышу. Мы уже третий месяц за вами наблюдаем. Сели здесь, как будто так и надо. Хочешь сидеть — плати.

Бомбастик. Да вы что, я-то здесь при чем.

Первый мордоворот. Ты директор?

Бомбастик. Да какой я директор, у нас штат три человека.

Первый мордоворот. Ты что, тупой? Тебе что, не ясно сказали? Плати бабки и сиди месяц тихо-мирно.

Бомбастик. Да откуда у меня...

Первый мордоворот *(бьет в глаз, молодой человек падает)*. Ты, я смотрю, смелый. Платить будешь или еще «мозги прокомпостировать»?

Бомбастик *(вытаскивает из кошелька деньги)*. Вот, больше нет. Здесь рублями восемьдесят долларов. Завтра принесу остальное.

Первый мордоворот. Ладно, на первый раз прощаю... Ты извини, я тут отолюю. *(Писает в кадку с пальмой.)*

Второй мордоворот *(смеется)*. Прикол!

Уходят. Бомбастик, морщась от боли, оцупывает синяк, набирает номер телефона.

Бомбастик. Здравствуйте. Бомбастик.

Алхимик. Здравствуйте. Как развивается реальность?

Бомбастик. Никак не развивается.

Алхимик. Пугаете. Человека убили?

Бомбастик. Да нет, что вы.

Ал х и м и к. Это главное. Людей надо беречь. Вы к человеку с душой, и он к вам тянуться начнет. Люди-то не дураки. А какие тогда трудности?

Бомбастик. Сейчас рэкетеры приходили. Порвали глобус, хамили. Требуют двести долларов в месяц.

Ал х и м и к. А вы что?

Бомбастик. Дал восемьдесят долларов — все, что у меня было.

Ал х и м и к. Не любите людей. А морду лица (*смеется*) били?

Бомбастик (*ощупывая синяк*). Нет.

Ал х и м и к. Это хорошо. Все должно быть культурно. Ладно, будем решать вопрос.

Бомбастик. Они завтра за оставшимися деньгами придут.

Ал х и м и к. Деньги вам утром человек подвезет. А они как-то обозначились?

Бомбастик. Нет.

Ал х и м и к. Ну хоть какая-то зацепка. Номер автомобиля.

Бомбастик. Похоже, были на машине, но номера я не видел.

Ал х и м и к. Это плохо. Завтра посмотрите обязательно.

Бомбастик. Хорошо. А что дальше-то делать? Что, они каждый месяц так и будут приходиться?

Ал х и м и к. Я же сказал — будем решать вопрос.

* * *

Квартира Иезуита. Звонок телефона. Иезуит снимает трубку.

Раса: Иезуит.

Гейммастер 1-го московского сервера. Член Галактического Совета.

Провел 74 игры, выиграл 35.

Основная профессия: программист.

Жизненная установка: главный начальник.

Особые свойства: сильно толкиенутый.

Ал х и м и к. Здравствуйте. Алхимик.

Иезуит. Здравствуйте! Как развивается реальность?

Ал х и м и к. Никак не развивается.

Иезуит. Пугаете. Человека убили?

Ал х и м и к. Да нет, что вы.

Иезуит. Это главное. Людей надо беречь. Вы к человеку с душой, и он к вам тянуться начнет. Люди-то не дураки. А какие тогда трудности?

Ал х и м и к. В клуб «Хочувсёзнайкин», это район Фрунзенской, пришли люди, просят денег.

Иезуит. Понятно. Раз просят — значит, получают. Что за люди?

Ал х и м и к. Пока неизвестно. Сами не обозначились. Завтра будет номер автомобиля.

Иезуит. Хорошо. Этого достаточно. Пошлите Ручейнику мылом.

* * *

Титры: Москва, 6 ноября 1996 года.

Та же квартира Иезуита. Звонок телефона. Иезуит снимает трубку.

Ручейник. Здравствуйте. Ручейник!

Иезуит. Здравствуйте! Как развивается реальность?

Ручейник. Есть подвижки.

Иезуит. Радуете. Разверните.

Ручейник. Номер автомобиля я посмотрел по базе ГИБДД. Мое мнение: надо платить. Сама по себе приехала мелочь, и сумма детская, но вообще это тамбовские.

Иезуит. По ним что есть?

Ручейник. Ну, папик их здесь живет. Зверь. Сын у него, как это ни парадоксально, в Тамбове. Из-за матери. Она — дочка бывшего секретаря обкома, у них на месте все схвачено. Сын учится в шестом классе частной школы. Класс «А». Там можно посмотреть.

Иезуит. Понял. Посмотрим. В Тамбове кто у нас из первой категории?

Ручейник. Зерги... и...

Иезуит. Ладно, Зерг.

* * *

Офис Зерга. Звонит телефон.

Раса: Зерг.

Утенок первой категории. Провел 14 игр, выиграл 5.

Основная профессия: директор провайдерской фирмы.

Жизненная установка: массовик-затейник.

Особые свойства: отсутствуют.

Иезуит. Здравствуйте. Иезуит.

Зерг. Здравствуйте.

Иезуит. Как развивается реальность?

Зерг. В правильном направлении.

Иезуит. Думаете?

Зерг. Убежден.

Иезуит. Есть мнение охватить несколько школ в вашем городе. Начнем с частной гимназии в центральном районе. Схема обычная, разработку получите по мылу.

Зерг. Сделаем.

* * *

Титры: Тамбов, 14 ноября 1996 года.

Кабинет директора школы. Директор, Зерг.

Зерг. Нами разработана методика преподавания в игровой форме основ компьютерной грамотности. Речь идет про игру по электронной почте «Гэлэкси Плюс». В процессе игры ребенок осваивает основы программирования, учится общаться с Интернетом и емейлом.

Директор школы. Да, но вообще-то...

Зерг. Никаких расходов не требуется. Наша фирма предоставляет бесплатный доступ в Интернет и устанавливает соответствующее программное обеспечение. Кроме того, на общественных началах проводятся обучающие уроки в реаллайфе.

Директор школы. Где?

Зерг. То есть мы у вас в школе несколько уроков проведем.

Директор школы. А-а. Что же, дело хорошее. Вот РОНО только...

Зерг. Методика одобрена Академией педнаук. Вот письмо из академии. *(Достает из папки и кладет на стол бумагу.)* А вот результаты экспертизы Министерства образования. *(Кладет вторую бумагу.)*

Директор школы. Ну что же. Тогда добро.

Зерг. Для начала нужен один шестой класс. Давайте «А», что ли.

Директор школы. Добро.

* * *

Школьный класс. Учительница, Зерг (в белом халате).

Учительница. Дети, дирекция нашей школы решила в качестве эксперимента подключить шестой «А» к компьютерной игре по электронной почте «Гэлэкси Плюс».

Радостное оживление.

Зерг. Здравствуйте, дети! У кого дома есть компьютеры? (*Лес рук.*) Отлично! А кто знает, что такое Интернет? (*Поднимается рук шесть, одна из них принадлежит Гаденышу.*) А вот это плохо. Здесь надо подтянуться. В «Гэлэкси Плюс» играют люди не только из нашей страны, но и из Америки, Австралии, Японии — со всего мира. И вы, никуда не выезжая, при помощи Интернета можете найти друзей по всей планете. Кто сыграет одну игру, тот получит звание утенка четвертой категории и право участвовать в галаксианских встречах. Главные галаксианские встречи проводятся в Москве, у памятника утятам. Там встречаются игроки со всего мира. Но это еще не все. Если вы выиграете хотя бы одну партию, вы получите третий разряд. Третий разряд — это уже полноправный утенок в полном расцвете сил. (*Смеется.*) Он получает право играть в регулярных партиях, где можно встретиться с самыми крутыми игроками, живыми легендами галактики. Кроме того, третий разряд дает право принимать участие в выборах Галактического Совета. Впрочем, не буду говорить дальше. Правила можно прочитать на игровом сайте. Ну как, будем записываться? (*Хор: «Будем. Будем».*) Правильное решение. Напоминаю, что все вы будете записаны в разные партии, чтобы не было подыгрывания друг другу. Ходы сервером совершаются три раза в неделю, ровно в два часа ночи.

* * *

Закадровый голос. (*Стиль учебного фильма гражданской обороны. На экране кадры бессмысленной производственной деятельности: шахта, конвейер, стройка.*) «Гэлэкси Плюс» была создана в 1993 году по разработке группы ДШ «Принципы виртуального театра». За основу взята игра «Гэлэкси» ирландского программиста Рассела Уоллеса.

Основным принципом виртуального театра является наличие метасценария — жесткой сюжетной линии, осуществляющейся не заданной последовательностью сцен, а системой правил, загоняющих субъекта в определенное сюжетное русло. Действующее лицо виртуального театра не актер, беспрекословно подчиняющийся режиссеру, а пользователь, играющий ту или иную роль независимо или даже вопреки своей субъективной воле.

В «Гэлэкси Плюс», несмотря на кажущуюся свободу действий, именно из-за большого количества принимаемых решений действие игрока обладает исключительной степенью предсказуемости.

Существует несколько основных типов игрового поведения. Рассмотрим игровое поведение новичка.

Титры: Тамбов, 1 декабря 1996 года. 3-й ход.

Гаденыш сидит перед компьютером, нервничает. Часы показывают 1 час 58 минут ночи.

Закадровый голос. К третьему ходу игрок отправляет на сервер несколько десятков приказов и завязывает дипломатическую переписку со своими соседями. Отныне его жизнь подчинена ритму работы сервера. Он по многу раз в сутки проверяет электронную почту, с нетерпением ждет присылки отчета об

очередном ходе. Поскольку опытные игроки заинтересованы в общении, а сам ход игры дает огромное количество поводов для завязывания диалога, новичок чувствует себя в центре внимания и быстро впадает в состояние эйфории.

Два часа ночи. Звуковой сигнал приема электронной почты. Радость Гаденыша.

Гаде ны ш (*пляшет лезгинку вокруг монитора*). Мальчик едет в Тамбов, чики-чики-па.

Титры: Тамбов, 15 декабря 1996 года. 9-й ход.

Завтрак перед школой. Гаденыш, его мать и бабушка.

Закадровый голос. Еще через несколько ходов игрок овладевает игровым сленгом и начинает понимать основные игровые действия противников.

Гаде ны ш (*уплетая бутерброд с черной икрой*). У меня в галактике сосед попался. Отморозок полный. Вот есть лох лоховский. Представляешь, он на дроны по десять двигателей ставит, коловозку-крепость построил. Дипломатию провалил на фиг.

Ма т ь. Сына, не ругайся.

Гаде ны ш. Ух мы ему вчера вмазали. Хорошо, попался сосед слева — ливодец. Этот опытный. Мы с ним всех отстоев по галактике размажем. Ну игра, ну игра. Класс! Тут думать надо.

Де ду ш ка. Это у вас получается что-то вроде «Зарницы».

Гаде ны ш (*прыскает в кофе*). Чего?

Де ду ш ка. Эх. Ладно, иди, а то в школу опоздаешь.

Титры: Тамбов, 12 января 1997 года. 18-й ход.

Те же, там же.

Закадровый голос. Еще через десять ходов появляется ложное чувство опытности. На самом деле метасценарий игры выстроен так, что игрокам выгодно сотрудничать только в начальной фазе. В дальнейшем игроки вынуждены друг друга предавать и уничтожать. Общая ситуация похожа на «десять негрятя». В принципе, это ясно с самого начала. Однако из-за огромного количества частных событий эту простую истину игрок узнаёт слишком поздно.

Гаде ны ш. Еще двух отстоев вынесли. Я еще те́хи качну, построю через пять ходиков непробивашечку — и пошла писать губерния. У нас мафия своя образовалась: Дергунчик, Суперновайс и этот, как его, из Латвии.

Титры: Тамбов, 30 января 1997 года. 26-й ход.

Те же, там же.

Закадровый голос. Игрок начинает понимать уязвимость своей позиции и ненадежность поддержки союзников. Физическое бессилие компенсируется изоощенной дипломатией. Вокруг игрока образуется клубок сложных интриг. В течение одной партии он переживает столько скандалов, несправедливостей и предательств, что этого с лихвой бы хватило на целую жизнь. Приобретаемый игровой опыт вызывает существенные изменения психики. «Галаксианин» обучается «вести переговоры», то есть начинает относиться к диалогу чисто инструменталистски, приобретает способность к долгосрочному и циничному планированию чужого поведения.

Гаде ныш. За последние три хода шесть рас вынесли. Резня началась — жуть. Хорошо, у меня под боком раса заснула. Мы ее с соседом разделили. Он сам на меня нож точил. Флот точно против меня заточен был. Это же видно. Сейчас успокоился, планетки захапанные осваивает. Но я его, уroda, потом предложу кинуть литовцу. Игра есть игра. «Боливар не вынесет двоих».

Де душ ка. А этот... Дергунчик.

Гаде ныш. Так его уже убили давно.

Де душ ка. Что же ты смотрел? Ведь это твой союзник.

Гаде ныш. Союзник, союзник... Обстановка такая была. Своя рубаша ближе к телу. На него толпа набросилась. Я не камикадзе. Моральную поддержку оказал. И зря он потом обижался в бродкастах.

Де душ ка. Где-где?

Гаде ныш. А, ладно.

Титры: Тамбов, 13 февраля 1997 года. 31-й ход.

Те же, ужин.

Закадровый голос. Примерно к тридцатому ходу наступает кульминация психодрамы. Новичка уничтожают опытные игроки, как правило, с особым цинизмом. В одну партию играют в среднем сорок человек, а выигрывают максимум четыре. Следовательно, для среднего игрока шанс выигрыша равен десяти процентам, а для новичка — нулю. Учитывая, что игра уже длилась несколько месяцев, первый проигрыш — это тяжелое поражение. Вынести его может не всякий. Кто выдерживает, тот проходит инициацию и становится настоящим «галаксианином». Другие навсегда уходят из «Гэлэкси Плюс». Наш герой, скорее всего, в галактике останется. Если (*смех*) тут нет более тонкой игры.

Мать. Сына, ну как «Гэлэкся» твоя? Что-то ты последнее время ничего нам не рассказываешь.

Гаде ныш. Представляешь, есть такие гады, которые в одной игре за несколько рас записываются. Это зомби. (*Со злобой.*) Но их не любят. Вычисляют и выносят.

Выходит из-за стола, идет к компьютеру. Что-то набирает на клавиатуре.

Гаде ныш. Эх, замотался. Прикрышки, прикрышки, прикрышечки. У меня перфораторами все сдули. Хотя бы дрончиков сто. Эх, помог бы кто — все транспорты продам.

Компьютер внезапно мигает и гаснет. Гаденыш пытается его включить. Загрузка не проходит. Циферблат часов: проходит час, два, стрелки крутятся и останавливаются на половине второго ночи. Гаденыш звонит отцу.

Гаде ныш. Пап, у меня компьютер сломался. Дай мне пароль своего ноутбука, который у тебя в кабинете стоит. Мне надо приказ отослать в «Гэлэкси». Помнишь, я тебе рассказывал?

Валя Тамбовский. Ты что, соображаешь, что делаешь? Сейчас второй час ночи.

Гаде ныш. Пап, очень надо. Если бы не надо было, я бы не звонил.

Валя Тамбовский. Марш спать. (*Вешает трубку.*)

Гаде ныш (*звонит снова*). Папа. Прости меня, но очень нужно. Ну дай пароль, что тебе стоит. Я отправлю письмо — и сразу спать.

Валя Тамбовский. Идиот.

Гаде ныш (*плачет*). Папочка, миленький, дай мне пароль. Я на коленях прошу тебя. (*Становится на колени.*) Я ведь никогда тебя так не просил. Понимаешь, мне ОЧЕНЬ нужно.

Валя Тамбовский (*испуганно*). Сашка, ты чего. Чего случилось-то? (*В трубке слышны всхлипывания.*) Слушай, ты не болен? Позови мать к телефону.

Гаденыш. Она спит... (*Трагическим голосом.*) Сегодня решается моя судьба.

Валя Тамбовский. Эти игры чертовы, у тебя крыша от них съехала.

Гаденыш. Только на минуточку. Я отошлю — и...

Валя Тамбовский. Ладно. В первый и последний раз. Логин: «Пан». Пароль: «Дора». Латинскими буквами. Отошли — и спать.

Гаденыш. Спасибо, пап. (*Вешает трубку, хлопает в ладоши.*) Ну, зомбовод литовский, испорчу я тебе гаму. Мне не дал играть — и я тебе не дам. Запомнишь надолго.

* * *

Квартира Ручейника. Комната с несколькими большими и маленькими компьютерами, какими-то электронными устройствами. Все опутано проводами. Телевизор. На стенах висят афиши сериала «Вавилон-5», несколько фотографий Клаудии Кристиан. Ручейник берет ногами кассету, вставляет в видеок. На экране Сьюзен Иванова (персонаж «Вавилона-5») рассказывает о нелегком детстве в тоталитарной России.

Раса: Ручейник.

Начальник контрразведывательного отряда аннулипалпов. Провел 24 игры, выиграл 19.

Основная профессия: хакер.

Жизненная установка: неуловимый мститель.

Особые свойства: инвалид. До получения ранения работал программистом в ГРУ.

Звонок телефона. Ручейник включает ногой микрофон в корпусе телефона.

Иезуит. Здравствуйте, это Иезуит.

Ручейник. Здравствуйте.

Иезуит. Как развивается реальность?

Ручейник. Есть подвижки.

Иезуит. Радуете. Разверните.

Ручейник. Как и предполагали, через Гаденыша удалось выйти. Я перед очередным ходом ему вирусом винт снес. Он запрыгал, отправил репорт через папин ноутбук. Я туда червивую репу послал.

Иезуит. И как?

Ручейник. Получил фашист гранату. Все пароли высыпались. Вход на почтовый сервер, пейджинг. Скачал инфы мегóв на пять. Папика вообще убрать можно — он каких-то азеров опустил по полной программе. За такое на мясо рвут.

Иезуит. Вы уж не принижайте тамбовских-то.

Ручейник. Не, за такое азерботам уже по фигу будет тамбовские-вамбовские. Умрут, а отомстят.

Иезуит. Лады.

Ручейник выключает телефон. Двигая ногой мышь, открывает браузер электронной почты. При помощи палочки, зажатой в зубах, что-то печатает на клавиатуре. Встает, ходит по комнате. Снова садится перед монитором, читает.

Ручейник. Нет, так вот. (*Берет палочку, печатает несколько слов. Снова читает.*) Кла-асс!!

Отсылает письмо, ложится на диван и снова включает свою Иванову.

* * *

Кавказский офис. Служащий получает электронную почту. У него отвисает челюсть. Он выводит текст на принтер (всего пара предложений), бросается к пахану. У того совещание. Служащий, несмотря на явное неудовольствие хозяина, пересекает кабинет и показывает бумагу. Хозяин встает и начинает плакать.

Пахан кавказцев. Слушай, пятьдесят лет живу, никогда такого не было. А-й-й-й, ша-ка-а-а-ал!!! А-й-й-й, обидел!!!

Снимает пиджак, бросает на пол, топчет, снимает рубаху, майку. Лежащую на столе бумагу берут собравшиеся, у всех бурная реакция. Говорят на кавказском языке. Пахан, плача, полуголый бросается в коридор, спотыкается о провод стоящего на подставке ксерокса. Ксерокс падает, разбивается. Пахан выдергивает шнур с мясом, прячет в карман брюк, за ним бегут нукеры, кто-то говорит по сотовому. Выбегают во двор, из гаража выезжает фургон «Хлеб». Туда залезает человек двадцать, пахан садится с водителем. С бешеной скоростью едут по улице. За ними на машинах едут еще, некоторые что-то говорят по радию. Звучит детский хор: «Цып-цып, кюльджарари».

Офис тамбовских. Кавказцы врываются внутрь и начинают, визжа и ругаясь, всех убивать. Ругань идет по-кавказски, с отдельными вкраплениями русской дипломатической лексики: «пидорас», «козел», «сортир». Действуют большей частью помповыми ружьями и ножами. Тамбовские отбиваются, но их меньше. Море крови. Среди убиваемых два мордоротата, пришедших в «Хочувсэзнайкин». Пахан кавказцев душит проводом Валу Тамбовского. На труп Тамбовского кружком мочится десять кавказцев.

Реклама квадратных яиц:

По столу бежит мышка, ударяется о квадратное яйцо — дзынь! Падает мертвая.

Закадровый комментарий: «Мышка пробежала, хвостиком махнула и... разбилась».

Титры: «Стабильность и надежность — девиз нашей фирмы! Генная техно-группа „Три яйца“».

II. СПИЛ УТЯТ

Титры: Москва. Весна 1991 года.

Видеосюжет программы «Вести»: Горбачев и Раиса Максимовна открывают утиный памятник.

Текст диктора. В ознаменование подписания договора ОСВ-1 супруга президента США Барбара Буш подарила Раисе Максимовне Горбачевой скульптурную композицию «Дайте дорогу утятам!», изображающую персонажей одноименной повести Джорджа Макклоски. Точно такая же композиция установлена в городе Бостоне. Вчера памятник в присутствии президента и его супруги открыт в Москве. На открытии посол США в СССР выразил уверенность, что площадка парка, где установлены утята, станет излюбленным местом отдыха московской детворы, а дар американского народа послужит символом советско-американской дружбы.

* * *

Титры: Москва, февраль 2000 года.

Ночь. К парку, где установлен памятник утятам, подъезжает автомобиль. Из него выходят Панк Тимур, Лыжник и еще один «ветеран». Третий «ветеран» остается на входе в парк, Панк с Лыжником идут к памятнику.

Раса: Панк Тимур.
 Ветеран. Провел 14 игр, выиграл 8.
 Основная профессия: главный редактор журнала компьютерных игр «Гамак».
 Жизненная установка: диссидент.
 Особые свойства: психически неустойчив, мастер флейма.

Третий ветеран (*по сотовому телефону*). У меня все чисто.

Двое в парке спиливают ножовкой трех утят и голову утки-мамы; кладут добычу в большую сумку; держа сумку за ручки (тяжелая, зараза!), бегом несут к автомобилю. Загружают утят в машину, едут на большой скорости.

Панк Тимур. Будет вам «Съест Капээсэс», клювошлепы. Так галактику испохабить — «это что-то особенного». Жили без утят — и вдруг на тебе. Толпысты хреновы. Этот Друг Утят достал, графоман голимый.

Третий ветеран. А чушки куда теперь?

Панк Тимур. А мы их на даче Лыжника переплавим на брелки.

Лыжник. Угу, в виде утят табака.

Панк Тимур. Не, классно. Эти уроды завтра перед съездом придут, а утят отрихтовали. Класс!

* * *

День. В парке вокруг изуродованных скульптур стоит несколько сот человек. Все в белых халатах. Впереди Иезуит. Пауза.

Иезуит. Та-а-ак.

Голпа. Это Арегуза из Питера... Гады... Это они, чтобы выборы в Галактический Совет сорвать.

Иезуит. Ладно, сволочь питерская. Кровью умоетесь.

* * *

Фонд Горбачева. Горбачев, Иезуит, Стармастер.

Иезуит. Мы слышали, что осквернен ваш памятник утятам.

Горбачев. Знаете, я это расцениваю как политическую акцию. Сейчас Борис Николаевич ушел. Образовался политический вакуум. И вот начинают подбрасывать, чтобы дестабилизировать. Кто же реальный кандидат на должность президента?.. И теперь, видите, акт вандализма. Почему именно здесь? Значит, кому-то это выгодно, значит, кто-то в этом заинтересован, если это с Раисой Максимовной связано. Я это только так оцениваю и никак больше. А что же реально предлагается? Реально ничего предложить не могут. И вот начинается нагнетание.

Иезуит. Михаил Сергеевич, нам бы хотелось способствовать восстановлению памятника.

Горбачев. Что же, если вы хотите поучаствовать, то ведь мы с Раисой Максимовной этот фонд сделали именно для того. Мы открывали именно с целью консолидации. Знаете, были разные предложения. Но я все отменил. Я сказал «нет». Именно чтобы упрочить...

Иезуит. Михаил Сергеевич. У присутствующего здесь Андрея Михайловича в Бостоне есть совместная российско-американская фирма «Латона эссет менеджмент».

Стармастер. Мы могли бы оплатить смету восстановительных работ.

Горбачев. Это именно продвижение вперед. Такая постановка вопроса радует. Ибо ведь для чего все? Ведь можно себя спросить, правильно ли мы действовали. И сейчас видно, что другого пути не было, хотя предлагали.

* * *

Москва. 18 сентября 2000 года.

Последние новости.

Д и к т о р. В Москве заново открыт памятник «Дайте дорогу утятам!». На открытие «утят» приехали именитые гости: Михаил Горбачев с дочерью Ириной, чрезвычайный посол США в России Джеймс Коллинз, министр культуры Михаил Швыдкой. Собравшимся вокруг памятника детям русско-американские спонсоры подарили красного утенка и маленькую шоколадку. Михаил Сергеевич выступил на открытии памятника с небольшой речью.

Кадры хроники.

Г о р б а ч е в. Знаете, памятник должны были открыть двадцатого числа, а это оказалась годовщина смерти Раисы Максимовны. Поэтому перенесли на восемнадцатое. Это открытие — как бы знак уважения. То, что мы делали. Народ знает, помнит. И люди тянутся. Знаете, мне тут сказали, что за это время памятник утятам стал местом встречи московской детворы, играющей в компьютерные игры. И это прекрасно. Подрастает новое поколение, как бы это сказать, морально очищенных людей. (*Жидкие аплодисменты.*)

Д и к т о р. Петербург. Вчера зарегистрирована беспрецедентная атака хакеров на основные коммуникационные центры города. Взломаны сервера крупных провайдеров. В ряде случаев это привело к серьезным сбоям телефонной и пейджинговой связи.

Реклама квадратных яиц:

На блюде лежит квадратное яйцо. По нему бьют ложечкой. Скорлупа разбивается, под ней оказывается квадратный слиток золота.

Закадровый комментарий: «Снесла наша фирма яичко не простое, а золотое».

III. ИНЖЕНЕР

Титры: сентябрь 1998 года, Новосибирск.

Аэропорт. Из самолета выходит Гудвин.

Раса: Гудвин.

Утенок-инженер. Член Галактического Совета. Провел 32 игры, выиграл 19.

Основная профессия: врач.

Жизненная установка: добрый волшебник.

Особые свойства: донжуан.

Его встречает Долгоносик.

Раса: Долгоносик.

Гейммастер Новосибирского сервера. Провел 22 игры, выиграл 12.

Основная профессия: хакер.

Жизненная установка: быть как все.

Особые свойства: после ухода Дистортера глава «Сибирской мафии».

За Гудвином как собачка ходит даун Тяни-Толкай. Гудвин все время угощает его конфетами и орешками. Тяни-Толкай добродушно улыбается, ходит переваливаясь. Постоянно бормочет нечленораздельную чепуху:

«Я контеты кутял беть фантиков, кутьние. Сосальние. Потом ите с фантиками „Митька на Севеле”. Дядя Толь, дай олесков. Я ите олесков хотю».

Гудвин. Как развивается реальность?

Долгоносик. Никак не развивается.

Гудвин. Пугаете. Человека убили?

Долгоносик. Да нет, что вы.

Гудвин. Это главное. Людей надо беречь. Вы к человеку с душой, и он к вам тянуться начнет. Люди-то не дураки. Ладно, наслышаны о ваших трудностях. Будем решать вопрос.

Долгоносик. На вас вся надежда. После дефолта совсем озверели. Все клубы в области снимают с дотации. В университете стипендию не заплатили. Народ плачет. Прямо не знаем, что делать. *(Садятся втроем в машину.)* Вы, я смотрю, с инопланетянами?

Гудвин. Неделью назад нашел на вокзале. Жалко стало. Он хороший. Зовут Тяни-Толкаем. Поздоровайся с дядей...

Тяни-Толкай. Дластвуйте.

Долгоносик. Привет. В какой партии гамишься?

Гудвин. Напрасно смеетесь. Я как увидел, у меня задумка появилась. Ничего, вырастим человека.

Тяни-Толкай. Длуг Утят холосий. У него контеты и ите жеватька...

Долгоносик. Ого, каких людей знает. *(Смеется.)* А может быть, это Друг Утят и есть?

Гудвин. Друг Утят не Друг Утят, а вырастим... Значит, так. Я приехал на три дня. За три дня надо разрулить ситуацию. Гостиницу организовали?

Долгоносик. Вы уж нас совсем за людей не считаете. В лучшем отеле отдельный номер. Какие люди приехали. Сам Гудвин, великий и ужасный. Я, кстати, в триста восемнадцатой с вами играл.

Гудвин. Ладно придуриваться. Вы всю галактику на уши ставили. Одна «Смерть» чего стоит. А Дистортерс! А Ханорик!

Долгоносик. Нет, нет. Года три назад сибирская мафия, конечно, гремела. Но сейчас... Много программеров на запад уехало. Кто здесь после дефолта останется, вообще непонятно. Потом Аретуза нагадила сильно со своим «ветеранством». Отморозки питерские. А мы только ветеранами и держались. Подшерстка большого не было. Старички ушли, а кто остался, так... Одна надежда — Москва поднимается сильно.

Гудвин *(смеется)*. Мягко стелете, чувствую, живым не выпустите.

Долгоносик *(смеется)*. А это по результатам разруливания... Нет, действительно, утят крупных у нас не много. Только-только на крыло встали — и вот кислород перекрыли. По вузам программа охвата летит, по дэка. Ректор университета гнидой оказался.

Гудвин. Ну ладно, ладно. Всё в наших руках. Первое задание вам: завтра всех утят из университета к двенадцати часам в гостиницу с паспортами. На телевидение местное выход есть?

Долгоносик. Нет. Утка Сим-Сим в газете «Сибирские огни» работает.

Гудвин. Ее ко мне срочно. И последнее. Узнайте адрес и расписание работы городской станции переливания крови. Это надо сделать сегодня.

Долгоносик. Сделаем.

* * *

Номер гостиницы. Входит журналистка Сим-Сим.

Раса: Сим-Сим.

Уточка третьей категории. Провела 2 игры, выиграла 0.

Основная профессия: журналистка.

Жизненная установка: глубоко замаскировавшаяся авантюристка.

Особые свойства: отсутствуют.

С и м-С и м. Здравствуйте.

Гудвин. Здравствуйте. Как развивается реальность?

Сим-Сим. В правильном направлении.

Гудвин. Думаете?

Сим-Сим. Убедена.

Гудвин. Вы, значит, в «Сибирских огнях» работаете?

Сим-Сим. Да.

Гудвин. А о чем пишете?

Сим-Сим. Вот я принесла последние материалы. *(Передает.)* Это о городском зоопарке. О водохранилище.

Гудвин *(бегло просматривая)*. Зверюшек, значит, любите. Это хорошо. Нет, не годится. Ладно, давайте спустимся вниз, в ресторане пообедаем.

Сим-Сим. Тут дороговато вообще.

Гудвин. Ничего, я плачу.

* * *

Ресторан. Гудвин, Сим-Сим и Тяни-Толкай. Тяни-Толкай с подвязанной салфеткой, ест пирожное.

Гудвин *(по сотовому телефону)*. Штуша-Кутуша? Как развивается реальность... Думаешь?.. Высылай съемочную группу в Новосибирск. Завтра. Сюжет будет — мир содрогнется. Ты меня знаешь. *(Убирает телефон, набрасывается на еду.)*

Сим-Сим. Ну и аппетит у вас.

Гудвин. Завтра будет тяжелый день. *(Смотрит на нее, подливает вина.)* И легкая ночь.

Сим-Сим *(слегка порозовев)*. Гудвин, а кем вы работаете?

Гудвин. Добрым волшебником.

Сим-Сим. А где зеленые очки?

Гудвин. Там же, где твои волшебные туфельки.

Сим-Сим. А где мои волшебные туфельки?

Гудвин. На твоих ножках, ты просто этого не видишь. *(Снимает с нее очки, вынимает заколку из волос. Неказистая журналистка оказывается похожей на Дину Дурбин.)* Сим-Сим, откройся.

Тяни-Толкай. Класивая!

* * *

Номер гостиницы. Гудвин и Сим-Сим немного пьяные. Сим-Сим смотрит на себя в зеркало.

Гудвин *(обнимает ее со спины, говоря на ушко с американским акцентом)*. Гудилаап, гудилаап.

Сим-Сим *(отбивается)*. Не лапай.

Гудвин *(продолжая свое черное дело)*. Гудилаап.

Она слабо сопротивляется, смеется. Падают на постель.

* * *

Утро. Гудвин и Сим-Сим лежат рядом в постели, смотрят в потолок. Из соседней комнаты просовывается улыбающаяся рожица Тяни-Толкай.

Тяни-Толкай. Дядь Толь...

Гудвин. Кыш. *(Рожица скрывается. Пауза.)* Чего ты хочешь?

С и м-С и м. Я хочу попасть в стаю.

Гудвин (*смотрит на нее удивленно*). Правильные слова — в нужном месте и в нужное время.

* * *

На фоне телевизора сидит ректор, обхватив голову руками. По телевизору идет программа ББС. Закадровый голос, комментирующий соответствующий сюжет:

«Мир потрясла беспрецедентная акция российских студентов. Студенты Сибирского университета, доведенные до отчаяния нищенской жизнью, вынуждены сдавать свою кровь для продолжения учебы. Статья в „Ди Вохе“: „От принудительного ГУЛАГа к добровольному Освенциму“. „Нью-Йорк таймс“ печатает передовицу „Президент-вампир“. „Фигаро“: „Сильные духом: учеба или смерть!“»

Входит секретарша.

Секретарша. Губернатор. (*Ректор берет трубку.*)

Губернатор. Что ж ты, Николай. Эх...

Ректор. Иван Иванович, сам не пойму, как так получилось. На пустом месте.

Губернатор. Фондов мы тебе подбросили, все программы по студентам проплатили с запасом. Пускай хоть на Багамы ездят, только чтоб все тихо было. У меня выборы на носу... А тебе, Николай, надо уходить. Пока не утрясется, на полгода. Там что-нибудь придумаем.

Ректор. Иван Иванович, кто же знал. Да я...

Губернатор. Ладно. Я на тебя не в обиде. Ты тут ни при чем. Это профессионалы работают. Думай, кого обидел, и моли Бога, чтобы про тебя эти люди забыли.

* * *

Салон самолета. Гудвин, Тяни-Толкай и Сим-Сим летят в Москву.

Тяни-Толкай. Тетя Дин, дай олесков.

С и м-С и м. Кушай, Тяни-Толкайчик.

Гудвин (*осматривая укол на вене, разговаривает по сотовому*). Как развивается реальность... Думаете?... Есть мнение человеку имя и фамилию изменить... Легально... Заплатим... Правильное решение.

* * *

Шикарный ресторан. За столиком сидят Гудвин и Сим-Сим. Она полная копия Дины Дурбин. Всеобщее внимание. Наконец какой-то «новый русский» не выдерживает и подходит к ним.

Новый русский. Я извиняюсь, простите, я культурно. Не подумайте что. Культурно. Тут базарок у нас с ребятами (*показывает на соседний столик — там колоритная группа*). Ваша дама, она что, артистка?

Гудвин. Артистка.

Новый русский. Я дико извиняюсь, а фамилия какая?

Гудвин. Дина Дурбин.

Новый русский (*смеется*). Я серьезно.

Гудвин. И я серьезно.

Новый русский. Нет, в натуре.

Гудвин. Спорим?

Новый русский (*с вызовом*). Спорим!

Гудвин. На пять тысяч зеленых.
 Новый русский. На десять.
 Гудвин. Покажи деньги.

Тот достает пачку, кладет на стол. Мадам достает паспорт. Там написано: «Дурбин Дина Робертовна».

Новый русский. Круто. Это что, настоящий?
 Гудвин. Настоящий.
 Новый русский. Круто. Кому скажу, не поверят. Ладно, купил. *(Отходит.)*
 Сим-Сим *(кладет пачку в сумку, смеется).*

Эх, раз, есчо раз,
 есчо много-много раз.

Гудвин *(тоже смеется)*. Ну как волшебные тувельки? Не жмут?

Реклама квадратных яиц:

Утренний кофе. За столом счастливое семейство: папа, мама, сынок и дочка. Им прислуживают роботы. Робот на кухне очищает вареное яйцо, режет его ножом — желток тоже оказывается квадратным. Квадратные ломтики накладываются на кусочки хлеба, заливаются майонезом, мажутся икрой, посыпаются зеленью и т. д. Поднос подается к столу. Всеобщее восхищение. Титры: «Квадратные яйца — это стиль жизни!»

IV. СЪЕСТ КАПЭЭСЭС!

Титры: Москва, 27 марта 2000 года.

Огромный зал с рядами кресел. На сцене длинный стол, рядом трибуна. За трибуной висят четыре больших стенда, изображающих соответственно непонятную схему, спиралевидную галактику, земной шар и карту Российской Федерации. Над сценой большой лозунг: «Съест Капээсэс!» В зале гул, народ потихоньку рассаживается по креслам. Почти все одеты в белые халаты с желтыми квадратами на рукаве.

Помещение за кулисами. Лев Дуров, Иезуит и Гудвин. Дуров одет в костюм персонажа «Семнадцати мгновений весны» Клоуна. Несмотря на прошедшее время, просматривается большое сходство.

Лев Дуров. Ребята, у вас, я смотрю, своя, как сейчас говорят, тусовка. Зачем вам я? Честно говоря, я не понимаю, зачем вам я понадобился.

Гудвин. Нет, народ вас любит. Они все «Семнадцать мгновений» смотрели, вы для них Клоун. Выступите, как договаривались. Оплата сразу, и еще до дома на машине доставим.

Лев Дуров. Ну ладно. Я предупредил. Староват я для кавээна, но раз такие деньги, что же...

Зал. Все сидят. В президиуме главные утята с регалиями, в том числе весь Галактический Совет. Члены ГС в черных очках и белых перчатках. В роли председателя Иезуит.

Иезуит. Первым пунктом повестки дня доклад о стратегических целях и тактических задачах нашего движения.

На трибуну выходит Лев Дуров. Зал встает и устраивает овацию. Лев Дуров растерян, начинает неуверенно. По мере выступления все более приободряется и входит в роль.

Лев Дуров. При современном уровне исследований средней плотности вещества во Вселенной не совсем ясна динамика ее развития. Либо Вселенная продолжит расширяться и постепенно наступит тепловая смерть, либо через несколько десятков миллиардов лет начнется обратное сжатие материи в первичную точку. И тот и другой вариант развития событий не устраивает утят. *(Голос из зала: «Правильно!»)* Наша цель заключается в стабилизации Метагалактики с амплитудой бесконечных колебаний в радиусе, не более чем на порядок превосходящем современный. Временной интервал колебаний предполагается установить в районе десяти — двадцати миллиардов лет. Это обеспечит неограниченную во времени фиксацию современных свойств физического мира, что в конечном счете создаст максимально благоприятные условия для функционирования, рекреации и воспроизводства утят. *(Бурные аплодисменты.)*

Таким образом, стратегической целью утят является стабилизация Метагалактики. *(Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. Затем как по команде овация прекращается, все садятся.)*

Для осуществления этой цели Движение Утят последовательно решает следующие тактические задачи. *(Подходит к первому стенду с непонятной схемой и показывает на нее указкой.)*

а) Захват власти в Метагалактике для концентрации ресурсов всех обитаемых миров и создания системы глобальных трансформаторов, по мере необходимости превращающих материю в энергию и обратно. Таким образом, средняя плотность вещества во вселенной будет перманентно регулироваться до необходимого уровня, что ознаменует собой окончательную победу духа над косной материей. *(Аплодисменты. Докладчик подходит с указкой к стенду с галактикой.)*

б) Для обеспечения пункта «а» предварительно планируется захват власти в отдельно взятой галактике. На ее основе будет создана база для последующей глобальной утятской реконструкции. *(Аплодисменты. Докладчик подходит с стенду с Землей.)*

в) Для обеспечения пункта «б» намечен захват слабейшего звена в цепи населенных миров данной галактики — цивилизации, уже стоящей на пороге компьютерной эры, но еще не имеющей контактов даже с ближайшими соседями. *(Аплодисменты. Докладчик подходит к стенду с картой Российской Федерации.)*

г) Подобная экспансия должна начаться с установления контроля над крупным, но отсталым государством с парализованными службами управления, неспособным оказать серьезное сопротивление утятизму. *(Аплодисменты. Докладчик возвращается на трибуну, пьет воду из графина.)*

д) Максимально эффективной легальной формой осуществления пункта «г» является структурная организация национального сектора Интернета. *(Аплодисменты.)*

е) Для катализации процесса, обозначенного в пункте «д», предусматривается создание системы виртуального театра на основе одной из примитивных ПБМ-игр, во-первых, использующей язык данного государства, во-вторых, отражающей ментальность его граждан. Конкретно речь идет об игре «Гэлэкси Плюс». *(Аплодисменты.)*

ж) Для утилизации «Гэлэкси Плюс» в соответствии с обозначенными выше целями и задачами Движение Утят, как динамически самоорганизующаяся структура, являющаяся полиморфным биокрибернетическим симбиозом автономных особей, осуществляет целенаправленную координацию и согласование поступательного развития всех аспектов игры, а также взаимное ненапряженное воспомоществование галаксиан, соответствующих параметрам, обозначенным в его Уставе. Порядок деятельности Движения определяется решениями его внутренних органов. Участие в Движении происходит добровольно и незаметно. *(Пауза. В зале звенящая тишина. Раздается голос: «Гениально!» Буря аплодисментов. Крики: «Да здравствует Друг Утят!», «Всех убить!»)*

Сбоку президиума сидит несколько особняком один утенок, подперев щеку. Другой рукой он водит мышью по столу и смотрит в ноутбук. На экране круг с разноцветными секторами: «Овации и скандирование», «Бурные аплодисменты», «Аплодисменты», «Шум в зале», «Крики возмущения», «Обструкция». Все действия в зале происходят после нажатия мышью на соответствующий сектор. В углу сцены установлены квадратом четыре неярких, но хорошо видных из зала лампочки. Конфигурация зажженных и незажженных лампочек является знаком для реакции зала.

Вспотевший Дуров присаживается в президиум между Иезуитом и Гудвином.

Лев Дуров (*вполголоса*). Черт, приятно, когда так аплодируют.

Иезуит (*вполголоса*). Ну вот видите. Народ вас любит.

Лев Дуров (*вполголоса*). Только чего они в конце про «всех убить» кричали?

Гудвин (*вполголоса*). А, это прикол такой.

Иезуит. Вторым пунктом повестки дня единогласное избрание Галактического Совета в составе Иезуита, Гудвина, Но-Нейма, Хифловера, Леди Май, Стармастера и Генерала Солнышкина. (*Не меняя темна и тембра.*) Кто «за», кто «против», кто «воздержался»? Все «за». Галактический Совет избран.

Панк Тимур (*из зала*). Ветераны против!

Иезуит. Слово предоставляется ветерану Панку Тимуру.

Но-Нейм. У меня есть справка по ходу прений.

Иезуит. Слово предоставляется члену Галактического Совета Но-Нейму.

Панк Тимур. Протестую. Раз Совет не переизбран, он не член Совета. И потом, я первый должен выступить.

Иезуит. Вы о предоставлении слова не просили. Выступите после Но-Нейма.

Панк Тимур. Утята всем рот затыкают!

На трибуну выходит Но-Нейм.

Но-Нейм. Месяц назад во время подготовки съезда продвинутые делегаты посетили культовый памятник утятам. Утят, как известно, изуродовали. Кто изуродовал, думаю, объяснять нет надобности. Хочу спросить собравшихся: долго это будет продолжаться? Долго ветеранское отребье будет плевать нам в душу?

Панк Тимур. Где доказательства?

Но-Нейм. Мое мнение — гнать ветеранское зверье из галактики поганой метлой. (*Бурные аплодисменты. Крики: «Верно!», «Правильно!», «Давно пора!».*) Надо вышвырнуть отстоев с утиных серверов. Пускай гамяты на своей Аретуге обкуренной, крышелеты фиолетовые. (*Новый взрыв одобрения. «Пусть в своем Питере сидят, уроды!», «Давить питерских во всех гамах!», «Кто будет под другие ники подлезать — разоблачать!», «Убить всех!», «Убить однозначно!!!».*)

Лев Дуров (*вполголоса*). Неплохой актер. Это из какого театра, что-то я его не знаю.

Гудвин (*вполголоса*). А, это так, местный...

На сцену выскакивает Панк. В отличие от большинства присутствующих, на нем обычный костюм.

Панк Тимур. Вы что, не понимаете, что вас всех здесь имеют? Имеют под музыку! И кто? Этот Друг Утят, голимый по жизни графоман, и гейммас-тер московского сервера, шизофреник Иезуит, укравший игру у Рассела Уоллеса. (*Дает петиуха.*) Они убили Горлума, а теперь кривляются над могилой умершего человека.

Лев Дуров (*вполголоса, настороженно*). Какого Горлума?

Иезуит (*вполголоса*). А, это девушка одна в «Гэлэкси» играла. Она недавно под поезд попала. Вы не обращайте внимания. Он сумасшедший.

Но-Не й м. А что ты предлагаешь. Под твою музыку плясать?

Панк Тимур. Я предлагаю галактику закрыть. (*Шум в зале.*) Да, была игрушка, игрушка прикольная. Не спорю. Но была, да вся вышла. Сейчас сюда пришли отморозки, толпысты, испохавившие игру. С отстоями я в «Гэлэкси» играть не хочу.

Из зала. Так и катись отсюда. Сам ты графоман голимым.

Панк Тимур. Это я графоман? Да я Сорокина знаю, я Пелевина знаю.

Из зала. А кто это?

Иезуит (*вполголоса, удовлетворенно*). Панка достали. Теперь прикол будет.

Панк Тимур. Я вас в своем журнале разоблачу. Я кампанию в прессе против клювошлепов гнилых организирую. Попомните меня. Я член Союза журналистов.

Лыжник (*из зала*). Ладно, Панк, все знают, что ты с питерскими по деньгам связан. А спил утят зря организовали. Ни к чему это.

Панк Тимур. Лыжник, ты?!

Лыжник. Да, я.

Панк Тимур. За сколько тебя купили, урод?

Лыжник. Сам ты урод. Не плюй в галактику, а то галактика плюнет в тебя.

Иезуит (*вполголоса, сидящему рядом Хифловеру*). Ишь запрыгал. Я давно говорил — не галаксианин. Все потерял.

Хифловер (*вполголоса*). Нет, про Горлума флейм неплохой получился. Все-таки ветеран есть ветеран. Дело знает.

Генерал Солнышкин (*вполголоса, сидящему рядом Хифловеру*). Да какой ветеран, он в тридцать четвертой партии только появился.

Хифловер (*вполголоса*). Так это девяносто пятый год. Ветеран.

Генерал Солнышкин (*вполголоса*). Тридцать четвертая? Девяносто шестой.

Хифловер (*вполголоса*). Девяносто пятый.

Генерал Солнышкин (*вполголоса*). Девяносто шестой.

Хифловер (*вполголоса*). Ну, девяносто шестой. Все равно ветеран считается.

Иезуит. Давайте посоветуемся с народом. Послушаем, что скажет народ.

На сцену выходит «народ» — бойкая девчушка лет четырнадцати.

Из зала. Ого, новайсы! В какой партии играешь?

Крысоскорпион. В семьсот тридцать седьмой. Это пока моя первая игра.

Из зала. А название расы какое?

Крысоскорпион. Крысоскорпион.

Из зала. Ого! (*Хохот.*) Какой ход в игре?

Крысоскорпион. Двадцать третий.

Из зала. А как техи прокачены?

Крысоскорпион. Драйв — пятерка, оружие и щиты — по один и семь, карго — один и четыре.

Из зала. Неплохо. Зачем каргу качнула?

Крысоскорпион. Чтоб никто не догадался.

Из зала. (*Смех, аплодисменты.*) Наш человек.

Крысоскорпион. Я в «Гэлэкси» новичок и многого еще не понимаю. Но я уже насмотрелась, как банда ветеранов хулиганит в нашей галактике. От имени всех новайсов требую уничтожить галактическое хулиганье. Надо перебить ветеранам позвончик. (*Бурные аплодисменты.*) Всех убить! Однозначно! (*Аплодисменты.*)

Хифловер. И Лыжника?

Крысоскорпион. В первую очередь. Я Лыжнику не верю. Он маскируется. Ветераны хитрые.

Лыжник. Черт знает что такое.

Крысоскорпион. Вон из галактики!

Из зала. Вон! Вон! Ветеранов вон!

В зале появляется большой плакат: «Посадить дерево, вырастить сына, убить ветерана».

Панк Тимур, Лыжник встают, к ним присоединяются все сидящие без халатов, человек пятнадцать. Уходят под крики и свист.

Из зала. Давно пора!.. Скатертью дорога!.. Теперь с Аретузой надо разобратсья!.. Снять рейтузы с Аретузы!.. *(Хохот.)*

К трибуне выходит Но-Нейм.

Но-Нейм. Сейчас налицо два уклона. Уклон ветеранов, которые считают, что никаких утят в галактике не нужно. Мол, гамились без утят и будем гамиться дальше. *(Из зала: «Цинизьм!»)* С этим уклоном мы разобрались. Но это не повод для эйфории. Есть и второй уклон. Мол, зачем утятам галактика, нам и без галактики хорошо. Это еще неизвестно, какой уклон хуже. *(Из зала: «Это кто так считает? Это какие утята, озвучьте».)* Может, утят, открыто заявляющих подобное, нет, может, они пока маскируются, думают про себя или только собираются думать. Это не важно. Такие мысли надо выжигать в самом зародыше, превентивно. Самое опасное — смычка между правыми и левыми уклонистами. Тогда и с той и с другой стороны будет сознательное вредительство. Последнее время было несколько сбоев игровых серверов в Харькове и Северодвинске. *(Из зала: «Правильно, у меня в Северодвинске два раза ход пересчитывали, я в решающем баттле на второй раз прострел получил. Пришлось из гамы сливать». — «Заткнись!»)* Что это? Случайность или закономерность? Надо отслеживать ситуацию. Пускай аннулипалпы под руководством Ручейника внимательно проверят всех подозрительных утят на двурушничество, на тайные или даже неосознанные контакты с ветеранским зверьем. *(Аплодисменты. Крики: «Правильно!», «Давно пора!».)* Нам надо еще теснее сплотиться вокруг Друга Утят, чтобы дать отпор ветеранскому отродью раз и навсегда. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

И в заключение я хочу сказать вот о чем. Последнее время в прессе появляются инсинуации, что якобы есть какие-то утята. Некоторые безответственные журналисты нагнетают истерию, стращают обывателей. Между тем нас нет, и это очевидный факт. Значит, кому-то выгодно, кто-то сознательно дезинформирует общественность, специально вредит и пакостничает. Договариваются до того, что у нас чуть ли не масонская ложа. *(Шум в зале, крики: «Докатились!», «Безобразие!!!».)* Как определить замаскировавшегося ветерана или пособника ветеранов? Именно по этому признаку. Если гамер бегаёт по бродкастам, говорит о каких-то утятах, которые чуть ли не захватили всю галактику, значит, это скрытый ветеран или пособник ветеранов. Таких надо брать на карандаш и сигнализировать местным аннулипалпам. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Иезуит. На этом съезд закрывается. Всех убить!

Новая волна аплодисментов: «Всех убить!», «Однозначно!». Народ расходится. Дуров смотрит на происходящее выпученными глазами.

* * *

Помещение за кулисами. Лев Дуров, Гудвин и шофер.

Гудвин. Вот вам сардины (*выдает Льву Дурову пачку долларов*). Масса фосфора. (*Дуров вздрагивает.*) А вот шофер вас до дома довезет. Куда скажете.

* * *

Дуров едет в машине. Подъезжают к Павелецкому вокзалу.

Лев Дуров. Спасибо. Вот тут остановите, пожалуйста.

Шофер. Так вы вроде не здесь живете.

Лев Дуров. Нет-нет. Мне что-то плохо с сердцем стало. Я пройдуся немного.

Шофер. С сердцем? Я сейчас врача...

Лев Дуров. Нет, мне уже лучше, я сейчас.

Шофер. Давайте я вас провожу тогда...

Лев Дуров. Нет, я, это...

Открывает дверцу машины и почти убегает. Доходит до угла, оборачивается. Машина стоит на месте, шофер смотрит ему вслед. Дуров звонит по телефону-автомату.

Лев Дуров. Олег, я тут попал сильно. Выручай. Подхалтурил у каких-то чуваков, денег дали много, но у них сильный сдвиг по фазе. Я боюсь домой идти... Потом, потом объясню... Старик, не мог бы к «Павелецкой» подъехать? Только на старой тачке, чтобы не светиться.

* * *

В район Павелецкого вокзала подъезжает Олег Табаков на ржавых «Жигулях», в лохмотьях и с подвязанной щекой. Идет через проходной двор, проходит мимо Дурова.

Олег Табаков (*вполборота*). Лева, уходим.

Быстро идут до угла, далее бегом к машине. Садятся.

Лев Дуров. Олег, жми по полной! (*На большой скорости уезжают.*) Воспитали «детей». Это уж даже и не фашисты.

* * *

Помещение за кулисами. Гудвин и шофер.

Гудвин. Доставили Льва Константиновича? Ну как?

Шофер. Да никак.

Гудвин. Это как?

Шофер. Чего-то не понял. Только отъехали, он как заерзает, из машины выскочил, стал по телефону звонить. Я на всякий случай подстраховал — сумма большая. К нему подъехал на ржавой тачке этот, ну... снимался с ним... Шелленберг.

Гудвин. Олег Павлович.

Шофер. Кто?

Гудвин. Табаков Олег Павлович.

Шофер. Ну да, Шелленберг. Типа в гриме. Щека подвязана. Как чесанули. Чего это они?

Гудвин (*машет рукой*). А, не бери в голову. Это шестидесятники, они все с прибабахом.

Реклама квадратных яиц:

Квадратное яйцо разрезается пополам. На желтке надпись: «www.3_egg.com. parol — INgJH6Ve23Bikh».

Титры: «В каждом сотом яйце... Сюр! Приз!!! Наберите пароль — и узнаете, что вас ждет. Это — кредитная линия нулевого диаметра, это полный импланткомплект внутренних органов, это доступ в элитные гудилапы. И многое, многое другое».

V. КОСМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ 2001

Титры: Подмосковье, май 2001 года.

Яркий майский день в лесу. Только что распустилась листва. По тропинке идет Но-Нейм в наручниках, за ним четверо уроков, среди них Миша в рот.

Раса: Но-Нейм.
 Утенок-инженер. Член Галактического Совета. Провел 20 игр, выиграл 18.
 Основная профессия: бизнесмен.
 Жизненная установка: злой волшебник.
 Особые свойства: после дефолта занял 500 тысяч баксов и не вернул.
 Сейчас его за это будут убивать.

Но-Нейм пытается бежать, его молча ловят, бьют ногами и волокут к заранее выкопанной могиле. Ставят у края, отходят. У Но-Нейма разорвана рубашка и подбит глаз. Миша в рот и еще один урка достают пистолеты.

Миша в рот. Ну что? Может, напоследок сказать чего хочешь или попросить об чем?

Но-Нейм (зло). Подарю тебе сифилис, до конца жизни теперь. (Поет на мотив «Сказок Венского леса».)

Поп ёп татарина,
 Поп ёп татарина,
 А татарин ёп попа,
 А татарин ёп попа.
 На-на-рира, на-на-рира...

Но-Нейма, хохоча, убивают, он валится в могилу. Двое остаются закапывать труп, а Миша в рот со вторым стрелявшим идет по тропинке обратно.

Миша в рот. Жил лохом, а кончил красиво. Учись.
 Урка. Да, я бы так не смог.

Едут в машине по солнечной аллее. Внезапно Миша смеется: «А татарин ёп попа...»

* * *

Баня. Человек шесть солнцевских в наколках. Решают вопрос по утятам.

Первый урка. Откуда утята эти появились? Там несколько фирм. Денег у них немерено. А подступиться никто не может.

Второй урка. Может, крыша фээсбэшная?

Первый урка. Нет у них ничего. Да и наши тоже не от сохи, нашли бы подход с винтом.

Миша в рот. И что, наездов никаких не было?

Первый урка. Наезды были. Валик Тамбовский их шупал. Чурки которого...

Миша в рот. Помню. Чего они, в рот, оборзели тогда?

Первый урка. Сам в непонятках. Кто чурки и кто Валя был. Наказали их за Валю потом. На кого полезли, чурки безмозглые.

Миша в рот. Ну а утята при чем?

Первый урка. Был базарок, что Валю кто-то по электронной почте нагрел. Ну, посмотрели, какие где контакты с компьютерными людьми были. Ничего не нашли, а контакт только один был — какие-то Валины сязки на утиную контору наехали. Тогда этих утят и не знал никто, это только потом они вишь как поднялись. Решили — совпадение.

Миша в рот. «Совпадение», блин. У них организация, в рот. Надо, в рот, с центровыми разбираться... Ладно, давай по новой.

Наливают в стаканы водку, пьют.

Третий урка. А помнишь этого чудака? Ну, весной прикопали. Миша в рот.

Поп ёп татарина,
Поп ёп татарина,

Все (*подхватывают хором*).

А татарин ёп попа,
А татарин ёп попа.

Голые танцуют вальс.

* * *

Миша в рот едет на «БМВ». С ним четверо урок.

Миша в рот (*напевая вполголоса*). «Поп ёп татарина...» Тьфу, в рот, привязалось. Это, что ль, офис утиный? Выходим.

Машина останавливается около евроотремонтированного трехэтажного особняка в центре Москвы. Один урка остается за рулем, остальные входят в офис.

Внизу секретарша в белом халате.

Секретарша. Здравствуйте. Как развивается реальность?

Первый урка. Чего? Мы к главному.

Секретарша. Тогда вам налево.

Идут налево.

Второй урка. Странно. Никакой охраны.

На первом этаже сидит даун, играет на компьютере в тетрис.

Первый урка. Нам к директору. (*Ноль эмоций*.) Ты чё, глухой, — нам к директору!

Даун. Дилектол на тлетем этазе.

Идут на третий этаж. Табличка «Директор». Открывают дверь. На стене кабинета большой портрет Друга Утят. Под ним сидит в дорогом пиждаке Тяни-Толкай. Тоже играет в тетрис.

Миша в рот (*вполголоса*). У них тут урод на уроде. (*Громко*.) Нам директора.

Тяни-Толкай (*откидываясь в кресле и скрестив руки на столе*). Я диектол. (*Снимает трубку телефона*.) Лена, пинеси контеток.

Входит дауниха Лена с вазой конфет.

Миша в рот. Ты? А это кто? (*Показывает на портрет.*)

Тяни-Толкай. Это Длуг Утятъ.

Миша в рот. Кто-о?

Лена. Это Друг Утят.

Тяни-Толкай. Длуг Утятъ холотий. Это натъ луть. Он нам помогает.

Первый урка. Мудак твой Друг Утят. Где директор?

Тяни-Толкай. Нет, он холотий.

Миша в рот. Замолчи, debil.

Тяни-Толкай. Длуг Утятъ холотий.

Миша в рот снимает портрет и бьет им Тяни-Толкая по голове. Портрет врется, из него наружу торчит голова Тяни-Толкая.

Тяни-Толкай (*плачет*). Мама-а! Чео он диоттся-я!

Лена (*визжит*). Друг Утят наш луч!

Вцепляется ногтями в глаза Миши в рот. Он орет, урка бьет Лену по затылку рукояткой пистолета. Дауниха обхватывает руками окровавленную голову и начинает выть басом так, что стекла звенят.

Миша в рот (*прижимает ладони к окровавленным глазницам и орет, пытаясь перекричать Лену*). Ничего не вижу. Ведите меня в машину. Быстро. (*Охранники ведут его вниз, в коридор из кабинетов выскакивают испуганные дауны, их расшвыривают, пробираясь к выходу.*) В рот, не вижу ничего! Гадом буду, глаза выдавили.

* * *

Съемки теленовостей. У входа в утиный офис стоят Штуша-Кутуша, Тяни-Толкай с перевязанной головой и Гудвин в белом халате. В руках у Штуши-Кутуши микрофон.

Раса: Штуша-Кутуша.

Утенок первой категории. Кандидат в члены Галактического Совета.

Провел 16 игр, выиграл 10.

Основная профессия: тележурналист.

Жизненная установка: массовик-затейник.

Особые свойства: Штуша-Кутуша.

Штуша-Кутуша. Группа московских предпринимателей, занимающихся компьютерным бизнесом, отдала левое крыло своего офиса под реабилитационный центр для инвалидов, страдающих болезнью Дауна. Нашлись недяди, совершившие на инвалидов разбойное нападение. Как это произошло?

Гудвин. Точно не знаю, все получилось очень быстро. Несколько человек из солнцевской группировки проникли на третий этаж, стали избивать инвалидов и выносить компьютеры.

Штуша-Кутуша. Сколько человек пострадало?

Гудвин. Одна женщина госпитализирована с ушибленной раной головы, находится в реанимации. Еще несколько человек получили травмы средней тяжести. Но главное, конечно, — психический ущерб. Вся наша работа по реабилитации пошла насмарку. Сейчас большинство пациентов находится в очень плохом психическом состоянии.

Тяни-Толкай (*возбужденно*). Они Длуга Утятъ бум-с, а я мотю. Лена контепки. А-а! А-а!! Длуг Утятъ холотий. Он говолить, низя с цузими говолить.

Гудвин. Вот, сами видите...

Штуша-Кутуша. Преступные группировки в Москве действуют со все большей наглостью. Им уже недостаточно нас, простых, как они выражаются, «фраеров». Похоже, пришел черед «делиться» с воровской шоблой и несчаст-

ным инвалидам. Интересно, куда смотрят городские власти и правоохранительные органы?

Тяни-Толкай. Они ите лугались нехоосими совами на Длуга Утятъ.

* * *

В кабинете за столом сидит Большой человек. На стене портрет Путина.

Большой человек (*по селектору*). Соедини меня с Нищенко. (*Берет трубку.*) Миша в рот? (*С иронией.*) Ну как жизнь, как здоровье? (*Сурово.*) Наказывать не буду, сам себя наказал. А мнение у меня сложилось, я его выскажу: мудака!!! (*Бросает трубку.*)

Миша в рот лежит в постели. Глаза завязаны бинтом. В руке — сотовый телефон. Миша в рот отбрасывает телефон на пол, достает из-под подушки пистолет, стреляет себе в рот. Мозги на потолке. Короткие гудки.

Большой человек (*выходит из-за стола, садится на стоящий рядом велотренажер, крутит педали вперед*).

Поп ёп татарина,
Поп ёп татарина,

(*И назад.*)

А татарин ёп попа,
А татарин ёп попа.

* * *

Семейный обед. За столом Большой человек и его семейство: жена, дочь, сын и теща.

Жена Большого человека. Она у нас влюбленная.

Дочь Большого человека. Ну мама...

Жена Большого человека. Сделала в Интернете сайт о Блоке. Они в школе получили домашнее задание. И представляешь, ей туда в гостевую книгу стал писать какой-то молодой человек из Ростова-на-Дону. Сережа. Он на класс старше учится, тоже увлекается поэзией серебряного века. Даже сам стихи пишет. Завязалась переписка. Она получает письмо через день, ждет как праздника.

Дочь Большого человека. Мама, перестань. (*Краснеет и выбегает из-за стола.*)

Жена Большого человека. Теперь сайт о Блоке они решили вместе делать. Она ему пароль доступа дала.

Большой человек. Ну и хорошо. Пора уж с мальчиками общаться. Пятнадцать лет девке.

Жена Большого человека. Да, годы летят. Вот и дочка невеста. А совсем недавно вроде я ее возраста была. Самое время у нее счастливое.

Теща Большого человека. Да. Как говорят немцы: «Май в жизни бывает только один раз и никогда больше».

Большой человек. Как-как?

Жена Большого человека. Ладно, отец, проехали.

* * *

Захламленная комната, на столе компьютер без корпуса. За ним в грязной майке сидит Петухов. Прихлебывает пиво из бутылки, хмыкает и щелкает. «Хлёб-хмык-щёлк».

«Сережа», он же козлачков¹ Игорь Петухов.
 Бывший утенок третьей категории. Провел 3 игры, выиграл 1.
 Основная профессия: журналист.
 Жизненная установка: сволочь.
 Особые свойства: выгнан из галактики аннулипалпом Московского сервера за неспортивное поведение.

Звучит мелодия «Полет шмеля».

Петухов — щелк. Подросток выключает компьютер и от злобы колотит подушку. Два его товарища над ним смеются.

Петухов — щелк. Молодая пара. Она краснеет и опускает глаза, он кашляет и уходит от монитора.

Петухов — щелк. Пара голубых. Один дает пощечину другому.

Петухов — щелк. Офис фирмы. Grimаса отвращения.

Петухов — щелк. Офис баркашовцев. Grimаса отвращения (здесь и далее однотипно с первой grimасой).

Петухов — щелк. Офис сионистов. Grimаса отвращения.

Петухов — щелк. Офис Министерства обороны. Grimаса отвращения.

Петухов — щелк. Бордель. Grimаса отвращения.

Петухов — щелк. Священник в рясе — крестится.

Петухов — щелк. Врач-психиатр — удивленно поднимает брови.

* * *

Сюжет телепередачи «Впрок»: открытие в центре Москвы гигантского магазина-оранжереи «Коала».

Диктор (за кадром). Здесь для своих загородных коттеджей москвичи могут купить настоящий эвкалипт — гигантское вечнозеленое дерево, растущее со сказочной быстротой. Средняя высота такого в кавычках «саженца» — около двадцати метров. Стоимость одного растения, включая транспортировку и посадку, — девять тысяч долларов. Не так уж дешево, скажете вы. Но первая партия привезенных из Австралии деревьев куплена, что называется, на корню. На открытии «Коалы» присутствовали известные люди столицы.

На фоне кордебалета сильно датый Большой человек.

Большой человек (декламирует в микрофон).

Я верю, город будет,
 Я знаю, саду цвезть,
 Когда такие бабки
 В стране российской есть.

Смех, аплодисменты. Все пьют шампанское. Воодушевленный успехом Большой человек снова подходит к микрофону.

Большой человек. А теперь экспромт:

Поп «бип» татарина,
 Поп «бип» татарина,
 А татарин «бип» попа,
 А татарин «бип» попа.

Сюжет смотрит по телевизору Иезуит.

¹ Примечание: «козлачковым» на сленге программистов называют человека, для которого компьютерное хулиганство есть форма половой жизни.

Иезуит (*по сотовому телефону*). Как развивается реальность... Думаете?.. Тут у меня интересная мысль появилась относительно того, кто Но-Нейма кончил.

* * *

Петухов в том же интерьере, за тем же делом. Звучит мелодия «Полет шмеля». Щелк.

Дочка Большого человека получает электронную почту «от Сережи». Открывает. Там большими буквами емкая запись-ссылка: «Понюхай говна». Дочка нажимает ссылку. На ее сайте калом выложено «БЛОК», по экрану ползают мухи. Дочка в слезах пытается открыть окно. Окно не открывается, наконец поддается. Она встает на подоконник и бросается вниз.

* * *

Квартира Ручейника. Хозяин и Иезуит.

Ручейник. Московский аннулипалп проверил по поводу Нонеймыча. Точно он.

Иезуит. Так. Что по нему есть?

Ручейник. У него недавно дочь из окна выбросилась. Какой-то изврат достал. Я его по базе козлачковых через лог вычислил. Это Игорь Петухов.

Иезуит. О'кей. Инфу папаше скинем, а там отследим. Он сам на себя материал даст.

* * *

Квартира Петухова. Бесшумно заходят трое, он в майке и трусах сидит перед компьютером. На экране монитора кадр из фильма «Брат-2» с полуголым Данилой Богровым.

Один из гостей. Что, Петухов, трудишься?

Петухов выдергивает руку из трусов, вскакивает, видит мрачную троицу и сразу все понимает. Звучит мужественная ковбойская музыка.

Петухов. Ребята, да вы что, я в мэрии работаю. (*Троица молчит. Пауза. Играет музыка.*) Хотите, отсосу у всех. Я, это... Я все... У меня деньги есть. (*Лезет в стол. Протягивает деньги. Молчание. Пытается засунуть деньги одному из гостей в карман, его отпихивают.*) А грамотно вы меня вычислили. Программеры, да? Вы Тему Лебедева знаете? А Женю Голанда, нет, не знаете? У меня индекс в эхах знаете какой? А хотите, я в окно выпрыгну? Тут четвертый этаж. (*Бросается открывать окно.*)

Один из гостей. Хватит. Одевайся, поедешь с нами.

Петухов. А куда? Я сейчас. (*Суетливо одевается, прыгает в одной брючине.*) Куда ехать-то?

Входит Большой человек.

Петухов (*улыбается в ужасе*). Здравьте. Юлий Михайлович, здравьте!.. Нет, я все-таки прыгну. (*Дергает окно, окно открывается. Встает на подоконник, оборачивается.*) Здравьте! (*Пятится и исчезает в темноте.*)

Один из гостей (*подходит к окну*). В лепешку.

Большой человек. Жалко, быстро кончилось. Впрочем, главное я видел. Хотелось гаду в глаза посмотреть.

Один из гостей. Милиция! (*Звучит сирена.*) Уходим!!!

Бросятся к двери — поздно. Топот ног по лестнице, крики. Звонок в дверь.

Большой человек (*возвращается в комнату, садится на кровать, прячет лицо в ладонях*). Господи, за что... (*Вскакивает, бросается к окну.*) «А татарин ёп попа...» (*Падает. Стоп-кадр.*)

Реклама квадратных яиц:

За столом сидит человек с каменным лицом. Берет рукой в черной перчатке квадратное яйцо, вместе со скорлупой кладет целиком в рот и начинает медленно жевать. Хруст скорлупы. Титры: «Квадратные яйца — это круто!»

VI. МАНАЛУПА

Титры: Москва, 4 сентября 2001 года.

Перемена в лесной школе. В коридоре кучкуются слушатели в белых халатах. На стене висит большое расписание:

понедельник:

*Теория и практика флейма
Черная легенда об иезуитах*

четверг:

*Космическое кораблестроение
Динамические Шашки*

вторник:

*Ява-скрипты
История дипломатии*

пятница:

*Тайная история Г+
Устав и кодекс движения утят*

Звонок, все идут в аудиторию. На стене над кафедрой висит большая картина из зоологического музея, изображающая болотную жизнь каменноугольного периода: хвоици, ящеры, земноводные гады, кто-то кого-то ест.

Раса: Генерал Солнышкин.

Преподаватель лесной школы. Член Галактического Совета. Провел 30 игр, выиграл 15.

Основная профессия: заместитель директора Института научной информации РАН.

Жизненная установка: профессор кислых шей.

Особые свойства: тип игрового поведения — придурок. Любит притворяться новайсом и внезапно нападать на расслабившегося противника.

Генерал Солнышкин. Возьмем историю Европы нового времени. Все страны виляют, топорщатся, пытаются обмануть неумолимый ход событий, и всех, при пренебрежительно малых различиях, ожидает одно — страшная мясорубка и создание нового общества. Везде — в Англии, Франции, Испании, Германии — происходит гибель феодализма, резня и переход власти в руки капиталистов. Причем мирно — никогда. Вроде и знают уже, и хотят «не повторить ошибок», ан нет, все приводит к бессмысленной бойне.

Прям как в анекдоте. Поймали людоеды Петьку и Василия Ивановича. Вождь говорит: «Давайте выбирайте — или вас поджарим, или маналупа». Первым вышел Петька: «На костер — верная гибель, а что такое маналупа — не знаю, может, и пронесет». Его взяли и всем племенем на хор поставили. Чапаев говорит: «Ну, что такое маналупа, я знаю. Чем так мучиться, лучше на костер». А вождь ему в ответ: «Хорошо. Но сначала маналупа».

Строил купец мануфактуру во Франции XVII века, начинал трусы шить. И на трусах за неделю зарабатывал столько, сколько феодал средней руки за

год. Зарабатывал ЛЕГАЛЬНО. У феодала руки чесались — и завидно, и престиж рушится, и власть из рук ускользает, а «достать» буржуа не может. Шел, своей же жене за большие деньги трусы у гада покупал. А у гада деньги, гад телохранителей нанял, гад судей подкупает, гад пользу казне приносит такую, что король его портрет у себя в спальне повесил. И ладно бы один такой, ну, дали бы ему баронство, сделали своим. Нет, они прут изо всех щелей, как тараканы. Потом уже и эксцессы начались — в одном месте феодалам вломили, в другом. И феодал, уже и сам по себе размякший и обуржуазившийся, превратившийся при абсолютизме на пятьдесят процентов в госчиновника, уступал, шел на компромисс. У французских феодалов был перед глазами пример Англии, они сами сказали: «Хорошо, гады, ВАША ВЗЯЛА. Уступаем». Но нет, все равно маналупа. Поймали Марию-Антуанетту и в глаза ей: «Ладно, блядь, говори, как со своим сыном трахалась». Та заплакала: «Зачем же вы надо мной издеваетесь? Сына пожалейте, он слышит. Лучше убейте сразу». А ей: «Не-е-е-т, сначала МАНАЛУПА». И те, кто издевались, тоже свое получили. И те, кто убили издевающихся, тоже. Это во Франции — родине философии рационализма. Шли-то с чем: «Будет общество, построенное на разуме». И какие люди: не миллюковы-керенские, а Вольтер, Руссо. А получилась «маналупа».

Это с одной стороны... С другой, сейчас, извините, начало XXI века. Люди — те же, не обольщайтесь. Для биологии все существование сапиенсов — сорок тысяч лет — это раз плюнуть, ничто. Чтобы зверушку «отшлифовать», надо миллиончиков пять. Сапиенс — притырок недоделанный. Что и всегда с разумным существом будет при любых условиях. Ведь разум дает зверушке сразу такое преимущество в борьбе за выживание, что она захватывает власть над миром мгновенно. У нее просто нет времени на доводку новых отделов головного мозга. Поэтому и осьминоги с альфы Центавра, и грибы с Альдебарана будут так же глупы, как люди. Прилетят, начнут хорошо: электроника-кибернетика, — а потом завернут свое «как известно». «Как известно, товарищ Ким Чен Ир в своей речи, посвященной пятилетней годовщине выполнения второй семилетки, учит, что...»

Однако, однако... Начало XXI века! Люди — те же, да экономическая ситуация — ДРУГАЯ. Сейчас в мире происходит экономический переворот, аналогичный промышленной революции XVII — XVIII веков. Тогда производитель товаров забил их распределителя (феодала). А сейчас разработчик технологии забьет — и уже забивает — производителя. Произвести товар уже почти ничего не стоит. Главное — ноу-хау. И капиталист по всем параметрам проигрывает так же, как феодал проигрывал в начале нового времени. Феодала каждый день что-нибудь доставало. Только от усиления централизованного государства отбилась — изобретают мушкеты. Горожанин за два дня мушкет осваивает и за двести метров феодала, как консервную банку, прошибает, со всей его двадцатилетней гимнастикой и вольтижировкой. Завтра — какая-нибудь новая гадость. Просто ложись и помирай. Капиталисты сейчас точно так же проигрывают. Каждый день и помногу. Цена интеллектуальной ошибки становится другой. Знаете, как в свое время определялся стандарт лазерного диска? Японский буржуй позвонил по телефону, попросил назвать десять самых популярных симфонических произведений в Японии и их длительность. Самой длинной оказалась какая-то вещь Чайковского. Буржуй «по Чайковскому» на глазок определил диаметр и плотность диска. В результате международные корпорации потеряли, я думаю, миллиардиков пятьдесят. А могло быть иначе. Привезли бы интеллектуала и в ножки ему поклонились. И он бы недорого, миллионов за десять, ПОДУМАЛ. Подумал, например, о том, что лазерный диск является универсальным носителем информации и в дальнейшем будет пригоден не только для аудиозаписи, но и для видео, а еще «потом» — для записи компьютерных программ. И стандарт бы сделали другой, «на вырост».

Так и будет, и, в конце концов, не интеллектуала будут приводить к буржуа, а буржуа к интеллектуалу. Пускай в кабинетике часок посидит, подумает, кто он и кто Хозяин. И дай Бог, чтобы социальный переворот в XXI веке

обошелся СРАВНИТЕЛЬНО малой кровью. То, что будет «маналупа», — это не сомневайтесь. Интеллектуал все равно ЧЕЛОВЕЧЕК, тоже писает, какает, ногой за ухом чешет. Да, поумнее, получше, чем капиталист. Но и капиталист был умнее феодала. Так что интеллектуал буржую все расскажет и покажет: «Ты, бля, плесень. А я — Человек. И кланяться ты мне должен не так, а иначе, поклоном ПОЯСНЫМ».

Мы стоим на пороге грандиозных событий. Впереди великая революция XXI века — революция интеллектуалов. Все рассчитать все равно нельзя. Но случайно-неслучайно получилось так, что мы видим дальше и знаем больше. У нас есть шанс по крайней мере выжить. Видите, как везет утятам. Именно везет. Люди среди нас разные, бывает по-всякому. Но общий вектор — везет. Почему? Правильно угадали направление. Нас сама эпоха поддерживает. Это волна. Да никаких выдающихся личностей в новой революции и не будет. Именно потому, что ее движущей силой будут не массы, а миллионы автономных личностей. Это великая анархическая революция.

Ее основополагающая черта — полная анонимность. Нет никаких сформулированных программ и учений. Более того, движущиеся силы революции будут оформляться в нарочито издевательской пародийной форме, разрушающей саму форму легального выражения политических целей. Насилие будет также анонимным. Непосредственные исполнители не будут догадываться о его подлинных целях. Да целей как вербально обозначенных конструкций и не будет. Никто в мире не поймет, что происходит. Отдельные государства первое время будут пытаться использовать друг против друга анархистские технологии, но это использование будет разрушительно для них самих, так как гиперинформационное общество по своей природе есть общество антигосударственное. Государство в гиперинформационном пространстве всегда будет неуклюжим допотопным монстром. Наоборот, негосударственным корпорациям анархический ветер надует паруса. Им начнет необычайно везти, как везло корпорациям государственным в период крушения феодализма. Причем наиболее везти будет структурам, которые не будут догадываться о подлинной причине своего социального успеха и, следовательно, не будут пытаться каким-либо образом этот успех рационально утилизировать. Образно выражаясь, экономически выигрывать начнет не тот, кто создает какое-либо производство, а тот, кто играет в азартные игры, причем в свою очередь среди выигравших выигрывать будут те, кто вместо рациональной легализации полученных средств продолжит играть на скачках. Это будут делать только люди недалеко-видные — эти недалеко-видные люди, грубо говоря — «идиоты», и захватят в свои руки все. Поскольку руки у них будут, как и положено у идиотов, дырявые, волна пойдет через них. Идеологическая жизнь общества станет максимально деперсонифицирована. Политические действия будут описываться не в стилистике античной мифологии: «Зевс» Буш обиделся на «Гермеса» Миттерана, — а в стилистике метеорологии: «пошел дождь», «начались заморозки», «пронесся ураган».

В этом «метеорологическом мире» любая автономная личность приобретет необыкновенное могущество. Когда в XVIII веке Мюнхаузен объявлял войну Англии, это было гомерически смешно. Отдельный человек, даже барон, был мозгляком перед левиафаном государства. Сейчас барон — это дееспособный субъект истории, потому что у него, как и положено барону, «все свое», а противостоящая ему масса анонимных чиновников совершенно бессильна. Это не бароны, а бараны — узкоспециализированные исполнители, неспособные к реальному целеполаганию за пределами своей ограниченной компетенции. Если им объявят войну, они проиграют даже до начала боевых действий. Ибо просто не поймут, что происходит.

Современная бюрократия настолько слепа, что сама подрывает основы своего существования. Возьмите историю с «коровьим бешенством» в Европе. Что это? Сознательная, хорошо спланированная дезинформация, призванная уничтожить остатки крестьянства, этого отвратительного вонючего сосло-

вия — источника социальных конфликтов и биологической дегенерации. Отыграли бешенство — появился «ящер». В результате сельское хозяйство закреплено за аргентинами и китайцами, а европейские фермеры через не хочу переучиваются на программистов. Плачут, а учатся. Их дети будут уже нормальными людьми. Цель достигнута, атавизм уничтожен. Никакими деньгами и прямой пропагандой этой цели достигнуть было нельзя.

Легко представить и дальнейшие действия в этой области. Например, огромное количество людей в постиндустриальных странах до сих пор пользуется почтой. Абсурд, тормоз экономики, идиотизм. Но переубедить людей пользоваться только емейлом — на это уйдут десятилетия. Значит, надо превратить обычную почту в помойку. Взять и разослать по ней какую-нибудь не очень заразную, но убедительную проказу. Сто человек подохнет, а миллиард откажется от клейки пакетиков. Пользование емейлом превратится в элементарную гигиену вроде использования туалетной бумаги.

Но это метод не государственного, а индивидуального господства, господства планировщика, идеолога, который всегда один. Государство, прибегая к подобным технологиям, пилит сук, на котором сидит.

Звонок на перемену.

* * *

Титры: Москва, 11 сентября 2001 года.

Гудвин куда-то собирается, надевает плащ. Заходит в комнату, чтобы выключить телевизор. Нажимает пульт управления, программа переключается, на экране самолет врзается в небоскреб. Гудвин в плаще садится на диван.

Гудвин. Красивое решение! (*Звонит Иезуиту.*) Здравствуй!

Иезуит. Здравствуй. Как развивается реальность?

Гудвин. Есть подвижки.

Иезуит. Да уж вижу. Может, Стармастеру позвонить, он сейчас в Нью-Йорке?

Гудвин. Правильное решение. (*Звонит по сотовому Стармастеру.*) Здравствуй!

Стармастер (*кричит в трубку*). Здравствуй. Как развивается реальность?

Гудвин. Есть подвижки.

Стармастер (*продолжает кричать*). Алло... Алло, тебя плохо слышно. Я на крыше второго небоскреба. Только что в нас врзалась крылатая ракета или самолет, я точно не знаю. Снизу поднимается дым. (*Кашляет.*) Передай маме...

Гудвин. Кончай прикалываться, я уж не первый год в галактике, как-никак два топа выиграл.

Стармастер. Ладно, я в Бостоне. Но на нас, кажется, тоже летят.

Гудвин. Ага, утят пилить.

Стармастер. Утят не утят, а ПВО ломанули грамотно.

Гудвин. Да, чисто работают. Как вообще ситуацию оцениваешь?

Стармастер. Кое-что накопилось.

Гудвин. Четырнадцатого Совет будет. Приезжай, поговорим.

Стармастер. Приеду, если выпустят.

Гудвин. Давай. Кстати, если поприкалываться хочешь, выведи свою фамилию на сайте пропавших без вести. Они, по идее, еще сегодня такой открыть должны.

Стармастер. Неплохая мысль. Жалко, Но-Нейм не дожил, можно ему было небоскребами концы обрубить.

Реклама квадратных яиц:

Дореволюционный магазин. За прилавком русский приказчик в жилетке. Улыбочка. «Ячки квадратенькие высший сорт-с. Не желаете ли-с?.. Есть утиные».

Ставит вазу с утиными кубиками. «Гусиные», — еще одна ваза. «Перепелиных не хотите ли-с?» Ваза мелких перепелиных яиц. «Мелковаты-с? Есть страусиные». Кладет на прилавок куб страусинового яйца. «И страусиных не хотите-с? Тогда только для вас, эксклюзив-с». Вытаскивает чудовищнейшее яйцо-«телевизор», плюхает его на прилавок. Прилавок с треском ломается.

VII. МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ

Титры: Москва, 14 сентября 2001 года.

Светлая комната, посередине большой круглый стол, покрытый белой ска-тертью. За столом сидят семь человек: Иезуит, Гудвин, Хифловер, Леди Май, Стармастер, Генерал Солнышкин и Штуша-Кутуша. У стен стоят еще человек десять в позе гражданской скорби. Среди стоящих есть подростки. Все в белых халатах. Сидящие за столом в белых перчатках и одинаковых черных очках. Штуша-Кутуша в перчатках, но без очков.

Генерал Солнышкин. Теперь и «Курск» понятен. Сами торпедировали после захвата террористами. Про «Курск» до этого фильм голливудский был. Та же зверушка планировала. Код-то один.

Гудвин. Под водой лодку пилой пилят. Прикол. Это какие расходы? За эти деньги две новых построить можно.

Леди Май. Ясно, концы в воду. До сих пор ни одного фото носовой части.

Раса: Леди Май.

Гейммастер Харьковского сервера. Член Галактического Совета. Прове-ла 40 игр, выиграла 27.

Основная профессия: директор украинского филиала «Дойче банка».

Жизненная установка: леди-вамп.

Особые свойства: прославилась на всю галактику, продолжая играть после того, как ее увезли в роддом.

Стармастер. Да ведь и сообщение о теракте было сразу после катастро-фы. Там какой-то человечек из Дагестана внезапно на борту оказался.

Раса: Стармастер.

Утенок-инженер. Член Галактического Совета. Провел 13 игр, выиграл 7.

Основная профессия: историк, специалист по оккультным обществам.

Жизненная установка: коллекционер.

Особые свойства: почетный председатель российско-американской фир-мы «Латона эссет менеджмент».

Генерал Солнышкин. Путин грамотно решил. Неожиданно. Торпеду в харю — и на дно. Никаких переговоров.

Хифловер. У меня аналогичный случай был в сто четырнадцатой партии. Бонифаций и Абсолют решили меня разделить, я взял и Бонифацию транспорт двухходовый с колом подарил. Абсолют сразу напрягся. Он такого просчитать не мог.

Раса: Хифловер.

Гейммастер 2-го Московского сервера. Член Галактического Совета. Провел 29 игр, выиграл 24.

Основная профессия: сетевой администратор.

Жизненная установка: дипломат.

Особые свойства: сдвинут на истории военной техники, наполеономан.

Генерал Солнышкин. Ха. Ну и вынесли тебя через четыре хода.

Хифловер. Меня вынесли? Да я до конца партизанил.

Генерал Солнышкин. С пятью дронами.

Хифловер. У меня одних турелей штук пять было. А Бонифаций с Абсолютом перегрызлись. Вот их и вынесли.

Гудвин. Чего?! Абсолют за сто четырнадцатую звездочку получил.

Иезуит. Господа, ближе к теме. То, что не арабы, — это понятно.

Стармастер. Это и обсуждать нечего. В 1993-м один взорвать башню хотел. Ему уж все сделали. А он на инструкцию кофе пролил и машину со взрывчаткой не под тем стояком поставил. И то у чувака, наверно, мать немкой была.

Гудвин. Ага. Папа для гарема в Альтоне купил. (Смех.)

Стармастер. Если египетскому летчику президент прикажет в пирамиду Хеопса врезаться, он в ста случаях из ста промажет. И это самая продвинутая страна у них. А тут такое дело. Да никогда.

Хифловер. Я думаю, вообще с земли управляли. Помните маневр второго самолета? Камикадзе обкуренный такого не сделает. Просто самолетом на такой скорости в башню попасть — это далеко не каждый летчик сможет. А тут с таким выражом. Я еще в 1993 году в Москве по леталкам первое место занял, так что говорю компетентно.

Иезуит. Сравнил «F-19» егеашную с реаллайфом.

Хифловер. А что, там очень реалистично все было сделано. Как раз первая игрушка на основе пентагоновского тренажера. Там пока на цель выйдешь, по полчаса кружишь. Психологически невозможно из кабины так управлять.

Леди Май. Да. Это человек за джойстиком сидел, кукурузные хлопья ел. Управляли с земли, как дронами. А хакеры взломали системы аэропорта.

Иезуит. Кто тогда реально мог обслужить?

Генерал Солнышкин. Реально могли сами. Еще ЕС, но там проблемы с кооперацией.

Хифловер. Япония.

Генерал Солнышкин. Китай.

Стармастер. Израиль.

Гудвин. Россия.

Иезуит. Индия.

Леди Май. Миллиард цыган? Не надо о грустном. Скорее всего, сами американцы. Это как взрыв броненосца в испано-американскую войну. Тоже напали, за руку никто не тянул.

Гудвин. Сейчас время другое. «Гуманизм».

Леди Май. То-то после Кеннеди двести человек подмели.

Хифловер. А Мартина Лютера Кинга?

Гудвин. Это когда было... Китай тоже навряд ли.

Генерал Солнышкин. После Гонконга? Легко.

Гудвин. А что, был Гонконг — и нет.

Иезуит. Ладно, это еще неизвестно, кто к кому присоединился.

Стармастер. Китай гипотетически может. Но реально может пойти только тот, кого сейчас сильно за жабры схватили. То есть Израиль.

Иезуит. А что скажет Штуша-Кутуша? (Молчание.) Хорошо: Америка, ЕС, Япония, Израиль, Россия, Китай. Давайте по кругу пойдём. Начнем с дамы.

Далее высказываются по кругу под все более увеличивающееся веселье.

Леди Май. Сами себя обслужили. Войну с Испанией США начали, взорвав свой броненосец на рейде в Гаване. Далее обвинили в теракте и напали. На Германию во время Первой мировой напали, спровоцировав потопление специально не защищенного пассажирского парохода, который демонстративно вез в Европу военные грузы. Японию в 1941 году спровоцировали напасть на Пёрл-Харбор, специально подставившись, а до этого доведя до бе-

лого каления помощью китайцам. Всегда начинают экспансию после провокационного «нападения» заведомо слабейшего противника. Почерк тот же. Цель — установление глобального военного контроля над миром. Мое мнение — сделали США.

Иезуит. В истории дипломатии основной конфликт всегда идет между государством номер один и государством номер два. Начало XIX века — это Англия и Франция, затем — Англия и Германия, затем — США и СССР. Сейчас государство номер два — это объединенная Европа. Цель — подрыв американской экономики, вывод американских войск из Европы. Сделало ЕС под гегемонией Германии. Кстати, во время Второй мировой войны немцы планировали таран Эмпайр стейтс билдинг.

Хифловер. Присоединяюсь к предыдущему оратору с поправкой, что, пока Европа не структурировалась, государством номер два является Япония. В первый же день появились сообщения, что дело провернула японская Красная армия в отместку за атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Как Хиросима, не знаю, а недавний экономический кризис в Азии был делом рук США. Что касается менталитета, то камикадзе, они и есть камикадзе. Кстати, предыдущий взрыв американского центра в Оклахоме был осуществлен в один день с очередной газовой атакой «Аум Синрикё». «Аум Синрикё» — американская провокация, это ясно.

Стармастер. Израиль. Цель — провоцирование общего конфликта между Западом и мусульманским миром.

Генерал Солнышкин. Глубже бери. Лавочку сворачивают. Они уж и сами не рады — так с этим сионизмом влезли. Сидят в танках, смотрят через щели, как в двух шагах шейхи в гаремах нефтедоллары проедают. А так водородную бомбу взорвут над Хайфой и в ореоле в Европу вернутся. Не позорно.

Хифловер. Им уж и так Арафат кровь сдает.

Все *(смеются)*. «Красивое решение».

Иезуит. Ладно, с Израилем понятно. Идем дальше.

Гудвин. Выше уже говорилось про голливудский сценарий гибели «Курска». Менталитет тот же. Возьмите взрыв двух домов в Москве, умножьте на пожар в Останкине — вот вам и гибель небоскребов. Прибавьте «Курск» — эквивалент тарана Пентагона. Россия должна была либо утереться, либо нанести ответный удар. Удар нанесли, подтвердили статус великой державы. Сейчас вокруг Путина пляшут, чуть ли не в НАТО принимают.

Хифловер. Может, Штуша-Кутуша хочет высказаться? *(Молчание.)*

Генерал Солнышкин. Не буду говорить про американскую бомбардировку китайского посольства в Белграде и тому подобные мелочи. Американцы открыто заявили, что XXI век — это борьба между Китаем и США. Сейчас Китай встал на японский путь развития. По людям — это десять Японий, по ресурсам — тысяча. Мир содрогнется. Передача атомного оружия Пакистану — это сильнейший удар по США, нарушивший всю систему мирового баланса. Собственно, кризис идет именно с того времени. Суть — в борьбе Китая и США за нефтяные ресурсы Ближнего Востока. Основные события в этом регионе пойдут, об этом уже и заявили. Сейчас на ценах за нефть играть начнут. Конфликт между Пакистаном — Китаем и Индией — США. Тогда и арабский след понятен.

Гудвин. Ну вот кружок и сделали. Как, по второму разу пойдем? *(Все смеются.)*

Иезуит. Ладно, хватит прикалываться. Открытая часть заседания заканчивается. Благодарю первозрядников за участие *(Из зала выходят стоящие у стен — остаются человека три.)* Сейчас процесс пошел, есть мнение утят в массы двинуть. С этой целью целесообразно сделать фильм.

Леди Май. Документальный?

Гудвин. Нет, художественный. Типа художественного манифеста. Мол, образ жизни и все такое. «Культурный» фильм. Чтобы народ смотрел

Стармастер. Рулез. А кто сделает?

Генерал Солнышкин. Молодежь сразу отпадает. Гниль полная. Они читать не умеют.

Леди Май. Молодежь, которая выбирает пепси, но не может дотянуться.

Генерал Солнышкин. Во-во, отстой. Старичков надо. Эти хоть с понятиями.

Хифловер. Кончаловский?

Леди Май. Ха, «Куручка-ряба»...

Хифловер. Михалков?

Леди Май. Этот пусть о Глазунове ЖЗЛ снимает.

Гудвин. У него дочка. Ее в утята можно.

Хифловер. Ну...

Гудвин. На самом деле вопрос проработан. Есть мнение Меньшова поставить.

Хифловер. Это кто?

Гудвин. «Москва слезам не верит».

Стармастер. «Оскара» получил.

Хифловер. Грамотно.

Гудвин. У него дочка «Я сама».

Леди Май. Достал ты своими дочками.

Хифловер. Германа можно. И тематика галактическая. Он сейчас по Стругацким фильм снимает.

Леди Май. Вот-вот. Это лет на десять. И еще про нас лет десять делать будет.

Гудвин. Стоп. Вопрос ПРОРАБОТАН. Чего там искать. Чувак согласен.

Леди Май. И «Оскар».

Хифловер. Раз «Оскара» получил, значит, известный. Сделает — хорошо. Не сделает — будем дальше искать.

Иезуит. А он в «Гэлэкси» играл?

Гудвин. Да ты что. Он дед, у него на столе ноутбук лежит, он его включать боится, говорит, «током убьет».

Хифловер. Штуша-Кутуша ерзает. У него, наверно, мысль интересная появилась. Надо делиться. *(Молчание.)*

Иезуит. Так. Теперь оргвопрос. От нас в вечный полет ушел Но-Нейм. *(Все встают. Минута молчания. Садятся.)* Освободилось место постоянного члена Галактического Совета. Кандидатом у нас Штуша-Кутуша. Он год среди нас и с честью прошел испытание — выдержал обет молчания. *(Штуша-Кутуша потирает ладони.)* Теперь последний барьер. Послушаем, как человек говорит. Что имеете сказать по теме?

Штуша-Кутуша. По теме. Тут о фильме говорили. Есть мнение сделать пародийную рекламу квадратных яиц и подать ее как борьбу с засильем рекламы на телевидении. Под это дело можно разбомбить уродов из Министерства культуры, а всю акцию потом дешифровать как косвенную раскрутку меньшовского фильма.

Общее одобрение.

Гудвин. Дело.

Иезуит. Ну, нас можно поздравить с новым коллегой. Мыслит в правильном направлении. На колени, сын мой. *(Штуша-Кутуша становится на колени. Один из стоящих вдоль стен подает меч с волнистым лезвием. Иезуит кладет Штуше-Кутуше меч на плечо.)* Отныне ты полноправный и почти член Великого Галактического Совета.

Аплодисменты. Штуша-Кутуша надевает черные очки и садится за стол.

Штуша-Кутуша. Можно вопрос? Иезуит, а что, Друг Утят действительно есть?

Все делают каменные лица, вопрошаемый преувеличенно смеется.

Иезуит. Да нет, конечно. Это как Кукрыниксы — «собираТЕЛЬный образ».

Штуша-Кутуша (*огорченно*). Понятно. Ладно, пусть будет так.

Иезуит (*берет его за плечо*). Ладно, не обижайся. Все еще впереди.

Хифловер. Как сказал Наполеон, у каждого солдата в ранце есть маршальский жезл.

Стармастер. Теперь с новым кандидатом надо решить вопрос. Все мы знаем Ручейника. Группу аннулипалпов вырастил. Но-Нейма отыграл классически. Есть мнение: его кандидатом в Галактический Совет.

Иезуит. Ты что? У него же башни нет.

Леди Май. Ему же хуже будет.

Гудвин. Он сам себя боится.

Хифловер. Поощрить надо, конечно, но не так. Он чего любит?

Иезуит. Он на «Вавилоне-5» сдвинут. Его когда из Чечни привезли, он без рук в отключке лежал. Его контузило сильно. А тут по телевизору стали «Вавилон» крутить снова. Он раньше в школе смотрел. Он из-за этого себя вспомнил.

Штуша-Кутуша (*смеется*). Вы ему Сюзен Иванову упакуйте.

Гудвин. А что, это мысль.

* * *

Квартира Владимира Меньшова. Меньшов, Гудвин.

Меньшов. У Михаила Булгакова где-то есть: «Как известно, Мейерхольд погиб в 1927 году, когда на него свалились декорации с голыми боярами...» Вот это замечательно. Что-нибудь в этом роде сделать. «Как известно, Никиту Михалкова застрелил любовник в 2007 году...»

Гудвин. Ну, это неверно. Михалков умер от случайного пореза бритвой. Брил ногу в ванной, случайно порезался. Натурально — в обморок и захлебнулся. Это и в газетах было. Лежит в ванной типа Марат, а в окно Кремль виден. И не в 2007 году, а в 2037-м.

Меньшов задыхается от хохота.

Меньшов. Только в 2037-м много. Пусть в 2017-м, что ли. А то не доживу до такого счастья.

Гудвин. Доживете, доживете, у вас вся жизнь впереди.

Меньшов. Хм, это в шестьдесят два года?

Гудвин. У вас два пика в жизни будет. Первый после «Москва слезам не верит», второй, основной, — после «Друга Утят».

Меньшов. Эх, да не было никакого пика после «Москвы». Помню, захожу в Дом кино, все рыла воротят. Прямо я не человек. Уж снял такую лажу, такую, что и говорить противно. Ударили тогда по мне сильно. До сих пор мороз по коже. И кто — друзья, коллеги.

Гудвин. Да это от зависти просто. Сами людей в грех ввели — «Оскара» получили. Да по тем временам еще. Многие не выдержали.

Меньшов. Нет, тут не зависть.

Гудвин. Зависть, зависть. Завидуют вашему таланту... Кстати о зависти. У вас в последнем фильме, «Зависть богов», Депардьё задействован. Правильное решение. Денег, наверно, гад, отгрыз немерено.

Меньшов. Да уж. Но дело того стоило.

Гудвин. Конечно, конечно. Лучший вид рекламы. Думаю, нам тоже надо кого-нибудь. Поскольку фильм молодежный будет, знаете, ха-ха,

Если песню запекает молодежь,
Эту песню не задушишь, не убьешь.

Надо кого-нибудь из подросткового пантеона. Я предлагаю Клаудию Кристиан. Она в космической «мыльной опере» «Вавилон-5» играет. Сьюзен Иванова — культовая фигура. Народ поймет. Юлечка, кстати, о ней передачу сделает. Солнышко наше. Мы для нее и ролюшечку интересную в фильме приготовим.

Меньшов. Хм. Роботом, что ли?

Гудвин. Зачем, человеком. В рекламе квадратных яиц. С Верой Валентиновой они прекрасную пару «мать и дочь» сыграют. Помните, где яйца по пневмопочте получают.

* * *

Титры: Москва, осень 2002 года.

На лестничной клетке Клаудия Кристиан и Гудвин.

Гудвин (*с Кристиан говорит по-английски*). Вы плащ здесь снимите.

Кристиан снимает плащ, передает Гудвину. Под плащом у нее униформа галактического флота. Гудвин звонит в дверь. Дверь открывается.

Кристиан (*по-русски, с акцентом*). «Вавилон-5» приветствует отважную расу Ручейник.

Ручейник пропускает гостей в квартиру. У него вытаращенные глаза. Он сначала криво улыбается, думает, что какой-то розыгрыш, для него неприятный. Но внезапно понимает. Плачет, падает на колени перед Кристиан и умирает.

Кристиан. Доктора!!!

Гудвин. Я доктор. (*Делает массаж, искусственное дыхание. Бесполезно. Поднимается.*) Шнеле тот — бесте тот. (*С Кристиан истерика. Гудвин дает ей пачку долларов.*) Это сверх... за беспокойство.

Кристиан (*швыряет деньги*). Вы не понимаете! Он умер! Умер! Какой ужас. Он умер из-за меня. Я сейчас сама умру. (*Плачет.*)

Гудвин. Не плачьте. Красивая смерть. Может, это и к лучшему. (*Она не успокаивается. Он раздосадованно по-русски.*) Да не ори ты! Вы там у себя в Америке совсем ослабли. Ну, кончился. Умер как мужик. На бабе. Куда больше-то. Он же калека.

Реклама квадратных яиц:

Христос воскрес!

Режут яйцо с синей скорлупой. В нем синий квадратный желток. Режут яйцо с красной скорлупой — красный желток. Режут яйцо с черной скорлупой — наплыв камеры. Черный желток с белыми полями занимает весь экран. Камера отступает — желток с полями оказывается в раме — это картина Малевича «Черный квадрат». Камера снова наплывает на квадрат — в нем загораются звезды, он превращается в звездное небо. За кадром глубокий женский голос: «Квадратные яйца — это бездна. Бездна вкуса».

VIII. ВОЙНА С АНГЛИЕЙ

Титры: Москва, июнь 2007 года.

В белых халатах на крыше московского небоскреба стоят Хифловер и генерал Солнышкин. Внизу грандиозная панорама вечерней Москвы.

Хифловер. Я не знаю, что с этими англичанами делать. Растопырились в Европе — ни туда, ни сюда. От них уж все устали.

Генерал Солнышкин. Трагедия Европы и всего мира в том, что промышленная революция произошла в отсталой периферийной стране — Англии. Феодалами были, феодалами и остались. С майоратом до XX века дожили. А феодал будет крутить-вертеть, вертеть-крутить. С ним разговаривать невозможно. Логика-то нет. Как у Борхеса про классификацию животных:

«Животные делятся на: а) принадлежащих императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегущих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух».

Англичане до середины XX века метрическую систему толком освоить не могли, в шиллингах и пенсах закопались. А революция английская. Прикинь ввод программы. Был у них там полковник Хью Питерс. В парламенте заседание, он выходит на трибуну и молчит. Молчит, молчит, потом говорит: «Не так сели». Потом грох об пол, изо рта пена идет, его ломает. Отломался, встал. Говорит, у меня сейчас видение было, надо республику вводить. Не слабо, да?

Хифловер. Кто проплатил?

Генерал Солнышкин. Французы, конечно. Вообще это для всех такой подарок был. Как революция грянула, испанский посол рыдал от счастья. Мы, говорит, восхищены мудрым поступком великой английской нации. Еще бы — потом двадцать лет на четвереньках ползали, весь мир смеялся. Хуже Ленина.

Хифловер. Они, значит, выводы и сделали.

Генерал Солнышкин. Не то слово. Научили на свою голову. Их оформили культурно, любя. А они, ёпт, «поняли». Все испохабили, уроды. Мыслимое ли дело, Шекспира выдумали. Всему миру триста лет впаривали. Это ведь не конспиролог отмороженный крикает. В последнем издании «Британской энциклопедии» черным по белому: «По всей видимости, Шекспир не мог написать приписываемых ему произведений». Что делают, а? Зачем с дерьмом говорить. С ними договор подпишешь, а они: «Извините, у нас постмодернизм карнавалистский, гендиректора нет, это образ собириательный», — а на рычугах сидят два урода из Манчестера. Бумажку прицепили на спину и смеются. С понтом ситуацией овладели. Детский сад. Пошел, осел средневековый, куда подале. Пока непонятно, можно крутить, а раз поняли — закувыркаются, как олень на льду. Ни одному слову верить нельзя. Москва слезам не верит.

Хифловер. Наполеона отравили. На какого Человека руку подняли. Ненавижу! Под конец совсем опустились. С Дианкой что это такое было? Позор!

Генерал Солнышкин. Я и говорю. Англичане — это люди, с которыми нельзя иметь дела. Ну ладно, давалкина по черным пошла. Но зачем же живого человека убивать? Что, двух высших образований не хватило вопрос культурно решить? Да мы их как детей сделаем.

Хифловер (*закладывая руку за лацкан халата*). И так, королевская семья?

Генерал Солнышкин. Ни в коем случае. Зачем играть с феодалами на их поле? Народ не поймет, начнется психоз. Это еще неизвестно, куда вынесет. А вот премьер-министра шупальцем пощупать. Они сами себя похоронят.

Хифловер. Ну да, подумают, что вопрос согласован.

Генерал Солнышкин. Во-от. Я и говорю. Сами себя люди в землю закопают.

Хифловер. Какой там последний класс животных в классификации Борхеса? (*Вынимает из кармана квадратное яйцо, смотрит на него.*)

Генерал Солнышкин. Класс «о» — «похожие издали на мух».

Хифловер. Это утята, что ли? (*Кидает яйцо с крыши. Яйцо летит вниз с нарастающим воем.*)

Реклама квадратных яиц:

Квадратная сковородка с шипящим маслом. Над ней разбивают квадратное яйцо. Второе, третье. «Глаза» у яичницы-глазуньи тоже квадратные. Яичница

вспучивается, начинает обугливаться. Наконец вспыхивает. Киноплёнка идет пузырями.

* * *

Титры: Лондон, май 2008 года.

Выпуск последних новостей.

Диктор. Серьезные беспорядки в Великобритании. В Лондоне прошла восьмидесятитысячная демонстрация с требованием немедленной отставки Тони Блэра. Блэра обвинили в убийстве своего предшественника на посту руководителя лейбористской партии Джона Смита. Как известно, Джон Смит скоропостижно скончался в 1994 году.

Сначала события развивались относительно мирно. Колонна демонстрантов прошла по центральным улицам, неся многочисленные лозунги. Однако к середине дня ситуация стала выходить из-под контроля. Демонстранты окружили здание парламента, где в это время находился премьер-министр, и стали требовать его выхода к собравшимся. Толпа скандировала лозунги: «Убийца!», «Блэр, ты наш позор!», «Тони, где брат твой Джон?». Когда премьер-министр вышел из парламента, его закидали пластиковыми пакетами с красной краской. Полиция применила баллоны со слезоточивым газом, демонстранты стали переворачивать и поджигать автомобили. Сейчас весь центр города оцеплен специальными частями армии. Волнения продолжаются. Только что мы получили сообщение о серьезных инцидентах еще в двух городах — Манчестере и Бирмингеме.

Англия потрясена абсурдностью выдвинутых обвинений. Еще за сутки мало кто помнил о Джоне Смите. Также не ясен состав демонстрантов. В основном это студенты технических колледжей, никогда не занимавшиеся политической деятельностью. Часть из них одета в белые халаты с желтыми квадратами на рукаве. Когда одного из демонстрантов корреспондент спросил, почему он в белом халате, тот ответил: «Наше общество больно, и мы его будем лечить».

На углу улицы некто в белом халате и в белых перчатках делает руками какие-то букмекерские знаки.

Раса: Мистер Гриффит.

Боевой ящер второй категории¹. Провел 32 игры, выиграл 14.

Основная профессия: футбольный менеджер.

Жизненная установка: ирландец.

Особые свойства: активист ИРА.

Бежит толпа, в ней все больше и больше белых халатов. Несут белые знамена с желтыми квадратами. Выстрелы полицейских. Замедленная съемка. Кто-то падает, роняет знамя. Знамя поднимает другой демонстрант. Звучит ностальгическая музыка.

Поверх кадров идет текст: «В XXI веке в результате мировой анархической революции

погиб 1 миллиард 600 миллионов человек,

искалечено — 2 миллиарда 900 миллионов человек,

стерилизовано — около 10 миллиардов человек.

¹ Примечание: В углу сайта вместо симпатичного утенка изображен злобный утконосный ящер.

ЭПИЛОГ

Первый эпизод

Елена Викторовна спит перед экраном. На полу перед ней валяется крестик. В соседней комнате Трофим говорит по телефону ее голосом. Прижимая телефон плечом к щеке, подходит к сиящей хозяйке, укрывает ее пледом. Берет с пола крестик и надевает себе на шею.

Трофим. Денис, ты не представляешь себе, как я расстроена. Я так ждала этого юбилея. Ведь весь гудилап приехал. Спасибо моему Трофиму, не подвел. Дубль бы с миной сделали, и все — труп.

На половине экрана появляется комната собеседника Трофима. В позе Будды на подушке сидит миниатюрная женщина-робот и говорит густым басом «Дениса».

Псевдоденис. Ладно, Лен, не переживай. Главное — проскочила. Мы тебя все любим и пьем за твое здоровье.

Второй эпизод

Вечер. Перед Домом кино стоит «роллс-ройс» с тонированными стеклами. Рядом гигантская афиша: «Премьера фильма Владимира Меньшова „Друг Утят“. 2003 год». У афиши мечется Владимир Меньшов, отдирает лоскуты. Получается не очень-то — афиша большая.

Меньшов (*орет*). Прекратите это безобразие! Не снимал я никакого фильма ни про какого Друга Утят. Я прошу вас, уберите от меня Галковского. Перестаньте надо мной издеваться. Я пожилой человек. Я «Оскара» получил.

Внутри «роллс-ройса» сидят двое. Их силуэты подсвечиваются работой встроенного в панель управления дисплея. На ключе зажигания брелок в виде желтого квадрата с белой каймой.

За рулем сидит Хифловер. На заднем сиденье — Самокомментатор.

Раса: Самокомментатор.

Ветеран. Провел 23 игры, выиграл 12.

Основная профессия: сказочник.

Жизненная установка: добрый волшебник.

Особые свойства: в галактике ходят упорные слухи о том, что это чуть ли не сам Друг Утят.

Самокомментатор. Как развивается реальность?

Хифловер. В правильном направлении.

Самокомментатор. Думаете?

КОНЕЦ ФИЛЬМА

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

БОРИС ЕКИМОВ

*

ЛЮДИ И ЗЕМЛЯ

«Земля и люди» назывался последний мой очерк, опубликованный областной газетой. Кончался он фразой «дежурной»: «Значит, пришло время земли и хлеба». Получил — нынче редкое — письмо читателя. Толковое рассуждение, мягкий, но упрек: «А людей куда?» И пример: в пригородном районе работают приезжие из Китая. Глава районной администрации ими не нахвалится, обещает: «Будем из Китая приглашать больше». Вопрос читателя: «А своих людей куда? В Китай?»

Цитата из новомирского очерка (2001, № 7):

«Август 2000 года. Калачевский район. Коллективное хозяйство „Калачевское”».

Стояли мы кучно возле машины, на капоте которой была развернута карта полей колхоза. 150 гектаров... 300... 120...

— Берите! — предлагал начальник сельхозуправления. — Чего молчите, мужики!

Мужики-фермеры переминались с ноги на ногу, вздыхали, вспоминали прошлое...

Мужиков-фермеров, приехавших на раздачу земли и не больно спешивших брать ее, понять можно. У кого за пять, а у кого и за десять лет работы созданы свои плохие ли, хорошие, но производственные базы, где стоит и ремонтируется техника, где склад горючего да зерновые ангары. Есть ли смысл гонять трактора да комбайны туда и обратно?.. Вот если бы?..

— А вот если... — сказал я. — Если наперед прикинуть и уже сегодня отдать земли второго отделения, — указал я вдаль, а потом на карту. — Вот эти поля. Николай Николаевич, я думаю, возьмет. И Якутин, и Андрей Штепо, Кузьменко, — перечислял я крепких фермеров, чьи земли лежали в тех же краях.

— Нет! Нет! — чуть не хором стали возражать мне районные начальники. — О тех полях пока речь не идет.

— Но ведь пойдет, — настаивал я. — Мы ведь через два года, а может, раньше вот так же соберемся и будем те поля навязывать. Давайте сейчас отдадим. Пока они меньше запущены. Пока интерес к ним есть. Ведь колхоз все равно развалится. Дело только во времени. Чудес не бывает. Четыре миллиона долгов... Вы же прекрасно понимаете — не бывает чудес.

— Нет! Нет! Нет! — ответили мне хором.

А нынешний председатель колхоза наставительно произнес:

— Надо думать об людях.

Я лишь вздохнул.

„Об людях...” Если по-честному — это о себе забота. Председатель колхоза... видел, куда идет: все развалено и разбито. Но пошел. Может, успеет домик в райцентре построить. Должен успеть.

И эти крепкие мужики — „спецы” сельхозуправления. Худо ли, бедно, но зарплату получают, все при автомобилях, тоже государственных. Чего искать?

И где чего найдешь в забытом богом райцентре? Так что лучше „думать об людях“.

Постояли мы, поталдычили, с тем и разъехались».

Февраль 2002 года. Хутор Бузиновка, бывшая центральная усадьба бывшего советского, а потом коллективного хозяйства «Калачевское». На хуторской площади главенствует двухэтажное здание. На втором этаже — кабинет директора, потом — председателя, где бывал я не раз. Но теперь туда идти незачем, кабинет пуст. И весь этаж пустует.

Я — не больно мудрый, просто со стороны виднее. Все мои предсказания сбылись. В 2001 году колхоз приказал долго жить. Последний его руководитель, который призывал меня «думать о людях», благополучно перебрался в райцентр. (Я же писал: «Должен успеть».) На месте при тех же должностях, окладах, машинах остались и все районные «спецы», которые хором мне пели: «О людях! О людях надо думать!» Теперь они умыли руки: ведь в Бузиновке колхоза нет.

Но конец колхоза — это не конец света. В трех хуторах: Бузиновка, Степаневка, Ярки-Рубежный — 1400 жителей и 21 000 гектаров земли. Кто теперь «думает о людях»? Сельская администрация. Она размещается здесь же, в начальственном здании, на первом этаже.

Сижу в кабинете Виктора Федоровича Нижегородова, главы Бузиновской сельской администрации. Разговор наш то и дело прерывается, стучат в дверь, без стука идут, телефон звонит. Все, конечно, с заботами и просьбами. Так в прежние времена приходили в кабинет на втором этаже, к директору совхоза, а потом к председателю коллективного хозяйства. Но разница великая: у прежнего «головой» в подчинении, в руках были деньги, автомобили, тракторы, «стройдвор», механическая мастерская, многое другое. Так что решить людские проблемы, помочь в большом и малом директор всегда мог (если хотел). Лишь поведет рукой — и водопровод исправили, крышу починили, похоронили умершего, а новорожденного достойно приняли. Так было.

Сегодня единственная власть на хуторе — сельская администрация. Но материальная мощь прежних хозяев хутора и округа ей лишь снится. Нужно починить крышу в детском саду — проси «газовиков», они богатые. Школьный автобус дряхлый — проси о ремонте фермеров. Они хоть и не больно богатые, но понимают, что автобус для их детей. Вьюнникову, Чеботареву, Куликову — великое спасибо, помогли.

На первый взгляд сельские администрации — хозяева округа. Получается, лишь на словах. Налог с земельных участков и строений уходит в райцентр. Нотариальные услуги, которые производятся здесь, оплачиваются людьми, но деньги — райцентру. Те же торговцы, вот они, под окнами развернули и развесили свои товары, но заплатили вмененный залог не здесь, а в райцентре. Песчаный карьер, которым пользуются «газовики», строители, военные. Сельской администрации от этих богатств никакого дохода. Пастбища, воды и, наконец, пахотная земля. Колхоз развалился, но пашню сразу же разобрали фермеры. И если в 2000 году, при колхозе, посеяли 2000 гектаров озимой пшеницы, то теперь — 8000 гектаров, вчетверо больше. Если при колхозе половина пашни уходила в зиму непаханой, то теперь все вспахали. Н. Н. Олейников, В. Б. Колесниченко, В. П. Осипов, А. П. Вьюнников — именно те люди, о которых говорил я летом 2000 года районам-«спецам»: «Отдайте им. А не сидите, как собака на сене».

С землей в Бузиновской округе теперь порядок. А вот «о людях» — разговор непростой.

В колхозе были заняты все трудоспособные и желающие, не менее 500 человек. А теперь на земле, у фермеров, будет занято не более полусотни, если не меньше. Помню слова А. П. Вьюнникова: «Своих никого не возьми. Я их знаю». И Колесниченко с Олейниковым да Осипов работают уже почти десять лет, у них свой «костяк» из бывшего совхоза «Волго-Дон», инженеры в кабине трактора сидят. Зачем им бузиновский балласт — люди, развращенные многолетним колхозным развалом? Тем более зерноводство — сезонная рабо-

та: пахота, сев, уборка. У хороших хозяев все это проходит в короткие сроки. На две недели наймут, потом — до свидания. Если наймут...

Итак, имели работу 500 человек, теперь чуть не в 10 раз меньше. Куда остальных деваться? Чем жить?

Когда-то, на заре сельских перемен, один из «младореформаторов» на такой вопрос ответил обескураживающе просто: «Пусть едут в Австралию или в Канаду. Там дефицит рабочей силы».

Из Ярков-Рубежных Калачевского района в Австралию никто пока не уехал. Те, кто моложе, уходят на сверхурочную службу в бригаду внутренних войск, что расположена за 60 верст. Таких единицы. «Вахтовым методом» работают на железнодорожной станции им. М. Горького, за 80 километров. Неделя ли, две — на работе, столько же — дома. Получается — раскорячка. Пытались ездить в Москву, там заработки побольше, но «отыщачишь» несколько месяцев, а потом, на вокзале или в поезде, деньги отбирают. На Москве поставили крест. Какая уж тут Австралия!

Колхоза нет, считай, уже целый год. Чем живут? Подворьем. Выращивают для себя картошку и все овощи. Стали разводить дойных коров. Их в Бузиновской округе 600. У хороших хозяев по 4 — 5 голов. Цена литра молока была: 2 рубля 50 копеек — летом, 4 рубля — зимой. Администрация местная и районная сохранили два «молоковоза», принадлежавшие раньше колхозу. Теперь они собирают молоко с подворотни, сразу расплачиваются и увозят в райцентр, на молочный завод. Правда, не все и не всегда получается гладко. До сих пор не могут определить, кому принадлежат «молоковозы». Сельская администрация не имеет права держать их. Людям... Тоже пока не получилось. Подвешенное состояние. И с расчетом за молоко не все гладко. Райцентровский молзавод ненадежен.

Но уже объявился у него конкурент — «Волгоградмясомолторг». Приезжали его представители. Все вопросы обещали быстро решить. Название у конторы длинное, из прежних времен. А вот хозяин — иной. Почти все акции у одной семьи. Значит — семейное дело, наследственное, всерьез. Молочное дело — надежное. Без хлеба и молока город не проживет. А молочное стадо в области за последние десять лет уменьшилось более чем вдвое. В некоторых районах оно практически ликвидировано. Руднянский, Быковский, Котельниковский... 536 голов, 739... 711... Суточные надои: 0,6 килограмма... 0,4... 0,9... 07... Жирновский район... Котовский... Новониколаевский...

Из нынешней зимовки коров выйдет еще меньше (15 процентов снижения поголовья за год — это уже закон проверенный).

Поэтому на Волгоградском рынке обиденными стали молочные продукты, произведенные в Москве. Так что на молоко есть спрос. И жить от молока можно.

Хутор 2-й Бобровский, колхоз им. Куйбышева. Вот что говорит руководитель: «Животноводство приносит нам убытки. В нашем хозяйстве 84 дойные коровы и 150 телят и нетелей. За прошедший год у нас украдено 25 голов скота... на продаже озимой пшеницы колхоз потерял около 3 миллионов рублей... Но тем не менее мы с оптимизмом смотрим в будущее и возлагаем надежды на наступающий год».

Надежда — дело хорошее, но сыт ею не будешь.

На том же хуторе на въезде в него подворье с асфальтированным подъездом, водонапорной башней. Живут здесь не фермеры, а колхозники, семья Косоруковых. Послушаем главу семьи: «Началось это с 1991 года, когда стали обесцениваться трудовые сбережения, а колхоз стал сокращать животноводство. У нас трое детей. Держали, как и многие другие, корову да пару свиней. Поглядели мы, подумали и поняли, что надеяться можно только на себя. Первым делом провели асфальт к дому, трехфазную электролинию, поставили свою водонапорную башню и оборудовали мехдойку, купили старый трактор „Т-40“. На это ушли все сбережения. Но год от года наша мини-ферма пополнялась. Теперь у нас пять дойных коров, бык, телята, четыре свиноматки, поросята на откорме, куры, гуси, утки». Косоруковы продолжают работать в колхозе. Но если он завтра рухнет, то по миру они не пойдут.

Хорошо, что на земле еще есть люди, которые могут «подумать и понять». Но их, к сожалению, очень и очень мало. Большинство, как и прежде, на колхоз рассчитывают и на Господа Бога.

«Засуха у нас в голове» — красное словцо, пущенное в наших краях в начале 90-х годов, повторяем мы снова и снова. Подтверждаем снова и снова.

Село Мариновка, сельскохозяйственный производственный кооператив «Волжанин». Еще одно собрание. Еще одна смена руководителя, четвертого за последние три года. В. Г. Чичеров — человек хороший, экономист по образованию. Он несколько лет был фермером. Не получилось. Торговал, не пошло. На прошлогоднем собрании предложил себя в председатели. Избрали, потому что говорил гладко. Дело в колхозе катилось к банкротству. Рядовые колхозники — «детский сад», это понятно. У них главный довод: «Да може...» Но зачем шел в председатели Чичеров, для меня загадка. Ведь все как на ладони: непомерные долги, отсутствие сельхозтехники, запущенные поля. И с неба ничего не упадет. Бывший главный экономист колхоза это должен понимать. Все равно пошел. Год продержался. Окрестная молва говорит: «Для того, чтобы выкопать из земли и продать на металлолом трубы поливных участков». Трубы выкопали, увезли. Чичеров попросил отставки «в связи с переездом в областной центр».

Новое собрание. Итоги работы за год абсолютно ясные: рентабельность 20 процентов со знаком минус, миллионы рублей убытков, долгов, на носу — очевидное банкротство.

Объявился на собрании спаситель — С. М. Якутин, фермер, опытный агроном, арендует 1000 гектаров пашни в соседнем хозяйстве. Его предложения: земля и имущество колхоза передаются ему. Владельцам земельных паев ежегодная плата — 1,5 тонны зерна и 2 тонны соломы, имущественные паи он выкупает у владельцев в рассрочку. Механизаторам, которые будут работать у него, зарплата 40 000 — 50 000 рублей в год. Якутин — житель местный, потомственный агроном, его дела — на виду. Его предложения — весомы, потому что сегодня на пай земельным владельцам хорошо если дадут в конце года 2 центнера зерновых отходов. Паи имущественные вовсе с каждым часом тают.

На собрании главным докладчиком и увещевателем был председатель комитета экономики и финансов района П. В. Иванов. Он, что называется, на пальцах разъяснил: колхоз вот-вот объявят банкротом и никакими судьбами ему из долгов не выкарабкаться. Сначала он это объяснил в узком кругу специалистов. И те согласились: единственный выход — Якутин. Иначе — гибель: арест имущества, распродажа его за копейки, крах.

И собрание будто бы понимало главного экономиста района. Но до поры... Якутин оказался плохим стратегом, сказав откровенно, с трибуны, что сократит до минимума управленческий аппарат и людей в бригадах, а дисциплина производства будет строжайшая. Вот тут-то и зашумели: «В кабалу не пойдем».

Собрание почти единогласно проголосовало за сохранение сельхозкооператива в прежнем виде. Новым руководителем избрали А. А. Абдулманапова, который агрономического ли, экономического образования не имеет, но пообещал: «Проживем».

Проживет... Пусть недолго. Но только не колхоз! И не люди его. Уже через месяц какой-то ловкий юрист сумел забрать у этого колхоза часть автомобилей да тракторов по «остаточной стоимости», за копейки. И вот-вот обанкротят, все остальное заберут. В «мутной воде» «юристы» не дремлют.

В селе Мариновка тысяча с лишним жителей. До недавних пор в колхозе работали 350 человек. Плохо ли, хорошо, но жили. Сейчас работают 70 человек. Но вот-вот и эти люди своей привычной работы лишатся. Что им делать? В какую сторону идти? До районного центра — 30 километров. Но там нет работы и для местных жителей. Практически все предприятия закрылись. До Волгограда — 60 километров. И тоже с работой худо. Тем более, что человек — не улитка: за плечами свой дом не носит. Старым — доживать, копясь в огороде. А вот молодым...

Но что Мариновка, село невеликое. Рядом «Волго-Дон», когда-то гигант молочного, мясного и прочего производства, на распыл идет все в той же «мутной воде». Банкротство, внешнее управление, арест счетов, арест имущества. И даже — редчайший случай! первый на моей памяти! — за долги «Волго-Дона» по иску Сбербанка могут быть конфискованы и выставлены на торги дома двух заместителей главы Калачевского района (по сельскому хозяйству и экономике). Именно они подписывали договоры, предусматривающие их личную ответственность (своим имуществом) за невозврат кредита. А вот руководитель «Волго-Дона» А. И. Булюсин, в течение десяти лет ведущий хозяйство к разорению и развалу, может не беспокоиться. У него — все в порядке.

А у простых людей — бывших трактористов, овощеводов, скотников, доярок, телятниц? Их — более трех тысяч. Многоэтажные «аггородки». Шесть тысяч людей в них живут. И если в Мариновке ли, в Ярках люди могут надеяться на свой огород, скотину в коровнике, то здесь — балконы да лестничные площадки, как в городе. Квартирная плата — 300 — 400 рублей в месяц. А заработной платы — нет. Если ее и выдают, то огурцами, капустой, луком. Все это за бесценок тут же забирают скупщики. Но завтра уже не будет и этой малости. «Волго-Дон» — банкрот. Куда идти людям? Вокруг — голая степь. И где их ждут? В Австралии?

Это ведь катастрофа. Но кто о ней знает? У нас ведь по-прежнему «все в порядке». Сельское хозяйство страны, как вещают наши руководители, «стабилизировалось», «наметился рост». Брехать — не пахать!

Передо мной «Справка об ожидаемых финансовых результатах за 2001 год — по сельскохозяйственным организациям Волгоградской области». Листаешь ее — сплошная благодать: рентабельность, прибыль везде присутствует. ЗАО «Волго-Дон» — с прибылью сработало, СППК «Крепь» — тоже в прибылях. Непонятно, за что эти хозяйства еще в августе, после уборки урожая, были признаны банкротами.

611 сельхозпредприятий. Более половины — прибыльных. Областной уровень рентабельности 10,9 процента.

А в конце этой «тетрадошки-справки», на последней странице, один из руководителей сельского хозяйства области от руки написал список из 11 хозяйств, которые действительно можно считать на сегодняшний день работающими нормально, то есть способными более или менее прилично платить работникам зарплату, покупать и ремонтировать сельхозтехнику, словом, жить. В этом списке все те же: колхоз имени Ленина, «Кузьмичевский», имени Кирова... 11 из 600! Вот тебе «стабилизация» и «наметился рост».

Уже не отдельные колхозы, а целые районы становятся банкротами. 10 января 2002 года по иску Сбербанка Арбитражный суд признал банкротом Калачевское районное агропромышленное объединение. А что в Нехаевском, Руднянском, Еланском, Быковском районах?

Что мы только не делаем с нашими колхозами! И «реструктуризируем», то есть отказываемся от прошлых долгов, все и вся. А назавтра новые долги появляются. Из частной лавочки переходим в государственную, добровольно отдавая тракторы, автомобили, скот, постройки в «муниципальную собственность», чтобы враг, то бишь кредитор, не покусился на наше добро, не отнял. Опять никакого прока. Именуем колхозы по-новому: ООО, УСП, ГУСП, МУСП, ГУП, АОЗТ, СПК, ГПЗ, МУП — все вроде по-умному, а проку нет.

Речь колхозного председателя на отчетном собрании: «Всякое планирование сельхозпроизводства, каким бы выверенным оно ни было, оказывается обреченным на убытки. Год назад „ставили“ на подсолнечник, так на него цены не было. В этом году сократили посевы, а цены подскочили. С зерновыми все получилось с точностью до наоборот. В текущем году расширили посевы, а цены упали».

И вывод: «Убедившись в бесполезности бесконечной смены ярлыков и невозможности самостоятельности, хозяйствовавшие пайщики (то есть колхозники — владельцы земельных и имущественных паев. — Б. Е.) решили обратиться за помощью к инвесторам. К счастью или на беду крестьянскую, жела-

ющих вложить средства в сельскохозяйственное производство сегодня находится множество».

Еланский район. В начале 2001 года в районе 22 коллективных хозяйства. Сегодня, в январе 2002 года, — лишь 4. Остальные отдали свою землю и волю частному капиталу, пришлым фирмам-инвесторам, крупнейшая из которых, «Агро-Елань», за год потратила 200 миллионов рублей на новые тракторы и комбайны, семена, удобрения. Но вся земля теперь вспахана и засеяна, в отличие от прошлых лет, когда половина пашни не обрабатывалась.

«У вас ничего не получилось, — объявил бывшим колхозникам один из новых хозяев. — Теперь попробуем мы».

В 2002 году новые инвесторы обещают «вложить» в сельское хозяйство Еланского района 600 миллионов рублей. Деньги для села немыслимы!

Еще один район — Нехаевский. Что делать, если половина земли в районе не обрабатывается?

СПК «Роднички». Долг 6 млн. рублей. В кассе — пусто. Выход: 780 пайщиков передали 11 788 гектаров земли в ООО «Брейтон».

СПК «Роднички», СПК им. Калинина, СПК «Краснопольский», СХА «Заветы Ильича», СПК «Динамо», СПК «Хопер», СПК «Авраамовский», СПК «Реченский»... Названия коллективных хозяйств разные, а беды одни.

«Хозяйство обросло непомерными долгами»... «животноводство принесло убытки»... «в растениеводстве складывается неутешительная картина». «Из 10 000 гектаров 7000 не пахано».

Перспектива (в изложении главы комитета по сельскому хозяйству района): «Грозящее хозяйствам в ближайшее время банкротство уничтожит их: основные фонды будут проданы, а люди останутся без дела».

Выход: вперед — к инвесторам. «Инвид-Агро», «Инвест-Агро», «Нехаевская-Агро», «Брейтон», «Инвест-Кор» — новые хозяева нехаевской земли. Практически весь район оказался в их руках. Лишь колхоз имени Ленина выстоял. Честь бессменному его председателю Георгию Васильевичу Яменскову. Но один в колхозном поле — тоже не воин.

Еще одна — лишь очередная! — жертва времени и обстоятельств — Даниловский район. Земля — чернозем. По погодным условиям 2001 год — хороший. Но уже к осени все стало ясно. Если в 2000 году общая кредиторская задолженность всех коллективных хозяйств района составляла 177 миллионов рублей, то теперь — 185 миллионов рублей. Очевидный крах. Из полутора десятков колхозов лишь два заканчивают год с намеком на мизерную прибыль. Но и там долгов — по уши. Это у лучших. А у худших, таких, как СПК «Сергеевский», из 15 000 гектаров пашни обрабатывается 1500. Десятая часть!

«Выход из такого положения, — говорит главный экономист районного комитета по сельскому хозяйству, — это изменение экономического статуса сельхозкооперативов, то есть их очередная организация». Старая песня: звали меня Маша, и долгов у меня, как шелков, а нынче я — Глаша, а про Машины долги знать ничего не знаю.

Но этой песне уже не верит никто. «Если даже мы все сделаем для реформирования хозяйств, — честно признается глава администрации района, — через год снова увязнем в долгах».

А значит, выход один-единственный: «Вперед — к частному инвестору!»

В район приезжает губернатор области, его помощники, создана целая комиссия. «Областная администрация активно подключалась к нам в поисках и привлечении инвесторов», — радуются в Даниловке.

Обращаем внимание: еще год назад, когда подобный процесс шел в Еланском районе, власти осторожничали. Районная дума публично призывала: «Тщательно изучить... Не спешить...» А за глаза и вовсе называли инвесторов «москвитскими бандитами».

Теперь уже сам губернатор организовывал приезд в Даниловку кредиторов, инвесторов, «фирмачей». (Это вам не «Атамановский», «Ловягинский» да «Память Ленина», а «Випойл», «Лукойл», «Фордео», «Карат», «Альфа», «Инвест-Агро» — новые времена, новые имена.) Так сказать, берите и владейте.

Знаменательная деталь: идет совещание новых и старых хозяев района, в зале — людно; на трибуне — «инвестор», молодой мужчина, плотный, в короткой стрижке, говорит не особо напрягаясь, чуть не шепотом; ему из зала подсказывают: «Громче!» «Инвестор» поднимает голову, оглядывает зал, выдерживает паузу, а потом роняет: «Всегда так говорю. А вы слушайте». И в зале сразу притихли, почуяв силу.

Вице-президент фирмы «Випойл» А. В. Средний объясняет: «Во всем мире аграрный бизнес доходит. Поначалу мы отлаживали нефтяной бизнес. (В этом году компании исполнилось 10 лет. — Б. Е.) Когда появились средства, решили войти в аграрный сектор. Первое время занимались кредитованием сельхозпроизводителей... Затем решили попробовать сами заняться производством».

Даниловский район, его колхозы, теперь уже с помощью областных властей, тоже отданы новым хозяевам.

«Предприятия-инвесторы будут зарегистрированы на территории нашего района, — говорит глава районной администрации, — они предоставят селянам работу, будут нормально платить налоги в местный бюджет».

Вот и решены все сельские проблемы. Теперь пусть голова болит у «инвестора». Он и посеет, и вспашет, и даже на хуторских улицах наведет порядок. «Весной закупим гербициды и покончим с амброзией, бурьяном... Спланируем улицу бульдозером, — обещает гендиректор „Випойл-Агро“, — сделаем красивые изгороди. Село будет иметь более приглядный вид».

Еланский район ушел к «инвесторам», Нехаевский, Даниловский... Работают новые «Агро...» в Дубовском, Котельниковском и других районах.

В феврале 2002 года уволен прежний вице-губернатор нашей области, ведавший делами сельскими, его сменил на этом посту бывший генеральный директор «Елань-Агро» П. П. Чумаков. Именно так — представитель новых хозяев, «инвесторов». Значит, им — «зеленая улица»?..

Хорошо это или плохо?

Картинка сельская. Декабрь 2001 года. Даниловский район. В редакцию районной газеты позвонила женщина, со слезами в голосе сообщив, что в СПК «Сергеевском» третий день не кормят и не поят скотину. Журналисты поехали, поглядели. 156 коров. В поилках — лед, в кормушках пусто. Председатель колхоза и заведующий фермой — в отъезде, на ферме людей нет. Грейфер — погрузчик — сломался, насосы отключены. Коровы дурняком ревут. Колхозный народ по телефону названивает: «Примите меры!» Коллективные хозяева...

Через полсотни лет, до сих пор помню нашу корову Зорьку. Ее и погладят, и приласкают, и теплое пойло приготовят, и в стойле уютно, как в доме. А как по-иному? Ведь Зорька была нашей кормилицей, нашей коровой.

И нынче — лишь неделю назад вернулся с хутора — друзья мои в хозяйстве имеют корову, бычков. Малина, Янчик (сокращенное от Январь), Мишаня... «Как на перине ночуют...» — показывает мне товарищ стойло, щедро устеленное свежей соломой. А уж про кормежку и говорить лишне: степового сена — вволю, просяной соломки — в охотку, теплого пойла — словно детям. А как же иначе?

А тут — три дня скотина голодная и непоеная ревет... И знаете, дело вовсе не в том, что люди хуже зверей. «Не мое! Чужое! Начальство нехай меры принимает!» — десятилетиями укоренившееся правило. «Пусть лучше у людей живут, чем в колхозе сдохнут», — повторял всегда один из председателей, щедро раздавая поросят с фермы. И перед начальством тем же оправдывался, пока не выгнали.

«Не мое!!!» — с этим парткомы да профкомы не могли справиться. А нынче — и вовсе. И так, в село, в сельскохозяйственное производство, пока лишь в полеводство (зерно, подсолнечник), но частный «капитал» двинулся. Свято место пусто не бывает.

— Явная отмывка денег, — говорят люди неглупые. — Такие вложения. Они же не смогут получить прибыль. Это невозможно. Вот все расчеты, пожалуйста...

— Может, и правда. А может, и неправда. Потому что и «расчеты», и «неглупые специалисты» — все это «колхозное», «советско-социалистическое». А пришло совсем другое — капитализм, с иной логикой, иными законами.

— Это московские деньги. Они там почували, разузнали, что вот-вот примут закон о купле-продаже земли. Вот и полезли. Чтобы успеть землю скупить.

— Может, и так, а может, и по-другому. Не суди в три дня, а суди — в три года.

А вот еще одно мнение, высказанное человеком, который в районном центре занимается бизнесом: производство мясных продуктов, торговля:

— «Карат», «Альфа», «Фордео» за счет крестьян получают большие прибыли.

И ему можно верить: человек — местный, предприниматель успешливый. Гадать можно так и эдак. Но совершенно очевидно, что рука об руку с частными инвестициями идут новые порядки, которые очень больно ударят по большинству селян.

«В новые хозяйства (создаваемые частным капиталом. — Б. Е.) надо брать тех людей, которые хотят работать, а не числиться на работе. Конечно, тут будут проблемы, но другого выхода у нас нет» (глава администрации Даниловского района Н. П. Руденко).

«Часть людей просто не сможет работать в новых условиях...» (М. И. Киндеров, руководитель хозяйства, вошедшего в «Агро-Елань»).

«В „Брейтоне” горячее питание для механизаторов привозят в поле три раза в день, причем бесплатно. Но „рюмка” стоит дорого: лишение премиальных 500 — 800 рублей. Четверых механизаторов уже пришлось уволить за пьянку» («Нехаевские вести»).

«У нас работает очень много лишних людей. Всех мы не прокормим».

Фирма «Гелио-Пакс» успешно работает в нескольких районах уже в течение пяти лет. Прибыль хорошая (2001 год: ООО «Гелио-Пакс-Агро-3» — 31 204 000 рублей, ООО «Гелио-Пакс-Агро-4» — 27 882 000 рублей). Но животноводство, которое было прежде, при колхозах, практически ликвидировано. А значит, люди — без работы. Многие местные механизаторы потеряли работу, даже сезонную. Новые хозяева предпочитают возить рабочих из райцентра.

Десятки раз повторяли мы известные цифры о том, что производительность труда в нашем сельском хозяйстве очень низкая, что работает на земле треть населения, а на Западе — 5 — 7 процентов. Теперь эти цифры начинают превращаться в горькую очевидность: с приходом частного капитала единоличного хозяина на селе сразу же теряют работу более половины трудоспособного населения. Это положение осложняется тем, что другой работы рядом ли, поблизости нет.

К такой перемене люди не готовы ни психологически, ни материально. Куда-либо переехать они не могут, так как нет сбережений, а дома на селе стоят очень дешево. На эти деньги не купишь новое жилье даже в райцентре, про город не говоря.

Профессия: скотник, механизатор, доярка. Куда с ними? Оттого — чувство безысходности, пьянство, развал семей, разрушение моральных устоев.

Какой-либо программы трудоустройства сельского населения не существует. Даже пособия по безработице — не для крестьян. Хутор ли, село — далеко от райцентра. Не наездишься туда — а надо несколько раз в месяц «отмечаться», — на автобусные билеты больше денег истратишь.

В позапрошлом теперь уже веке, отменив крепостное право, император в своем указе требовал, чтобы исполнительная власть попечительствовала крестьянам в трудное для них время перемен.

Нынешний перелом масштабом сравним с отменой крепостного права. Но вот попечительства или хотя бы понимания сложности, трагизма судьбы и судеб крестьян — колхозников, миллионов и миллионов наших сограждан — этого нет. «Пускай в Австралию едут...»

Вице-президент фирмы «Випойл» А. В. Средний: «Сейчас мы пока новички в сельскохозяйственном производстве, набираемся опыта, получаем синяки и шишки. Анализируем, просчитываем. А потом — пойдём».

Они идут. Куда крестьянину податься?

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

*

К ВЕЧНО-ЮНОМУ ВОПРОСУ

Об «искусстве для искусства»

Немногие писатели могут похвастаться таким литературным долголетием, как Чуковский: с появления его первого литературного фельетона «К вечно-юному вопросу» в газете «Одесские новости» в 1901 году и до смерти в 1969 году, когда шла работа над подготовкой первого в его жизни собрания сочинений в семи томах (из них вышло лишь шесть), прошло почти семьдесят лет, отданных подвижническому, не прекращавшемуся ни на один день литературному труду. Его судьба была удивительной не только из-за своей продолжительности — Чуковский пережил несколько литературных эпох, и в каждой из них его талант раскрывал новые грани: он был критиком, детским поэтом, переводчиком, прозаиком, литературоведом, мемуаристом.

Имя Корней Чуковский первоначально было литературным псевдонимом Николая Васильевича Корнейчукова (1882 — 1969), но псевдоним настолько сросся с ним, что заменил подлинное имя и превратил его в Корней Ивановича Чуковского. По документам он был незаконнорожденный, сын крестьянки Полтавской губернии Екатерины Осиповны Корнейчуковой. Несмотря на героические усилия, мать так и не смогла дать ему гимназическое образование. Но в нем была заложена такая жажда знания, такое стремление к культуре, что он сумел, занимаясь самообразованием, войти как равный в семью петербургских литераторов и художников, печататься в престижных газетах и журналах, став влиятельным и известным литературным критиком. Василий Розанов, с которым его связывали сложные отношения, где интерес друг к другу сочетался с категорическим неприятием, однажды назвал Чуковского «сам себя выстругавший деревянный человек».

В годы своего литературного дебюта Чуковский намеревался стать философом и вынашивал теорию, которая дала бы универсальное объяснение цели и смыслу человеческой жизни.

Современному читателю наукообразные рассуждения дебютанта об искусстве могут показаться ненужными, но надо учитывать, что в те годы теория утилитарного (служебного) назначения искусства, его обязанность бороться за гражданские идеалы в духе некрасовской формулы «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» сохраняла господство в эстетике, хотя ее популярность шла на убыль.

Молодой Чуковский считал высшей доблестью писать именно учено, готовясь к созданию более широких философских обобщений. Следующий шаг в этом направлении он предпринял в статье под многообещающей шапкой «Письма о современности». В этой рубрике появилось единственное письмо: «Индивидуализм. Марксизм. Декадентство»¹. В дальнейшем Чуковский меняет амплуа и становится литературным критиком; как философ он после двух первых своих статей, можно сказать, умер.

Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Евгении ИВАНОВОЙ. После-словие Павла КРЮЧКОВА.

¹ «Одесские новости», 1902, 23 мая.

Тему статьи «К вечно-юному вопросу» подсказал спор о задачах искусства, развернувшийся тогда на страницах либеральных изданий. В начале XX века, с появлением символистов, провозглашавших независимость искусства от всех вне его лежащих задач, сторонники утилитарного искусства вынуждены были активизироваться и заново отстаивать свои позиции.

Включаясь в эти вновь разгоревшиеся дебаты, молодой Чуковский не примыкал к готовым точкам зрения, он пытался нащупать некий третий путь, примиряющий красоту и пользу, и философской опорой на этом пути должна была стать его теория самодостаточности, или самоцельности, как он ее еще называл.

Публикация первой статьи никому не известного недоучившегося гимназиста на страницах популярной одесской газеты имела свою историю. Едва ли эта статья так просто попала бы на страницы «Одесских новостей», слишком отличалась она от всего, что писалось об искусстве в газете, если бы не сочувствие друга Чуковского тех лет Владимира Жаботинского, печатавшегося в тех же «Одесских новостях» под псевдонимом *Altalena* (по-итальянски — «качели»). Жаботинский, ставший впоследствии теоретиком сионизма, в годы дружбы с молодым Чуковским был популярным журналистом, тем, что в газетном мире принято называть «золотым пером», и писал в «Одесских новостях» по фельетону в неделю на самые разнообразные темы. Жаботинский ценил философские идеи Чуковского и стиль его ранних писаний. Так что его по праву можно считать «крестным отцом» Чуковского-журналиста, что отражают записи Чуковского, частично пропущенные при первой публикации дневника.

После опубликованной записи от 27 ноября 1901 года: «В „Новостях“ напечатан мой большой фельетон „К вечно-юному вопросу“. Подпись: Корней Чуковский. Редакция в примечании назвала меня „молодым журналистом, мнение которого парадоксально, но очень интересно“. Радости не испытываю ни малейшей. Душа опустела. Ни строчки выжать не могу»², — следует неопубликованная запись от 28 ноября: «Угощал Розу, Машу и Альталену чаем в кондитерской Никулина. *Altalena* устроил мне дело с фельетоном... В конце сентября я принес ему рукопись — без начала и конца, спросил, годится ли. Он на другой день дал утвердительный ответ. Я доставил начало и конец — он сдал в редакцию, и там, провалявшись около месяца, статья появилась в свет».

Altalena-Жаботинский помогал и в напечатании одной из последующих статей Чуковского, посвященной публицисту М. О. Меньшикову, о чем идет речь тоже в неопубликованной записи дневника от 11 декабря: «Читал сегодня Жаботинскому свою статейку. Понравилась. Отнес в редакцию — и вот я на бездельи. А мне ни за что бездельничать не хочется — опять время упустишь. Нужно, чтобы после второй обязательно шла третья — обязательно. 5 статей дам — а там и подумаю, как и что. Милый человек этот *Altalena*! Прихожу сегодня к нему — он спит, а уже двенадцатый час. Какое двенадцатый — первый! Работал вчера долго — вот и заспался. Я подождал — он оделся, вышел, даю статью свою с замираньем — прочел. — Ну, говорит, неужели вы сомневаетесь! — валяйте скорей к Хейфецу. Быть может, завтра пойдет».

Статья появилась не сразу, 12 декабря Чуковский записал о достаточно равнодушном отношении к ней со стороны редакции: «Хейфец был занят, статья моей не прочел, и она сегодня не пошла. Я встретил Хейфеца на улице. Раскланялся — и, памятуя совет Альталены, — даже не заикнулся о статье. Так — лучше». На страницах газеты статья о Меньшикове появилась спустя несколько месяцев, но в дальнейшем Чуковский начинает регулярно печататься в газете.

После женитьбы в 1903 году он вместе с женой Марией Борисовной уезжает в Лондон корреспондентом «Одесских новостей». Полуголодное пребывание в Англии в течение полутора лет и стало подлинными «университетами» Чуковского — он посещал благотворительные лекции по литературе для рабочих, целые

² Чуковский К. Дневник 1901 — 1929. М., 1991, стр. 16.

дни проводил в крупнейшей лондонской библиотеке — Британском музее. Из Лондона в 1904 году он направил большую искусствоведческую статью в символистский журнал «Весы», где она и была напечатана.

После возвращения в 1905 году в Россию он переезжает в Петербург и вскоре становится постоянным сотрудником солидной и популярной столичной газеты «Речь», где до самой революции 1917 года был ведущим литературным обозревателем и критиком.

Критическим статьям Чуковского была свойственна подлинная острота, она разбивала вдребезги устоявшиеся репутации и общие места. Вдобавок статьи Чуковского были написаны легким, почти разговорным языком, в манере задушевной беседы.

До революции Чуковский выпустил несколько сборников своих критических статей, посвященных современникам: «От Чехова до наших дней» (1908), «Леонид Андреев большой и маленький» (1908), «Нат Пинкертон и современная литература» (1910), «Критические рассказы» (1911), «Лица и маски» (1914), «Книга о современных писателях» (1914).

Октябрьская революция положила конец критической деятельности Чуковского, она разбросала по миру всех тех, о ком писал Чуковский, уничтожила свободную прессу, разрушила весь жизненный и литературный уклад. После революции он выпустил еще несколько книг критических статей: «Футуристы» (1922), «Оскар Уайльд» (1922), «Книга об Александре Блоке» (1922, второе издание — «Александр Блок как человек и поэт», 1924). Но писать о современной литературе становилось невозможно. В 1925 году Чуковский признавался в дневнике: «Как критик я принужден молчать, ибо критика у нас теперь рапповская, судят не по талантам, а по [парт]билетам»³. На помощь пришли другие стороны его таланта, и произошло рождение детского поэта, а в периоды, когда запрещали его детские стихи и сказки, он занимался историей литературы, переводами английской классики, теорией перевода — но это были «другие берега» его литературной биографии.

Между тем, обретя в критике свое призвание, Чуковский с тоской вспоминал о том, с чего начинал, — амплуа философа. Мысль о написании философского трактата долго не оставляла его. Уже будучи известным петербургским критиком, он писал 21 октября 1907 года в дневнике: «Думал о своей книге про самоцель. Напишу ли я ее — эту единственную книгу моей жизни. Я задумал ее в 17 лет, и мне казалось, что чуть я ее напишу — и Дарвин, и Маркс, и Шопенгауэр, — все будут опровергнуты»⁴.

И позднее о своем философском трактате он вспоминал как о главной нереализованной мечте. В письме 1924 года к сыну Николаю Чуковский сетовал: «Я уверен, что, если бы я так рано не попал в плен копеек и тряпок, из меня, конечно, вышел бы очень хороший писатель: я много занимался философией, жадно учился, а стал фельетонистом, по пятачку за строчку, очутился в обществе К[арменов]⁵ и О[. Л. Д'Оров]⁶. <...> Предо мной все время стоит моя судьба: с величайшим трудом, самоучка, из нищенской семьи вырвался я в Лондон — где столько книг, вещей, музеев, людей, и все проморгал, ничего не заметил, так как со мной была любимая женщина. Горе твое, если основой твоей карьеры будут переводы с английского. Это еще хуже моих фельетонов, на которые я убил мои лучшие годы...»⁷

³ Чуковский К. Дневник 1901 — 1929, стр. 354.

⁴ Там же, стр. 32.

⁵ Кармен Л. О. (1876 — 1920) — журналист, прозаик. Автор популярных книг очерков «На дне Одессы» (1904), «Потемкинские дни» (1907). См.: Чуковский К. И., 1905, июнь. — В его Собр. соч. в 15-ти томах, т. 4. М., 2001.

⁶ Д'Ор О. Л. (Осип Львович; наст. имя и фамилия Иосиф Лейбович Оршер; 1879 — 1942) — прозаик-сатирик, журналист. Многолетний сотрудник журнала «Сатирикон», автор книги «Русская история, обработанная „Сатириконом“» (СПб., 1911, 1912), воспоминаний «Литературный путь дореволюционного журналиста» (М.—Л., 1930).

⁷ «Жизнь и творчество Корнея Чуковского». М., 1978, стр. 187 — 188.

Таким образом, то, что принесло славу Чуковскому до революции, он готов был признать за ничто, а ненаписанный философский трактат продолжал казаться ему осуществлением собственного предназначения. Предлагая читателю самостоятельно оценить, насколько он был в этом прав, публикуем его первое выступление в печати.

Текст печатается по единственной публикации в газете «Одесские новости» от 27 ноября 1901 года с исправлением очевидных опечаток. Редакция газеты снабдила его следующим предуведомлением: «Теперь в Одессе много говорят и спорят о задачах искусства; даем место мнению молодого журналиста — достаточно парадоксальному, но, во всяком случае, очень интересному».

I

Если вы, читатель, изучали родную литературу не в классической гимназии, то вы, конечно, встретите вопрос о форме и содержании искусства как старого, доброго знакомого — немного надоедливом, немного скучного, — но, в общем, славного малого. Старик не особенно изменился с тех пор, как вы не виделись, — теперь он, правда, все больше на научную почву норювит статью, — но, в сущности, он по-прежнему прост и немногосложен. Как прежде, так и теперь все дело можно исчерпать двумя словами: одни говорят, что искусство должно служить нуждам и потребностям человека, другие — что оно само себе господин и никому, кроме себя, служить не обязано!

Более тридцати лет прошло со времени первых споров об этом на Руси, а мы все топчемся на одном месте.

Вот, например, г. Шейнис в 8-й книжке «Русск<ого> Бог<атства>» называет исключительную заботу художника о форме — «нравственным оскудением»¹, а вот, с другой стороны, ответ г. Боборыкина своим критикам в «Р<усской> М<ысли>» (8 и 9), где почтенный автор злостных романов неожиданно является защитником чистого самодовлеющего искусства²; вот статьи И. Е. Репина, который называет *невежеством* требование определенного содержания от художника, а последнего, если он удовлетворяет этому требованию, — *шарлатаном*³; вот, наконец, статья Ф. Батюшкова⁴ по поводу этих соображений г. Репина («Вестн<ик> Евр<опы>», 10). Критик этот заявляет, что без содержания вообще нет художественных произведений, что всякое искусство полезно, не нужно только ограничивать понятие пользы — материальным благосостоянием, что искусство удовлетворяет, стало быть, духовным нуждам, а не материальным, — и в этом его назначение⁵.

Словом, вся гегелевская триада⁶ налицо. Присмотримся к ней. Остановимся подольше на последнем положении. Оно — очень удобный обход дилеммы, а не выход из нее. Какое искусственное, ненаучное деление потребностей! Будто бы можно сказать, где кончаются материальные, а где начинаются духовные! По-моему, напр., духовных потребностей и вовсе нет, и то, что личность называет своими духовными потребностями, — есть самая материальная общественная нужда.

Со всеми нашими возвышенными желаниями происходит то же, что и с нашей потребностью в деньгах. Они — подставная, а не естественная полезность. Они нужны мне только потому, что у меня есть другие потребности, а сами по себе они для меня никакой надобности не представляют. То же и с искусством.

Исторически оно, несомненно, возникло из утилитарных стремлений; понятие красоты, как и все вообще возвышенные проявления нашего духа, построено у нас на самых осязательных, материальных основах, на идеях удобства, порядка, выгоды (Спенсер, Гюйо⁷). И по сю пору искусство, угождая высоким стремлениям души нашей, служило только материальным нуждам, ибо, в сущности говоря, у общества — а мы должны обсуждать все явления

именно с этой точки зрения, — у общества никаких других нужд не было, нет, да и быть не может. Как и деньги — искусство не может быть естественной потребностью нашей, и, имея основанием другие потребности, оно идет в услужение тем, из которых оно построено, — так что говорить про искусство как про вещь, отвечающую высшим потребностям нашим, — это значит считать потребности эти висящими в воздухе, без всякого отношения к земным, материальным, «основным» нуждам человека, нуждам *sine qua non*⁸.

Г-н Батюшков, построив свое определение искусства на духовных потребностях, в сущности, не сказал ничего, так как потребности — дело шаткое: не вещь от них зависит, а они от вещи, и, зная потребности, объяснить вещь прямо-таки невозможно.

Теперь подойдем к вопросу с другой стороны.

II

Все общественные проявления нашего бытия мне иногда представляются в виде линий, ведущих в одну точку, стремящихся к одной цели. Так, что-то вроде радиусов и центра. В центре написано «существование», а на радиусах: «нравственность, наука, любовь, искусство, патриотизм» и т. д.

И представляется мне дальше, что каждая линия эта не хочет к центру идти, каждая думает, что она впереди не имеет никакой цели, что она сама себе цель, что она параллельна с другими линиями.

Вот несколько примеров. (Выберу наиболее понятные каждому из нас.)

Девушка наряжается для того, чтобы привлечь мужчину к продолжению рода. И все ее наряды имеют только одну эту цель. Но ей кажется, что наряды созданы для нарядов, что она ими интересуется без всякой цели, что они сами себе цель. И это ее представление так укоренилось в ней, что она продолжает украшать себя и по достижении цели. Ну что это, как не линия, не подзревающая о центре.

Или вот еще из той же области. Половое чувство дано человеку для произведения себе подобных. Не будь этой цели, не было бы этого чувства. А человек опять-таки счел его самодовлеющим, созданным для самого себя, и общество, создав проституцию, вполне поощряет такой взгляд, затемняя цель, вселяя убеждение, что и эта «линия» стоит параллельно с другими. Или вот: полногрудая, широкобедрая женщина будет полезна обществу: она произведет здоровое потомство. Инстинктивно заботясь о доброкачественности вида, мужчина считает красивой и привлекательной именно такую женщину. Заметьте, мужчина даже и не обращает внимания на цель. Он не скажет: эта женщина привлекательна, потому что она даст здоровых детей. Нет, он говорит: она привлекательна, так как она красива. И здесь общество постаралось замаскировать идею полезности, скрыть истинное предназначение вещей...

Вот посмотрите, мы затронули такую сравнительно второстепенную цель общества — заботу о потомстве, и сколько способов здесь пущено в ход, чтобы скрыть от индивидуума эту для него не нужную, его не касающуюся цель.

А что касается средств, направленных к поддержанию нынешнего (а не будущего) существования, общество здесь просто виртуозно.

Возьмем хоть нравственность. Она — самое могучее орудие в общественной борьбе за жизнь, она — средство — тоже считает себя целью. И общество всячески укореняет в ней это убеждение. «Нравственность для нравственности» — вот какого взгляда требует общество от личности. Кант до такой степени проникся этими взглядами, что требовал, во имя абсолютной справедливости, казни последнего преступника, даже и в том случае, если общество завтра должно разрушиться⁹.

Довольно примеров... Приглядимся к ним поближе... Выдвинем порельефнее вот какую сторону: общество, требуя от индивидуума того, а не другого образа действий, — старательно скрывает от него их цель. Как оно это делает и для чего?

Как? Очень просто... Если какое-нибудь в принципе полезное дело окажется в данном случае бесполезным (напр., женские наряды после привлечения самца) — общество продолжает покровительствовать ему, как оно это делало, когда дело было ему полезно.

Графически я представляю себе это так: когда данная линия дойдет до своей цели, она не останавливается, а идет себе дальше, и потом, увидавши, что линия пошла дальше, люди говорят: видите, эта точка вовсе не цель. Эта линия служит сама себе целью. И вот, если вы попытаетесь сказать какой-нибудь даме, что она приукрашивается с такой-то и такой-то целью, она, во-первых, обидится (так обмануло ее общество), скажет, что с вашей стороны низко и пошло предполагать какие-нибудь цели, а во-вторых, легко сможет доказать, что она любит красиво одеваться для самой себя, а не для кого-нибудь другого, что будь она на необитаемом острове, она точно так же заботилась бы о красоте своей одежды, как и здесь, и т. д. Вот линия, которая пошла дальше своей цели.

Но ведь раз общество так настойчиво стремится спрятать концы своих линий, значит, у него есть и в этом какая-нибудь цель, значит, ему полезно скрыть во всех своих институтах мысль о полезности. Не станет же оно зря тратить такую массу энергии понапрасну! Зачем ему продолжать полезную линию даже и тогда, когда она заведомо бесполезна? Нет ли ему какой-нибудь пользы в том, что оно поддерживает эти бесполезности?

III

Общество, как и все другое, создано по единственному мотиву и с единственной целью — победы в борьбе за существование. Как и когда оно создано, сейчас я не затрагиваю. Для меня интересно то, что человек, выбрав общество своим орудием, своей защитой, доверился ему и, переставши употреблять энергию на борьбу, стал тратить ее на защиту этой своей защиты. Общество только тогда могло бы успешно существовать, если бы борьба его членов была доведена до минимума. И вот человек принужден отречься от этого единственного источника своего совершенства — борьбы. «Пусть я не буду совершен, я все же одержу победу, если общество одержит ее», — вот что говорит Личность и, чуя свою выгоду, беспрекословно исполняет все требования общества. Каждое действие индивидуума идет на потребу этого благодетеля — тирана. Даже самые возмущения личности против общества, все эти Ницше, Ибсены, Горькие, эти крики: блажен, кто стоит одиноко, — все это тоже полезно ему, ибо, раскачивая все буржуазные основы, идеи эти проводят в жизнь другой класс, более полезный, более пригодный для будущих условий производства, более нужный обществу в его дальнейших модификациях, и, право, иной раз, когда я слышу все эти протесты личности против общественного рабства, мне чудится, что оно, это хитрое общество, ухмыляется и говорит расхоронившемуся сверхчеловеку: «Ругай меня, голубчик, сколько влезет. Плюй на меня, сколько угодно, этим ты куешь новые цепи на новых моих рабов». На каждое проявление личности общество наложило свою тяжелую лапу, и все, что ни делает личность, все это нужно не для нее самой, а для общества. Ну а если б она не делала этого? Она погибла бы. Значит, она делает это не для общества, а для самой себя.

Вот дилемма...

Человек — раб, пешка, ничтожество... Своего собственного у него нет ничего. Им ворочает что-то чужое, постороннее, что-то такое, к чему человек с первого взгляду и не имеет никакого отношения. Свободы воли, что бы там ни говорил Гегель, у человека нет ни на грош. Он весь в тисках необходимости. Но дивная иллюзия свободно у него проявляется при каждом его поступке... «Я хочу сделать это — и делаю», — говорит человек... — Так-то оно так, да почему ты захотел этого? Каждое желание твое, — оно подсказано кем-то другим, оно кому-то другому нужно, — а ты лично здесь совершенно ни при чем.

Спиноза говорит, что человек похож на ребенка, который думает, будто он *свободно хочет* той кашки, которая составляет его *необходимость*...

Мужчина думает, что он, *по своему собственному вкусу*, отдает предпочтение такой-то женщине, а на самом-то деле — какое-то постороннее начало ради собственной пользы заставило его предпочитать то, а не другое... Выходит, что мы рабы и больше ничего. Обманутые.

Вся эта ложь нужна для общества. Но ведь будем и то в виду иметь, что, обманывая нас, оно для нас старается, нас тем путем защищает... Так что быть обманутым нам прямой расчет... Нам прямо выгодно думать, что мы сами для себя все это делаем, что это личное наше хотение заставляет нас делать так, а не этак. Нам самим полезно не замечать истинной цели вещей, полезно считать их самих для себя, полезно предполагать, что каждая линия пошла, куда захотела, а не направилась рабски покорная к поставленной впереди ее точке.

Повторяю, обществу, которое нас защищает, нужен со стороны личности такой взгляд на вещи, будто она все приказания его *по своей воле* исполняет. Обществу выгодно обмануть личность, значит, личности выгодно быть обманутой. Как же легче всего обмануть? Как удобнее скрыть истинную цель своего требования? Сделать так, чтобы личность пошла по тому же пути дальше цели, чтобы она на средства посмотрела как на цель, чтобы она сочла каждый путь к этой цели самодовлеющим, нужным для самого себя.

Абсолютная истина... абсолютное добро... абсолютная красота... абсолютная справедливость... — какие все это *полезные, нужные* ошибки...

Сколько было криков: «Считать справедливость созданную для справедливости — это не только ошибочно, но и вредно».

«Искусство для искусства — что может быть вреднее этого!»

Как третировали тех, кто в «годину воспевал ласки милой» и, живя для «сладких звуков»¹⁰, совершенно не интересовался целью этих звуков, применением их, кого интересовала только форма, а не содержание... К ним относились с «честным» негодованием, смотрели на них, как на общественных паразитов, и вот теперь оказывается, что эти бесполезные, ненужные и даже вредные идеи — необыкновенно полезны, что, не будь их, этих идей, *переступивших* точку, люди ни за что не дошли бы до нее, они остановились бы на половине пути, и человечество погибло бы, лишенное благодетелей, общественной защиты...

IV

Бездушное, математически строгое, стоящее вне нас общество не имеет другой цели, как существовать... Вступая в новые и новые условия бытия, оно должно постоянно применяться к ним, и вследствие этого то, что вчера считалось вредным и бесполезным, становится сегодня необходимейшей и полезнейшей вещью... Собственно говоря, важно и необходимо для него всегда было одно — высота его производительности, — да производительность-то эта самая от многих причин зависит... Так вот эти-то причины и нужно изменить... Вопрос о том, как это сделать, мы сейчас оставим, а обратим внимание вот на что... Все полезности общество преподносит нам не в голом виде, а принарядивши немного... «Вот это наука, вот это искусство, а это нравственность»...

Личность верит обществу вполне. Она с благоговением смотрит на эти полезные для ее тирана вещи и, не видя их цели, считает их самодовлеющими, борется из-за них, гибнет и, принося все в жертву этим своим богам, не подозревает, что жертвы эти пожирает какое-то там общество. А оно, холодное и равнодушное, выдвигая все новые и новые силы, опять притягивает к ним бедных людшек — и опять начинается старая история...

Вот патриот, который идет на смерть ради любимой отчизны... Вот девушка, бросившаяся из окна, чтобы не достаться нелюбимому... Вот Сократ, выпивающий яд, лишь бы не пойти против абсолютной справедливости...

Какое все это непонимание цели и как это непонимание нужно, полезно, выгодно!.. И когда подумаешь, что ни одна из этих жертв не была бы принесена, если бы не вера в «самодовление» каждого проявления нашей общечеловеческой ответственности, — только тогда поймешь все значение, всю цену этой веры¹¹.

V

Читатель недоволен. Он говорит: «Начал разбирать современные книги об искусстве, а залез Бог знает куда».

Вы напрасно сердитесь, милостивый государь. Все это я говорил для того, чтобы доказать:

1) Что г. Шейнис не прав, порицая художников, интересующихся только формой. Как и всякое самодовлеющее направление, исключительная забота о форме, несомненно, полезна и выгодна каждому из нас. Не веря в самоцельность этого пути, личность не могла бы так бескорыстно служить «святому искусству», вкладывать в него всю душу, почитать его господином, его — свое орудие, свое средство, она не могла бы молиться на него, страдать за него, предпочитать ему все блага жизни...

2) Что г. Репин и Боборыкин ошибаются, так жестоко обращаясь с утилитарным искусством, которое все, во всех формах и направлениях, выросло и воспиталось на самой утилитарной, самой низменной почве и которое — куда бы ни возносились господа чистые эстетика — помогает обществу наилучшим образом производить пищу, одежду и жилье... И больше ничего, если нам этого мало.

3) Что г. Ф. Батюшков сугубо не прав, объясняя данное культурное явление человеческими духовными стремлениями: стремления зависят от «культурного явления», а не наоборот. Это раз. А во-вторых, что такое духовное стремление, как не маска для телесных потребностей, маска, которую лицемерное общество надевает искренней простоволосой личности? А по маске судить о выражении лица — не годится.

Вот и все.

¹ Шейнис Лев Исаевич (1871 — ?) — врач-терапевт и журналист, выступавший также под псевдонимом Л. Ш. В его статье «Форма и содержание в искусстве. (Несколько слов о „религии красоты” и о „красоте зла”» было сказано: «Обособление элемента формы в искусстве возможно только на почве нравственного оскудения, когда творчество является не продуктом назревшей в художнике потребности выразить так или иначе свой внутренний мир, а чисто ремесленным, хотя бы и доведенным до виртуозности делом и когда относительно умственного и нравственного содержания существует самый слабый спрос» («Русское богатство», 1901, № 8, стр. 71).

² Имеется в виду статья писателя П. Д. Боборыкина «Истинно-научное знание. (Ответ моим критикам)» — «Русская мысль», 1901, № 8, стр. 183 — 205, и № 9, стр. 204 — 228.

³ Чуковский имеет в виду следующее высказывание И. Е. Репина: «Никакие благие намерения автора не остановят меня перед плохим холстом. В моих глазах он тем противней, что взялся не за свое дело и шарлатанит в чуждой ему области, выезжает на невежестве, в этих случаях, зрителей. И еще раз каюсь: всякий бесполезный пустяк, исполненный художественно, тонко-изяшно, со страстью к делу — восхищает меня до бесконечности, и я не могу достаточно налюбоваться на него...» («Воспоминания, статьи и письма из-за границы И. Е. Репина». Под редакцией Н. Б. Северовой. СПб., 1901, стр. 80).

⁴ Батюшков Ф. Д. (1857 — 1920) — филолог-медиевист и критик (статьи о Гюго, Чехове, Короленко, Куприне и других).

⁵ Ф. Д. Батюшков писал: «...понятие пользы может и должно быть расширено в смысле нравственного удовлетворения, прояснения духовных эмоций, наконец, — и победы над собой, под обаянием возвышающего действия красоты, которая в абсо-

лютом понимании не может не быть и добром» (Батюшков Ф. По поводу собрания статей И. Е. Репина. — «Вестник Европы», 1901, № 10, стр. 825 — 841).

⁶ Гегелевская триада — восходящее к философской системе немецкого философа Г. В. Гегеля представление о трехступенчатом характере развития, составными частями которого являются тезис, антитезис и синтез.

⁷ Спенсер Герберт (1820 — 1903) — английский философ; Гюйо Ж. М. (1854 — 1888) — французский философ. Представители позитивизма.

⁸ Без которого невозможно (что-либо) (*лат.*).

⁹ Чуковский, по-видимому, вольно интерпретирует следующее рассуждение Канта: «Даже если бы гражданское общество распустило себя по общему согласию всех его членов (например, если бы какой-нибудь населяющий остров народ решил бы разойтись по всему свету), все равно последний находящийся в тюрьме убийца должен был бы быть до этого казнен, чтобы каждый получил то, чего заслуживают его действия, и чтобы вина за кровавое злодеяние не пристала к народу, который не настоял на таком наказании; ведь на народ в этом случае можно было бы смотреть как на соучастника этого публичного нарушения справедливости» (Кант И. Метафизика нравов. В двух частях. 43 — 49. — В его Собр. соч. в 6-ти томах, т. 4, ч. 2. М., 1965, стр. 258). Указано А. Л. Доброхотовым.

¹⁰ Неточные цитаты из стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин» (1856), в свою очередь цитирующего стихотворение А. С. Пушкина «Поэт и толпа».

¹¹ В дневнике Чуковского сохранились разрозненные фрагменты и наброски будущего философского сочинения, которому так и не суждено было осуществиться. Приводим отрывок, относящийся к тому же 1901 году, когда создавалась статья «К вечно-юному вопросу», и перекликающийся с ней:

«1 марта 1901.

Смешная глупость — эти споры утилитаристов и чистых эстетиков. Ведь никак не могут понять люди одной штуки. Всякая данная вещь нужна, необходима в итоге вечном бытия. Всякая. Кн. Мещерский и кн. Бярятинский, капиталист и рабочий, — все они тянут в одну сторону. Идея красоты так же необходима для общества, к<a>к и идея нравственности, она совершенно отделена от других идей (на основании закона о самодовлеющих идеях). Предполагаю, что у меня есть удобная бричка, в которой я езжу, куда вздумается. Я забываю, что бричка мне полезна, и говорю: бричка тогда будет хороша, когда она будет пахать землю. Приделываю к бричке омешики и пашу. Но ведь теперь, во-первых, бричка сузила свою деятельность. Она уже не повезет меня на базар, а во-втор<ых>, она к<a>к и соха, — не хороша. То же и с искусством. Вдруг решили, что оно не приносит им пользы, и разделились на 2 партии.

Одни говорят: Э! так нужно сделать так, чтобы оно приносило пользу. Для этого повезем бричку на поле (а громадная область, где она прежде работала, теперь уже будет изъята). А другие заявляют: искусство, говорите вы, не полезно. Очень хорошо. Оно и не должно быть полезным. К<a>к будто они не ездят на базар! К<a>к будто существует только одна полезность: работа на поле. Дураки! Стало бы общество держать лишний арсенал, ему ненужный! Ему, а не мне. Как же, держи карман! С точки зренья какого-н<и>б<удь> генерала от инфантерии — все это ерунда-с! Одно умопомрачение-с. Ну на что оно нужно, скажите, пожалуйста. Он думает, что справляются с его мнением. Нет ничего отраднее, чем мысль, что люди в поступках умом руководятся. Юная эллинская философия, молодая, неопытная, упоенная силой и могуществом ума, верит ему, преклоняется пред ним, надеется на него. Сократ выпил яд, потому что доказал себе умом необходимость сделать это, доказал и спросил учеников, могут ли они доказать ему, что он не должен делать этого. Те не могли ему доказать. Если бы я был его учеником, я сказал бы ему: докажи мне, о Сократ, что должен жить доказательствами умом. Он бы это живо доказал. Хорошо! Теперь докажи мне, о Сократ, что я могу жить умом. Что одежда моя, отношения мои к семье, к государству, к божеству, правосудье, нравственность, — докажи мне, что все это и тысячи других вещей — есть результат действия ума, а не стихийной, присущей всему живому, вечной бессознательной сил[ы] — стремлени[я] к существованью, что только то, что способствует моему существованию, я называю разумным, нравственным, красивым и т. д. Ты, любезный Сократ, думаешь, будто ты хочешь прекратить существование, подчиняясь уму, а на самом деле ты, оказав повиновение законам, поддержишь их авторитет, сделаешь то, что им будут следовать более рьяно, и тем самым в обще-

стве будет больше благоденствия, больше спокойствия, тем самым — общественное существование упрочится. Ты думаешь, что, прекратив существование, ты уменьшил число членов общества, разрушил один кусок его, отломил ломтик. Нет, это только кажется тебе, а на самом деле ты удовлетворяешь не требованиям ума, а требованиям чужим, тебя не касающимся. Т. е. не чужим, а требованиям общества, в которое ты вступил для лучшей борьбы... за что?.. да за то же существование... За чье? За свое существование. И для того, чтоб оно твоему существованию способствовало, ты должен способствовать его существованию. Выпив яду, ты упрочил его существование, упрочив его существ<ование>, ты упрочил свое.

— Но, любезный Корнелий, — сказал бы мне Сократ, — не видишь ли ты здесь противоречия? К<a>к же я, прекратив свое существование, могу его упрочить? Разве Муций Сцевола, решившись погибнуть ради родины, думал о своем существовании — я и не говорю, что он думал. Ты забываешь про общую идею, милый мой мудрец. (Не про ту идею, о которой потом наговорит нам столько хороших вещей любезный Платон, стоящий теперь с опущенным носом. Не про ту, которой через 2000 лет будут пугать крещеный народ хитрые тевтоны.) Если я приказываю что-н<i>б<удь> рабу, он не должен думать, нужно это или нет. Если какое-н<i>б<удь> мое приказание, встретив в нем усердного исполнителя, будет приложено им к 1000 вещам и окажется в 5 случаях неразумным, неужели я переменяю приказание. Что было бы с землею, с нами, со вселенной, если б не существовало законов тяготенья. Но, повинувшись этим законам, человек упал с крыши и разбился, неужели природе поэтому переменять свои законы.

Ты стремишься продлить свое существование. Не умом, не постом ты дошел до этого желанья, нет, этого все твое существование хочет. Но, руководясь этим стремлением, ты делаешь то, другое, третье. Стремление это скрыто в тебе, незаметно. (Продолжение следует)...»

(Архив Корнея Чуковского. Благодарим Е. Ц. Чуковскую за предоставленную возможность публикации.)

В течение жизни Корнея Чуковского и в его посмертной литературной судьбе история первого выступления в печати осталась, образно говоря, непроявленной. Тем не менее и в текстах самого писателя, и в литературе о нем существенные описания этого сюжета сохранились. Наиболее обстоятельным (и единственным при жизни!) разбором «философического дебюта» следует считать несколько страниц в — опять же единственной — биографической «Книге о Корнее Чуковском» (М., «Советский писатель», 1966), написанной литературоведом и критиком Мирном Петровским. В анализе статьи биографу Чуковского, разумеется, приходилось оглядываться на господствующую идеологию, что не помешало ему достаточно подробно рассказать о ее содержании и привести обширные цитаты. «[Чуковский] не знает, — заканчивал свои размышления М. Петровский, — какое место в этих работах (будущих критических статьях Чуковского. — П. К.) займет появившийся в его первой статье образ маски, той самой, при помощи которой лицемерное общество скрывает истинную сущность вещей и понятий и по которой не годится судить о выражении лица».

Через три месяца после кончины Чуковского в журнале «Юность» (1970, № 1) появилась публикация под названием «Как я стал писателем». В редакционной врезке сообщалось, что это текст последнего выступления знаменитого писателя, записанного редакцией Всесоюзного радио «Звуколетопись нашей Родины» в августе 1969 года. Рассказывая о своей юности, прошедшей в Одессе, Чуковский поделился и таким воспоминанием о себе — шестнадцатилетнем подростке: «Друзья моей матери жалеют меня, считают меня безнадежно погибшим. Они не знают, что тайно от всех сам я считаю себя великим философом, ибо, проглотив десятка два разнокалиберных книг — Шопенгауэра, Михайловского, Достоевского, Ницше, Дарвина, — я сочинил из этой мешанины какую-то несуразную теорию о самоцели в природе и считал себя чуть ли не выше всех на свете Кантов и Спиноз. Каждую свободную минуту я бегу в библиотеку, читаю без всякого разбора и порядка — и Куно Фишера, и Лескова, и Спенсера, и Чехова. <...> В то время, в

Одессе, в 98-м году, я жил в стороне от семьи, стараясь существовать на свои собственные заработки и сочиняя свою собственную философскую книгу. Нужно сказать, что моей философией заинтересовался один из моих бывших школьных товарищей, он был так добр, что пришел ко мне на чердак, и я ему первому прочитал несколько глав из этой своей сумасшедшей книги, которая у меня и сейчас сохраняется, написанная полудетским почерком. Он слушал, слушал и, когда я окончил, сказал: „А знаешь ли ты, что вот эту главу можно было бы напечатать в газете?“ Это там, где я говорил об искусстве. Он взял ее и отнес в редакцию газеты „Одесские новости“, и, к моему восхищению, к моей величайшей радости и гордости, эта статья появилась там, большая статья о путях нашего тогдашнего искусства. Я плохо помню эту статью, но хорошо помню, что мне заплатили за нее семь рублей и что я мог купить себе наконец на толкучке новые брюки...»

В 1978 году, в Иерусалиме, мизерным тиражом вышла книга «Рахель Павловна Марголина и ее переписка с Корнеем Ивановичем Чуковским». Выполняя просьбу своей корреспондентки, в нескольких письмах подряд Чуковский с волнением вспоминал о Владимире Жаботинском, том самом «школьном товарище». Среди прочих воспоминаний было и такое: «Он (Жаботинский. — П. К.) ввел меня в литературу. Я был в то время очень сумбурным подростком: прочтя Михайловского, Спенсера, Шопенгауэра, Плеханова, Энгельса, Ницше, я создал свою собственную „философскую систему“ — совершенно безумную, — которую и проповедовал всем, кто хотел меня слушать. Но никто не хотел меня слушать, кроме пьяного дворника Савелия, у которого я жил, и одной девушки, на которой я впоследствии женился. Свою „философию“ я излагал на обороте старых афиш, другой бумаги у меня не было. И вдруг я встретил его. Он выслушал мои философские бредни и повел меня к Израилю Моисеевичу Хейфецу, редактору „Одесских новостей“, и убедил его напечатать отрывок из моей нескончаемой рукописи. <Я> стал из оборванца — писателем. Это совершенно перевернуло мою жизнь...»

Остается добавить, что статья «К вечно-юному вопросу» откроет собой очередной, 6-й том в издающемся пятнадцатитомном Собрании сочинений Корнея Чуковского (издательство «Тerra»), который вместе с двумя последующими томами впервые полно представит отечественному читателю ту часть литературной деятельности Корнея Ивановича, которую он считал для себя наиболее важной, — литературную критику.

Пользуясь случаем, редакция «Нового мира» сердечно благодарит дирекцию и сотрудников Одесской научной библиотеки им. А. М. Горького, которые сумели разыскать, скопировать и передать для публикации газетную страницу «Одесских новостей» 1901 года.

РЕНАТА ГАЛЬЦЕВА

ТЯЖБА О РОССИИ

На рубеже столетий

4. Интеллигент умер, виват интеллектуал?

Щипковцы ловко наметили идейную мишень (СПС), однако обошли вниманием своих удачливых конкурентов — кремлевских советников по пиару во главе с Г. Павловским. Недавно обнародованное в бумажной версии «Русского Журнала» (2001, № 1) политическое мирозерцание действующих «кремлевцев» (назовем их так) само напрашивается на критический отклик. Но об этом у претендентов в те же советники — ни слова.

А казус между тем занимательный. До сих пор для всех интеллектуальных течений, направлений и группировок было характерно базироваться на идее (какой бы она ни была: левой, правой, либерально-консервативной, фашистской, национал- или интернационал-социалистической), на то они и фигуры на идейно-общественной сцене.

«Кремлевцы» объявляют о «конце интеллигенции» (в дополнении к фукуямовскому «концу истории», которая между тем преподносит нам все новые и новые сюрпризы). Конечно, отменяя интеллигенцию, они прежде всего метят в отложившуюся от государственных интересов независимую общественную группу, каковая, в частности, носила имя «ордена интеллигенции» (по терминологии Г. П. Федотова), однако фактически упраздняют интеллигенцию как таковую — что, по сути, означает отмену сферы влияния идей вообще. Ибо другого способа вырабатывать общественно значимые идеи, нежели в головах интеллигентского сословия, в наше время не существует. Именно они, эти свободно дрейфующие умы, по принятому в современной социологии определению, заняты «формулированием задач и целей», а также «общественных норм и культурных ценностей... для всего социального коллектива». Тех, достойных, которые должны прийти на место интеллигенции, «кремлевцы» Г. Павловский и М. Ремизов называют «интеллектуалами». Но не тут-то было, так как либо под «интеллектуалами» надо подразумевать все ту же генерирующую общие идеи интеллигенцию, либо, что в данном случае и имеет в виду Г. Павловский, надо иметь в виду «спецов», функционеров умственного труда, которые заняты не раздумьями над судьбами страны и мира и не выработкой общественного самосознания, а реализацией властных программ.

В своем исповедальном интервью на страницах того же «Русского Журнала» Павловский, разочарованный в интеллигенте-диссиденте и порвавший со своим бывшим «племенем», сам определяет себя в качестве «спеца» при власти. При этом вместе с водой интеллигентского диссидентства он выплескивает за борт и все «идейное производство», как выразился бы Маркс, а тем самым — и работу по государственно-национальному самоопределению. Остается операциональная, инструментальная идеология, каковая и соответствует функции спеца-политтехнолога, занятого отлаживанием шестеренок государ-

ственного механизма и перемещением политфигур. Идеальный союзник Павловского М. Ремизов¹ так и заявляет: долой идеи, да здравствуют деловые объединения! Но общество, пока оно не стало стадом или не превратилось в крысарий, без идейной оснастки (какова бы она ни была) существовать не может. У новых нетовцев (а ведь у них, чего не хватить, ничего нет: нет не только интеллигенции, но, по сути, нет и общечеловечности и, наконец, народа) структура общества трехчастна: президент, население, спецы, функционирующие в качестве приводных ремней между тем и другим. Никто никаких норм тут не вырабатывает, и потому непонятно, *ради чего* крутится политтехнологический механизм и стоит у руля президент. И тогда встает вопрос уже не «кто есть мистер Путин?», а «зачем мистер Путин?». Ведь не для того же он существует, чтобы похоронить интеллигенцию?.. С этим может справиться и мистер Павловский.

До сих пор схемы непосредственного взаимодействия власти (Государя) и народа все-таки не упразднили общественной функции высшего культурного сословия — даже и тогда, когда интеллигентское сознание принимало «отрицательное направление». Согласно общественному идеалу Достоевского, жившего еще в эпоху традиционного общества (пусть и на его излете), когда объединяющей духовной предпосылкой его существования служила вера, тем не менее важная просветительская роль отводилась тогдашнему высокообразованному обществу (см. статью Достоевского «Книжность и грамотность»). Не нужно напоминать, что Достоевский — автор «Бесов», художественного разоблачения революционно-нигилистических образованцев, однако он не сметал с дороги «маленькую кучку» думающего интеллигентского сословия, а призывал ее переродиться, «вступить на правильный путь» и «участвовать в развитии народном». Смирись, гордый человек, поработай на ниве народной, но — не свысока поучай, а отвечай нуждам учимых. Писатель выступил не отрицателем, а отрезвителем своих братьев по взыскующему разуму (оказавшись предшественником «веховцев»).

Идея народной монархии у Достоевского, предполагающая встречу царя и народа без партийных посредников на земском соборе, где царь услышал бы истинный голос низов, и то не отменяла «интеллигенцию», которая была призвана осмысливать и транслировать нужды и надежды «серых зипунов». А ведь дело шло не о пустотелом, а о сохранявшем традиционность обществе, где у народа подразумевался окормитель и поводырь, православный батюшка.

Сегодняшний кремлевский советник, президент Фонда эффективной политики, сметающий с дороги репрезентантов «дискуссионной демократии» (выражение из «Русского Журнала»), оставляет за одним собой роль посредника между верховной властью и «населением», не предполагая при этом, согласно своему манифесту, ни раздумывать над его бытием, ни представлять его интересы. Дело его как «спеца» — закулисная комбинаторика; свою технологию Павловский называет «маленькой умной хищной рыбкой, которая курсирует от берега к берегу», и ему кажется, что вся десятилетняя история новой России — это производная от шахматных ходов, «маскировки» и «камуфляжа», предпринятых будущими политтехнологами из межрегиональной группы. И выясняется, что мы все, Россия, были в пяти минутах от того, чтобы нам устроился другой президентский, не ельцинский, вариант, и жили бы мы тогда под руководством антидержавника Ю. Н. Афанасьева в стране Московии. Главный политтехнолог поведал нам, что «штаб», находившийся во флагманском журнале «Век XX и мир», в самом начале 90-х весьма колебался между двумя кандидатурами (прямо как Сталин, колебавшийся в начале 30-х годов, кого, Маяковского или Пастернака, назначить на пост главного советского

¹ См. нетривиальные статьи Михаила Ремизова в сетевом «Русском Журнале» <www.russ.ru>; обширные цитаты из них см. почти в каждом выпуске новомирской «Периодики». (Примеч. ред.)

поэта). Впрочем, *mania grandiosa* — болезнь приближенных. Грандиозные возможности интерпретируются как неограниченные способности. И генсеки, и прославленные на Западе правозащитники-диссиденты равно пользовались своим «звездным» положением, становясь заодно писателями, мыслителями, поэтами и вообще властителями дум. Вот и в данном случае удачливые активисты *public relations* ощутили себя ведущими теоретиками. Но диссонанс с академическим амплуа возникает уже на вербальном уровне: их лексика представляет собой некий коктейль Молотова, смесь передового политологического эсперанто с разухабистым сленгом (*оттягиваться, жим, продули, поилки, кормушки, зайки, крезанутые, достал, классный вариант* и т. п.).

Во всем у Павловского слишком много таинственного, но он не пугает заговорами (как это делают патриоты), а интригует ими публику. Мол, все знаем, да не все скажем. (Неужели «Кремлю» приходится во всем этом разбираться?)

Если школа безыдейных идеологов-«спецов» может быть полезна стране эмпирически, то в тяжбу о России она из своей политехнической норы никакого освежающего заряда не внесла, ни одного уголка проблемы не осветила.

5. Носороги и змеи, или «У дьявола две руки»²

Интеллигентское самоликвидаторство — всего лишь малозначимая факультативная идея, слабый росток на российском идеологическом поле, поделенном между двумя антагонистами. Познакомившись с одним из них, «патриотическим», выступающим под лозунгом «Либерализм должен быть разрушен», нетрудно догадаться, кем является другой, выступающий под лозунгом «Либерализм — единственный путь для всего человечества». А убедившись, что «патриот» всем сердцем влечется к Востоку, легко сообразить, что его супротивник питает влечение, род недуга, к Западу. Так что же? — значит, мы снова присутствуем при ожившей тяжбе о путях России между славянофилами и западниками? И сегодня, как и когда-то, ими движет, по известному выражению Герцена, «одна, но неодинакая» любовь к России? Ну, что касается «патриотов», то мы уже узнали, что любят они Россию странною любовью, не разбирая, где Россия, а где ее узурпатор.

Надежда, выходит, на либералов. Тем более, что они составляют гораздо большую, подавляющую часть идеологического спектра и бесспорно доминируют на публичной сцене, формируя через СМИ «общественное мнение».

Так что же такое нынешняя судьбоносная для страны идеология свободы: куда зовет Россию, что ей несет?

Своим торжеством на постсоветском, посттоталитарном пространстве она прежде всего обязана тому героическому ореолу, который стяжали в борьбе с коммунистическим строем отважные правозащитники. Но идея свободы, столь близкая человеческой душе, — еще не идеология безбрежного, но, как к тому же обнаруживается, распространяющегося отнюдь не на всех, выборочного либерализма, в который она, эта идея, сама собой перетекла.

Переломный момент здесь связан с метаморфозой установок правозащитного сознания. К нашему великому изумлению, те, кто ратовал за освобождение личности от тоталитарного режима, не перековал свои мечи на орала, когда этот режим пал. В первый же момент торжества нашей свободы, в знаменательный День национального флага и национального единения, 22 августа 1991 года, из авторитетных правозащитных уст мы услышали с телеэкрана по адресу демократической власти и конкретно ее главного героя, первого лица нового государства, угрожающее предупреждение о разрыве отношений и об отказе от поддержки со стороны демо-либеральной общественности. Камнем преткновения оказались воскресающие черты и символы прежней, дореволюционной России, о надежде на возрождение которой заявил Президент. Правоза-

² Выражение С. С. Аверинцева.

щитники (имеется в виду, понятно, руководящий состав) остались диссидентами, но уже не по отношению к советской власти, а к ее антиподу; за антисоветскими настроениями вскрылись подсознательные, антироссийские.

В одночасье обнаружилось, что нынешних носителей освободительных идей лик России не устраивает, и, быть может, больше, чем прежний коммунистический режим, которому — в лице его основателей, глашатаев мировой революции и вождей пролетариата — была присуща та же неприязнь к России. Совершенно в духе революционеров-ленинцев и воинствующих безбожников 30-х годов вожди диссидентского просвещения начала 90-х стали пугать страну и мир призраком старой России как «тюрьмы народов» с ее неистребимой идеологией «великодержавного шовинизма», а потому подлежащей раскисированию на 52 части.

Заметим: то, что внезапно вскрылось на политической арене, а именно — неприемлемость для провозвестников прав и свобод России как таковой, ее сущности и экзистенции, имело существенную предысторию в жестокой полемике между А. И. Солженицыным и представителями «третьей волны» эмиграции вкупе с тутошними поборниками общегуманистических идеалов; наконец, и в споре с А. Д. Сахаровым, где раздумья писателя над необходимостью особого, «авторитарного» пути для плавного перехода от тоталитаризма к демократии встретились с убеждениями лидера правозащитников в безотлагательности ее, России, вступления на «единственный для любой страны демократический путь развития».

Если коммуно-патриоты — не славянофилы, то и неолбералы — не западники в прежнем смысле слова. Те мечтали о радикальных переменах в «феодально-самодержавных» общественных порядках, но они не были борцами с «народной самобытностью». Напротив, многих из них, включая таких запевал прогресса, как Белинский, можно назвать «великодержавными националистами» и обличителями «мерзости» космополитизма, тут они следовали националистической традиции французских революционеров; вся злостность русского западничества состояла именно в приятии революционных методов как средства преобразования России, но и социализм, до которого они доходили, сохранял черты русской крестьянской общины, был «крестьянским социализмом». И даже декабристы не оказывались нивелировщиками.

Оба крыла любили свою страну и желали ей свободы, которую каждое понимало по-своему. Сегодня размежевание проходит как раз по этой линии: Россия *или* свобода (либо свобода *или* Россия). Первые не доверяют свободе, вторые России («этой стране»), но — вот парадокс — понятия эти оказываются одинаково несовместимы между собой для *обоих* антагонистов. Голоса тех, кто любит «свободную и великую Россию», тонут в перебранке любителей отвлеченных начал.

Потонул голос и первого российского президента. На пути чаемого им возрождения страны в первый же миг свободы возник, как феникс из пепла, передовой отряд старой интеллигентской гвардии, проникновенно описанной в «Вехах». Ибо в лице нового либерального диссидента на самом деле восстал давний наш знакомец (хотя и с новыми примечательными чертами), сыгравший, по словам П. Струве, роль «особого фактора» в русском политическом развитии своим принципиальным «отщепенством» от русской истории и русского государства.

Несчастье первого нашего президента, а тем самым и несчастье новой России, состояло в том, что у исторически-эволюционного, органического пути страны, в ее связи с дореволюционной Россией, не оказалось видимых сторонников. Ельцин был зажат между brutальным натиском бывших партбоссов (осмелевших в атмосфере безнаказанности и вылезших из окопов) и ядовитой жалящей критикой тех носителей идеалов свободы и демократии, которые, казалось, должны были быть естественными союзниками президентского курса. Свободолюбцы выступили не только попустителями коммунисти-

ческого реванша, но и прямыми его попутчиками. Ни одна попытка по очищению страны от наследства КПСС не была, по сути, поддержана «защитниками прав и свобод», любое поползновение в эту сторону встречалось обличениями президента в «авторитарных амбициях» и «охоте на ведьм». Сегодня беспамятная прогрессивная общественность пеняет ему задним числом за его «неспособность» и «нежелание» запретить компартию, переворачивая с ног на голову события недавнего прошлого: и роль Конституционного суда, и собственную индифферентность к этому подлинно решающему процессу, и капкан фактического двоевластия в стране, в котором бился почти что в одиночку глава государства при поддержке лишь команды гайдаровских реформаторов, — двоевластия, воодушевившего председателя законодательной «ветви» власти Р. Хасбулатова заявить, что «вся власть принадлежит Верховному Совету», а затем и подвигшего его на попытку октябрьского мятежа 1993 года. Положение Ельцина тогда не было понято прогрессивными умами, а собственное по меньшей мере легкомыслие до сих пор ими не осознано. Не чувствуя за собой никакой вины, они между тем выступают постоянными обличителями русского народа в его задубелой нераскаянности перед другими народами.

С середины 90-х поборники либеральных ценностей по обличительному накалу в отношении Президента уже не уступают поборникам коммунизма (а к концу 90-х превосходят их!); в конце концов провозвестники правового государства и парламентарной демократии оказались по одну сторону баррикад с пропагандистами «прямого действия» и вывода масс на улицу. «Власть» как таковая стала общей их мишенью; слово «Кремль» в передовых средствах информации произносится отныне как некогда слово «Ватикан», «оплот мирового империализма».

Не какие-нибудь только неудачники-маргиналы, но знатные люди страны — прорабы перестройки и, главное, административно задействованные лица — клянутся в своей вечной нелюбви к власти и непримиримую оппозиционность вменяют в обязанность каждому интеллигенту.

Коммуно-патриоты и наши либералы сходятся и на слове «режим» по отношению к сегодняшней России, только у Зюганова он «антинародный», а у Явлинского — «парафашистский». Оба эти маркированные персонажа, которым положено противоборствовать друг другу, бессменные «герои дня», соревнуются не в области программ и принципиальных позиций, а в такой травле власти, какая немислима ни в одном, даже наисвободнейшем, государстве свободного мира: избранную народом власть публично называют «бандитской», а на ее головы призывают бомбы. Либерально-интеллигентский лагерь включил в свой пропагандистский лексикон зубодробительные формулы коммунистического агитпропа вроде нынешней «царицы доказательств» в деле «преступного ельцинского режима»: «расстрел Белого дома». Тот же вождь пламенных индипендентов Явлинский окончательно скрепил право-левацкий блок красно-розовой оппозиции, заявив, что властью президента «в 93-м был совершен государственный переворот и нарушена Конституция» (не существовавшей уже РСФСР!). Воистину непостижимо, как мыслящий человек представляет себе освобождение от коммунистической диктатуры, если не путем разрыва с ее Основным законом, то есть как раз путем «переворота»? Удивляешься не только логике этого интеллектуала, но и идеологии этого либерала, для кого не существует различия между «Российской Федерацией» и «Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой» и который вторую считает даже более легитимной.

Первый президент демократической России, выдающееся лицо российской истории, оказался трагической фигурой. Он победил коммунистов, но пал, изъязвленный либеральным жалом. Пережив обращение в либерализм, он поверил в это учение, как князь Владимир Креститель — в учение христианства, со всею безоглядностью цельной и широкой натуры. И ни разу не отступил от соблюдения либеральных заповедей — даже и тогда, когда обнаружи-

лось расхождение во взглядах на будущее России между ним и его учителями и просветителями из демократического его окружения и когда они перешли к прямому противостоянию с ним. Возненавидев всем своим существом коммунизм (борьба с КПСС была делом всей его жизни), Ельцин мечтал увидеть на его месте торжество свободы, но не только ее одной, о чем свидетельствуют и его поступки, и вдохновенные обращения к россиянам, и его яркие речи в зарубежных парламентах. Он мечтал о возрождении культуры и веры в своей свободной стране, славных традиций ее истории. Но этот победитель-победенный оставался одинок в своих упованиях. И заметная утрата деятельной энергии, и последующее окружение президента, неадекватное его стратегическим замыслам, суть плоды той гражданской изоляции, в которой он очутился в силу парализующего поведения и прямого преследования со стороны либералов, — ведь не пинал президента только ленивый.

Зато в положительных действиях нынешнего главы государства, которого Ельцин с такой неотступностью отыскивал опять же под улюлюканье прогрессивной общественности, видно изначальное представление первого президента России о ее будущем, несмотря на отсутствие у преемника ельцинского отращения к коммунистической идеологии и продуманного ее неприятия.

Рискну утверждать, что ныне действующий президент, при всей прочности, казалось бы, его положения, тоже одинокий бегун. Ельцин из всех идейно-общественных сил мог опираться лишь на партию гайдаровских реформаторов (насухо для России массовое христианско-демократическое, либерально-консервативное движение в самом начале сорвалось). Однако платформа «Демвыбора» была слишком узка для России, не простиралась дальше экономического либерализма и формально-правовых принципов в построении государства и общества и потому не могла стать опорой в деле восстановления «свободной и великой России», а лишь разделила судьбу кадетов начала истекшего столетия, лишенных большой и притягательной идеи.

В отличие от своего предшественника Путину удалось обзавестись стабилизирующей силой, «партией последнего правительственного распоряжения» (как иронически называл Е. Трубецкой «октябристов» начала XX века, проправительственную партию крупных хозяйственных деятелей, — что позволило Столыпину сделать тогдашнюю Думу работоспособной). Препрезидентская корпорация мелкого и среднего начальства — блок «Единство» — закрыла «амбразуру», в основном нейтрализовала разрушительную активность обоих оппозиционных флангов — носорогов и змей — и тем разблокировала механизм принятия реформаторских решений (не нужно, надеюсь, доказывать, что в сегодняшней России реформаторы — и так называемые либералы — это «две большие разницы»), но *идейной* опоры Путину этот блок не составил.

Ельцин рассчитывал, что с помощью интеллектуальных единомышленников удастся расчистить идейную платформу для будущего подъема страны, вербализовать сплывающую национальную идею. Но предполагаемые союзники с порога принялись высмеивать «великодержавную затею» (что не помешало им, однако, воспользоваться санаторным комфортом для «мозгового штурма» идеи). Надо ли напоминать, чем кончился этот Sturm und Drang?

Наглядевшись на разброд и шатание в стране, новый глава государства, не дожидаясь уже подмоги от интеллектуального корпуса, пошел другим путем. Представитель более молодого поколения, не прошедший, как Ельцин, школы борьбы с партократией, а прошедший, напротив, «лесную школу» разведчиков, еще недавний романтик страны победившего социализма, продемонстрировал не только осторожность в формулировках, но и определенный идеологический вакуум там, где мы привыкли надеяться на острое различие духов. Новый президент решил начать консолидацию общества с чистого листа, раздать всем сестрам по серьгам — и красным и белым — и разом покончить с исторической кутерьмой и всякими обидами. Одно время казалось, что консолидация на нерасчищенном фундаменте грозит превратиться в реставрацию

(как это и случилось в истории с госсимволами, подтвердившей, что место независимой интеллигенции в современном, нетрадиционном, обществе не должно быть пусто). Президент даже высказал тезис: советское прошлое России — «это тоже часть нашей истории», которую «надо помнить», и «кто не уважает прошлого, тот не имеет будущего».

Эта трактовка вошла в общественный обиход, не встретив сопротивления у независимо мыслящей элиты. А вот бы где и противостоять «власти», вот бы где ее «поправить», приложив свой интеллектуальный профессионализм. Мол, как бы ни расценивать историю Российской империи, надо отдать себе отчет в том, что известное семидесятилетие есть не только не продолжение, но (как мы уже замечали) проективно заданное и целенаправленное отрицание ее бытия по всем статьям — строя, веры, культуры и быта; в прямом смысле — ее антиистория. Ну а для тех, кто стоит на стороне того утопического порыва, все бытие дореволюционной России — это лишь неудачная предыстория. Так или иначе, последовательность требует развести эти истории по разным руслам. И выбрать, что именно мы будем уважать. А «помнить»? Помнить надо все, но *как* помнить? Как быть с Октябрем — вычеркнуть? И да, и нет. Вычеркнуть из органического хода истории, но оставить как трагедию и провал в прошлом России, как оставляют памяти ради руины после бомбардировок или печи Освенцима. Надо вынести приговор торжествовавшей лжи, не поддаваясь ложной боязни нанести обиду пожилому поколению, вовлеченному в строительство утопии и как бы зря тогда прожившему жизнь. То, чего надо стыдиться и за что надо каяться в нашей истории, не исключает вовсе смысла существования обманутого человека — жизнь, в конце концов, не исчерпывается отношениями с государством, и добрые чувства человека не девальвируются оттого, что он жил в страшное время. Наоборот.

Широкой популярностью ныне пользуется трактовка Октябрьской революции как способа ускоренной модернизации страны, трактовка, унаследованная от бывших «сменовеховцев» и западных деидеологизированных политологов. И тут из реальной картины тоже оказалось вынута тоталитарное жало, но антитоталитарии этого не заметили. Тексты свободолобивых политологов кишат беспринципными и бездумными высказываниями типа: «ленинское машиноподобное государство... морально устарело» (А. Рубцов, руководящий «философ политического процесса, теории, идеологии и опыта формирования национальных идей!»). Значит, когда-то оно было своевременное? И что же такое здесь означает мораль?

А вот и еще одна характерная подмена смыслов, возникающая в результате того же отождествления взаимоотрицающих явлений — естественно-исторического (России) и проективно-утопического (СССР). 72 процента населения, как показали опросы, сожалеет о распаде былой страны, и все это гигантское большинство автоматически причисляется к лицам, которые тоскуют по «развитому социализму». На самом деле тоскуют, да не все. Более того, те, кто ностальгически вспоминают советскую родину, оплакивают развал прародины, не большевиками собранной земли «от края и до края», но ими, вкупе с демократами, разваленной. Однако благодаря тому, что два разных государства слиплись в общественном сознании в один ком, остается либо в качестве «демократа» радоваться распаду СССР (но одновременно оказаться врагом дружбы народов), либо огорчаться этому, но тогда очутиться на стороне коммунистического строя. Коммуно-патриотами внушено, и никем не опровергнуто, что объединение возможно только на почве реставрации советского режима. А для тех, кто хотел бы возродить Союз без коммунистов, то есть многонациональную Российскую державу, места в общественном сознании не предусмотрено. Запрет на возрождение России наложен неразличенцами с двух, казалось бы, противоположных сторон.

Для коммунистов теоретическая беспомощность либерального антипода — это дар небес, никто не высвечивает их темное, как у гоголевской ведьмочки, нутро, все течет в едином мутном потоке одним миром мазанных событий. Не пройдя даже общественного «нюрнбергского процесса» и пользуясь режимом наибольшего благоприятствования на независимых СМИ, коммунистический генералитет все больше входит в роль общественного обвинителя российских реформаторов. И вот бывшие партократы и *vir*-чиновники бывшего режима (вроде фигурирующих на ТВ сталинского наркома Байбакова и брежневского достопочтенного финансиста В. Павлова), приведшие страну к банкротству, устраивают по старой привычке публичный разнос деятелям новой России: «Мы создали великую державу, а вы разорили ее, организовали геноцид. Где богатства страны, где народные сбережения?» А либеральные фактотумы, даже те, кто не участвуют в войне с «властью», не знают, куда вести дело и что сказать, потому что не различают, где тут правда, а где ложь, отступают перед большевистским напором и судорожно ищут межеумочные, примиряющие формулировки.

А дело в том, что в обществе не прояснено представление о собственном прошлом, а потому и о том, от какого наследства нужно отказываться и какое преумножать. Сменившая партидеологов интеллигенция, призванная *понимать* (ведь интеллигент — значит «понимающий»), не исполняет просвещенческих функций, не разгребает умственных завалов, а, напротив, громоздит их, входя в «исторический компромисс» с коммунистами.

И это неудивительно. Если вдуматься в генезис конкурирующих сторон, то обнаружится общее «орденское» оппозиционное русло, последовательными ответвлениями которого окажутся коммунизм и — нынешний либерализм. Радикально-революционная интеллигенция «веховских» времен послужила повивальной бабкой социалистической революции семнадцатого года, а соответственно и следующего за ней коммунистического строя, на защите которого стоят наши коммуно-патриоты; сегодняшняя интеллектуальная оппозиция тоже устремлена на новый переворот в российских устоях.

Родовое свойство, или, как писал П. Струве, «историческое значение интеллигенции в России «определяется» ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении», а именно — «отщепенством» от него и враждебностью к нему. Свойство это, как мы наблюдаем, интеллигенция сохранила от юности своей вплоть до новейшего своего извода. Другой ее чертой Струве и вообще «веховцы» называют «безрелигиозность», что также не требует доказательств применительно к сегодняшним трубадурам-либертариям. Но в связи с этим встает вопрос уже об отщепенстве не от тысячелетней российской истории, но и ото всей двухтысячелетней цивилизации.

При очевидном расхождении с радикальным «орденом» интеллигенции предреволюционной поры нынешние российские противогосударственники, отказавшиеся, видимо, от идеи социальной революции, не отказались от мечты об очередном переломе российского хребта, но теперь уже путем замены России неким среднестатистическим государством западного типа, освободившимся от всех исторических черт, то есть тоже родившимся из головы. Согласитесь, замысел не менее радикальный, чем у сторонников насильственного свержения прежнего строя. Это два последовательных этапа на пути одного и того же *утопического* проективного сознания, вытеснившего в процессе секуляризации Европы идею *спасения*, которую она, худо-бедно, до некоторых пор жила.

Две эти последовательных идеологических формации оказались между тем *одновременно* наличествующими в России силами, претендующими на решение ее судьбы.

Между тем, сравнивая два варианта по масштабу грозящих России перелицовок, можно опасаться, что «Декларация прав человека» 1948 года, в том виде, как она взята на вооружение современными либералами, будет штукой посильнее «Манифеста» К. Маркса 1848 (как пережитого и знакомого нам зла), и от нее-то и следует ждать «окончательного решения» русского вопроса.

6. «Либерализм — единственный путь для всего человечества»³

Ты для себя лишь хочешь воли.

А. С. Пушкин, «Цыганы».

Опасение неожиданное, ведь «орден» интеллигенции начала — теперь уже прошлого — века был оснащен в конечном итоге целенаправленной стратегией и всеохватной идеологией переделки мира «по новому штату»; он намеревался сделать счастливой Россию (а затем, опираясь на эту «вакантную нацию», как на трамплин, осчастливить и остальной мир). Теперешним либеральным вестернизаторам, желающим, чтобы на месте России оказалась страна, «как все другие цивилизованные страны», не требуется особо разработанных систем, и поэтому тут-то, казалось бы, нечего опасаться наступления нового заорганизованного мирового порядка. Основатели «светлого будущего» вооружались идеей, связанной с утесняющей регламентацией, нынешние вестернизаторы — идеей свободы. В отличие от первой идеи, второй ничего вроде бы не нужно, кроме ликвидации помех на ее пути. И этому замечательно соответствует то обстоятельство, что новейший либерализм, в пику предшествующему тоталитаризму, принципиально выступает как идеология деидеологизма.

Мишень обстрела — государство — предстает в виде чудища обла, озорна и лайя, плавает в непроглядном умственном тумане. Самые авангардные знаменосцы свободы изъясняются о нем с марксистской прямоотой и даже еще прямее: орудие подавления. Но если в марксизме оно — орудие подавления одного класса другим, то здесь — орган подавления общества в целом со всеми его стратами. Встает множество недоуменных вопросов: кто конкретно осуществляет подавление? «Власть», «Кремль», Президент? И если государство и общество — ярые враги, то зачем вообще оно, государство, нужно, кто его выдумал? Ведь даже основоположники марксизма оставляли за ним полезные и необходимые гражданские функции. У наших же либералов какой-то анархистский, а не либеральный взгляд на феномен государства. Однако несообразность появляется уже оттого, что этот принципиальный антиэтатистский негативизм распространяется только на Россию, даже и демократическую, и каким-то образом совершенно не затрагивает государство на Западе, которое принимается само собой как вполне уместный и благодетельный институт. Где тут собака зарыта, мыслящая таким эксклюзивным образом публика объяснить не спешит.

У либералов есть одна сознательная, признанная в качестве основополагающей идея, но она как джинн, выпущенный из бутылки, способна творить невероятные чудеса, при том, что на первый взгляд от нее не приходится ожидать каких-либо угроз. Напротив, казалось бы, свободы и права человека (что в данном случае одно и то же), получившие фундамент в упомянутой международной «Декларации» 1948 года, имеют свою законную область, свой существеннейший *raison d'être* в общественном бытии человека. Однако беда пришла, откуда не ждали. Сделавшись предметом культа, эта вроде бы самая неидеологичная из всех возможных идей оказалась источником новой тотальной идеологии. Свобода, как всякое относительное начало, став абсолютным, «отвлеченным началом», по законам утопии нарушает естественный порядок вещей и устанавливает диктаторский режим. На свой лад здесь осуществился парадокс, выраженный в словах Шигалева из «Бесов»: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом».

Диалектическая логика такова. Свобода и права человека выступают ведущим импульсом мысли и действия в условиях диктатуры и политического гнета, как это было при советском коммунистическом режиме. Узнику позволено сосредоточиваться на мысли о воле; гражданину подобает радеть о

³ Программный лозунг новейших либералов.

судьбах свободы в своей стране и, в конце концов, бороться за нее. Но вот победа одержана, оковы тяжкие пали, темницы рухнули, можно ожидать, что человек отныне сосредоточится на положительном смысле, на содержательном предмете, ради которого среди прочих мотивов он этой свободы добивался, поскольку свобода — не цель, а лишь средство человеческого существования.

Но что происходит в действительности? Получивший неограниченные права принцип свободы переливается за границы политического пространства, где он уже проявил себя, и начинает хозяйничать в доминионах культуры и морали. Выпущенная на простор идея свободы не может питаться только рогатками и препонами политической несвободы, хотя и не перестает их повсюду выискивать. Р а с с в о б о ж д е н и е как мотив всех помыслов и действий теряет свое адекватное содержание и превращается в манию р а с к р е п о щ е н и я, которое освобождает человека не от утеснительных уз, а от скреп, не от оков, а от опор, державших на себе в течение двух тысячелетий общественное и личное бытие человека. Абсолютная свобода, отрезанная от прискучившей современному сознанию троицы «Истины, Добра и Красоты», становится ненасытным Молохом, но и дамокловым мечом: жрец свободы Гюнтер Грасс объявил, что лучше террористы, чем государство — западное, между прочим! Алчность земного абсолюта ненасытима и смертоносна. Между тем экспансия самодвижущейся идеи — это и есть свидетельство, что мы имеем дело с тотальной идеологией, которая не терпит рядом с собой никаких других смыслов; ей требуется не меньше, чем весь мир, а тем самым — и постоянное подтверждение своего триумфа над ним за счет подчинения, то есть сокрушения все новых и новых жизненных устоев и норм, которые формировались на основе христианства и классического наследия культуры. Но разрушение нормы есть утверждение аномальности. И вот мы воочию наблюдаем, как вырвавшийся на простор в последние десять лет новый либерализм под видом абсолютного прогрессизма производит на российской земле коренной переворот в основах человеческого общежития и самом человеческом типе. В высшей степени странно, но такого низменного идеала, какой нам принесло господство свободы, подвергшее остракизму само это слово «идеал», человечество еще не видело. Оба варианта «нового человека», проектируемых двумя предыдущими тотальными идеологиями, по взрывной силе новому образчику не годятся в подметки. Даже пугающая «белокурая бестия» при всем акцентировании в ней природно-животной стихии отливает все же неким героическим сверхчеловеческим отблеском. А уж что до «строителя коммунизма», то его моральный кодекс есть просто гуманистический атеистический список с христианской морали с ее установкой на самопожертвование и самосовершенствование. Отбросив идеологический антураж, мы обнаружим в подобных «строителях» замечательных представителей человеческого рода. В крайнем случае мы найдем тут действие героического «люциферизма», в то время как формируемый идейным импульсом «прав и свобод» новый человеческий тип (а это, как мы наблюдаем, убийца, рэкетир, аферист и во всех случаях сексуальный маньяк) оказывается продуктом разлагающегося «ариманства», короче — мутантом. Ибо, освободившись от стесняющих смыслов и истин, которые возвышали homo sapiens над животным миром, это существо приближается к некоему химерическому зверчеловеку, склонному к кровожадности и к маниакальности по части седьмой заповеди. Недаром — вы заметили?! — из первоначальной формулы борьбы «за права и достоинство человека» второе понятие все время куда-то улечувивается вопреки тому, что оно стоит на видном месте в либеральном катехизисе — «Декларации прав человека». В антропологии рас-свобождения ему не место.

Невербализованность и даже неосознанность идеологии абсолютной свободы не сказывается на грандиозности перемен, которые она вносит в жизнь и сознание. Более того, только не оповещая мир о своих конечных последствиях, она может втереться ему в доверие и одержать над ним победу. Да и у

самых пламенных освободителей России не хватит ни беспристрастности, ни воображения, чтобы представить подлинные масштабы своего предприятия.

Вообще нет такой тотальной идеологии, которая не прикрывалась бы ширмой высокопарных идеалов. Роль таковых в новейшем передовом умонастроении играет непререкаемая «защита прав и свобод человека». Однако впервые перед нами претенциозный вызов, столь малоречивый и нерелевантный в отношении истинных своих плодов, впервые на нас движется айсберг с невиданной еще подводной толщей.

«Пресловутые права человека и гражданина, — разгадывал в конце XIX века тайну новых либералов классический либерал Вл. Соловьев, соглашаясь с Жозефом де Местром, — только замаскированное желание как можно менее нести обязанности гражданина»⁴. У новейших либералов желания несравненно масштабнее, нынешний лозунг прав и свобод — грандиозный агитационный плакат, плотная дымовая завеса; все это не сулит нам не только цивилизованного гуманистического государства, но и самой разрекламированной свободы (выбора). Фокус в том, что, объявляя о «защите прав человека», новая идеология на самом деле глубоко *дискриминационна*: она занята защитой *наступательных* новых прав в ущерб имеющимся традиционным, по сути — *отвоевыванием* прав для империалистической личности, а не *сохранением* их у личности «смирной», неприязательной. Последняя заинтересована в соблюдении норм, основанных на «естественном праве», или законе (уходящем своими корнями в вечный «божественный закон»), — и этот человеческий тип составляет (пока!) большинство нашего населения, однако идеология прав и свобод озабочена продвижением интересов другой, авангардной его части, потому что хлопочет о замещении, вытеснении норм старого гуманитарного мира кодексом норм аномальных. Если вам разрешено все, то другому остается мало что; если вам предоставляется жить в обществе «продвинутой» морали, то остальные обречены жить в аномальном обществе. Однако пропагандистское обеспечение идеологии «прав и свобод» не позволяет осознать хитрое устройство этой правозащиты, представляя дело перевернутым с ног на голову: так как введение новых свобод утесняет людей старой чувственности, то все голоса в защиту своих, по сути, отбираемых прав избобличаются либеральной жандармерией как голоса «запретителей» и «врагов свободы». Идет культурная, нравственная, а тем самым и антропологическая революция, поскольку новая установка не заменяет отдельные нормы, а отменяет понятие нормы (и ограничения) вообще.

Конечно же, это новый антирелигиозный вызов, поскольку раньше передовое человечество боролось с Богом, а ныне оно выкорчевывает сами его заповеди. В противовес библейскому запрету («не ешьте плодов с древа сего») либеральная пропаганда предписывает обратное, внушая завет «не запрети» и выдавая санкцию на грехопадение. «Только когда я нарушаю запреты, я живу», — формулирует установку нового мироощущения один из его творческих носителей, деятель XXII Московского кинофестиваля Тинто Брасс.

Нетрудно догадаться, что привольно под такой эгидой чувствуют себя только сами ее поборники — либо девианты, коих в качестве униженных и оскорбленных «меньшинств» опекает передовая общественность. Остальное, еще не продвинутое, большинство живет под диктатурой более въедливой, чем страшная диктатура прошлого. Та морочила головы и даже отсекала их, эта добирается до печенок. Рядовой, пока еще нормальный человек, возросший на реликтах старой традиции — а она в России чудом сохранялась «под глыбами» партokratической системы, — попал из огня да в полымя и принужден дышать не разреженным воздухом утопии, а густой атмосферой растления. Впервые культурное сознание заявляет о себе как о наборе аномальных, аморальных правил поведения и мышления.

⁴ Соловьев В. С. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 10. СПб., 1911, стр. 433.

Мы думали, вот рухнет «железный занавес» — и откроется небо в алмазах; открылась же пустота, а в ней стала скапливаться клоака нечистот. Ибо свобода — это то, что человек ощущает как освобождение от пресса идеологии, а не возможность заниматься развратом. Меж тем пришла такая свобода, свобода от человеческого достоинства, что ее черный ветер сдувает с поверхности все уцелевшие за время тоталитаризма рудименты человечности.

Общество живет с кляпом во рту. Для «молчаливого большинства» остается, как писала о свободах «на загнивающем Западе» советская пропаганда, только «свобода умирать под мостом» (а в нашем случае — под «Мостом»). И не СМИ, а именно высшая власть в обход не только толщи своекорыстного чиновничьего класса, но и диктата так называемого общественного мнения, созревающего в медийных владениях олигархов, пытается установить связи с обществом, то есть с «молчаливым большинством», что тут же высмеивается в этих медиавладениях как подложная имитация искомого для России гражданского общества. Отсутствие последнего как раз и есть излюбленный сегодня попрек властям России со стороны интеллигентской оппозиции; однако никакие попытки в этом направлении, сверху ли, снизу ли, не будут признаны теми, кто уже взял на себя монопольное представительство от имени этого гражданского общества — наподобие Политбюро ЦК КПСС, по самоопределению представлявшего интересы народа.

Никакое самое явное неприятие большинством населения России культурного курса либералов (письма, петиции, протесты против фильма Скорсезе, против корриды, love-parades и т. п.) не в силах заставить «нюсмейкеров» из четвертой власти, этого флагамена, светоча и рупора свободы, задуматься над тем, как далеки они не только от государства, но и от народа, который не может объяснить все это иначе, чем коварным заговором антироссийских сил в стране и за рубежом, и отталкивается от демократии. Новоявленные же просветители взирают на тысячелетние национальные архетипы одновременно с репетиловской развязностью и железной неумолимостью.

7. Новый класс

Носительница новых, радикальных инициатив, русская интеллигенция усиливала свои позиции по мере угасания традиционного общества и подрыва двухтысячелетних ценностных устоев. Однако подлинный сдвиг и счастливый поворот колеса фортуны она пережила в связи с апогеем технической революции XX века — введением в общественное бытие электронных средств коммуникации. «Человек воздуха», недавний бездомный, социальный аутсайдер, обретает место в истеблишменте. И какое место! У самого пульта управления мыслями и настроениями масс; из одной точки теперь можно охватить, а следовательно, и индоктринировать сразу всю страну, а то и целый мир.

Тот факт, что такое «умственное» рабочее место оказалось доменом «образованных», а точнее, авангарда гуманитарной интеллигенции, не содержит в себе ничего удивительного. Кому же и браться за это, как не ей, которая претендует на интеллектуальную ответственность за ход дел в подлунной и на пустующее место библейского пророка (сравнение американского социолога Д. Белла), обличавшего падший мир (в данном случае — страну) и указующего путь спасения (в данном случае — утопический)? Удивительно то, что маргинальный «орден», физически вписавшись в свободный социум, не почувствовал себя его частью и не только не поступился принципами, но, напротив, даже укрепился в своей позиции «извне».

Запад тоже (хотя на столетие позже России, родины слонов) столкнулся с подобным явлением, когда на месте непредвзятых «интеллектуалов» совершенно явственно возникла негативистски настроенная «интеллигенция». В середине 70-х (в США) это новообразование было выделено западными социологами под именем «страты информации», или «страты знания», куда включалась вся сфера просвещения (помимо медиа также профессора, литераторы, большин-

ство творческих лиц вообще и т. п.). Группа неоконсервативных американских аналитиков окрестила эту страту «новым враждебным классом», или просто «враждебными интеллектуалами». Импульс можно было почерпнуть у исследователя более раннего поколения, известного теоретика «среднего класса» Дж. Шумпетера, так отвечавшего на вопрос «Кто такие интеллектуалы?»: это «люди, владеющие силой звучащего и письменного слова... живущие критикой и в целом преуспевающие за счет язвительности их критицизма»⁵. В Америке развернулась дискуссия о природе нового явления: то ли это бескорыстная, хотя и общественно опасная ментальность, то ли это «новый класс», отвоевывающий для себя новые экономические и властные рубежи.

Рискнем утверждать, что и то, и другое одновременно.

Обсуждая удивительную эволюцию активной верхушки мыслящего сословия, казалось бы призванного к формулированию задач и целей всего коллектива, вербализации и обоснованию норм и культурных ценностей, но заменившего эту «социально интегративную роль выработкой альтернативных целей, внешних и оппозиционных таковому коллективу» (по формулировке одного из американских авторов), современная социальная мысль остановилась на весьма ценной констатации самого механизма перемены. Было замечено, что радикальный сдвиг в интеллигентском самосознании произошел путем незаметных, малоосознанных подстановок, в результате чего создатель этих альтернатив стал отождествлять себя уже не с общественным целым, а «с некой иной общностью: с другой страной, с иным историческим периодом, с какой-либо отчужденной subgroupой» (Р. Рорти). Вполне естественно, что при такой переориентации исполнение консолидирующей социальной функции интеллектуала не может не принять крайне скособоченного вида. Вся динамика процесса подмен и подстановок была вызвана внутренним переосмыслением понятия интеллектуальной «независимости», которое выплыло на авансцену современного интеллигентского сознания, и, с другой стороны, — «истины», которая оказалась в итоге задвинутой в его дальний угол или даже за кулисы. Постепенно оказывалось, что первейший долг интеллигента — то есть человека, пользующегося своим разумом не инструментально-прагматически, но из высших соображений, — состоит не в приверженности истине, а в независимости суждения. Независимость же, как констатировали социальные наблюдатели, как-то сама собой перелилась в непременно критическую позицию, а та в свою очередь — в непримиримую оппозицию.

А как же иначе, как еще лучше доказать свою неангажированность, непричастность к государственной системе, которая определилась в качестве враждебной *idée fixe*, если не прямым противоборством с ней?! (Так всякий не протестующий автоматически зачисляется в позорную категорию «прислужников власти».)

Пока «усиленно сознающий» индивид рекрутировался в ряды аутсайдеров, не связывающих или не ассоциирующих себя ни с каким местом в обществе, его неотступная оппозиционность не входила в противоречие с его положением. Но когда «отвязанные» лица стали заполнять важные вакансии в государстве (процесс, пошедший в России с начала 90-х годов, вместе с освобождением страны), не проникаясь при этом никаким с ним чувством общности, это уже могло вызвать недоумение, как всякое сидение на двух стульях.

Чтобы осознать возможность противоречия между социальным статусом и асоциальным мировоззрением, надо прежде всего избавиться от марксистской инерции, связующей сознание с «бытием» нерушимыми узами, и признать примат духовного выбора над ползучим детерминизмом; надо признать преемственность и филиацию идей, а значит, уяснить (при всей видоизменяемости самой касты) нерастворимость ядра интеллигентского мирознания с двумя его уже отмеченными сущностными характеристиками: «отщепенством» (про-

⁵ Shumpeter J. Capitalism, socialism and democracy. N. Y., 1942, p. 147, 151.

явлением утопического социального радикализма) и «атеизмом» (проявлением утопического культурного радикализма — вызова самому мироустройству).

Далее: следует принять во внимание, что вместе с переменной социального положения и продвижения по общественной лестнице антагонисты государственной власти получили дополнительный стимул для нагнетания страстей в обществе. Ведь активистская интеллигенция обрела не просто хорошее, а судьбоносное место. По некоему «общественному договору» клерки от информации, представители этой интеллигенции, оказались одной из ветвей власти, якобы последней — четвертой, однако по своему действительному влиянию — первой. Last but not least.

Несравненная мощь этой особой власти с ее претензией господствовать в умах, не неся при этом ответственности за ход событий, состоит в том, что она не ограничена российским законом, который витает над другими тремя ветвями, — не ограничена в силу специфики ее профессионального инструмента — слова, свобода коего из всех прав и свобод выделена, признана и утверждена либеральным сообществом в качестве главной. Сегодня эта свобода, являясь орудием господства медийных средств, то есть того же «ордена» интеллигенции, так же акцентируется, как некогда, в советские 70 — 80-е годы, когда словом распоряжалась официальная пропаганда, диссидентская общественность акцентировала соблюдение права на эмиграцию. Согласитесь, однако, что как то, так и другое замечательное право не могут считаться приоритетными для народа. Передовая общественность, как видно, этим не озабочена, а расхождение между тем кардинальное. Народ жаждет устроения порядка, прогрессивная интеллигенция — его либерализации. Либерализм требует жертв, на которые население не готово идти: сегодняшним правозащитникам естественней договариваться с террористами, чем со своим государством, подсобить правонарушителю, чем подумать о законопослушных, защищать права аномальных меньшинств, чем позаботиться о нормальном человеческом большинстве.

Но что значит примат свободы слова над всеми другими правами? Это торжество свободы для СМИ — ситуация, которую описал еще Т. Джефферсон, автор американской «Декларации независимости»: «Если свободой слова владеют средства массовой информации, значит, у остального общества ее нет». Что положение в России — в электронном веке — сегодня именно таково, свидетельствуют откровенные признания представителей самой этой четвертой власти в Европе, к примеру, газеты «Франкфуртер рундschau», недружественной к России и, наоборот, благоволящей к ее «либеральным», «независимым» СМИ: «Кто управляет телевидением, тот управляет Россией».

Понятно, что пребывание у пульта управления российскими коммуникационными средствами критически мыслящих интеллектуалов со всего света создает на месте информационной службы прекрасный плацдарм для идейно-политической агитации против «авторитарной» нашей власти, попирающей права и свободы личности. На репрезентативных широкоэщательных журналистских сходках поборники вселиберализма сходятся на слогане: «Функции СМИ — это борьба с властью!»

В этом своем великом противоборстве «независимые СМИ» (составляющие вместе с «орденом интеллигенции» пересекающееся множество) имели (и все еще имеют) материальную базу прежде всего в лице обиженных олигархов, которые хотели ногой открывать двери в самые высокие кабинеты власти, а когда это не выходило, в качестве медийных магнатов заказывали подведомственным им СМИ соответствующее политическое меню. Похожее положение, складывавшееся когда-то в старых российских медиа, вызывало чрезвычайную беспоконность у графа М. Т. Лорис-Меликова, либерального министра внутренних дел при Александре II, и побудило его разработать специальную программу противодействия им. Мотивировал он это так: «Необходимо... обеспечить гласность и свободное обсуждение общественных вопросов, но прекратить безнаказанное возбуждение страстей и глумление над личностями,

практикуемые с корыстной целью некоторыми органами печати». Конечно же, и труба (СМИ) тогда была понижена, и дым (компромат) пожиже.

Поглощенная двуединой задачей обслуживания медийных заказчиков и антиправительственной агитации, суверенная интеллигенция сегодня, казалось бы, совершенно порвала с извечным прагматичным интеллигентским занятием. Как-никак, а в прежние времена она все же старалась «мысль разрешить», ныне в соответствии с новым положением она оперирует готовым набором неотразимых лозунгов и потому участвует не столько в тяжбе о России, сколько в тяжбе с Россией.

В России интеллигенция пришла к столу яств только в ельцинскую эпоху вместе со свободой, когда ее собраты интеллектуалы на Западе уже заняли там ключевые места. Апогей борьбы с буржуазным обществом передовой западной интеллигенции остался (пока!) позади. И хотя левая идея из культуры Запада никуда не девается, там на сей день нет крупных ультралевых движений (исключая интернационал антиглобалистов с очень неясным генезисом), нет харизматических фигур типа Ж.-П. Сартра, воодушевлявшего антибуржуазные демарши оголтелых бунтарей и возглавлявшего их уличные шествия в своих знаменитых тапочках.

Между тем не только левые, обиженные на Россию за отставку ею социализма, но, как мы уже убедились, и правые, что гораздо более загадочно, нацелили свои пики и стрелы на эту извечную мишень, образовав, по сути, объединенный антироссийский право-левацкий фронт. Посмотрите, куда направлен в последнее время гнев разного рода правозащитных организаций, кто назначен у них на роль побиваемого камнями. Так Международный комитет защиты журналов включил Россию в число врагов прессы, а «Human Rights Watch International» не перестает открывать миру глаза, составляя рейтинги, в которых России по гуманитарным показателям (прежде всего, конечно же, по свободе слова!) выставляются самые низкие баллы, и потом эти «данные» усиленно распространяются по всем средствам массовой информации, заполняя печатно-звуковой космос.

Интернационал «журналистской общественности» по своему недружелюбию к стране несравненно превосходит настороженность и отстраненность официоза западных держав, порождаемые конкурентными, геополитическими и экономическими мотивами.

8. В чем же дело?

Let my people go!

Spiritual.

В 1881 году Ф. М. Достоевский в записной книжке поместил такую горестную заметку: «Нам все не верят, все нас ненавидят, — почему? Да потому, что Европа инстинктом слышит и чувствует в нас нечто новое и на нее несколько не похожее. В этом случае Европа совпадает с нашими западниками...» Конечно же, Россию в Европе не только ненавидят, но также бывают и без ума от нее, а часто испытывают страх, любовь и ненависть одновременно. И уж точно, что о России не забывают, особенно когда усиленно ее замалчивают (в западных СМИ). Однако прав «тайновидец духа»: мы другие. Но прав ли он, считая, что инаковость эта, разделяющая нас с Европой, — в новизне? А может быть, вся новизна как раз в обратном — в сохранности старины, с которой западная родственница расстанется быстрее и охотнее, чем мы?

То, что речь идет об отношениях между родственниками, сомнений не вызывает — чужие не задевают до глубины души, не провоцируют страстной вражды, переходящей в закоренелую тяжбу.

Да, мы другие, но не потому, что идем по другой дороге, а потому, что медленнее идем по пути, ныне выбранном Западом, и это несмотря на то — а точнее, благодаря тому, — что три четверти века Россия находилась под ледя-

ными глыбами атеистического режима. Выходит, в XX веке нас подмораживал атеизм, как в XIX подмораживало православие? Да, это так, потому что коммунистическая идея, борющаяся с Богом, старалась мировоззренчески перевоспитать человека, но не сумела растлить его. «Перековка человеческого материала» не удалась потому, что по-настоящему и не была налажена. И вот теперь оказалось, что «цивилизованный мир» гораздо больше преуспел в этом деле «перековки» — в смысле освобождения человека от высшего связующего начала. Свобода привела к торжеству человеконенавистничества и извращения как своей предельной точке. Мы тоже подчас не отстаем от Запада на культурной поверхности, но разница в том, что, во-первых, в этой части все еще не достигнута взаимотерпимость между культурным авангардом и народом; во-вторых, передовые достижения не закрепились, тем более законодательно, в качестве необратимых перемен в образе жизни, и она еще не схвачена цементом освободительных директив. Между тем разрыв со старым христианским двухтысячелетним этосом, наблюдаемый в последние десятилетия, вынуждает говорить о вступлении европейской цивилизации уже не в пост-, а в антихристианскую эпоху.

В лице же России Запад все еще встречается со странным и опасным существом — с «непродвинутой ментальностью» и тоской по величию. Европа не может войти в самоощущение российского человека, имевшего совсем другой, чем у нее, имперский опыт — опыт тысячелетнего проживания в разноплеменной вселенной, где при всей тяжести державной длани каждому народу было дано «молиться по-своему, трудиться по-своему» (И. Ильин).

Огромная Российская империя возникла не из идеи мирового господства, которой у нее, по сути, не было, а из нужды, диктуемой бескрайним равнинным и суровым пространством, открытым всем ветрам, набегам орд кочевников с востока и армий оседлых народов с запада. Россия возникла, следуя замыслу не завоевания и подавления инородных и инославных «тянущих врозь» племен и наречий, рассеянное множество которых встретили русские на своем пути обживания пространства, а — примирения и соединения их под одной кровлей.

Коммунистическое господство подпортило образ российского общежития народов, но не искоренило глубокого чувства земной «соборности», или попросту братства, а теперь вот и тоски по нему как по естественному состоянию — в чем взор иноплеменный усматривает сразу и русское рабство, и русскую великодержавную спесь. Однако и там, в западной дали, тоже находятся всечеловеки — не новейшей, либеральной формации, по Максиму Соколову, а в старом смысле, со всемирной отзывчивостью, опять же по Ф. М. Достоевскому, только уже по отношению к нам, русским. Среди привычных недружелюбных штампов вдруг да и услышишь дружественный голос живой души, вырвавшийся за очерченный круг, как, например, голос французского (!) актера и режиссера Робера Оссейна: «Россия — это не государство, это — миссия... В России есть нечто необъяснимое, заставляющее восхищаться и плакать, это вечная страна, пронизанная инстинктивной, прирожденной мистикой» («Известия», 2001, 6 декабря). То, что интуитивно уловила артистическая натура Оссейна, составляет второй пункт раздражения либерального общества. Россия действительно ощущала в себе религиозное призвание, и прежде всего не на идеологических верхах, а непосредственно в народных низах. Само освоение территорий началось с движения крестьян, которые, обживая северные земли, ощущали себя не только крестьянами, но и христианами, вместе со скитами и монастырями способствуя продвижению христианства на языческие территории. Реликты религиозного призвания России свидетельствовать, как пишет С. Булгаков, о «чистоте и красоте православного христианства» и — добавим от себя — христианства вообще оказываются (пока) так же нерастворимы, как кристалл мессианизма в сознании библейского народа.

Россия лежит камнем преткновения «на пути прогресса». И хотя ее хулители объясняют свои претензии к ней неспособностью страны стать «право-

вым демократическим государством», на самом деле их раздражает прежде всего не это — по свободам мы сейчас впереди планеты всей, — но атавизм православной ментальности и приверженность культурной традиции, отчего Россия не вписывается в *секулярную* траекторию европейской истории. Не политические, а более глубокие духовные и душевные барьеры невидимо и упрямо выстраивает Россия на триумфальном марше политкорректности, не приемля (пока!) новейшей стилистики: беззастенчивого гедонизма, бесцеремонной саморекламы, бессердечного индивидуализма, формалистского панъюридизма, утратившего интерес к различению правых и виноватых по существу.

Не знаю, хочет ли Европа погубить Россию, но явно хочет уподобить себе и заключить ее в то же «рабство у передовых идей», как выражался Достоевский. С другой стороны, Запад нуждается в России, не похожей на него, оттого, что он уже привык за многие десятилетия жить с врагом (а особенно такой нужен был ему до нынешнего черного сентября). Но тут, повторю, нужна не какая-то внешняя и далекая «желтая опасность», а всепроникающее племя, каким воспринималось до сих пор еврейство. О еврействе теперь говорить несподручно, и требуется другая «вакантная нация», инфильтрированные элементы которой стопорят идеальную западную систему, — что вполне соответствовало намерениям агентов СССР. Вот, кстати, и ответ на то, почему на Западе, уже не только среди леворадикальных элементов, а среди правых идеологов истеблишмента, идет усиленная идентификация русского и советского. Запад сам вступил в стадию самоидеализации, подобную советской утопии: наши нравы — не их нравы, наш строй — не «их» загнивающее (авторитарное, тоталитарное) общество; если бы не империалистическое окружение (имперское соседство) и не проникновение враждебных буржуазных элементов (вирусов зловредительной нации) в наше справедливое социалистическое (свободное, правовое, цивилизованное) общество, если бы никто не мешал, не стоял на пути, — мы достигли бы светлого будущего (беспроblemного вечного мира, по Ф. Фукуяме). После 11 сентября США, а вместе с ними и весь западный мир обрели беспрецедентного внешнего врага, однако либеральный интернационал вовсе не ослабил гонений на Россию — Россию, без колебаний вставшую на защиту цивилизованного западного мира. А как же нам было повести себя иначе, ведь этот мир, границы которого определяет ныне идеология «несокрушимой свободы», раньше определялся принадлежностью к христианству, и если Россия — Восток, то восток Европы, а не азиатский Восток! И у нас нет другого дома, хотя дом этот оказался пуст.

В тяжбе с Россией либеральный Запад ведет тяжбу с собой, изменяя своей европейской христианской цивилизации (которой Россия изменила в 1917 году). Что такое Европа? — задавался вопросом после Второй мировой войны один из замечательных европейских просветителей Романо Гвардини, — это «живая энтелехия, живой духовный лик... Тем, что она есть, она стала лишь потому, что над сокровенной жизнью сердца и утонченной красотой европейского человека почти два тысячелетия трудился и продолжает трудиться Христос... Важнейший, решающий компонент — это образ Христа». О том же Пушкин: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей священной стихии исчез и обновился мир. История новейшая есть история христианства. Горе стране, находящейся вне ев<ропейской> системы!» (О втором томе «Истории русского народа» Полевого). Крест назван у Пушкина осью европейской истории. Но, горестно замечает Гвардини после Второй мировой войны, «как неистово восстала Европа против своей сущности и как глубоко изменила она собственной душе». Теперь ей «следует со всей серьезностью взглядеться в себя и задуматься, что же она такое... Ясно одно: либо Европа будет христианской, либо ее не будет вовсе». (А мы-то думали, что подобная альтернатива уместна только в приложении к нашей матушке-Руси...) Услышат ли носители нового, атеистического радикализма эти несовременные голоса? Или их предостережения и призывы постигнет судьба «Вех», оставшихся гласом вопиющего в пустыне?

И когда фанатичный враг объявляет нашему цивилизованному миру священную войну, а тому нечего терять, кроме своих удобств, то невольно обличается наша неверность самим себе.

Все дело — в измене.

Судьба России, выдающаяся своим трагизмом среди всех европейских стран, — это судьба мессианской наследницы Израиля, а любой мессианизм, пусть «вторичный» и условный, наказуем в этом секулярном мире; неисполненный же мессианизм наказуем вдвойне. Мы пережили великий обман, променяв путь спасения на утопию. Теперь стоим перед бездной пустоты и новой утопией. Переживем ли это? Такого опыта страна еще не знала.

Либеральная идеология, занятая унификацией мира, накладывает запрет на общую национальную идею для России (приветствуя ее у Америки, которой все позволено). Но великая нация, отказавшаяся от великой цели, перестает быть великой.

Чтобы возродиться, Россия, оставив в стороне квазимессианские задачи, должна осознать безотлагательность по видимости скромных и выполнимых целей, без чего невозможно и более высокое служение. Должна стряхнуть с себя гипноз диктатуры «прав и свобод» и обратиться к импульсу, идущему не из будущего, а от вечного. Это и окажется поистине глобально-мессианской задачей, которую больше на земле выполнить, видно, некому. «Непродвинутость» России осталась единственным резервом Европы, чтобы ей возвратиться к самой себе. Но это дело России неисполнимо, если не позаботиться о том, чтобы доставшаяся нам огромная территория не превратилась в пустыню, то есть заняться приведением ее в порядок (а то, глядишь, Бог как дал нам ее, так и отберет).

Но национальная идея, чтобы она овладела массами и воплотилась в действительность, должна быть выражена в формах государственной политики. Пока что государство этого не демонстрирует, не отваживаясь, по-видимому, бросить вызов духу века сего и вырвать свой народ из нового идеологического рабства.

Let my people go!

СЕРГЕЙ БОЧАРОВ

*

«ТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПРЕЗРЕЛ»

Об одном сюжете русской литературы и его актуальности

История литературы знает темы, которые кажутся вечными, но вдруг в какую-то историческую минуту оживают как современные. На террасе дачи князя Льва Николаевича Мышкина собрался пестрый состав людей, словно призванных что-то решить, — исследователи назвали это «конклавами» у Достоевского; ждут князя, и вот какими словами встречает его шут Лебедев: «Но, князь, если бы вы знали, какая тема в ходу. Помните у Гамлета: „Быть или не быть?“ Современная тема-с, современная! Вопросы и ответы...»

Чем уж так особенно современен старый гамлетовский вопрос, современный всегда, в пореформенном и нигилистическом Петербурге 60-х годов уже позапрошлого века? Но Лебедев произносит это как предисловие к чтению исповеди Ипполита, а в ней возникает мертвый Христос на картине Гольбейна, от которой, сказал, увидев ее, Достоевский, «вера может пропасть», — и персонажи романа то же за автором повторили. И вот оказывается, что у новых людей от тех же старых вопросов о сомнениях и вере, смерти и бессмертии, «быть или не быть» — зависит их будущее.

Нам будет в этой статье интересна иная тема нашей литературы, а реплики из «Идиота» пусть будет тоже к ней предисловием.

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.

В строках стихотворения «Наполеон» (1821) двадцатидвухлетний Пушкин назвал для русской литературы тему, которая перейдет затем от него к Достоевскому. И именно — назвал ее как новую, *современную* тему. У обоих поэтов тема эта прочно связалась с иной, известной нам в XIX веке, наполеоновской темой, — связалась, но не слилась: оба видели тему шире наполеоновской и связывали ее и с иными сильнейшими в памяти человечества именами, иногда в контексте темы и неожиданными. Для Пушкина, видимо, формула темы стала столь важным открытием, что он тут же ее продублировал в прозаическом варианте, связав ее здесь уже с двумя именами:

«Петр I не страшился народной Свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон» (XI, 14¹).

Бочаров Сергей Георгиевич — филолог, исследователь русской классической литературы. Родился в 1929 году. Научный сотрудник Института мировой литературы РАН. Автор книг «Роман Толстого „Война и мир“» (1963; три переиздания), «Поэтика Пушкина. Очерки» (1974), «О художественных мирах» (1985), «Сюжеты русской литературы» (1999), «Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества» (2002; совместно с И. З. Сурат).

¹ Пушкин цитируется по Большому академическому Полному собранию сочинений в 17-ти томах; том указывается римской цифрой.

Поэтический и прозаический тексты возникали рядом на тех же страницах первой кишиневской тетради. Формула презрения переносилась в исторический текст из оды, при этом не просто переносилась, а в обратной исторической перспективе. Петр и Наполеон — на разных концах одного (в его общей, можно сказать, просветительской схеме) процесса: народная свобода как следствие просвещения Петру (его делу, его стране) еще предстоит идеально, как «светлое будущее», и он *заранее* презирает то человечество, которое выйдет из этого процесса; он сам — демиург процесса и не боится его последствий. Наполеон между тем на другом конце процесса сам являет собой его следствие. Так Пушкин развел картину французской и русской истории на пяточке одной и той же психологической характеристики двух ее корифеев.

«Наполеон» был первым пушкинским историософским стихотворением, в котором под пером поэта вставала картина исторических превращений, открытая Французской революцией. Превращения происходят со «свободой», нестойким следствием «просвещения». Три действующих понятия-силы сменяют друг друга на исторической сцене — просвещение, свобода, наконец, как реакция на нее — авторитарное и тираническое презрение, которое гасит свободу. «Новорожденная свобода / Вдруг онемев, лишилась сил». Такова историческая цепочка, открытая молодым Пушкиным в цикле южных историософских стихотворений. Вспоминается из другой эпохи нашей литературы: «Так было уже несколько раз в истории. Задуманное идеально, возвышенно, — грубело, овеществлялось. Так Греция стала Римом, так русское просвещение стало русской революцией». Так «столетье с лишним» спустя на последней странице «Доктора Живаго» будет подводиться итог превращениям основных понятий уже в нашей истории.

Будущего культа Петра еще нет у Пушкина в 1822 году, когда он связал его имя в пару с Наполеоном. Будущий же культ Петра в знаменитых стихотворениях 1826 — 1828 годов будет строиться в прямую противоположность этой связке; он будет строиться на тех же основных понятиях, но в прямо обратной картине: «Самодержавною рукой / Он смело сеял просвещение, / Не презирал страны родной...» — это Петр; а вот придворный льстец: «Он скажет: презирай народ <...> Он скажет: просвещенья плод — / Разврат и некий дух мятежный». Петр отделен от Наполеона и прямо демонстративно — от темы презрения. Но неотступно все же она при Петре — пусть с отрицательным знаком — присутствует. Позже, и вскоре уже, будет вновь поворот картины — возврат к сближению и совмещению имен тоталитарных героев: теперь для Пушкина (в одной из записей по-французски предположительно 1830 года) Петр — это Робеспьер и Наполеон в одном лице, — «воплощенная революция», прибавляет Пушкин к этой парадоксально-ретроспективной исторической проекции европейского будущего на свое как будто столь глубоко отставшее от него отечественное прошлое.

Но ко времени культа Петра Пушкин прошел уже через личное и лирическое переживание темы презрения. Тема эта вдруг необычайно активна у Пушкина в его южные годы; к Михайловскому ее острота уже в основном исчерпана. Острота же падает на кризисный 1823 год, и сама же она, острота мотива презрения, и дает одно из свидетельств об этом так называемом в пушкинистике «кризисе 1823 года». Острота состояла в том, что после внешних исторических характеристик Петра и Наполеона тема вдруг становится личной и внутренней — *лирической* — и философской — *метафизической*. А субъектами темы становятся сам поэт и овладевший его сознанием «демон», открывающий ему глаза на тему и «на людей» («Я стал взирать его глазами, / Мне жизни дался бедный клад <...> И взор я бросил на людей...»). Лаборатория пушкинской мысли, где совершаются превращения темы, — большой черновой контекст из нескольких сплетенных друг с другом текстов с блуждающими, переходящими из текста в текст фрагментами. Эти тексты — «Мое беспечное незнанье...», «Демон», «Свободы сеятель пустынный...», черновики двух первых глав «Онегина». Текстологически этот контекст давно описан пушки-

нистами, философски он достоин дальнейшего истолкования. Не только тексты расплетались и размежевывались внутри контекста, но и субъекты слова, внешние и внутренние позиции. Наверное, примеры, онегинские особенно, у всех на памяти («Кто жил и мыслил, тот не может / В душе не презирать людей...» — как бы совместное пушкинско-онегинское, а вот и чисто онегинское — «Хоть он людей, конечно, знал / И вообще их презирал...») — но есть среди них особенно сложный случай; это пушкинское подражание Христу 1823 года — «Свободы сеятель пустынный...». Стихотворение, как известно, зародилось в рукописях второй главы «Онегина», где заглавный стих относился к герою романа как деревенскому реформатору (VI, 265). Переноса его в стихотворение, автор переключал его, во-первых, из третьего в первое лицо, превращал в лирическое высказывание, во-вторых же, из иронического контекста переводил в серьезный. Об этом стихотворении можно, кажется, сказать, что здесь «человечество презрел» сам Пушкин. Но ведь встав при этом на место Христа. После имен Наполеона и Петра вот совсем другого качества имя вступает в контакт с этой темой презрения. И это тоже получит отклик у Достоевского — Христос, презирающий людей, неожиданно явится воображением Достоевского (Версилова); об этом далее.

«Свободы сеятель пустынный...» — один из сильных примеров «личного проживания библейских сюжетов» в лирике Пушкина, может быть, самый сильный, потому что одно дело — лирическое самоотождествление с Давидом или блудным сыном, иное дело — подобное самоотождествление со Христом². Поэт встает *на место* сеятеля-Христа и обращается к людям с этого места. Слово поэта с этого места следует подлинному евангельскому слову Христа в эпитафии к пьесе. Но несомненна дистанция между эпитафией и речью стихотворения. И если это и самое сильное из подобных самоотождествлений, то и самое проблематичное и даже сомнительное. И также если можно согласиться, что категория лирического героя — не категория пушкинской лирики³, то это стихотворение представляет, пожалуй, особенно сложный случай: пушкинское подражание Христу 1823 года — подражание с дистанцией и тянет на «ролевое» стихотворение.

Пушкин придал ему насмешливый комментарий, посылая его в письме Александру Тургеневу 1 декабря 1823 года. Стихотворение лирически серьезно — автокомментарий усиленно ироничен, а «И. Х.», как он прописан в письме, нарочито политизирован. Пьеса представлена как «подражание басни умеренного демократа И. Х.» (XIII, 79). Ирония здесь двойная — в самом, во-первых, определении проповеди Христа как политической программы, но и также в оценке ее как умеренной. Это звучит насмешливо в устах поэта — недавнего пылкого радикала в целом ряде политических стихотворений предшествующих двух лет. Однако от этой веселой революционности он теперь уходит. «Сеятель» замыкает ряд радикальной лирики южного Пушкина и представляет собой исход из нее. Там он играл с христианской образностью и враждебно-весело перелицовывал ее на либерально-революционный лад, — здесь подражает притче Христовой всерьез. Кто такой этот новый пушкинский сеятель? Он — политический проповедник на высшем духовном месте, он присвоил себе пророческий статус и самое это место, так что можно, наверное, подозревать *подмену* на этом месте. Но он всерьез присвоил себе его. Он пророк свободы, что для Пушкина превышает всякую политическую программу, и пророческие черты впервые являются здесь в лирическом пушкинском «я». Это начало пушкинского Пророка, пока неудавшегося, вышедшего «рано, до звезды», и вышедшего к людям, возможно, не с тем еще, *своим* поэтическим словом. Но классическая библейская ситуация разрыва пророка с людьми здесь просвечивает всерьез, да и иные гневные тона самого Спасителя

² Сурат Ирина. Библейское и личное в текстах Пушкина. — В сб. «Московский пушкинист», VII. М., 2000, стр. 89, 93.

³ Непомнящий В. Пушкин. Русская картина мира. М., 1999, стр. 66.

откликаются, с какими Он, бывало, обрушивался не только на книжников и фарисеев («Порождения ехиднины!»), но и на целые города («Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида!»). В уме поэта были два контрастных фона, с какими соотносился его герой: это чистое евангельское слово в эпиграфе к пьесе, с одной стороны, и насмешливо политизированная фигура в письме Тургеневу, с другой. От того и другого фона он отделил своего героя. Пушкинский новый сеятель — никак не Христос Евангелия, но лишь современное поэтическое Ему «подражание» (и даже точнее — подражание Его «басне», Его притче); но он и не та утрированная фигура в эпистолярном комментарии, изложенная на расхожем политическом жаргоне. Нам важно сейчас заметить, что современные смещения идеального образа и возникающие при этом дистанции Пушкин чутко отметил, что он в стихотворении и в автокомментарии предугадал тем самым метаморфозы Христова образа в новом веке и даже уже в слепопушкинской современности.

Потому что Христос — умеренный — или даже и не умеренный, революционный, так сказать, демократ — популярный в скором времени образ. Достоевский знал его по своей радикальной молодости и вспоминал из нее в черновиках к «Подростку»: «Про Христа Фед. Фед. отзывается, что в нем было много рационального, демократ, твердость убеждения и что некоторые истины верны. Но не все» (16, 14⁴). Образ, вынесенный Достоевским из социального «нового христианства» 1830 — 1840-х годов, например, присутствующий в письме Белинского к Гоголю (за которое и пострадал тогда Достоевский): «Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства...» Герой французской революции — и чем не пушкинский сеятель?

И вот один и тот же процесс совершается в нескольких текстах русской литературы — та же реакция презрения как итог: Наполеон с его презрением к человечеству как фатальное следствие благородных надежд человечества, сеятель, переживающий тот же процесс и тот же итог в одном своем лице, — и, наконец, слова Великого инквизитора — если сразу перенестись к нему, на другой конец литературы века, в пространстве которой кто связывал стихотворение Пушкина 1823 года с поэмой «Великий инквизитор»? — но вот они поразительным образом начинают связываться:

«Не ты ли так часто тогда говорил: „Хочу сделать вас свободными“. Но вот ты теперь увидел этих „свободных“ людей» (14, 229).

Не правда ли, поразительно точное соответствие переживанию пушкинского сеятеля — словно пересказ его монолога 1823 года, только не от лица Христа (или его апостола или наместника в современности — а такая дерзкая претензия заложена в пушкинском стихотворении), а от лица его заместившего перед людьми Инквизитора. Инквизитор в ответ на Христову проповедь предъявляет ему то самое человечество, какое и пушкинский сеятель в ответ на проповедь свою нашел — нашел в ответ не что иное, как мир Великого инквизитора. «И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо...» (14, 234). Параллели почти текстуальные. «Наследство их из рода в роды / Ярмо с гремушками да бич» — это Пушкин о мирных народах-стадах. «Ярмо» Великого инквизитора — тоже «с гремушками»: «Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками» (14, 236). (Л. Я. Гинзбург говорила, что вот и советскую художественную самодетельность предсказал Достоевский.)

Пушкинский автокомментарий к стихотворению 1823 года был усиленно ироничен, комментарий Достоевского к его поэме (вступительное слово к ее публичному чтению 30 декабря 1879 года) — усиленно серьезен. Но некая словно смутная память о старом стихотворении (хотя и недавно впервые в России опубликованном⁵) и о его народах-стадах — не личная авторская, а

⁴ Указываются том (арабской цифрой) и страница Полного собрания сочинений Достоевского в 30-ти томах.

⁵ В 1866 году. Десятью годами раньше — в Лондоне, в герценовской «Полярной звезде на 1856».

сверхличная генетическая литературная память — сквозит в комментарии Достоевского: «Высокий взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом социальной любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему» (15, 198).

Достоевский, хорошо сказал о нем А. Л. Бем, «может быть, и сам того не сознавая», постоянно бывал «во власти литературных припоминаний»⁶; творческий анамнезис был его писательским методом. *Сам того не сознавая!* Очевидно, «припоминание» пушкинского сеятеля в речи Великого инквизитора — это тот случай. Открытая некогда Пушкиным тема продолжает работать и развиваться в смысловом пространстве литературы, в «резонантном» ее пространстве, по определению В. Н. Топорова⁷; в этом общем литературном пространстве и *резонирует* пушкинскому стихотворению «поэма» Ивана Карамазова — Достоевского.

Автор «Братьев Карамазовых» вряд ли прямо вспоминал стихотворение Пушкина и скрыто его цитировал. Зато еще раньше он открыто цитировал «дрожащую тварь» из «Подражаний Корану». Это у Пушкина уже 1824 год, Михайловское, и можно в «дрожащей твари» первого подражания находить заключительное звено острого цикла «презрительной» темы в южной лирике (в последующем поэтические контексты со словом «презрение» в основном не несут уже этой темы *презрения к человечеству* как *лирической* темы поэта, специфически острой именно в южном цикле). Здесь, в «Подражаниях...», вновь эта тема, но не лирически, от поэта, а эпически — и экзотически, от Корана, от духа Корана, с его простым постулатом безусловной покорности человека Аллаху. Оттого «дрожащая тварь» как определение человека — как бы естественно-презрительное его определение: так и должен пророк относиться к людям и так и должен сам человек к себе относиться.

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

«Дрожащая тварь», как видим, здесь в совершенно благочестивом контексте, какого нисколько не нарушает. В этом контексте «дрожащая тварь» не отвергается Богом и его пророком; она и есть благочестивая тварь, в отличие от «строптивых» и «нечестивых», ей и несется Коран пророком. Пушкин, собственно, переводит на язык Корана евангельский стих, обращенный воскресшим Христом к апостолам: «...шедше в мирь весь, проповедате Евангелие всей твари» (Мр. 16: 15). На языке Евангелия в этой «твари» нет презрительного оттенка, Пушкин эпитетом, «подражая» духу Корана, эту экспрессию ей сообщает. Когда потом Раскольников будет соединять в идейную пару имена Магомета и Наполеона, он будет словно соединять два контекста с «тварью» у Пушкина — «дрожащую тварь» с «двуногих тварей миллионами», идущими в рифму к Наполеону.

Пушкинская «дрожащая тварь», как все помнят, получит в раскольниковском исполнении острую разработку. Как оценка человека она претерпит дальнейшее и немалое понижение; можно сказать об этом словами Достоевского, приведенными выше: христианский взгляд на человечество как на божественное творение («тварь», которой проповедует Евангелие, призванная стать «богочеловечеством», как вскоре будет «слово найдено» Владимиром Соловьевым⁸) понижается до взгляда на него как на *тварь* (другой, бестиальный

⁶ Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001, стр. 104.

⁷ Топоров В. Н. О «резонантном» пространстве литературы. — In: «Literary tradition and practice in Russian culture». Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yury Mikhailovich Lotman. Rodopi, 1993, p. 16 — 21.

⁸ Чтения которого о Богочеловечестве посещал в начале 1878 года Достоевский.

полюс в семантическом диапазоне этого слова; ему соответствует *стадо* как в стихотворении Пушкина, так и после в речи Великого инквизитора). Раскольников, пользуясь пушкинским словом, производит в нем семантический сдвиг богоборческого характера. И в таком пониженном статусе это определение человека становится основанием раскольниковской идеи о двух разрядах людей. «Тварь дрожащая» раскольниковская, таким образом, против «дрожащей твари» пушкинской понижается в значении и вместе, повторенная трижды в тексте романа, проходит интеллектуальную обработку и возводится в ранг идейного знака, в своеобразную художественно-философскую категорию. В этом качестве она и является в третий, последний раз как «презренный» идейный полюс в умственной конструкции Раскольникова — знаменитое: «„Тварь ли я дрожащая или право имею...“ — „Убивать? Убивать-то право имеете?“ — всплеснула руками Соня».

На это он «хотел было что-то ей возразить, но презрительно замолчал» (6, 322). Он хотел сказать о каком-то более сложном внутреннем «праве». Самое слово это как опора его идейной конструкции нечто о нем говорит как о герое века. Это было в великую революцию первое слово новой идейной истории века — «Декларация прав». И это нас возвращает к пушкинской оде «Наполеон» — исходному пункту нашего тематического сюжета. Извилистый путь ведет от нее к Раскольникову в пространстве русской литературы. Пушкинские контексты со словом «право» бывают весьма ироничны, или скептически («Защитник вольности и прав / В сем случае совсем не прав»), или, в более серьезном случае, таковы, что язык права переплетается с языком насилия⁹: «Нет, я не споря / От прав моих не откажусь...» Пушкин «сделал страшную сатиру» на Алеко «как поборника прав человеческого достоинства», заключал и как бы сетовал Белинский¹⁰. Пушкинские контексты готовили тезис Раскольникова.

Итак — от благородных надежд человечества («Декларация прав») к Наполеону и презрению к человечеству — такова впервые у нас воссозданная Пушкиным историческая картина. От декларации прав к «праву презрения», говоря уже языком Достоевского, у которого вскоре после «Преступления и наказания», в планах «Жития великого грешника», является эта формула: «власть и право презрения» (9, 136). Кажется, можно ее подставить под нерасшифрованное самим героем «или право имею». Быть презренной тварью или право иметь ее презирать — два разряда человечества, и раздел проходит по этой линии «права презрения».

Но Раскольников убедительно говорит, что Наполеоном себя не считает. Он не Наполеон, а «глубокая совесть», как будет сказано о другом герое Достоевского. Но он тоже человечество презрел и оттого убил. Но отчего презрел? От безмерного сострадания. Верно сказано в одной недавней статье о Раскольникове, что любовь к людям он переживает «как бремя, как крест, от которого он — безнадежно — пытается освободиться»¹¹. В свое время А. Л. Бем оставалась на последней странице ранней повести Достоевского «Слабое сердце» и находил там рождение нового героя Достоевского, «который в размышлении о судьбе „слабых сердцем“, „униженных и оскорбленных“ — затоскует по силе, попытается утвердить свое место в жизни даже через преступление»¹² — то есть рождение будущего Раскольникова, у которого именно беспредельное сострадание переродится в презрение к слабому человечеству и который будет от бессильного растворения в сострадании спасаться актом проверки собственной силы. Диалектика подобного перерождения чувств и идей — большая тема Достоевского, между прочим, близко его роднящая с

⁹ Фаустов А. А. Авторское поведение Пушкина. Воронеж, 2000, стр. 161.

¹⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. в 3-х томах, т. 3. М., 1948, стр. 451.

¹¹ Тихомиров Борис. К осмыслению глубинной перспективы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». — В сб.: «Достоевский в конце XX века». М., 1996, стр. 260.

¹² Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе, стр. 79.

преследовавшей его по пятам проблематикой Ницше. Ницше, объявивший «час великого презрения»¹³ для «теперешнего человека, человека, которому я роковым образом являюсь современником»¹⁴, — Ницше именно по пятам Достоевского (которого при этом открыл для себя лишь в самом конце сознательного пути) проследил родство *сострадания* и *презрения* и был очень сосредоточен на этой теме. А у Достоевского именно этот сплав сострадания и презрения станет программой Великого инквизитора.

Картина наглядная такого перерождения чувств, совершающегося мгновенно — в границах повествовательной фразы, — *лицо* героя по прочтении им письма от матери (оно и станет последним толчком к преступлению): «Почти все время, как читал Раскольников, с самого начала письма, лицо его было мокро от слез; но когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и тяжелая, желчная, злая улыбка змеилась по его губам» (6, 35).

Возражения же Раскольникову и Ницше в тексте «Преступления и наказания» представлены отцом и дочерью Мармеладовыми, и, несомненно, автор эти возражения принимает. «Сим покиванием глав не смущаюсь <...> и не с презрением, а со смирением к сему отношусь. Пусть! пусть! „Се человек!”» (6, 14). Мармеладов знает себя как тварь дрожащую и юродски — полуглумливо, но и полувозвышенно — обращает на себя такого таинственное евангельское слово. Это слово в его устах ведь тоже самоотожествление со Христом в той евангельской ситуации, когда на Того, кто был выставлен с этим словом напоказ, на позор, тоже могли смотреть и с презрением. И вот в этом качестве «твари» он требует жалости — как такой, какой единственно он достоин, формы признания и понимания — и ожидает ее от «Того, кто...», с кем он дерзает себя самого сейчас сопоставить: «А пожалеет нас Тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, Он единый, Он и судия» (6, 21). А в Соне другое, то самое, чего ожидает ее отец от «Того...», — «какое-то ненасытное сострадание» (6, 243) — иного свойства сострадание, не раскольниковское, не могущее перейти в презрение. Сверх всякой меры сострадание.

Достоевский получил от Пушкина образ Корана в виде слов о дрожащей твари и включил в свою идейную парадигму. Вослед Раскольникову Версиров ссылается на Коран, на его повеление «взирать на „строптивных” как на мышей, делать им добро и проходить мимо, — немножко гордо, но верно» (13, 175). Но с Кораном просто, это чужое, очень чужое, это лишь одиозный пример (пусть Версиров и соглашается) такой религиозной нормы, которая в себя включает презрение к человеку. Тема речи Версирова перед Подростком, в которой он ссылается на Коран, относится не к Корану, конечно, а к библейско-евангельской заповеди любви. «Друг мой, любить людей так, как они есть, невозможно. И однако же должно». Должно, потому что заповедано, — и однако же *невозможно*. Это Версиров, но и сам Достоевский начал десятью годами раньше (1864) тем же словом «невозможно» свою запись «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?»: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» (20, 172).

А вот Версиров: «Любить своего ближнего и не презирать его — невозможно. По-моему, человек создан с физической невозможностью любить своего ближнего. Тут какая-то ошибка в словах с самого начала...» (13, 175). Этой версировской критикой заповеди был предвосхищен тот взрыв рефлексии над ней и вокруг нее, какой вдруг случился в философской мысли в конце XIX — начале XX века (энциклопедически широкий свод высказываний на эту тему, с примерами из Достоевского, Ницше, Вяч. Иванова, Розанова, М. М. Бахтина, М. И. Кагана, Бубера, Фрейда, Пришвина, Музиля, собран в книге Варда-

¹³ Ницше Фридрих. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1990, стр. 9.

¹⁴ Там же, стр. 662.

на Айрапетяна¹⁵). Фокусом этой рефлексии было, как и в записи Достоевского 1864 года, второе, сравнительное звено в составе заповеди — «как самого себя». Как возможен этот эгоистический, кажется, постулат как «естественная» опора универсальной заповеди? Особенно непосредственно Пришвин выразил недоумение в дневниковой записи 9 мая 1925 года: «Правда, вот чудно то, как подумаешь об этом, как это можно любить себя <...> Что же значит, когда вот говорят: люби ближнего, как самого себя?»¹⁶ А Мартин Бубер даже предположил здесь ошибку в Септуагинте, в переводе¹⁷.

В этом ряду рефлексии над второй «наибольшей» заповедью¹⁸ Достоевский, похоже, первый так остро ее проблематизовал, подчеркнув «самого себя» как то, что «препятствует». А провокационными словами Версилова (а затем Ивана Карамазова) проблематизовал ее далее как бы с другой стороны — с точки зрения выступающего в этих словах самоутверждающегося «препятствия», то есть «самого себя»; критический акцент при этом переносился со второго звена на первое — на оценку «ближнего» — здесь «ошибка в словах», по Версилу, — и в истолкование заповеди вносился предельно чуждый ей мотив «презрения», в результате давая провокационную, адскую смесь любви и презрения как единственно возможное «на земле» отношение к человеку.

Но самая острая провокация в этих провокационных рядах осталась в подготавливаемых материалах к «Подростку». Два предварительных варианта цитированной версильской речи перешли почти без изменений в окончательный текст, за исключением двух фраз, оставшихся в черновиках. Там было: «Без сомнения, Христос не мог их любить: ОН их терпел, ОН их прощал, но, конечно, и презирал. Я, по крайней мере, не могу понять ЕГО лица иначе» (16, 156 и 288). При перенесении фрагмента в окончательный текст на место этих двух фраз и встала фраза о Коране, отсутствующая в черновых материалах. В том же контексте функционально *вместо* Христа появился Коран. Очевидно, автор не решился ввести в роман шокирующую гипотезу о *Христе презирающем*, — но он такого Христа *помыслил*. Через Версилова помыслил.

В недавнем, но уже помертно опубликованном исследовании «Из истории „нигилизма“» А. В. Михайлов показал, как европейское понятие нигилизма зарождалось в «Речи мертвого Христа с вершин мироздания о том, что Бога нет» в составе романа «Зибенкез» Жан-Поля (1796 — 1797), где совершенно по-новому была почувствована «ничтожность» человека в результате того, что сделались *мыслимыми* самая идея смерти Бога и обезбоженный мир; у Жан-Поля это лишь страшный сон, и автор идею не разделяет, напротив, но он такое помыслил и изложил сновидение так, «чтобы дать пережить весь ужас обезбоженного мира», он явился «первооткрывателем самой мыслимости мира без Бога, самой мыслимости того, что Бог умер», «первооткрывателем столь страшных вещей, впечатление от которых было колоссально»¹⁹.

Можно вспомнить это размышление, когда встает как вопрос перед нами этот Христос презирающий (не озаботивший, кстати, пока достоевскоеведение, за исключением, кажется, лишь давней статьи В. Л. Комаровича²⁰), оставшийся у Достоевского в черновых недрах его творческой мысли, не введенный в открытое творчество, но тем более задевающий нас как затаенное содержание мысли Достоевского, который, мы знаем, многое такое помыслил, с чем был не согласен.

¹⁵ Айрапетян Вардан. Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. М., 2001, стр. 243 — 244.

¹⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1923 — 1925. М., 1999, стр. 285.

¹⁷ Бубер Мартин. Два образа веры. М., 1995, стр. 274.

¹⁸ Заповедью, заметим, ветхозаветную, но принятой и в Евангелие, — однако присутствующей в трех синоптических и отсутствующей в четвертом Евангелии. Вместо нее в четвертом Евангелии дается «заповедь новая» — существенно новая в сравнении с канонической заповедью: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13: 34).

¹⁹ Михайлов А. В. Обратный перевод. М., 2000, стр. 553.

²⁰ Комарович В. Л. «Мировая гармония» Достоевского. — «Атеней», Кн. 1-2. Л., 1924.

К этой гипотезе, наверное, можно было бы отнести как к странной причуде мысли и не принимать ее особенно во внимание, если бы как-то она не была уже предсказана пушкинским сеятелем и тем самым уже записана в память литературы. А в сеятеле были также предсказаны мотивы «Великого инквизитора». Очевидно, внутренними ходами Достоевского мира версильский Христос презирающий переходил в Великого инквизитора, овладевшего человеческой историей от имени Христа.

На «безбрежную фантазию» Ивана — сюжет «Великого инквизитора» — Алеша спрашивает: что это, «какое-нибудь невозможное *qui pro quo*»? (14, 228). *Qui pro quo* — комедийный, почти водевильный термин — это подмена. Подмена подозревается сразу в сюжете «Великого инквизитора» — не только Алешей, слушателем ее, но и героем ее, самим инквизитором: «Этот Ты? Ты? <...> Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: Ты ли это или только подобие Его...» И авторский комментарий Ивана: «Пленник же мог поразить его своею наружностью». Мотив *двойника* возникает в сюжете, но если не авторством Ивана, то авторством Достоевского, кажется, не поддерживается. А в конечном счете кто из нас сомневается в том, что «Великий инквизитор» сквозь авторство Ивана — это есть прямое, хотя и «связанное»²¹, высказывание автора Достоевского? Тем не менее и в философской критике есть разногласие о Христе поэмы-легенды и его толкование как ложного образа, созданного Иваном в свое оправдание²². Однако мотив *qui pro quo* относится, кажется, более широко вообще к превращениям Христова образа в христианской истории человечества и особенно в век Достоевского — да и в век уже Пушкина. Уже его новый сеятель, «И. Х.» — умеренный демократ, тот, кто первый провозгласил свободу, равенство и братство, по Белинскому, и т. д. — версильский Христос презирающий, наконец, инквизитор *вместо* Христа.

Если вернуться к заповеди любви, то с этой именно абсолютной вершины и предъявляет свой счет самому творцу ее Инквизитор: Ты поступил с людьми, «как бы и не любя их вовсе»²³. И упрекает Его в отсутствии *сострадания*, что выразилось в *уважении* к человеку: «Столь уважая его, ты поступил, как бы перестав ему сострадать...» Сострадание, формулирует тут же он, «было бы ближе к любви» (14, 233). Так прежний раскольниковский сплав *сострадания* и *презрения* осуществляется максимальным образом в деле Великого инквизитора. В своей «Легенде о Великом инквизиторе» (1891), этой первой фундаментальной рефлексии русской мысли над поэмой-легендой, В. В. Розанов прежде всего отметил «необыкновенную сложность ее и разнообразие» совмещенных в проповеди ее героя идей и мотивировок, разнообразие и сложность, «соединенные с величайшим единством. Самая горячая любовь к человеку в ней сливается с совершенным к нему презрением...»²⁴ *Сливается*: та самая адская смесь.

Теперь последнее — *человеческая природа*. Его ошибка, по заключению Инквизитора, была в оценке человеческой природы. И человеческая природа оказалась сильнее Его. Человеческая природа при этом мыслится неизменной. «<...> Не переменятся люди, и не переделать их никому, и труда не стоит тратить!» — говорил Раскольников Соне (6, 321; как не вспомнить вновь здесь пушкинского сеятеля: «Но потерял я только время, / Благие мысли и труды...»?). Человеческая природа мыслится неизменной, непоправимой — но в качестве таковой какой-то неокончательной, *недоделанной*, злобно испорчен-

²¹ Определение Вячеслава Иванова: «Она [поэма Ивана] связана, хотя есть основания ее считать отдельной вещью» (Иванов Вячеслав. Архивные материалы и исследования. М., 1999, стр. 76).

²² Гуардини Романо. Человек и вера. Брюссель, 1994, стр. 136 — 139.

²³ Инквизитор производит при этом, и это стоит отметить, выразительную коррекцию заповеди: «И это кто же, Тот, который возлюбил его [человека] *более самого себя*!» Кто производит эту коррекцию — Инквизитор, Иван, Достоевский?

²⁴ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996, стр. 95.

ной: «недоделанные пробные существа, созданные в насмешку» (14, 238). Эта формула человека в устах героя поэмы и за ним стоящего ее автора — Ивана Карамазова — предполагает «заклучение от творения к Творцу», то есть «онтологическую насмешку» в замысле творения²⁵. Человек был *создан* таким «в насмешку».

Так на языке Инквизитора, — ну а что мы находим у Достоевского на его личном и чистом, собственном языке? Один из путей к «Великому инквизитору» вел от записи 1864 года «Маша лежит на столе...», где сказано: «Итак, человек есть на земле существо только развивающееся, след., не оконченное, а переходное <...> на земле человек в состоянии переходном» (20, 172 — 173). Вскоре вслед Достоевскому Ницше провозгласит свое знаменитое: человек — это *мост, переход* (Übergang) по канату над пропастью между животным и сверхчеловеком. Сближение, совпадение *словаря* здесь, наверное, кое-что значит. Это начало 1880-х годов, и Ницше еще не знает о Достоевском. И Достоевский не успел узнать этой мысли Ницше, но ее успел узнать Владимир Соловьев и, отзываясь на нее как на опасный соблазн, начал тем не менее так разговор о ней (1897): «Эта мысль прежде всего привлекает своею истинностью»²⁶. Затем двумя годами позже (1899) он написал об «идее сверхчеловека» еще одну статью, где сказал: «Всякая идея сама по себе есть ведь только умственное о ко ш ко»²⁷ — и признал идею Ницше окошком на истину, но в искажающем преломлении. И назвал сверхчеловеком своего антихриста в предсмертной повести о нем.

Достоевский слова «сверхчеловек» не мог бы себе позволить. Но он помыслил в той же записи 1864 года некое будущее *иное состояние* человека и не знал, как его назвать, — не мог назвать его вообще «человеческим», поскольку «будущее существо», к которому нынешний человек — лишь существо *переходное*, «вряд ли будет и называться человеком (след., и понятия мы не имеем, какими будем мы существами)», как не мог и локализовать это будущее состояние в пространстве и времени: «На какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, то есть в лоне всеобщего синтеза, то есть Бога? — мы не знаем» (20, 173). Мысль Достоевского об этом будущем состоянии была в колебании: он весьма неопределенно мыслил его трансцендентно-имманентным, в духе своего христианского историзма и до конца дней не оставлявшего его хилиастического чаяния, сказавшегося особенно в Пушкинской речи.

Так или иначе, он мыслил в этом странном мечтании человеческую природу то ли исторически, то ли мистически, мистически-исторически, исторически-трансцендентно, переходящей, и также некий абсолютный рубеж на этом пути «прехождения» человека: «Сам Христос <...> предрек, что до конца мира будет борьба и развитие (учение о мече)...» (20, 173). Вскоре за этой записью Раскольников повторит за своим автором, в самом странном тоже контексте, неожиданно так заключив свое ницшеанское, говоря из будущего, рассуждение о двух разрядах людей: «И — vive la guerre éternelle, — до Нового Иерусалима, разумеется!» И на удивленный вопрос Порфирия Петровича твердо ответит, что верует в Новый Иерусалим и в воскресение Лазаря «буквально» (6, 201). Типичный у Достоевского случай и творческий ход — как собственная мысль его переходит в *иную* мысль его героя — путем *соприкосновения* и творческого отчуждения-преломления, не теряя при этом связи с источником — мыслью автора. Так и «недоделанные пробные существа» как отчужденное от автора суждение о человеке сохраняло, с радикально перемещенным акцентом, связь с собственной авторской мыслью о человеке как существе не оконченном, переходном. Переход же мыслился как христианское

²⁵ Тихомиров Б. Христос и истина в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор». — «Достоевский и мировая культура». Альманах № 13. СПб., 1999, стр. 173.

²⁶ Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. 2-е изд. Т. 10. СПб., 1914, стр. 29.

²⁷ Соловьев В. С. Сочинения в двух томах, т. 2. М., стр. 611.

отрицание человеком его природы: «Итак, человек стремится на земле к идеалу, противуположному его натуре» (20, 175). Если не забывать при этом о «твари дрожащей», явившейся в его мире следом за этой записью автора, то антитезу ей в поддержку записи мог он найти в новозаветном понятии «*новой твари*»: «Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5: 17). Тварь дрожащая как «натура» и *новая тварь* — идеал, *противоположный* натуре.

В XIX веке, ближе к его концу, открылось *умственное окошко*, в которое напряженно стали смотреть такие умы, как Достоевский, Ницше, Соловьев, и другие за ними. Это была *оценка человека* как заново и по-новому вставший вопрос, вставший заново на историческом повороте. Оценка человека как родового существа в новейшей истории человечества, открывшейся революцией конца XVIII столетия. Оценка человека в такой всемирной ситуации, в которой протагонистами на исторической сцене выступили широкие массовые движения и выдвигаемый ими и управляющий ими тоталитарный герой, в Наполеоне впервые новому веку явившийся. По случаю Наполеона и сформулировал Пушкин презрение к человечеству как *современную* тему.

Достоевский был включен сильнейшим образом в ту утопию о человеке в виде идеи *нового человека*, которая так или иначе, в разных идейных вариантах, проходит сквозь наш XIX век начиная, пожалуй, с Гоголя — вплоть до нищепанского человека-артиста у Блока в результате «крушения гуманизма» и до, затем, советского «нового человека». Это уже в следующем веке, — но к тому, что будет в следующем веке, в нашем только что скончавшемся веке все и вело. Надо сказать, оглядываясь на родоначальника нашего тематического сюжета, что Пушкин тему презрения как современную тему открыл, пережил и изжил ее лирически, но мог и в конце пути воскликнуть: «О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!» В главном он все же тему поставил вне себя, как тему сознания «современного человека». Но Пушкин был и чужд утопии о человеке, его поэтическое суждение о человеке было широким и трезво-уравновешенным, и мысль о «новом человеке», как она окрепла после, о коренном изменении человека, метаморфозе его природы, какая уже была мыслью Гоголя, с его ожиданием нового Чичикова и нового Плюшкина в третьем томе поэмы, — она еще не была мыслью Пушкина. Самое слово один раз возникло у Пушкина в «Андже-ло» как обращение к милосердию человека-властителя: «И милость нежная твоими дхнет устами, / И новый человек ты будешь». Слово это светится новозаветным светом — и все же это в пушкинском словаре необычное слово, пушкинской философии человека оно, в общем, чуждо и появляется в его текстах единственный раз (при этом будучи взятым из английского текста шекспировской «Меры за меру»); поэтому, вероятно, в пушкинской критике оно совсем и не замечено. «Не оптимист и не мечтатель <...> Пушкин никогда не думал о воспитании или совершенствовании человечества. Прямой реалист, он предпочитал гаданиям о будущем изучение прошлого и идилии естественного совершенства — познание глубин человеческого сердца»²⁸.

«Все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы» — формулирует Инквизитор главную тему всего исторического процесса. Именно это и становилось предметом объявленного умами эпохи процесса «переоценки всех ценностей», главной из которых и был человек. Презрение к человеку и утопия о человеке были полюсами процесса. Тема глядела в XX век. Инквизитор Христу возвращал его высокое понятие о человеке как утопию: «Но вот ты теперь увидел этих „свободных“ людей». Поэма как произведение Ивана Карамазова — антиутопия, как произведение Достоевского — антиантиутопия. В самом конце уже века на поэму была выразительная реакция —

²⁸ Иванов Вячеслав. Два маяка. — В кн.: «Пушкин в русской философской критике». СПб., 1999, стр. 259.

собственная антиутопия Константина Леонтьева в пику утопии Достоевского с его «всемирной любовью» и в поддержку антиутопии Инквизитора (и Ивана). В предсмертных письмах Розанову, только что напечатавшему книгу свою о «легенде», Леонтьев пророчил — пророчил злорадно (это слово в обоих образах значениях здесь подходит, поскольку он своеобразно приветствовал эту будущую картину) — неминуемый скорый социализм как «грядущее рабство» и рисовал с известным удовольствием картину «хронических жестокостей, без которых нельзя ничего из человеческого материала надолго построить». Такова была его окончательная оценка «человеческого материала». «И Великому Инквизитору позволительно будет, вставши из гроба, показать тогда язык Фед. Мих. Достоевскому. А иначе все будет либо кисель, либо анархия...»²⁹ Исторически Леонтьев оказался прав — в грядущей уже в скором времени нашей истории Инквизитор такой язык Достоевскому показал. И многие из нас могли увидеть это своими глазами. Но могли увидеть и то, что путем «хронических жестокостей» нельзя из человеческого материала что-либо так уж *надолго* построить.

Вождь и масса — это строение будущих в скором времени тоталитарных обществ было открыто в антиантиутопии Достоевского. Народ, превратившийся в безразличную, безразмерную, бесструктурную, атомарно-слитную массу; в XX веке кто только не говорил о появлении на арене истории этой *новой* решающей единицы. «Двуногих тварей миллионы», рифмуясь недаром с Наполеоном, лишь в истории нового века сполна оформились на исторической сцене. «Народ превратился в массу, и это необратимо», — описывал в Германии в начале 1930-х годов Романо Гвардини (Гуардини) ситуацию поэмы Ивана Карамазова — Достоевского³⁰. Но если другой европейский мыслитель века в те же годы будет описывать содержание новой эпохи как угрожающее культуре «восстание масс» (Ортега-и-Гасет в 1930 году), то Гвардини положит силы на сочувственное понимание нового «человека массы» и даже его религиозно-философскую реабилитацию (в своей главной книге, уже после второй всеобщей войны, — «Конец Нового времени», 1950).

А возвращаясь ко временам Достоевского, с ним рядом Леонтьев, уже помянутый, мечтает о «великом вожде»; Леонтьев в конце своего XIX столетия романтически страдал от недостатка ярких личностей, ярких в добре или зле, представляя их наподобие трагических героев Шекспира. «Великий вождь, могучий диктатор», писал он с определенной надеждой, может явиться «только на почве социализма»³¹. В будущем веке такие вожди на этой почве явились, но что бы сказал футуролог-романтик, когда бы увидел этих людей и дела их воочию... «Человеческий материал» и «великий вождь» — так видел он будущие структуры и ставку свою на вождя и диктатора понимал как ставку на красоту, надеясь на эстетическую компенсацию, какую явят будущему человечеству несколько ярких фигур, пусть тиранов, за счет «материала».

Сюжетом презрения русская литература готовила материалы для исторического прогноза на близкое будущее. К вопросу о тех неразрешимых противоречиях человеческой природы, поименованных Инквизитором, в конечном счете сводилось главное все. Историософия сводилась к антропологии. Человек оценивался заново на пороге XX века, и ожидания были немалые. «<...> Человек весь пришел в движение, весь дух, вся душа, все тело захвачены вихревыми движениями; в этом вихре революций политических и социальных, имеющих космические соответствия, формируется новый человек <...>», — декламировал в 1919 году Александр Блок³². В ответ мы имеем в итоге нашего века осадок от вихревого движения в виде русского советского человека как человеческой породы действительно исторически новой; канони-

²⁹ Из письма В. В. Розанову 13 июня 1891. — «Русский вестник», 1903, № 5, стр. 174.

³⁰ Гуардини Романо. Человек и вера, стр. 125.

³¹ Леонтьев К. Собр. соч. Т. 6. М., 1912, стр. 186.

³² Блок Александр. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 6. М. — Л., 1962, стр. 126.

ческое в советское время сочетание *русский советский*, видимо, надо признать исторически точным (что не означает, что русский человек растворился в советском или неразлично с ним слился; нет, русский человек сохранился на наше русское будущее, но в некрасивом симбиозе — во многом и до сих пор — с образовавшимся за почти столетие человеком советским). В ответ мы имеем все те же и так же по-прежнему неразрешимые исторические противоречия человеческой природы («до Нового Иерусалима, разумеется», неразрешимые — вспомним Раскольникова). В ответ мы имеем неслыханные во всей прошедшей истории ужасы века, необъяснимые вне привлечения к пониманию той категории презрения к человеку и человечеству, к которой недаром так приковалось внимание наших умов с начала уже позапрошлого века как к явлению исторически новому, несмотря на его как будто вневременной характер; имеем практическую реализацию в размерах несслыханных формулы Достоевского из черновых тетрадей: «власть и право презрения».

Закончить тему нельзя, но можно остановиться на человеческом свидетельстве, выслушать голос, до нас дошедший «из глубины». На рубеже 1942 — 1943 годов протестантский теолог Дитрих Бонхёффер в заметках, набросанных накануне гитлеровского концлагеря, в котором он вскоре будет казнен, специально поднимет тему «презрения к человеку» как великой опасности. Он при этом будет словно бы отвечать нашему Леонтьеву (о том, конечно, не ведая), отвечать из самого средоточия «хронических жестокостей», какие Леонтьев нам обещал, или, можно еще раз вспомнить Леонтьева о грядущем социализме, очень уж это подходит к гитлеровским изобретениям — из царства «нового рода организованной муки»³³. Почему для христианского мыслителя это столь актуальная тема в такой момент? Потому что надо духовно справиться с ситуацией столь тотального торжества презрения к человеку как победившей силы. В гибельных обстоятельствах Бонхёффер хочет опровергнуть историческую ставку на презрение: «Кто презирает человека, никогда не сможет что-нибудь из него сделать. Ничто из того, что мы презираем в других, нам не чуждо. <...> Сам Бог не презирал людей. Он стал человеком ради них»³⁴.

Старый христианский гуманизм, о крушении которого в 1919 году поведал нам Блок, оказывается единственным убедительным и простым ответом на эпохальный вопрос об оценке человека в черной середине XX века. Можно повторить с надеждой: «Кто презирает человека, никогда не сможет что-нибудь из него сделать».

³³ Леонтьев К. Собр. соч. Т. 7, стр. 230.

³⁴ Бонхёффер Д. Сопrotивление и покорность. М., 1994, стр. 36.

МИР И НАУКИ

ГАЛИНА МУРАВНИК

«ИБО ПРАХ ТЫ И В ПРАХ ВОЗВРАТИШЬСЯ»

Размышления о феномене смерти в научном и богословском аспектах

Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти...

Спиноза, «Этика».

«Смерти нет. Конечно, есть страх смерти, и это по-настоящему отвратительный страх. Часто он заставляет людей совершать поступки, которые они не должны были бы совершать. Но как бы все изменилось, если бы мы перестали бояться смерти». Слова эти принадлежат одному из героев фильма А. Тарковского «Жертвоприношение». С них хотелось бы начать размышления (а может быть, диалог, коль скоро найдутся желающие присоединиться к нему) о феномене смерти в мире.

Все мы в детстве читали сказки, герои которых искали способы продления молодости и обретения вечной жизни. В нас живет многовековая мечта о личном бессмертии, мечта, вероятно, такая же древняя, как и сам человек. При всем различии сюжетов, связанных с посмертным существованием у разных народов и в разных религиях, тем не менее учение о бессмертии можно считать универсальным. «Повсеместное распространение веры в то, что смерть не влечет за собой полного уничтожения личности, — факт, заслуживающий внимания, — пишет протоиерей Александр Мень. — ...Мысль о бессмертии — отнюдь не просто биологический феномен. Прежде всего она — проявление духа, интуитивно ощущающего свою неразложимую природу»¹.

Но откуда происходит эта интуиция? Наша тяга к бессмертию — это, вероятно, мечта об утерянной родине, о том вожделенном отечестве, в котором человек был счастлив, здоров и вечен. Наименование этого отечества — Сад Эдемский, или Рай. Человек в Эдеме не знал смерти — так веруют те, кто не отрицает существования и самой райской обители.

Но интересен вопрос: а есть ли реальные биологические основания для совокупного человеческого бессмертия, то есть бессмертия человека во всех трех его ипостасях (тело — душа — дух)? Мне представляется весьма значимой постановка вопроса о возникновении феномена смерти как такового. Николай Бердяев считал, что «вера в естественное бессмертие сама по себе бесплодна и безотрадна, для этой веры не может быть никакой задачи жизни, и самое лучшее поскорее умереть, смертью отделить душу от тела, уйти от мира. Теория естественного бессмертия ведет к апологии самоубийства»². Да, мы живем в мире, где царствует смерть. Ей неподвластен лишь человеческий дух, который избегает распада после смерти физического тела и возвращения его в общий

Муравник Галина Леонидовна — биолог, генетик, заведующая кафедрой экологического просвещения православной гимназии «Пересвет» (Москва). См. ее статью «Человек парадоксальный: взгляд науки и взгляд веры» («Новый мир», 2001, № 2).

¹ Протоиерей А. Мень. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Т. 1. М., 1991, стр. 122.

² Бердяев Н. Философия свободы. М., 1911, стр. 153.

круговорот веществ: «ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3: 19). Но существовала ли смерть в мире всегда, с момента появления живого, или она есть позднейшее приобретение, следствие первородного греха человека, а до грехопадения отсутствовала в принципе? Кто виновник ее торжества в мире?

Размышляя о смерти, нам не избежать понятия «жизнь», они онтологически неразъединимы, по крайней мере в нашем сознании и в нашем миробытии. Попытки дать определение жизни предпринимались давно. Однако в самых тщательных из них что-то ускользало. Да и обнаружение в середине XIX века вирусов, а также последующее изучение их своеобразного жизненного цикла показало, что феномен биологической жизни сложнее и разнообразнее, чем можно было предполагать. Поэтому определять жизнь лучше через описание свойств живого. А главное из них — способность воспроизводить себя во времени в течение ряда поколений. «Плодитесь и размножайтесь», — это повеление дано Господом именно живым существам, но не воде, земле или светилам, также вызванным к бытию Его созидающей волей. Итак, жизнь — это пламя, которое не гаснет уже долгие века, эстафета, передающаяся от одного участника к другому.

Если схематизировать существенные этапы жизни, получится последовательность:

зачатие → рождение → рост → старение (деградация) → смерть.

Но правильно ли будет ставить на этом точку? Может быть, смерть — это путь к возрождению, необходимый этап к рождению в новом качестве (по крайней мере для человека)? А если так, то не несет ли смерть — казалось бы, самое ужасное из того, что существует в мире, — свою особую, сокровенную сверхзадачу, можно сказать — миссию?

И еще вопрос: может ли живое избежать смерти? Есть ли такие примеры?

Бессмертными организмами можно считать бактерии, поскольку им не знакомы старость и умирание. Аналогичная ситуация наблюдается и у амёб — одноклеточных организмов из царства Простейших, которые размножаются простым делением надвое. При неограниченных пищевых ресурсах и соответствующих условиях среды они могут размножаться и жить очень долго. Что это — бессмертие? В определенном смысле — да. Ведь в данном случае не прекращается обмен веществ, не происходит распад, образование мертвых тел. Но даже у амёб и бактерий обнаружен процесс, который можно было бы назвать «запрограммированной гибелью», правда, включается он лишь в крайне неблагоприятных условиях, когда речь идет о выживании всей субпопуляции: большая часть особей жертвует собой, но их смерть спасает оставшихся. Итак, потенциальное бессмертие у амёб сопровождается в исключительных случаях гибелью некоторых особей.

Несколько иная картина наблюдается у инфузорий — других представителей царства Простейших, значительно более сложно устроенных по сравнению с амёбами. Митотические деления надвое, в отличие от амёб, не могут происходить у них бесконечно долго. После определенного их количества у инфузорий появляются явные признаки старения (деградации). Но смерть не наступает, так как здесь на помощь приходит необычный, можно сказать, уникальный процесс, называемый конъюгацией. Суть его в самом общем виде состоит в следующем. Две «состарившиеся» инфузории сближаются, плотно прижимаются друг к другу брюшной стороной и остаются в этом состоянии около двенадцати часов. В это время в теле каждой происходят довольно сложные превращения. Макронуклеус разрушается и диспергирует в цитоплазме (то есть наблюдается частичная смерть на уровне органеллы), микронуклеус несколько раз делится, причем часть из них также разрушается. Остаются лишь по две части микронуклеуса в каждой инфузории. Далее одна из двух частей (так называемое мигрирующее ядро) переходит в своего партнера по конъюгации. Другими словами, идет взаимный обмен частью генетической информации. Далее мигрирующее ядро сливается с ядром стационарным, ко-

торое не покидало свою клетку. После этого новое ядро делится, восстанавливая новый микронуклеус, а за ним и макронуклеус. Этот процесс имеет важный биологический смысл: после конъюгации каждая особь получает «вторую молодость», у нее восстанавливается уровень обмена веществ, темп митотических делений и т. д. Впоследствии инфузории вновь начинают делиться обычным путем, до следующей конъюгации, которая вновь вдохнет в них вторую жизнь. Вот такой пример бегства от старости и смерти дают нам одноклеточные, которых мы несколько высокомерно именуем простейшими.

Явление частичной смерти можно наблюдать также и у вирусов: инфицируя клетку, они отбрасывают белковый капсид, а также все остальные приспособления, необходимые для поиска клетки-хозяина и внедрения в нее. Проникшая в клетку вирусная нуклеиновая кислота обеспечивает синтез многочисленных новых копий вирусных частиц. Таким образом, жертвуя частью своего тела, вирус обретает возможность для размножения и дальнейшего существования.

Но все же феномен частичного умирания не получил широкого распространения среди живых организмов. Эволюция на определенном этапе привела к появлению многоклеточных форм жизни. Это эволюционное достижение породило и новые проблемы. Дело в том, что митотическое деление клетки, являющееся способом размножения одноклеточных организмов, для многоклеточных форм живого в принципе невозможно. И они утрачивают сопряженное с делимостью бессмертие. Исключение тут представляют разве что растения, способные размножаться не только половым путем, но и вегетативным — за счет таких органов, как корень, луковица, корневище, лист, клубень и т. д., что являет собой способ неограниченного продления жизни. Тем не менее в целом можно утверждать, что смерть как биологический феномен вошла в мир после возникновения колониальных форм — первых прообразов многоклеточных организмов (примером может служить колониальная зеленая водоросль вольвокс, для которой смерть материнской колонии стала «нормой жизни»). Получается, что смерть есть своего рода «плата» за многоклеточность — то биологическое решение, которое родилось на одном из этапов эволюционного становления живого.

А все же есть ли среди многоклеточных владеющие тайной вечной жизни? Пожалуй, да. Подлинные «кошечки бессмертные» — это раковые клетки, размножение которых идет весьма интенсивно, не обнаруживая при этом признаков старения. Однако их индивидуальное бессмертие становится причиной смерти организма — носителя этих клеток. К примеру, в исследованиях по канцерогенезу используется культура клеток линии HeLa. Эти клетки были взяты в 30-е годы XX века во время операции по удалению злокачественной опухоли у одной пациентки (инициалы ее имени и дали название культуре клеток). С тех пор эти клетки сотни тысяч, если не миллионы раз пересевали на искусственных средах. Они по-прежнему интенсивно растут и делятся без каких-либо признаков старости, став модельной тест-системой для онкологов всего мира.

Конечно, бессмертие раковых клеток не осталось вне поля зрения исследователей. Был открыт фермент, активно функционирующий в раковых клетках, — так называемая теломераза. Вероятно, в значительной мере благодаря ее деятельности раковые клетки, в отличие от своих нормальных здоровых собратьев, остаются бессмертными. В 1985 году теломераза была обнаружена у инфузорий, дрожжей, растений, а также у животных (в половых и раковых клетках). В 1997 году был картирован ген теломеразы. Год спустя он был встроен в клетки зрительного эпителия человека. При этом время жизни таких модифицированных клеток в системе *in vitro* увеличилось в полтора раза. Таким образом, фермент теломеразы, возможно, — настоящий «эликсир бессмертия». Вместе с тем не следует забывать, что он же является и фактором злокачественного перерождения клеток. За бессмертие приходится платить дорогую цену

Для каждого вида живых организмов существует такое понятие, как максимальная продолжительность жизни (МПЖ). В каждой систематической группе животных есть свои долгожители. Например:

Группа	МПЖ
Рыбы (осетры)	100 лет
Земноводные (гигантские саламандры)	50 лет
Пресмыкающиеся (крокодилы, черепахи)	150 и более лет
Птицы (филины, вороны, попугаи)	70 лет
Млекопитающие (человек)	110 — 120 лет

Но мы не найдем, по крайней мере в животном мире, завораживающих примеров бессмертия или феноменального долголетия. Время жизни всегда оказывается конечным. Более того, существуют организмы, вся жизнь которых умещается в столь краткий миг, что они даже не имеют органов пищеварения, вместо кишечника у них — воздушный пузырь, а ротового аппарата нет вовсе вследствие полной его редукции. И жизнь их длится всего от нескольких часов до двух суток. Но за это краткое время надо успеть главное — продлить свой род, прежде чем уйти в небытие. Их так и называли — поденки. Они являются представителями одного из древнейших отрядов насекомых, известных еще с каменноугольного периода.

Вообще палеонтологическая летопись, эта «раскрытая книга Бытия», как назвал ее в одном из своих стихотворений И. Бунин, бесстрастно зафиксировала всеобщность феномена смерти с самого начала развития живого на Земле. К моменту появления человека современного морфологического типа (а произошло это событие около 150 — 160 тысяч лет назад) ее недра уже были гигантской братской могилой, в которой упокоились представители многочисленных биологических видов. Таким образом, мы неизбежно должны признать, что смерть существовала в мире изначально, не делая исключений ни для кого из обитателей Земли. Эти выводы палеонтологии так же надежны, как и тот факт, что Земля имеет форму шара. И все же часто приходится слышать богословское мнение о том, что смерть поразила живое лишь после грехопадения наших прародителей, а в дочеловеческом мире ее не существовало вообще, то есть все без исключения многочисленные виды живых организмов были бессмертны. Есть ли в этом утверждении зерно истины?

Попробуем взглянуть на смерть в несколько ином ракурсе. Мы привыкли мыслить смерть как нечто ужасное, несправедливое, недолжное, как фундаментальное несовершенство живого, не согласующееся с нашими представлениями о благодати Творца и Вседержителя мира. Но вот в конце 80-х годов появились весьма интересные исследования, которые, как мне представляется, должны принципиально изменить бытующий взгляд на феномен смерти. Усилиями представителей нескольких научных направлений (молекулярная биология, молекулярная генетика, онкология, биология развития) было открыто необычное явление — апоптоз (от греческого слова *apoptosis* — опадание листьев). Апоптоз можно определить как физиологическое самоубийство некоторых клеток, которое запрограммировано на генетическом уровне. Более того, было показано, что апоптоз принципиально отличается от обычной некротической гибели клеток, подвергшихся каким-либо повреждениям. Картина разветвления апоптоза иная. Это последовательная, подчиненная строгим правилам программа самоубийства некоторых клеток. Но их смерть не бессмысленна. Напротив, она является актом самопожертвования во имя интересов и блага всего организма. Как же это происходит? Основные этапы апоптоза таковы:

1. Вначале клетка получает особое биохимическое послание («черную метку», по выражению одного из исследователей) о том, что она должна погибнуть. Послание это приходит либо из межклеточного вещества, либо от клеток-соседей. Для его восприятия у каждой клетки есть особые «органы» — так называемые «рецепторы смерти». Это белковые молекулы, пронизывающие клеточную мембрану. Следовательно, любая клетка имеет специальный механизм, чтобы прочитывать это роковое послание.

2. После получения послания внутриклеточные регуляторы изменяют работу ряда генов клетки таким образом, что в ней образуются или активируются особые ферменты (протеазы и нуклеазы), задача которых — разрушение клеточных белков и нуклеиновых кислот. Именно к этим действиям они и приступают.

3. Далее следует заключительный этап, связанный с деградацией ядерной ДНК (она распадается на фрагменты вплоть до олигонуклеотидов длиной порядка 180 пар). В конечном итоге клетка подвергается фрагментации, теряет целостность и уничтожается микрофагами или макрофагами, то есть становится своего рода питательным субстратом для других клеток. При этом фагоцитоз не сопровождается воспалительным процессом, как это бывает при некрозе.

Интересно отметить, что окончательное решение (образно говоря, где поставить запятую в фразе «казнить нельзя помиловать») принимается в прямом смысле «большинством голосов». Все зависит от соотношения концентрации белков, одни из которых «голосуют» за смертный приговор (это белки из семейства *Bax*, обладающие апоптозной активностью), в то время как другие готовы «даровать жизнь» (белки *Bcl-2*). Причина в том, что белки *Bcl-2* могут образовывать димерные комплексы с белками *Bax*, тем самым нейтрализуя их, то есть предотвращая развертывание апоптозного сценария.

Следует сказать, что апоптоз — отнюдь не экзотический процесс. Скорее наоборот. Он — явление универсальное, свойственное всему живому. В настоящее время открыты и интенсивно исследуются: митоптоз — программированная гибель митохондрий (одного из органоидов клетки), апоптоз — программированная гибель целых клеток, органоптоз — программированная гибель органов и, наконец, феноптоз — программированная гибель особи.

Каковы же биологические функции апоптоза? Если кратко суммировать, то получим следующее:

- обеспечение органогенеза и дифференцировки клеток;
- поддержание тканевого гомеостаза;
- защита от патогенных факторов.

Понятно, что функциональное значение этого механизма является жизненно важным как для клетки, так и для организма в целом. Наиболее ярким примером того, как путем апоптоза поддерживается точная регуляция количества клеток в организме, может служить червячок *Caenorhabditis elegans*. У него в процессе индивидуального развития образуется 1076 клеток, но далее ровно 131 из них обязательно гибнет, так что в конечном итоге его крохотное, размером не более одного миллиметра тельце будет состоять из 945 клеток, ни одной больше или меньше. Аналогичные процессы происходят также у животных и человека при формировании в эмбриогенезе различных органов, включая нервную систему. При этом избыточные клетки решительно подвергаются апоптозу. И это вполне понятно: существование лишних клеток не принесло бы организму ничего хорошего. Поэтому часть из них в самом прямом смысле приносит себя в жертву ради общего блага. В этом состоит высокий биологический смысл апоптоза.

А вот нарушение процесса апоптоза влечет за собой многочисленные неприятные последствия, часто — с летальным исходом. Если говорить о человеке, то у него появляются злокачественные новообразования, различные аутоиммунные болезни (например, системная красная волчанка), нейродегенеративные заболевания (такие, как синдром Альцгеймера, болезнь Паркинсона), дефекты развития, а также прогрессируют вирусные инфекции. Кстати, мно-

гие вирусы, проникая в клетку, стараются в первую очередь нарушить механизм ее апоптоза, чтобы не быть уничтоженными вместе с зараженной ими клеткой-хозяином, которая ради блага организма стремится самоликвидироваться.

Наиболее глубокие исследования апоптоза принадлежат академику Владимиру Скулачеву. Он показал, что в клеточных реакциях атомы кислорода, которым дышит за редким исключением все живое, превращаются в радикалы гидроксила, являющиеся чрезвычайно активным окислителем. Эта ядовитая форма кислорода выступает как еще одна из причин апоптоза, то есть служит «орудием самоубийства». Эту систему самоликвидации Скулачев назвал «самурайским законом биологии». И выполняться этот закон начинает, когда в клетке накапливается слишком много генетических повреждений либо в «бездомных» клетках, которые покинули свою ткань и начали бессмысленное блуждание по организму. Следовательно, геном остается относительно неизменным в течение тысячелетий именно благодаря тому, что некоторые клетки делают себе «харакири». Однако исследованиями было показано, что не только отдельные клетки, но даже и органы могут ступить на путь самоликвидации. Ядовитые формы кислорода приводят к тому, что в процессе эмбриогенеза исчезают ставшие ненужными некоторые эмбриональные структуры, а также личиночные органы (например, хвост у лягушачьего головастика, наружные жабры и т. д.).

Дальнейшие исследования этого феномена дают основания предполагать, что генетическая программа апоптоза универсальна для всего живого, от бактерий до человека, поскольку были найдены многочисленные гомологичные гены, связанные с реализацией апоптозного сценария. Таким образом, программа самоубийства клетки, записанная в ее генах, по-видимому, является столь же древней (и при этом весьма консервативной), как и сам феномен жизни. Поистине этот факт достоин удивления.

Однако не менее интересным представляется следующее обстоятельство: и механизм апоптоза, и механизм деления клетки (митоз) регулируются одними и теми же белками. «Таким образом, системы регуляции клеточного деления и клеточной смерти оказываются тесно переплетенными между собой», — пишет известный вирусолог, профессор МГУ, член-корреспондент РАН В. И. Агол³. Жизнь и смерть оказываются двумя неразрывными процессами, один из которых (жизнь) не может нормально функционировать без другого (смерти). Самое большое, с нашей точки зрения, зло природного существования — смерть — вплетена в ткань жизни.

Апоптоз помогает организму освобождаться от избыточных, больных и старившихся клеток, которые перестают эффективно выполнять свои функции, а также от клеток, в структуре генетического аппарата которых произошли столь значительные изменения, что их существование несет угрозу нормальной работе и жизни всего организма. Нарушение процесса программированной гибели клеток таит в себе, как было сказано, серьезные патологии.

Вывод, который может быть сделан, как ни странно он прозвучит, таков: генетически запрограммированная смерть — явление, жизненно необходимое живому. Возможно, отношения даже в клеточном сообществе лишний раз иллюстрируют мысль о том, что на свете «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн, 15: 13).

Как считает Скулачев, при отключении апоптоза человек перестает стареть. «Физиологически бессмертный (или почти бессмертный) человек, вероятно, будет соответствовать зрелому возрасту»⁴. Но люди не обретут при этом бессмертия, ибо они будут умирать от накопления «поломок» в их организмах.

³ Агол В. И. Генетически запрограммированная смерть клетки. <http://science.rambler.ru>, стр. 4.

⁴ Скулачев В. Рецепты молодости от современной науки. — «Наука и жизнь», 2001, № 12, стр. 32.

Деградирующего развития (а следовательно, и смерти) нет лишь в вечности. Но, как веруют христиане, вечность наступит, когда кончится время, или, что то же самое, когда будет обретена полнота времен, то есть в Царствии Небесном.

И все же почему даже при столь жестком генетически запрограммированном контроле за качеством клеток, входящих в состав живого организма, его участью все же является рабство тлению — смерть? Каковы биологические причины этого? И столь ли они неотвратимы?

Если говорить о человеке, то необходимо обратиться к исследованиям в области геронтологии. Наука эта за время своего развития накопила немало любопытных фактов, требующих внимательного анализа и осмысления.

Известно, что формирование клеток, органов, а также их функционирование — все это происходит по определенной программе, записанной в молекулах ДНК. Полное прочтение ДНК человека, завершившееся в 2001 году, вероятно, принесет немало открытий, в том числе и по проблеме старения и смерти. Однако уже сейчас можно составить достаточно отчетливую картину.

Геронтологи обратили внимание на то обстоятельство, что нормальная (или физиологическая) температура тела человека, составляющая 37°C , является критической для существования ДНК. Дело в том, что при этой температуре химические связи в молекуле ДНК оказываются весьма нестабильными (наиболее слабой оказывается гликозидная связь между азотистым основанием и углеводом). Эта нестабильность приводит к возникновению разного рода спонтанных повреждений ДНК (таких, как выщепление азотистых оснований, индукция односторонних разрывов, дезаминирование и метилирование, сшивки оснований и проч.), скорость накопления которых в целом равна $5 \cdot 10^3$ в час. Учитывая время жизни клетки в организме человека, а также общее количество клеток, получают просто астрономические цифры спонтанных повреждений ДНК, с которыми организм вынужден как-то сосуществовать. Если же сюда прибавить еще и повреждения, вызываемые фоновым излучением, не говоря о прочих неблагоприятных средовых мутагенных факторах, то возникает закономерный вопрос о том, каким образом клетки нашего тела живут при таком физиологически неоптимальном режиме, сохраняя свою исходную генетическую структуру.

Конечно, в клетке существует генетически запрограммированные системы залечивания повреждений ДНК — так называемые репарации. Именно благодаря их работе значительная часть спонтанных и индуцированных повреждений устраняется. И все же приходится признать, что организм наш устроен как-то странно: получается, что он сам создает себе проблемы и сам же ищет пути выхода из них. Классическое представление о генах как о чем-то стабильном и неизменном теперь необходимо признать устаревшим. Можно утверждать, что ДНК, задача которой — хранение генетической информации, определяющей биологическую стабильность организма как представителя своего вида, на самом деле находится в динамическом постоянстве. В ней с высокой частотой возникают спонтанные повреждения (мутации), которые отслеживаются и залечиваются репарационными системами. Однако далеко не все и не со стопроцентной точностью. Неотрепарированные повреждения, или мутации, неотвратимо накапливаются, вызывая изменения в структуре и функциях как отдельных клеток, так и организма в целом.

Таким образом, возникающие по разным причинам изменения ДНК создают почву для старения организма и его неизбежной гибели. Причем данные многочисленных исследований подтверждают мысль о том, что неустойчивость первичной структуры ДНК — явление вовсе не уникальное, а общебиологическое, не досадное исключение из правила, а естественная неизбежность, фундаментальная закономерность, свойственная всему живому.

Однако не следует думать, что причины старения кроются лишь в изменениях структуры ДНК. Это только одна причина из целого их комплекса, приводящего в конце концов к старению и смерти.

Даже если представить себе, что организм находится в идеальных, с точки зрения физиологии, условиях существования, тем не менее ему не удастся избежать старения и смерти. Почему? «Недуг, именуемый временем» — такое название старению дал Ф. И. Тютчев. «Время — это объективация человеческим сознанием смертного способа существования»⁵. Действительно, именно время является тем фактором, который оказывает влияние на состояние клетки, ткани, органа и, наконец, организма в целом. В процессе жизнедеятельности в клетках образуются такие небезобидные соединения, как перекись водорода, свободные кислородные радикалы, перекиси липидов, формальдегид и проч. Все они вступают в реакции с ДНК, что приводит к ее деградации и в конечном счете к окончательному разрушению. Следовательно, чем дольше живет клетка, тем больший груз опасных веществ она накапливает. Почему же не репарируются повреждения, вызванные этими соединениями? Это непростой вопрос. Для работы репарационных ферментов поврежденный участок ДНК прежде всего должен быть доступен, то есть ДНК не должна находиться в спирализованном состоянии. В противном случае ферменты просто не смогут найти повреждение и исправить его. Возможно, это и происходит в стареющих клетках, так как уровень репараций в них снижается, а протяженность спирализованной ДНК повышается. Исследованиями радиобиологов было показано, что существует четкая корреляция между эффективностью репарации и видовой продолжительностью жизни (эта зависимость прослеживается для разных представителей класса млекопитающих, от полевок до человека).

Другой причиной, вносящей свой вклад в дело старения, может являться так называемая «ДНК старения». Она была идентифицирована у сумчатого гриба (аскомицета). Оказалось, что эта ДНК у молодых клеток гриба входит в состав митохондриальной ДНК. Однако на определенном этапе она выщепляется из мтДНК и начинает автономно реплицироваться в форме клеточной плазмиды. Интересно, что в мутантных клетках-долгожителях ядерная ДНК, как оказалось, сдерживает влияние этой плазмиды, тормозя ее выщепление из митохондриального генома и экспрессию ее генов. С течением времени эта плазида столь сильно размножается, что замещает собой большую часть митохондриального генома. И уж совсем необычным является тот факт, что в ядре клетки есть гены, которые контролируют переход «ДНК старения» из интегрированного состояния в мигрирующую плазмиду. Обнаружение «ДНК старения» в клеточном ядре говорит о том, что ядерная ДНК каким-то образом направляет ее к себе. В конечном счете плазмидная ДНК так безудержно размножается, что вытесняет нормальные последовательности ядерной ДНК клетки. Это приводит к многочисленным изменениям в работе генетического аппарата со всеми вытекающими негативными последствиями.

Однако может иметь место и обратный процесс (он обнаружен у другого гриба — нейроспоры), когда мобильные ядерные гены внедряются в мтДНК, причем в весьма ответственном месте ее генома — там, где локализованы гены, контролирующие синтез рибосомальной РНК. В результате способность к синтезу рРНК нарушается, что приводит к дефициту рибосом и последующему нарушению биосинтеза митохондриальных белков. А итог все тот же — старение и смерть клетки и всего организма. Причина же этого — безобидный на первый взгляд процесс — обмен своими собственными (не чужеродными!) последовательностями ДНК между ядром и митохондриями. Удивительнее всего, что процесс этот является генетически предопределенным, таким образом, он в прямом смысле подготавливает почву для развития старения и смерти.

Известно, что в организме помимо репараций действуют и другие линии защиты, которые, однако, при ближайшем рассмотрении оказываются «двуликими Янусами». К примеру, важным компонентом защиты является комплекс гемсодержащих белков цитохром Р-450. Эти белки могут обезвреживать потен-

⁵ Семенова С. Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994, стр. 49.

циально канцерогенные вещества, однако они же катализируют превращение потенциальных канцерогенов в активные, тем самым подвергая организм реальному смертельному риску — канцерогенезу. Получается, что система, призванная защищать организм, таит в себе и скрытую опасность. По всей видимости, длительность существования организма зависит от соотношения благотворной и разрушительной способностей организменных защитных систем.

Что это — функциональное несовершенство или нечто большее — особо отточенный, тонкий механизм, который может быть, как говорил Гиппократ, и лекарством, и ядом, где все зависит от каких-то дополнительных условий? Откуда взялись в живых системах многозвеньевые и многоуровневые механизмы старения, ведущие к смерти? И почему механизмы эти будто подстраховывают друг друга, функционируя на всех без исключения уровнях, от молекулярного до организменного?

Анализ действия механизмов старения позволяет утверждать, что это вовсе не поломки системы, не досадные оплошности, которых могло бы не быть в идеальных условиях, а закономерный, многократно продублированный, генетически запрограммированный процесс, жестко ограничивающий отпущенное представителю того или иного вида время бытия. Известно, что количество людей в мире, умирающих от естественной (или физиологической) смерти, чрезвычайно мало (примерно 1 на 100 тысяч умерших). Но все же они есть. Значит, надо признать, что естественная смерть, несмотря на всю нелепость этого словосочетания, все же существует. Более того, она имеет свои естественные, то есть заложенные в структуру живого, причины и механизмы. И всякий раз на любом уровне можно видеть одно и то же решение: процессы, ведущие к старению, будто находятся в неустойчивом равновесии (как эквилибрист, балансирующий на канате). Но все же в конечном счете в организме запускается каскад реакций, неотвратимо ведущих к смерти. Можно утверждать, что одним из фундаментальнейших качеств живого является преходящесть, которая есть следствие бытия, протекающего во времени.

Смерть некоторых клеток, как было сказано выше, обеспечивает нормальное функционирование организма. Смерть животных и растений, как ни жестоко это звучит, также оборачивается благом: усилиями неумолимых почвенных бактерий образуется плодородный слой почвы — перегной, который дает новую жизнь растениям, а те кормят растительноядных животных, которые сами становятся пищей плотоядных, и так далее... Выстраивается то, что экологи называют пищевой (или трофической) пирамидой и без чего не может устойчиво существовать ни одна экосистема. При этом закон пожирания и смерти, вопреки распространенному мнению, не поражен жалом греха, ибо грех — сугубо человеческое деяние, следствие его свободной воли, способной уклоняться от путей праведных.

Можно спросить: нет ли в подобном понимании смерти противоречия? Ведь Сам Христос исцелял больных, воскрешал умерших, противостоя безраздельному господству закона смерти в мире, да и Своей собственной смертью на кресте «попрал смерть», как поется в Пасхальном тропаре.

Кажется, что высшей целью жизни является бессмертие. Однако оно нам не дано. Между тем христианство никогда не рассматривало смерть человеческой личности как точку в конце предложения, скорее как запятую, которая отделяет земное бытие от посмертия. Смерть, по мнению ряда богословов, есть человеколюбивый дар Господа, а не проклятие или наказание. Иоанну Златоусту принадлежат слова: «Благотельно установлена смерть». Кирилл Александрийский хотя и считал смерть наказанием, но говорил, что это «человеколюбивое наказание», поскольку смертью Бог ограничил грех, зло, боль, страдание — словом, все то, что искажает замысел о человеке как богоподобном существе. Как это ни страшно звучит, но смерть является воспитателем жизни. «Память смертная» — не просто неотвязная мысль о конечности существования, а особое состояние человеческого духа, обретаемое в процессе духовного роста и подводящее к осознанию истинной ценности бытия.

Если обратиться к Священному Писанию, то первое упоминание о смерти мы находим во 2-й главе книги Бытия. Райская жизнь Адама и его жены была нарушена страшным событием, настоящей космической катастрофой — грехопадением. Именно первородный грех сделал бессмертных обитателей рая смертными. Насколько точно это воззрение? Входило ли человеческое бессмертие в первоначальный замысел Бога? Безусловно да. Ведь человек, как сказано в Писании, сотворен «по образу и подобию Божию», и неотъемлемой чертой этого богоподобия было бессмертие. И все же трудно отрицать, что смерть как таковая, как феномен присутствовала в том мире, который существовал ко времени появления на Земле человека.

Но здесь есть одна деталь, на которую нельзя не обратить внимания. «Первый человек был сотворен вне рая, куда он был введен лишь впоследствии», — пишет известный библеист А. Лопухин⁶. В библейском тексте недвусмысленно сказано: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека...» (Быт. 2: 8). Следовательно, рай — это место особое, выделенное, живущее по своим законам. Да и еврейское слово «gan», переведенное как «сад», имеет еще и такое значение: «место, огороженное решеткой». «Eden» — имя собственное, название страны. Следовательно, «gan-Eden» — это некая отделенная, обособленная страна, но вовсе не вся первобытная Земля, как порой считается.

Вопрос о том, где находился Эдемский сад, является предметом многочисленных богословских исследований. Однако большинство экзегетов склоняется к мнению, что вопрос этот в настоящее время неразрешим. «Картировать» его на Земле едва ли возможно. «Все авторитетные переводчики понимали слово *Едем* и *Едемский* не в географическом, а в символическом смысле», — пишет протоиерей Н. Иванов⁷. Аналогичного мнения придерживается и епископ Василий (Родзянко): «Совершенно очевидно, что к Библейскому Раю земная география отношения не имеет. Все попытки ученых найти „Эдему“ географическое соответствие, место на земле потерпели неудачу»⁸.

Итак, «Сад блаженства» жил по особым законам, и одним из проявлений этой «особенности» было отсутствие там смерти. Однако это вовсе не означает, что смерть не существовала в принципе, что ей не были подвержены остальные многочисленные обитатели, населявшие Землю. Доказательством этому могут служить слова, которыми Бог предостерегает Адама от вкушения плодов с древа познания добра и зла: «...смертию умрешь». Можно допустить, что человек до грехопадения все же был знаком с феноменом смерти, в противном случае он не смог бы понять смысл обращенного к нему Божьего предупреждения. И внимательное прочтение строк о грехопадении не оставляет сомнений в том, что Еву сдерживало от употребления запретного плода «чисто внешнее чувство страха перед смертью», пишет А. Лопухин⁹. Откуда мог родиться этот страх в душе бессмертных? Как могло произойти знакомство обитателей рая со смертью? Решуь предположить, что из непосредственного наблюдения смерти в царстве природы. Ведь в Священном Писании нет указаний на то, что хищные животные появились лишь после грехопадения. Дочеловеческий мир, мир до грехопадения, знал и хищничество, и паразитизм, и смерть. В «Беседах на Шестоднев» Василия Великого, в «Беседах на Бытие» Иоанна Златоуста отчетливо прослеживается мысль о том, что в первоизданной природе существовали животные-хищники со всеми присущими им органами нападения, а также и их жертвы, обладавшие органами защиты. «И никто, — пишет Василий Великий, — не ставь в вину Творцу, что Он произвел животных ядовитых, разрушительных и враждебных нашей жизни... Звери делаются

⁶ Лопухин А. П. Толковая Библия, т. 1. СПб., 1904, стр. 18.

⁷ Иванов Н. И сказал Бог... Клиф, 1997, стр. 175.

⁸ Епископ Василий (Родзянко). Теория распада вселенной и вера Отцов. М., 1996, стр. 48.

⁹ Лопухин А. П. Толковая Библия, т. 1, стр. 24.

и доказательством веры»¹⁰. Эту же мысль высказывает и протоиерей Александр Мень: «Библия недвусмысленно свидетельствует о том, что не было такого дочеловеческого мира, в котором отсутствовали бы смерть и взаимное пожирание существ. В Писании, например, нет ни малейшего намека на то, что хищные животные появились лишь после Грехопадения»¹¹.

Итак, мы можем и должны признать, что в дочеловеческом мире присутствовала смерть, причинами которой были, с одной стороны, многообразные генетически запрограммированные механизмы и, с другой стороны, хищничество, то есть естественное поедание одних видов другими. Причины такого мироустройства, или, если говорить в терминах богословия, первопричину появления космического зла в мире, следует искать не в человеке и, конечно, не в Боге.

Но были ли первые люди изначально наделены целокупным бессмертием и, в частности, бессмертием телесным и лишь впоследствии, через грехопадение, включились в этот природный, смертный порядок бытия? Вот что пишут по этому вопросу итальянские богословы Э. Гальбиати и А. Пьяцца: «Человек по своему естественному устройству смертен: „...возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо ты прах и в прах возвратишься”» (Быт. 3: 19). Так как наказание изображается как предоставление полной свободы действий силам природы, стремящимся привести каждый живой организм к распаду, телесное бессмертие прародителей было, очевидно, привилегией, сверхъестественным даром, на что указывает *древо жизни*»¹².

Адам и Ева в раю были неподвластны смерти. Но, вкусив плоды древа познания добра и зла, они остро ощутили утрату этого уникального дара, а с ней — и настоятельную потребность в плодах другого райского дерева — древа жизни. Многие богословы настаивают на том, что текст о двух райских деревьях, древе жизни и древе познания добра и зла, нельзя понимать в «ботаническом смысле», как упоминание об обыкновенных растениях, плоды которых наделены некоторыми необычными (или сверхъестественными) свойствами. Необходимо отступить от буквального прочтения этого текста, поскольку оно явно ведет в тупик, упраздняет библейскую глубину, мешая проникнуть в суть повествования. «Аллегорическое толкование значения деревьев было, так сказать, канонизировано в „Богословской сумме” святого Иоанна Дамаскина»¹³. А епископ Василий (Родзянко) считает, что «Древо Жизни — не только символ, но и образ, икона»¹⁴. Безусловно, символика этих райских деревьев чрезвычайно сложна для толкования.

Что же служило источником человеческого бессмертия? «Непосредственное благодатное Богообщение», по мнению протоиерея Александра Менья¹⁵; «дар сверхъестественной благодати Божией, проводником и символом чего служило древо жизни, уничтожавшее действие физического разрушения в человеческом организме», — считает А. Лопухин¹⁶.

Конечно, вопрос о причине райского бессмертия человека является сакральным, мы напрасно стали бы искать какое-либо рациональное объяснение. Важно другое. Можно предположить, что первочеловек был сотворен не смертным и не бессмертным, а амбивалентным (риску предложить этот термин), то есть обладающим в равной мере этими двумя возможностями (будь

¹⁰ Св. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. — В его кн.: «Творения». Ч. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900, стр. 148.

¹¹ Протоиерей А. Мень. История религии. В поисках пути, истины и жизни. Т. 1, стр. 145.

¹² Гальбиати Э. и Пьяцца А. Трудные страницы Библии. Милан — Москва, 1992, стр. 97.

¹³ Там же, стр. 136.

¹⁴ Епископ Василий (Родзянко). Теория распада вселенной и вера Отцов, стр. 53.

¹⁵ Прот. А. Мень. Комментарии к Ветхому Завету. Приложение к кн.: Библия. Брюссель, 1989, стр. 1856.

¹⁶ Лопухин А. П. Толковая Библия, т. 1, стр. 29.

он бессмертным, зачем нужны были бы плоды древа жизни?). Но после грехопадения он сам лишил себя возможности продлевать жизнь, вкушая плоды древа жизни. И тогда в свою законную силу вступили природные биологические процессы, которые изначально заложены во все живое, включая человека, и которые сопровождают с тех пор каждого из людей, приводя к неизбежному финалу.

Следует обратить особое внимание на то, как сформулировано в Книге Бытия предупреждение, полученное Адамом. Бог не говорит о том, что Он Сам, так сказать, лично накажет перволодей смертью. Он говорит: «Ты... умрешь». Но чтобы осуществилось это грозное обещание, в организме человека уже должны были присутствовать все те биологические механизмы, которые реализуют программу умирания. Запретив человеку вкушать плоды древа жизни, дарующие бессмертие, Господь лишь предоставил естеству свободу действовать по существующим всеобщим законам. Таким образом, действительно «Бог не сотворил смерти» (Прем. 1: 13). Но человек, будучи амбивалентным, из двух данных ему потенций сам, по собственной воле, избрал именно ту, которая привела его к смерти. Бог, даровав человеку свободу выбора, дал лишь право на смерть. Но воспользовались этим правом наши прародители добровольно. Так смерть из предпосылки (вероятности) стала реальностью человеческого бытия.

Примечательно еще одно обстоятельство. Как следует из текста 3-й главы Книги Бытия, Адам дает имя своей жене лишь после грехопадения, то есть после того, как «вступил в силу» Божественный приговор за непослушание и наши прародители обручились со смертью. Но какое же имя избирает Адам для своей помощницы? «Ева» — что значит «жизнь»? (Еврейское «хавва» происходит от глагола «хайа» — жить.) Есть в этом выборе что-то трогательное, по-детски чистое. Утратив бесценный дар жизни вечной, Адам, будто в память о нем, нарекает имя первой на Земле женщине, которой суждено стать матерью всем живущим.

После утраты телесного (физиологического) бессмертия весь род людской становится сообществом смертных. Но тоска по райскому бессмертию осталась в нашей глубинной памяти. Именно она прорывается в сказках и мифах с древнейших времен. Вспомнить хотя бы «Эпос о Гильгамеше» — древнейший шумерский литературный памятник, где ярко отразилось стремление вступить в противоборство со смертью и во что бы то ни стало вернуть умершего к жизни. Но напрасно ищет Гильгамеш «траву жизни». Обладание ею оказывается несбыточной мечтой. И виной всему — суровые, немилосердные боги, отказывающие человеку в даре бессмертия.

Иная картина разворачивается на страницах Библии. Преградив человеку путь к древу жизни, то есть попустив смерть, Господь спас его от самого страшного — смерти духовной, от полного и вечного небытия. Законы разрушения и смерти касаются только физической природы человека. Прах земной — та материальная субстанция, в которую обращается после физической смерти наше тело, действительно смертен и разрушим. Значит, тело человека, творимое, как сказано, из «праха земного», изначально несло в себе идею смертности. Но смерть физического тела — не окончательный приговор. Может показаться, что, умирая, человек навечно уходит в землю. Однако стоит отметить, что тело человеческое не просто предается земле — хоронится, но как бы отдается ей на временное хранение в ожидании всеобщего Воскресения из мертвых. Итак, предание земле не есть примирение со смертью. Телесная смерть открывает возможность взойти на небо, вновь обрести сладость богообщения, которую утратили наши прародители. «Рабство тлению», ощущаемое нами как глубинное нарушение закона Божественной любви и справедливости, будет преодолено Воскресением. Мечта о жизни вечной как высшем идеале человечества станет реальностью. Эту надежду принес нам Христос — «Первенец из мертвых», Своим Воскресением победивший смерть и тлен и давший нам всем «жизнь с избытком» (Ин. 10: 10).

Таким образом, замысел Божий о человеке как о существе бессмертном не исчезает из мироздания, но путь к его реализации меняется, делаясь, и этого нельзя не признать, значительно более сложным. Смертное тело становится, по слову апостола Павла, храмом для бессмертного человеческого духа.

Жизнь и смерть — это парные, онтологически неразъединимые параметры нашего мироздания. Но если из пары вычесть единицу, то в остатке мы получим, в нарушение законов математики, не единицу, а ноль. Поэтому дерзну утверждать, что в реалиях нашего мира смерть онтологически необходима жизни.

Удивительно, но еще в XIX веке Е. Баратынский в стихотворении «Смерть» во многом предвосхитил то, к чему так долго и трудно продвигалась наука в своем стремлении понять механизмы и биологическую роль феномена смерти. Вот эти строки:

Смерть дочерью тьмы не назову я...

 О дочь верховного эфира!
 О светозарная краса!
 В руке твоей олива мира,
 А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
 Из равновесья дивных сил,
 В твоё храненье Всемогуший
 Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
 Согласно прям его лия,
 И в нем прохладным дуновеньем
 Смирная буйство бытия...

Однако человеку трудно смириться с уничтожением собственного «я». Поэтому он постоянно испытывает искушение протянуть руку к утраченному древу жизни. Обещанием бессмертия вне Бога соблазнил Еву сатана. «Нет, не умрете...» (Быт. 3: 4) — шептал он ей, получившей бессмертие в дар от любящего Отца. Поэтому стремление к обретению бессмертия (путем различных манипуляций, таких, как пересадка донорских органов, клонирование, введение стволовых клеток, создание лекарств на основе теломеразы или какими-то иными способами) надо признать безблагодатным, здесь можно ясно различить тот же шепот искусителя. Не на этом пути нас ждет радостная, обещанная встреча с Творцом. Пророк Моисей в своем завещании говорил: «Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь...» (Втор. 30: 19). Всех тех, кто избрал жизнь в Боге, ожидает радость Воскресения, когда восстановится целокупное бессмертие человеческой личности, отойдет Херувим, преграждавший путь к древу жизни, погаснет огненный меч у врат рая. И жизнь вечная из блаженной мечты станет реальностью.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ВЛАДИМИР ГУБАЙЛОВСКИЙ

ВСЕ ПРОЧЕЕ И ЛИТЕРАТУРА

Авторитет Сергея Гандлевского настолько устойчив сегодня, что обязательное внимание привлекает к себе любой его опубликованный текст, будь то лирическое стихотворение или эссе о литературной новинке, что же говорить о романе.

Новый (первый) роман Гандлевского «<НРЗБ>» был обречен на внимательнейшее прочтение. И реакция, которая последовала сразу по выходе журнальной книжки «Знамени» (2002, № 1)¹, была немедленной и вполне уважительной, если не сказать комплиментарной. Иначе, по-видимому, и быть не могло.

Но, конечно, эта реакция не определяется только именем автора. В романе Гандлевского отразилось и преломилось отношение целого поколения к литературе, жизнь этого поколения в литературе и в некотором смысле итог определенного ее этапа.

Такой текст, как «<НРЗБ>», был совершенно необходим, и то, что его автором оказался именно Гандлевский, только естественно и совсем не неожиданно. Кому же, как не ему, подводить итоги и расставлять акценты и оценки? Он — поэт *par excellence*, о чьих стихах Михаил Айзенберг (тоже не последний человек в поколении) заметил: если что другое, может, и не стихи, то Гандлевский — это стихи безусловно. То есть стихи Гандлевского воспринимаются многими его талантливыми сверстниками как беспрекословный образец сегодняшней поэзии.

Но стихи-то Гандлевского никто не ждал, то, что стихи должны быть такими, никто не предчувствовал — они явились со слишком большой глубины. Куда более предсказуемыми и естественно вытекавшими из литературной ситуации 80-х были стихи Кибирова или Пригова и даже Рубинштейна — поэзия противостояния, поэзия вызова. Вызова, ломающего инерцию просодии, метра и словаря. Поэзия обломков, ставящая своей задачей расчистку местности под застройку, взрыхление окаменевшего дерна. А у Гандлевского совсем не то. Стихи Гандлевского — его «критический сентиментализм», как он сам характеризовал свой метод, были непредсказуемы. Гандлевский не заполнял своими стихами явный пробел или провал в литературе, но он создал ситуацию, в которой его стихи стали возможны. Сам почувствовал и сам реализовал возникшее ожидание. Регулярный стих, гладкий, как бильярдный шар, казалось, исчерпавший все свои изобразительные возможности, вдруг оказался в руках поэта новым мощным выразительным средством. Стансовая, элегическая, медитативная поэзия Гандлевского создавала и создала новый мейнстрим. Это поэзия хмурого утра, бессолнечная, но дневная. Без прыгающего и дергающегося освещения, без намеренной фрагментарности. Та устойчивая горечь, которая в ней есть, оказалась лекарственной, как хина, и русский стих стал с ней выздоравливать, расправляться со своими болезнями, крепнуть.

С романом Гандлевского ситуация другая. Эта книга предсказуема. Хотя я и не уверен, что с поставленной внешней задачей справился бы кто-то лучше,

Губайловский Владимир Алексеевич — поэт, эссеист, критик. Родился в 1960 году. Окончил мехмат МГУ. Лауреат премии «Нового мира» за 2001 год.

¹ Отдельное издание: М., «Иностранка», 2002.

чем это сделал сам Гандлевский. Написать роман-отчет, роман самооценку, глубокий аналитический текст, в котором анализ осуществляется традиционными художественными средствами, видимо, способен только человек, находящийся в самом центре описанной ситуации, человек, пропустивший через свое сердце все трепетания, утраты и победы. «<НРЗБ>» — это роман о литературе. О поэзии в первую очередь, которую переживает и творит человек. О человеке, которого ломает, правит, творит литература. Этот сюжет поднимался уже много-много раз. Но он по-прежнему будит живейшие отклики (так и случилось с романом Гандлевского). Как же иначе? Что лучше знает профессиональный литератор, чем собственную профессию? Что задевает профессионального литератора больше, чем повествование о собственной профессии? Но нет и темы, к которой критика и коллеги относились бы ревнивее. Здесь каждый сам с усам. И это справедливо — у каждого есть, быть может, не записанный, но продуманный текст на ту же тему. Ведь человеку так естественно задаваться вопросом «Что я делаю?».

Но крайне важен и другой момент. «<НРЗБ>» — традиционный роман, а не эссе, не статья, не воспоминания в том или другом виде. «<НРЗБ>» — настоящий роман. Перефразируя слова Айзенберга: может, что другое и не роман, а уж это роман точно. Это роман со всеми необходимыми поворотами и наворотами. С героями, с крепким сюжетом, увлекательным по-настоящему. Есть и любовь, и разочарование, и творчество. Подлинное богатство. Но если сравнить роман со стихами — а это сравнение постоянно напрашивается, ведь Гандлевский буквально пересказывает собственные стихи, — то нужно заметить, что тут-то он следует образцу, но не создает образец. И, может быть, следует слишком старательно. Такое ощущение все-таки остается при всех несомненных достоинствах этого текста.

Множество параллелей с другими русскими романами уже было отмечено критикой. Назывались «Дар» Набокова, «Пушкинский дом» Битова, были и другие примеры. Сравнение не только напрашивается, оно в данном случае совершенно необходимо. «<НРЗБ>» — это узел сети, его вибрации уходят в конкретных направлениях и подразумевают конкретные ассоциативные ряды. «<НРЗБ>» существует не только и не столько в мире вещей и людей, сколько в мире литературы и, точнее, в мире романов о литературе и литераторах. «<НРЗБ>» тяготеет и к беллетризованной мемуаристике. Скажем, книгам Одоевцевой, прежде всего «На берегах Невы». Эта отсылающая к реальным литературным событиям линия в «<НРЗБ>» — хотя и не главная, но отчетливая. Герои хотели назвать свой альманах «Московское время», но «наименование уже занято даровитой пьянью во главе с Сопровским». Гандлевский входил в «Московское время», а стало быть, и в эту «даровитую пьянь». Прямые параллели со стихами и «Трепанацией черепа» (можно вспомнить эпизод с дуэлью, который выглядит в романе почти автоцитатой), написанной именно в жанре литературных мемуаров, еще более подчеркивают эту линию романа. Этот текст — заманчивый сад, где между деревьями натянуты струны. Куда бы мы ни двинулись, чего бы мы ни коснулись, в этом саду раздастся отзвук, уходящий далеко-далеко, будящий знакомую (непреренно знакомую) мелодию. Можно ли читать этот роман, не зная этих убегающих, расходящихся, как круги по воде, ассоциаций? Может быть, и можно. Но я не думаю, что это продуктивно. Кое-что все-таки неплохо бы знать. И кое-какие параллели продумать. Я попробую это сделать, не претендуя на полноту и глубину, не торопясь с выводами. Я думаю, что книге Гандлевского уготовано будущее и еще будут и время и повод к ней вернуться и перечитать. Лет, скажем, через десять, когда не только описанные Гандлевским события станут подернутым патиной прошлым, но и наша первая реакция на их описание и отражение. Для такой книги, как «<НРЗБ>», временное удаление должно быть очень выигранно. Ей не нужна острота актуальной современности. Это книга о вечных вещах, и ее собеседники — не на полосах сегодняшних газет, а в Питере 50-х или Берлине 20 — 30-х. Необходимо добавить — «двадцатого века».

Как человек приходит в литературу и как он ориентирует себя, свой малый универсум, относительно других текстов и личностей, которые в литературе присутствуют? Ответ в общем и исчерпывающем виде невозможен, поскольку мир литературы живой и подвижный. Но интересно любое частное решение. Одно из таких решений дает роман Гандлевского. А поскольку мир, который он описывает, — это еще и наш собственный, сегодняшний день, то, конечно, это интересно особенно. Мы еще хорошо помним, как было, и довольно отчетливо представляем, как стало. А смотреться в беспристрастное зеркало иногда необходимо.

Можно сказать, что в литературу (в поэзию конкретно) человек приходит, начав писать стихи в период первой любви — при ее почти обязательной неудовлетворенности и нереализованности. Здесь все по Фрейду: сублимация — переход полового влечения в прямое творчество, и в творчество чаще всего стихийное и поэтическое, — начать лепетать стихами проще всего. Пусть это довольно грубая и детерминированная схема, но для моих конкретных целей ее достаточно. Поэзия в юности связана крепчайшим образом с любовью и физическим влечением. Так будет и в дальнейшем, хотя связь эта становится все более прихотливой, неочевидной, осложненной размышлением и опытом чувственного переживания.

Герой «<НРЗБ>» Лев Криворотов — человек, как раз переживающий период первой любви: его первая женщина появляется уже в самом начале романа. Так что его поэтические первоначальные попытки обоснованы вполне по Фрейду. Но Криворотов — не среднестатистический юноша, пописавший немножко и забывший об этом странном и вовсе не необходимом занятии. Криворотов осознанно ориентирует свое существование, как цель выбирая поэзию, поэтическое творчество и обязательный поэтический успех. «Творчество, любовь, шедевры, период гонений, седина, фрак, Стокгольм, лауреатская речь — вот ведь на какую прямую он вышел!» «Славы хотелось очень. Только не известности, а именно славы — на всю железку, без полумер». Не всякой славы хотелось Льву Криворотову — а подлинной и полной, золотой славы поэта.

Начиная, любой поэт следует образцу. Это следование есть и притяжение, и отталкивание. Образец задает ориентацию в пространстве языка. Ценность собственного творчества может определяться как близость к этому идеалу или, напротив, как мера самостоятельности — степенью удаленности от него же. Открытие, обретение этого идеала — у каждого свое, всякий раз оно происходит по-новому. Это открытие — прорыв в поэзию. Это внезапно найденная калитка, только для тебя предназначенная, только тебе открытая. Для кого-то это Державин, для кого-то — Пастернак, для Криворотова — это Чиграшов. Поэт Виктор Чиграшов, конечно, не имеет никакого реального прототипа в русской литературе второй половины двадцатого века. Гандлевский очень аккуратно и вполне убедительно это демонстрирует. Лева Криворотов, уже будучи маститым чиграшововедом, говорит в своем выступлении: «Никто ничего толком не знал — ни Мандельштама, ни Бродского, Чиграшова и подавно». Упоминание Бродского важно именно тем, что его нужно от Чиграшова отделить. (Хотя нет другого русского поэта этого периода, по творчеству которого проводились бы конференции в Италии и на комментировании которого можно было бы худо-бедно прожить.) Чиграшов — не Бродский. Но Чиграшов — великий поэт. Это важно для характеристики Криворотова, это его возвышает: значит, в качестве последователя он занимается не полной ерундой, а вполне благородным делом, уж как он этим делом занимается — другой разговор. Но у него есть вкус.

Обнаружив свой единственный поэтический идеал, поэт должен его преодолеть, перерасти, переступить. Не оттолкнуться, не уйти в сторону, а создать только свое, особенным и тоже единственным образом выстроенное пространство, в котором уже никто ничего ему не гарантирует, в котором (которое) все необходимо выстраивать самому до конца. Это удастся немногим. Но если удастся, то человек, пишущий стихи, становится поэтом в полном смысле слова. Чиграшов великий поэт, о котором одна из героинь романа, Арина, говорит:

«Когда-нибудь нас вспомнят только за то, что мы дышали с ним одним воздухом». Но это-то Арина говорит, а читатель выслушивает эту откровенную банальность довольно скептически (как поначалу и Лев Криворотов).

Так как же доказать или показать, что поэт, о котором идет речь, — великий? Как убедить в этом читателя? Когда рассказ ведется о художнике или музыканте, писатель в ситуации куда более простой. Ясно, что нельзя встроить в текст картину или музыкальный опус, значит, читатель должен удовлетвориться описанием, впечатлением. Читатель понимает невозможность прямого воспроизведения и потому легко соглашается с условиями игры. С демонстрацией прозы персонажа труднее, но и здесь можно уклониться — не приводить же роман в романе. Хотя, впрочем, почему и не привести? Как в «Даре», где Набоков полностью приводит сочинение героя о Чернышевском. Но это произведение Годунова-Чердынцева по сюжету не претендует на звание шедевра. А если бы претендовало? Тогда, конечно, Набоков ограничился бы описанием текста, а сам текст убрал бы. Однако стихи — короткие тексты, их ведь можно предьявить, а не описывать, не пересказывать. Пастернак так и поступил в «Докторе Живаго». Просто отдал герою цикл своих стихов, чем, конечно, нарушил романную гармонию. Он сделал героя великим поэтом де-факто. Не думаю, что этот выход вполне убедителен. Что Пастернак — великий поэт, читатели уже знали, а то, что Живаго — поэт, равный Пастернаку (буквально равный, вплоть до совпадения), как-то уж очень сомнительно. Но нельзя не отметить и то, что Пастернак нигде не оценивает поэзию Живаго и тем более не называет его великим поэтом. А если бы назвал? Получились бы откровенная нелепость и бахвальство. Между тем Гандлевскому нужен именно великий поэт. Гений. Как подступиться к этой труднейшей задаче?

Сначала спросим себя, зачем нужен гений в романе Гандлевского. Неужели только лишь для того, чтобы противопоставить его посредственности — Леве Криворотову? Без гения литература не существует. Как не стоит село без праведника, так она невозможна без гениального поэта. Потому что только он — производитель безусловных ценностей, потому что только он — единственное оправдание существованию литературы как таковой. Без него есть все, что угодно: производство бестселлеров, коммерческий успех и т. п., и т. п. Но без него пирамидка рассыплется как лишенная единственной скрепы. Все держится на нем, и потому-то, чтобы нарисовать более-менее полную картину литературы как целого, гениальный поэт необходим.

Набоков в «Даре» нашел гораздо более тонкий и убедительный сюжетный ход, чем Пастернак. Он подошел к изображению Кончеева — поэта-эталона — с точки зрения другого поэта и писателя — Годунова-Чердынцева (Гандлевский поступает подобным образом). Набоковский герой — не великий поэт, более того, он постоянно подчеркивает: мол, я не великий поэт, а вот Кончеев... А между тем Годунов-Чердынцев — поэт очень сильный и писатель блестящий. И то и другое Набоков доказывает самым трудным и непосредственным образом — он просто приводит тексты. Если такой поэт и, главное, тонкий ценитель поэзии и литературы, как Годунов-Чердынцев, настолько высоко ценит Кончеева, значит, Кончеев — это действительно величина. Он же на голову выше другого, совсем не пигмея. Стихи Годунова-Чердынцева становятся той мерой, с которой автор подводит читателя к своему поэту-эталону. Он выстраивает иерархию и утверждает ее, и читатель, принимая ее, вынужден согласиться с тем, что Кончеев — великий поэт.

Если не цитировать стихи и тем не менее не быть голословным, не требовать, чтобы читатель верил на слово, остается только одно — попытаться описать не сами стихи, а впечатление от чтения стихов, так же как описывают музыку или живопись.

«Слова с лязгом смыкались, точно оголодавшие друг без друга магниты. Оторопь восторга брала сразу, со скоростью чтения с листа и быстрее осмысления и осмысленного одобрения — как отдача при меткой стрельбе, когда приклад поддакивает в плечо, знаменуя попадание в „яблочко“, а стрелок еще не выпрямился, чтобы оценивающе сощуриться на мишень. Строфы разряжа-

лись значением — и прямым, и иносказательным — во всех направлениях одновременно, как нечаянно сложившийся магический кроссворд, образуя даль с проблеском истины в перспективе. Вылушивание „удач”, „находок” и прочее крохоборство исключалось — эти понятия принадлежали какому-то другому, смиренному роду и ряду; здесь же давало о себе знать что-то из ряда вон выходящее, и ум заходил за разум от роскоши и дармовщины. Автор умудрялся сплавить вниз по течению стиха такое количество страсти, что, как правило, в предпоследней строфе образовывались нагромождения чувств, словесные торосы, приводившие к перенапряжению лирического начала, и, наконец, препятствие уступало напору речи, и она вырывалась на волю, вызывая головокружение свободы и внезапное облегчение. Бухгалтерия и поэтический размах сочетались на замусоленных страницах в таких пропорциях, что вывести формулу этой скрупулезно вычисленной сумятицы взялся бы разве что беззаботный болван с ученой степенью. Все слова жили, как впервые, отчего складывалось впечатление, что автор обходится без тусклых различно-служебных частей речи — сплошь словарной гвардией. Школьные размеры присваивались до неузнаваемости. И только задним числом становилось ясно, что это всего лишь хорей, только лишь анапест — та-та-та́.

Криворотов слепо отложил в сторону очередной машинописный лист с прививкой ржавой скрепки в левом верхнем углу.

Сочинитель не упускал случая отозваться о себе самом с холодным пренебрежением, что могло бы восприниматься как кокетство, если бы не было искренней несусветной гордыней. И общий тон дюжине стихотворений задавала гремучая смесь чистоты, трепета, вульгарности, подростковой застенчивости перед наваждением писательства.

В оцепенении и недоумении Криворотову почудилось, что стихи набраны особым каким-то шрифтом. Да нет — копия как копия, причем даже не первая, скорее всего, и не вторая. И все это вместе взятое — травмирующее, производившее затруднение в груди и побуждавшее учащенно сглатывать — не было целью сочинения, а единственно следствием того, что автором рукописи был не имярек, пусть тот же Лева, а человек, видевший вещи в свете своих противо- или сверхъестественных способностей.

Криворотов стал мысленно озиаться в поисках промахов и, как за последнее спасение, ухватился за слабые, по школярским понятиям, рифмы. Но вскоре выпустил эту соломинку из рук и честно пошел ко дну: автор, очевидно, располагал иным слуховым устройством, сводящим на нет ремесленный педантизм тугого на ухо Левы. Криворотов рифмовал, точно поднимался по лестничному маршу, ведомый изгибом перил. А Чиграшов употреблял рифму для равновесия, как канатоходец шест, и шатко скользил высоко вверх, осклабясь от страха и отваги.

Криворотов поднял голову от машинописи, чтобы перевести дух, и не сразу узнал комнату — будто вымыли окна.

Абсолютное превосходство исключало зависть, которая без устали примеряется и сравнивает. Почва для сравнения отсутствовала начисто — у ног Криворотова зияла пропасть. Он испытал восторг и бессилие. Даже фамилия „Чиграшов”, еще недавно казавшаяся пацанской, гаврошисто-грошовой, звучала теперь красиво и значительно...»

Прерывать цитирование нельзя. Стихи рождаются на глазах «со скоростью чтения с листа». Недоумение, растерянность, благодарность... Как же так, как же так. Неужели это возможно? Неужели это допустимо? Передача ощущения, впечатления от стиха — без самого стиха? Что это — пляска на пустоте? Провокация? Так не бывает. Это — мгновенный снимок ощущения. И пожалуйста — каждый может подставить под это ощущение конкретные стихи (у каждого они свои! единственные, поразившие, перевернувшие мир) — и будет точно. Ведь каждое стихотворение — уникально, чувство, рожаемое им, неповторимо. А это описание — как уравнивание движения, как закон поэтического мира, куда мы можем подставить каждый свое частное воспоминание, и будет точно, будет несомненно. Это — бесспорный шедевр. Чего же, действительно, проще? Не нужно пересказывать стихи, не нужно тем более приводить

примеры поэтической речи — нет никакой гарантии, что читатель воспримет ее как шедевр. Нет, не воспримет. И от объективного качества стиха это тоже не слишком зависит. Нужно описать впечатление от поэтического шедевра вообще. От любого. Оказывается, это другое. Это своего рода выделенная и отрафлексированная категория. Категория — прекрасного. И она рождается в тексте Гандлевского со всей убедительностью, так, как когда-то в «Гиппии» у Платона. Не окончательность ответа, а непрерывность вопрошания, нарастающая динамика, развивающаяся и сворачивающаяся спираль. Гандлевский описывает и определяет не конкретное стихотворение, не конкретный поэтический мир. Он фиксирует внимание на коммуникативном акте, на восприятии стиха. Стихи опознаются по образу, по тому образу, который запечатлевается, воспринимается читателем. При всей конкретности впечатления, оно оказывается всеобщим. Мысль о том, что всякое стихотворное произведение есть сотворчество поэта и читателя, чьи воспоминания встречаются, как падающий лист и его отражение на воде, находит у Гандлевского мощное подтверждение. Гандлевскому удастся доказать текстом, что Чиграшов великий поэт. Если удалось разбудить такое впечатление, такой взрыв эмоций только описанием стихов, то иначе быть не может. Читатель обманут и благодарен за обман.

Льву Криворотову становится вполне ясно, что такое чужая поэзия, поэзия вообще. Он знает теперь, что она — существует, что она страшная сила. Дальше нужно строить свою. Чиграшова нужно преодолеть, победить, но не в прямом столкновении и конкуренции самцов, а в самом себе. Нужно, чтобы чиграшовские стихи выгорели внутри — и обожгли и закалили его собственную душу. Это тяжело, это сладко, это мучительно — и это необходимо. Криворотов должен понять, что бороться с Чиграшовым на его поле нельзя — туда нет пути. Там нет победы. Бороться можно, только выдувая-выдыхая собственную стеклянную сферу — другую, не чиграшовскую, но делать это нужно так, чтобы она ничем не напоминала поэзию Чиграшова и тем не менее хранила отблеск его огня — просто потому, что путь Криворотова по неведомым причинам прошел именно через чиграшовскую поэзию, а такими дарами не бросаются.

И Лев Криворотов не справляется с труднейшей задачей. Не хватило таланта? Недостаток таланта — это всегда крайне спорное утверждение. Может быть, недостаток самозабвенного упорства не дал таланту раскрыться. Но и ослиное упрямство тоже не панацея.

У Криворотова есть множество оправданий своему поражению. Да и поражение ли это? Ну кто не мечтал в юности о славе, Стокгольме и т. п.? Кто не стремился создать единственный и неповторимый шедевр? Любой писатель, написавший первый текст (ладно — напечатавший), начинает мечтать о Нобелевской премии. И ничего, как-то все (почти) справляются со своим немалым честолюбием, привыкают. Поражение — это нереализованность собственного дара. А если дара не было? Тогда на что сетовать? Остается сальерианская обида. Почему ему все — а мне одни обноски? Но чтобы завидовать судьбе Чиграшова, нужно быть уж слишком завистливым человеком. Лагерь, многолетнее поэтическое молчание, одиночество, самоубийство. Такой полновесной монетой платили не очень многие. Что же мучает героя, что ему жить мешает? Почему он не только не счастлив, но даже малого удовлетворения не приносит ему его жизнь и работа? Жует свою мякину и жует. Кто виноват в его судьбе? Может быть, сама литература? Поэзия? Может быть, ставка, которую сделал на нее Криворотов, оказалась проигрышной? Не потому, что он сам хуже или лучше, а потому, что стремительно сместились и сменились приоритеты, и оказалось, что служение слову как таковое не ценится обществом, даже таким литературоцентричным, как русское? Чиграшов-то еще успел, еще зацепился за уходящий в классику поезд, а Криворотов — уже нет. И остался на станции, на пустеющей платформе, ждать следующего поезда, в недоумении глядя на расписание, которое зарастает грязью и навеки не обещает ничего. Тогда — приговор окончательный. Криворотов не любил поэзию, а только играл в нее, не жил ею. Но тогда любое наказание недостаточно. Если ты не готов погибнуть за нее, ты ей не нужен.

В другой литературной и культурной ситуации можно было бы смягчить свою неудачу известностью, пусть и не вполне заслуженной, материальным благополучием — что и само по себе неплохо. А в сегодняшней — нет. Пошел — не дошел. Попробовал — и сплюнул. «И все так же, не проще, век наш пробует нас». Он всегда пробует одинаково — на зуб. Ситуация, выстроенная Гандлевским, — это эксперимент, который он ставит над героем, проверяя героя на чистоту. Нет, не выдержал проверки.

Невозможно отделаться от другого Лева. Не думаю, что совпадение имен и даже столь частое применение уменьшительной формы имени случайны в романе Гандлевского. Другой Лева — это битовский Лева Одоевцев. Если параллель между Криворотовым и Годуновым-Чердынцевым — это параллель ситуации, в которой оказываются разные люди и делают из нее разные выводы, то сравнение «Лева Криворотов — Лева Одоевцев» — это сравнение двух очень близких психологических типов, двух похожих характеров в разном внешнем антураже.

Оба они люди слабые, несамостоятельные. Сила определяется не априорной уверенностью в собственной непогрешимости, а в способности бросить помочи, отпустить перила, сделать шаг, упасть, подняться, но не для того, чтобы вцепиться в перила мертвой хваткой теперь уже навсегда, а чтобы извлечь урок и, снова отпустив эти перила, сделать уже не шаг, а два. Но как быть слабому человеку, если перила кончились? Стоять, стоять на месте, нет у него другого способа существования. Одоевцев живет в ситуации пробуждения и подъема открытого интереса к литературе — к подлинной, незаказной. Криворотов — в момент ярчайшей вспышки (которой, кстати, в романе Гандлевский не касается совсем) и последовавшего очень скоро за ней угасания этого интереса. Для них обоих принадлежность к филологической науке (Одоевцев) и к прямому литературному творчеству, а потом и к комментированию (Криворотов) определяет судьбу. Но Одоевцева ставка на литературу поднимает и в собственных глазах, и в общественном мнении, а Криворотова — уничтожает, отнимая возможность выбора. Обращая в раба конъюнктуры. Оба они люди перелома, который делает их свободными. И оба не знают, что им делать с этой свободой. Они ее не хотят.

Фрак и Стокгольм Криворотова и академическая камилавка Одоевцева — это вещи одного ряда. Великий филолог Одоевцев-дед — и Лева, его внук, публикатор и комментатор, усердно разрабатывающий в диссертации веточку с дедова дерева. Великий поэт Чиграшов — тоже лагерник, как и старший Одоевцев, — и Лева Криворотов, в юности поэт, по здравом размышлении ставший публикатором и комментатором. Оба Левы — это пародии на собственных кумиров. Оба они отказываются или не могут принять ту реальность, которая рождается каждый миг, каждый миг другая, а между тем первое, что необходимо и ученому, и поэту, — научиться относиться к себе, к своим драгоценным, вымученным, выношенным схемам безжалостно. Только тогда можно добраться до какой-то заваливающей истины. Иначе человек становится комментатором, и плохим комментатором, если он работает с живым и актуальным текстом, — текст-то меняется, а комментатор давным-давно окостенел.

«Нрзб — позор текстолога». Непрочитанный, нерасшифрованный текст рукописи. Или потому, что он не дописан, или потому, что так старательно замаран, что даже его просвечивание рентгеновскими лучами не дает результата. Мне известно не много текстов, написанных настолько же ясно и прозрачно, как роман Гандлевского. Так что к стилю романа название отношения не имеет. Судьбы персонажей рассказаны подробно и точно, никаких умолчаний и темнот не остается. Никаких «нрзб». Единственное место в романе, где встречается этот термин, — стихи Чиграшова:

Будь что будет, вернее, была не была —
 Выцветай, как под утро фонарь на столбе,
 Доцветай, как сирень на столе доцветала...
 И сиреневый сор я смахнул со стола,
 Чтобы <нрзб> или <нрзб> —

Чтобы жизнь наконец-то была, да сплыла
И уже над душой не стояла.

Это мало что проясняет. Само это сочетание букв — «нрзб» — оказывает едва ли не единственным неразборчивым местом во всем тексте. Приходится предположить: «нрзб» — это смерть, это то, что остается за скобками ясного и прозрачного. Но так назван весь роман. А он меньше всего похож на роман о смерти. Даже об умирании. Хотя...

Можно ли сказать, что роман Гандлевского — о непрерывной деградации человека? О том, как замирание сердца от обрыва единственной на всю жизнь любви приводит в конце концов к соитию с проституткой в подворотне? О том, как императив подлинного поэтического творчества превращается в существование комментатора-приживала около чужой славы? О том, как свежесть и радикализм юности становятся неряшливой, неразборчивой старостью? Об этом, об этом тоже.

Все было бы совершенно безнадежно, если бы не стихи Чиграшова, если бы не стихи, описанные Гандлевским с такой силой. Если бы не безумный поступок Криворотова:

Я ль не лез в окно к тебе из ревности, по злобе
По гремучей водосточной, к небу задранной трубе?

(«На смерть И. Б.»)

Или — как в романе: «Кровельная жесьть громко пружинила под его шагами. Лева правильно рассчитал, но водосточная труба брала начало ниже уровня крыши, так что молодому человеку пришлось перелезть через металлическое ограждение, что есть сил вцепиться в него руками снаружи, лечь животом на край крыши и, свесив ноги, шарить ими по воздуху, пока мысок правой не наткнулся на водосточный раструб. Теперь Криворотов сантиметр за сантиметром сползал с кровельного железа задом на верхнее шаткое колено водостока, и, когда центр тяжести Левиного тела переместился на новую опору, молодой человек заставил себя разжать кулаки, выпустил из рук ржавую поперечину ограды — и намертво прилип к трубе, давшей крен под его весом. Оставляя ключья рубахи и штанов на зазубринах цилиндрических сочленений, он полз и полз все ниже и ниже, бормоча: „Господи, Господи, Господи“, — и вот ботинки Криворотова нашли карниз, на котором Лев и застыл спиной к головокружительно высокому городу, зажмурясь и стараясь унять дрожь во всех суставах — от запястий до щиколоток. Трепещущими пальцами, как слепец страницу с азбукой Брайля, Криворотов опробовал каждую неровность стены и понемногу — пятки вместе, носки врозь — подавался вправо по узкому, вполкирпича, выступу. И раз, и два путь его осложняли жестяные отливы под чужими встречными окнами, и, стиснув пальцами выпуклости оконных петель, Криворотов до тошноты медленно, с какой-то эволюционной неспешностью преодолевал забранные жесьтью участки карниза, наклоненные туда, куда смотреть запрещалось под страхом смерти. Таким же образом миновал он первое по ходу кухонное окно нужной ему квартиры, затем окно теткиной комнаты — и уже вплотную к Аниному оконному проему подумал с апатией, что, если окно открывается наружу, он погиб. Но окно открывалось вовнутрь — и было открыто вовнутрь. С сердцем в горле Криворотов ступил на подоконник и тихо уселся между цветочными горшками, овеваемый легкой занавеской и бессмысленно улыбаясь в темноту и тишину комнаты».

Человек, способный на такие поступки, — совершенно полон жизни, потому что он влюбленный, любящий, отчаянный, настоящий.

Жить все-таки можно. Нужно только поменьше думать о себе и поменьше беречься. Тогда еще, даст Бог, получится что-нибудь дельное.

МАРИЯ РЕМИЗОВА

ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА

Неприятное происшествие случилось с писателем Владимиром Личутиным — к его дому прибилась бездомная собака. Едва обжившись, пес почувствовал себя хозяином положения, хозяйскую собачонку загнал под крыльцо, покусал сына, а изгнанный из пределов усадьбы, стал проламывать забор, считая территорию уже окончательно своей, и, хотя нашлись люди, пристроившие его к сторожевой должности на богатой стройке, где ему предоставили кров и пищу, все равно не оставлял в покое несчастное семейство, пока не пришел *настоящий человек*, сумевший решить проблему радикальным, исключающим расслабленные сомнения способом.

Настоящим человеком оказался Виктор Анпилов, который, как пишет в «психологическом очерке» «Сукин сын» Владимир Личутин («Наш современник», 2002, № 1), «безо всякой насмешки выслушал мою историю» и «уловил схожесть моего положения с режимом, что воцарил в России; лиса демократии сначала запросилась на порог, а после и самого хозяина вымела прочь из дома, установив в избе уже свой тиранический порядок».

«А знаешь, как с ним можно справиться? — весело советует товарищ Анпилов. — Ты его из ружья. И все! И все вопросы сразу сняты... надо обороняться, товарищ Личутин! Надо брать в руки ружье. И баста».

Ну, во-первых, за ружье товарищ Личутин и сам уже хватался — но в момент аффекта оно, как назло, оказалось незаряженным, а потом пришла предательская мысль — что соседи-то, пожалуй, еще и осудят писателя-патриота за жестокое отношение к животным. А во-вторых, даже столь кровожадный на словах товарищ Анпилов на деле оказывается рациональным гуманистом: просто присылает за шkodливым догом своих людей, которые увозят его сторожить чью-то городскую квартиру, откуда уж не будет ему никакой возможности улизнуть на свободу и тиранить граждан. Дог сам по себе как бы не очень и виноват — просто разбаловался без твердой хозяйской руки, не приспособленный к делу — служить и охранять, — к чему от рождения был предназначен, потерял верное направление и стал сам ощущать себя хозяином, отчего и произошли все эти столь неприятные последствия.

Декларация хороша тем, что ее почти невозможно оспорить, поскольку дискуссия при декларации изначально не предусмотрена. Но плоха тем, что рассчитана на узкий круг заведомо убежденных сторонников, а хочется убедить кого-то еще. И тут уже требуются аргументы, система доказательств, чреватая подвохами контраргументов и прочей логической чепухой. Владимир Личутин все-таки рискнул пуститься в это опасное плавание, попытавшись эмоционально обосновать возникшие в его сознании аналогии между поведением бездомного пса и политическим режимом, подкрепляя свои соображения портретами соседей, картинами собственного житья и эмоциональными рас-

суждениями о жизни русского писателя в частности и русского народа вообще. И вот что из этого вышло.

Первой на сцену выводится соседка, «не просто бабеха, но жена „нового русского“», которая предложила семье Личутина взять собаку «хотя бы дня на два», обещав кормить и подыскать за это время новых хозяев. «А может, и выкинул кто? — предположила она. — Вот за это я и не люблю людей... Они хуже скотов, у них нет сердца». Опасное признание — тем более в обществе такого чуткого интерпретатора, как Владимир Личутин. И хотя ничего больше в адрес людского племени она не произнесла, Личутин угадывает, что, «зачалившись случайным якорем за другую жизнь с помощью выжиги мужа, она уже не чуяла человеческого горя, видя в несчастных лишь неловкость, ленность, неумение жить. Им не потрафило, они сковырнулись с телеги на верткой дороге — и в том лишь их вина, что не усидели». Прекрасно, что Владимир Личутин печалуется о судьбах несчастных, но при чем тут соседка?

Э, дело-то не так просто. «Как надо было возненавидеть свой народ, несчастного ближнего своего, чтобы крохи тепла передать бродячей скотинке, вдруг уверовав, что собака более достойна сострадания, чем человек! А быть может, — докапывается наконец наш прозорливец до сути, — ей мерзко жалеть слабого и униженного, ограбленного ею, ибо в ответ на подачку, на милостыньку можно нарваться на вопрос: а откуда ты раздобыла деньжонок... не наворовал ли твой муженек?»

Собачья участь оказалась пробным камнем для проверки нравственного состояния поселка. «Вдруг нашлось множество доброхотов, кто заволновался судьбой бродячего кобеля». Сердобольные соседки стали приносить псу миски с едой и ставить у личутинской калитки — это когда уже пес «переехал» на новое место, но упорно возвращался на старое тиранить семью, — словно нарочно приманивая сюда негодяя. Хорошо это или плохо? Ответ рядом: внимание к собаке резко высветило невнимание к тем, кто дал ей временный приют: «Никого не мучил „праздный“ вопрос, а как живут за забором, какие заботы гнетут, что мучает ежедень, словно бы у нас, к примеру, был бесконечный праздник, словно бы заботы обходили нас стороною...»

Нет, заботы, конечно, не обходили, а мучили ежедень. Поселок-то, оказывается, не простой, а золотой, называется Переделкино. «С одной стороны, казалось почетным, что именно мы получили писательскую, крайне запущенную, — быстро оговаривается Личутин, — дачу в аренду и этим как бы достигли собой „отлички“ от прочих, и наш статут сразу подскочил вверх», — с другой же, выясняется, от этого произошло тут же множество обид: «Мы оставались чужаками... Мы не были людьми касты, слоя, сословия, кагала, ватаги, мы жили сами по себе, вроде бы подчиняясь власти во всем, но и не признавая ее внутренне, — вот за это и должны были платить».

Получая дачу в Переделкине, Личутин рассчитывал повысить свой «статут», но оказалось, его нагло надули, всучив сомнительную ценность: Переделкино «превратилось в неслыханную новостройку, сотку болотистой, поросшей дурниною земли вдруг превратили в настоящее сокровище, оценив ее в двести тысяч рублей, — и только потому... что в этих подмосковных борах жили советские писатели, нынче оплеванные и оболганные; оказывается, даже на этих клеветах, если их хорошо прокрутить биржевым спекулянтам, можно крупно нажиться». Итак, беда номер один: Личутин позиционирует себя как «бедного», а некто богатый, будь он хоть вовсе не писатель, покупает себе (цену см. выше) сколько хочешь соток и строит хоромы, которых честному писателю никогда не отгрохать. Беда номер два: «стерлись из кованого навечно, казалось, синодика великих имен Марков и Сартаков, Чаковский и Можжев, Катаев и Соболев», а их место (надо полагать, и дачное) заняли «певцы Политбюро Евтушенко и Войнович, Вознесенский и Ахмадулина».

Тут возникает *главный* вопрос — не у Личутина, у непредвзятого читателя. Вопрос таков: кому предназначен этот текст? Обычному, среднему человеку? Но так ли уж волнует *обычного человека* вопрос *дележки* писательских дач, от

которой ему уж точно ничего не обломится? И не скажет ли он себе, если сохранил все-таки здравый рассудок: да пропадите вы пропадом *со всеми своими дачами*, мне-то какое до них дело? А если невзначай он еще и человек *порядочный*, может, пожалуй, прийти в голову и такое: не слишком ли унижительна вся эта переделкинская возня для людей, как будто провозгласивших (самим выбором профессии) интерес лишь к высокому и вечному?..

Впрочем, вернемся к обидам. Переделкинское сообщество, по собственному признанию автора, показалось ему равнодушно-холодным к жизни, проходящей внутри ограды его личного участка, — к тому, «что мучает ежедень». Но из текста «Сукиного сына» никак не следует, чтобы его самого и членов его семьи особенно интересовало, «какие заботы гнетут» за чужими заборами...

Точнее, автор и не заглядывая знает, что забот там никаких нет и не может быть — разве только хранить да умножать несправедливо нажитое богатство. Вот пристроили проклятого пса сторожить участок, где идет масштабное строительство. «Столько денег убабахано, зарыто в землю», — недобро причитает Личутин и тут же спешит с далеко идущими выводами: «И прежде, братцы, бывал доход, его прятали в чулок, боялись показать достаток, чтобы не выбиться лицом из протих; но разве то были день-ги-и! да перед нынешними пачками „капусты“ это просто карманная мелочевка...»

Откуда каждая конкретная «капуста», Личутину тоже, конечно, известно. «Народ с невиданным цинизмом ограбили, раздели и разули, залезли в каждый русский дом и забрали последнее средь бела дня, нагло надсмеявшись, и несчастные смиренно согнули выю и признали разбой за разумную необходимость... В первую революцию ограбили богатых и умных, нынче же наглые и хитрые ограбили всех, но особенно бедных». Ладно, пусть это будет обобщение. Личутин алчет справедливости, смутно грозит истощением народного терпения и обещает «новый поход», который сметет дурную пену... Но какой справедливости он все-таки хочет? Чтобы пришел некий *условный* Виктор Анпилов, «человек незаурядный, сметливый», — и разрешил ситуацию столь же прямолинейно, как с обнаглевшим псом. «И все вопросы сразу сняты. Слушай, забрел бродяга в чужой двор, попросил еды. Его вы, конечно, пожалели. И вот вам деспот, и вы уже никчемные твари, он над вами издевается. И как в таком случае изволите поступить?» Поступить предлагается решительно — см. выше.

Хотя с собакой Анпилов поступил, как мы уже знаем, в противовес своим угрозам, исключительно гуманно, *политическая* аналогия (с ружьем) приводится Личутиным, кажется, совершенно всерьез. И понимать ее следует, видимо, буквально. Не будем выяснять, как реально он себе это представляет, — вероятно, это мыслится чем-то вроде Пугачевского бунта. Не дело писателя размышлять, как там *после* обустроится Россия (и вынесет ли она *еще* один социальный переворот), главное — возбудить народный дух и волю к борьбе.

Впрочем, финал «Сукиного сына» оказался пессимистическим: «Незаметно подползла и укрепилась в России новая форма власти — тирания чуждого духа, и всякая, даже сильная личность не может заявить о себе в полный голос, невольно подчиняясь особому скрытому сообществу людей, захвативших государство. Деспотия духа, которой не было даже при Советах, нечто совершенно новое для России...»

Объяснить такой финал не представляет труда — в школьном курсе еще «при Советах» пессимистические настроения в русской литературе принято было возводить к тому, что в стране то революционная ситуация еще не созрела, то, наоборот (после 1907 года), разрешилась, но плодов не принесла. Народного бунта Личутину, конечно, хочется, но сам он в его возможность, видимо, не до конца верит.

Прелюбопытно, однако, это признание про «деспотию духа», которой не было даже при Советах» (это когда то есть «ограбили богатых и умных»). Варианта интерпретации возможно два: или Владимир Личутин *запамятовал*, каково было «сильной личности заявить о себе в полный голос», если по случаю

то, что собиралась она в этот голос сообщить, слегка расходилось с тем, что принято было у «сообщества людей», на тот момент представлявших собой государство, — хоть бы то был сопливый комсорг или профсоюзная профурсетка. И кто бы ей, личности, *дал* для того хоть самую занюханную трибуну?.. Или убеждения самого Владимира Личутина и всех знакомых ему людей так счастливо совпадали с требуемыми, что у него ни разу не возникло случая хотя бы краем глаза разглядеть возможность идейного диссонанса между «сильной личностью» и тоталитарной системой.

Можно, конечно, идеализировать все на свете. И даже грезить о чем угодно. И грезы эти свободно выражать. Но — *в свободной стране*. Интересно, удалось бы Владимиру Личутину опубликовать хоть полслова из тех, коими он кроет нынешнюю власть, тогда, «при Советах», — если бы, конечно, крыл он ее, тогдашнюю?..

РЕШЕНИЕ ИЛИ. ОБЗОРЫ

ОТПАВШИЕ

Павел Мейлахс. Избранник. М., «ОЛМА-Пресс», 2002, 351 стр.

Павел Мейлахс идет на большой риск: несмотря на свою молодость он рискует остаться «немодным» писателем.

Вот уже несколько лет по издательствам и редакциям расхаживает призрак Среднестатистического Читателя с полутора курсами высшего образования (без разницы, что это значит — возраст или то, что осталось в голове), потребляющего зарубежную беллетристику про секс-музыку, наркотики или отечественного разлива «магический реализм». Этому читателю нужен суррогат бунта, потрясение социальных, моральных или метафизических основ, чтобы, почитав на выходных про свободную любовь или про террористов-леворадикалов, в понедельник спокойно выйти на работу.

Производство этой продукции уже отлажено. Переводы поставлены на поток, не спят и отечественные сочинители, наловчившиеся в варьировании и рекомбинировании сюжетов Борхеса, Гарсия Маркеса, Павича и т. п.

Успешно канализуя разрушительную энергию и утоляя сенсорный голод, эта литература остается снисходительной к читателю. Оставляя приятное послевкусие «продвинутости», она совершенно его *не меняет*, ибо совсем не для этого предназначена.

У Мейлахса дело обстоит прямо противоположным образом.

Перво-наперво не модной и отталкивающей покажется Среднестатистическому жизненная фактура этой прозы — припадочные и алкоголики.

Припадки появляются уже в первой вещи сборника — в рассказе «Придурок». Его герой, ничем с виду не примечательный школьник, подвержен приступам немотивированного страха — к примеру, боится умереть оттого, что вскочивший у него на носу прыщик перейдет в воспаление мозга. Сам по себе прыщик был бы не так страшен, но скоро выясняется, что таким образом Мейлахс вводит стержневую для всей книги, на разные лады варьирующуюся и в «Избраннике», и в «Беглеце», и в «Отступнике» тему. Герой «Придурка» ухитряется скрывать свои приступы, но, имитируя нормальность, он прекрасно осознает, что никогда не сможет стать таким, как все, изнутри. Иными словами, речь не о припадках — при желании и сумасшествие можно было бы подать в общепринятом романтическом ключе, — а об отпадении от «роевого» целого.

Еще более явственным пренебрежительное отношение автора к конвенциям «продвинутой литературы» становится в «Избраннике». Роман представляет собой развернутый рассказ о ровеснике автора (Павле) — о его детстве, отрочестве и юности. Биография героя предельно бедна событиями — вундеркиндовское детство, рок с марихуаной в старших классах, неровная, на грани отчисления, учеба в математическом вузе. Исторический фон едва намечен. Нет ни лихо закрученной интриги, ни эффектных ситуаций, никто не бежит и ни в кого не стреляет, зато есть удивительная эмоциональная насыщенность описаний, непритязательные, но очень точные метафоры, емкие максимы. Читатель полностью вживается в героя и, словно оказавшись на столе костоправа, вынужден гнуться туда, куда гнет автор.

Опять-таки добрую треть романа занимает описание болезни. Некоторые рецензенты так и написали: «Избранник» — роман о шизофрении. Оставив за скобками абсурдность ситуации (литературный критик ставит вымышленному литературному персонажу психиатрический диагноз), возьмем на себя смелость утверждать, что книга все-таки о другом. «Избранник» — это роман о взрослении, о зрелости, которая наступает *вопреки* болезни.

У героя Мейлахса есть одна особенность — он с детства считает себя гением, именно с детства, когда математика давалась легко, солнце светило ярко, одно-

классники и товарищи по пионерлагерю уважали — умел Павлуша и драться, и романы Майна Рида пересказывать. Затем герой заболевает, с этого начинаются его обиды на жизнь (предала — несмотря на то, что Павел ее страстно любил), его вредные привычки и горькие поражения. Однако с верой в собственную гениальность герой не расстается.

Почему? Коллизия могла бы показаться искусственной, если бы не стартовая ситуация, в которую Мейлахс помещает своего героя. Дело в том, что у Павла «умный и благородный отец», умные книжки на полках. Изначально в центре его картины мира — иерархия великих писателей, философов и ученых, и меряет себя Павел в соответствии с этой шкалой.

Результаты замеров оказываются, мягко говоря, неутешительными. Математические способности у Павла «очень недурные», но никак не из ряда вон. Показательно, как Павел в университете изучает математику. Вместо того чтобы самостоятельно формулировать проблемы и их разрешать, он устремлен в прошлое и, по сути, изучает не столько математику, сколько биографии великих математиков, то, как они пришли к своим открытиям. Герой Мейлахса — своего рода Сальери, заблудившийся в бескрайней картинной галерее с портретами «моцартов». Однако он категорически отказывается «соглашаться на пошлую роль», то есть покинуть пространство культуры и зажить «как все» — в мире «роевых» иллюзий.

Запой, болезнь, зависимость от антидепрессантов, вскоре уподобляющаяся наркозависимости, — все это не причины, а следствия асоциальной позиции героя, его нежелания пройти социализацию в соответствии с условиями места и времени. Ближе к концу Павел находит компромиссную формулировку, однако компромисс этот скорее с иерархией высокой культуры, чем с социумом. «У моего гения нет рук. Обратная связь отсутствует. Внутри — есть, наружу — нет. ...И не фраеру указали на то, что он фраер. А гений понял, что он безрукий, безногий и немой. И гений этого гения погребен в нем заживо. Навсегда». Относительно социума герой остается при своем «нет», осознавая и принимая все последствия своего выбора: одиночество, нищету, болезнь.

Конечно, Среднестатистический Читатель не станет идентифицировать себя с героем, чья трудоспособность составляет лишь двадцать процентов от нормы, а главное, не нужен ему такой усложненный и рискованный вариант самоидентификации.

Предложенная Мейлахсом метафора зрелости действительно не может претендовать на общезначимость даже в масштабах поколения. Как ни крути, судьба героя, которую он на манер загадки Сфинкса «разгадывает», — результат его собственного выбора, экстравагантной позиции «гения, не признанного даже самим собой». Ценность «Избранника» в другом. Несмотря на то что предложенный Мейлахсом тип чтения становится для России почти экзотикой, никогда не исчезнут те, для кого культура не набор модной интеллектуальной косметики, а единственная система ориентиров, которой следует придерживаться, когда пытаешься разобраться в том, кто ты есть. Для них этот роман и предназначен.

В «Беглеце» и «Отступнике» Мейлахс продолжает с поправкой на возраст персонажей и ход времени заниматься тем же самым — разрабатывать тему отпадения.

Саша, герой «Беглеца», неожиданно сильно отличается от «придурка» и «избранника». Он молод, но при этом стопроцентно дееспособен и действует в духе времени (начало 90-х): овладев престижной профессией, с женой и маленьким сыном эмигрирует в Израиль. Столь прагматичное, «социально-стереотипное» поведение имеет, однако, в рассказе Мейлахса метафизический подтекст. Саша пытается убежать от времени. С тех пор как жизнь героя вошла в нормальное, очерченное системой социальных ролей русло, время летит с необыкновенной быстротой. Нужен неожиданный, крутой вираж, чтобы сбить судьбу со следа, убежать от нее, нырнуть поглубже и вынырнуть в другом месте — обновленным, другим.

Довольно быстро Саша выясняет, что «определчивание» продолжается и за границей. Более того, в условиях земного рая, каковым ему поначалу видится Израиль, оно наступит скорее, потому что, кроме роли, функции, у героя в Израиле нет ничего — то, что дает на Родине пространство для маневра, шлейф ассоциа-

ций, которым там наделена каждая мелочь, здесь отсутствует. И в финале Саша решает вернуться домой.

Наиболее спорным представляется пафос последней вещи — «Отступника», где Мейлахс пытается свести воедино материал «Беглеца» и «Избранника» — основные идеи и накопленный персонажами социальный опыт. По совокупности биографических обстоятельств герой рассказа напоминает Сашу, но пять лет спустя после возвращения. Форма, в которую облекает человека набор социальных ролей, отброшена. Герой развелся с женой, живет на случайные заработки, один, на съемной квартире, слушает классическую музыку и пьет водку. Нельзя сказать, чтобы он был совсем одинок. У него есть женщина, друзья, готовые слушать его рассуждения о том, что человечество мельчает и более не порождает «великих», даже бывшая жена не совсем равнодушна к его будущему. Однако, придя к выводу, что «жизнь сожжена и рассказана», герой решает распорядиться своей судьбой раз и навсегда, а именно: окончательно уйти в пьянство. И в своем решении тверд. «Они ничего не знали. Они не знали, что это только увертюра. А опера еще впереди», — думает герой, когда его родители приводят врача.

Знакомый по «Избраннику» и «Беглецу» набор идей приобретает в «Отступнике» несколько злокачественную конфигурацию. Созданный Мейлахсом персонаж достаточно ярок и выразителен, однако сразу же бросается в глаза комплекс «пьющего дарования». При всем своем кажущемся одиночестве герой совершает свое водочное самосожжение вполне публично, подсознательно упиваясь собой в роли «гибнущего гения».

И все же, как бы ни заканчивался цикл об отпавших, нет никакого сомнения в том, что это действительно только увертюра, а опера, то есть выход в свет других существенных произведений Павла Мейлахса, еще впереди.

Василий КОСТЫРКО.

В ПОИСКАХ АДРЕСАТА

Лариса Миллер. Мотив к себе, от себя. М., «Аграф», 2002, 332 стр.

Лариса Миллер складывает каждую свою книгу наподобие очередного «Избранного», всякий раз добавляя изрядное количество новых произведений — стихов и прозы. Нынешняя полновеснее предыдущих и, пожалуй, более, чем они, претендует на «Избранное», отстоящее от такого же полновесного ровно на десять лет.

Есть, наверное, определенный смысл в том, что она собирает под одной обложкой стихи и прозу. Как будто поэзия не вмещает что-то важное, что лежит в поле зрения поэта и требует его оперативного вмешательства. И все же эссе и критика, на мой взгляд, — вспомогательные средства в ее творчестве.

Она заговорила своим голосом давно, как говорится, родилась с ним, в отличие от поэтов, пробивавшихся к себе путем возрастных мутаций. Сначала дала ему проявиться, а потом сохранила, упражняя и совершенствуя в практике, которую можно назвать творчеством, а лучше — жизнетворчеством, ибо стих и поступок, судя по всему, у нее идентичны.

Характерна абсолютная законченность стихотворения, соразмерность частей: звуков, смыслов, образов. Их подвижное равновесие, которое техникой недостижимо, а — состояние души, ранимой и отзывчивой. Не побоюсь назвать эту соразмерность классической. Гармония, в ней явленная, привычна и отрадна нашему слуху и чувству в сравнении с той, которая, как она пишет, только рождается «в виде сморщенного, невзрачного, орущего комочка».

Существует мнение (его придерживается, например, критик Станислав Рассадин), что гармоническое начало ушло из искусства чуть ли не сразу после смерти

Пушкина. Трудно с этим согласиться, потому что гармония — не атрибут искусства, а удерживающая сила жизни, гравитационная постоянная, которая сама по себе ничтожна, но — удерживает миры. Малость ее величины не заметна блуждающему взгляду.

Напряжение, модуляции голоса связаны с душевным состоянием, которое у Миллер на протяжении жизни пульсирует в амплитуде маятника: «Вечно тянет то петь, то беззвучно рыдать». Беззвучно не получается. Особенно в стихах последних лет, где преобладает *тема* (беру это слово в музыкальном ключе) гибели, распада, аннигиляции всего живого и драгоценного. Ничего, кроме золы, не останется — ни от личности, ни от прощальной записки, в которой, может быть, заключена вся жизнь. У Пушкина угроза гибели «таит неизъяснимы наслажденья, / Бессмертья, может быть, залог!»! А здесь не таится никаких наслаждений, а только чувство неотвратимой опасности. Оно было и раньше, и в первых книгах («Колыбель висит над бездной...»). Какое уж тут наслаждение, на краю пропасти — с дитём на руках!

Ее среда обитания — «Между небом и землей», «Между облаком и ямой», «Серое небо над черной дырой». Положение едва ли не эфемерное, непонятно, куда она перемещается с колыбелью — вверх или вниз? Или дрейфует вокруг шарика — зеленого, желтого, белого — пестрого...

Впрочем, непонятно для зрения. Потому что пространство — метафизическое, хотя помечено осязаемыми деталями. Ослепительным мигом, «которого нету в природе». Пространство, где таится «мерцающий свет, / Рожденный мгновеньем, которого нет». А что же есть? То, что она и силится передать: неуловимое состояние, сравнимое с потоком, куда нельзя войти не только дважды, но даже и один раз. Она пишет о том, что не дается в прочном опыте, а только в мимолетном ощущении. «Есть вещи, от которых ускользает определение... Это неуловимо, это возможно передать только языком поэзии...» — обмолвился как-то о. Александр Мень.

Но ощущения двойственны. Вроде бы ожог и ужас и предвестие гибели... А музыка стиха, короткие энергичные танцующие ритмы возвышают тему, нейтрализуют страх. В мажорной тональности прорывается очарованность миром. «Предчувствие несчастья»? Но ведь я не только про это, настаивает она, а про летучее, мгновенное, необъяснимое чудо жизни: «Про мерцающую светом / Неразгаданным звездой». Согласимся: счастье не бывает разгаданным, а полнота жизни недостижима вне осознания ее сиюминутной ущербности.

Форма — прозрачна. Душевные травмы, темноты видны в ней насквозь. Спасителем сам воздух искусства, утонченная поэтика. Противодействие распаду укоренено в природе творчества. Но — приходится сражаться в одиночку: преодолевать хаос в себе, свою инерцию, свою энтропию. Никто здесь не помощник, даже Господь Бог, отпустивший поэта в свободное плавание.

Чувство гармонии, по слову Блока, неотъемлемо присущее поэту, не отдаляет бездны и, увы, не является залогом бессмертия. Наверное, в свободном плавании без компаса не обойтись.

Иногда она предельно точно, «без затей и без загадок», объявляет свою позицию. Как в стихах о непогоде — зримых и убедительных.

Разгулялась непогода,
Все стонало и гудело
В царстве полного разброда.
Лишь разброд не знал предела.
Все стонало и кренилось
В этом хаосе дремучем...
На ветру бумажка билась —
Кто-то почерком летучим,
Обращаясь прямо к миру
Без затей и без загадок,
Написал: «Сниму квартиру.
Гарантирую порядок».

Прямое обращение к миру может позволить себе тот, кто отвечает за свои слова. Кто бьется, но не подчиняется стихиям. Бумажка... Слово-то какое уничижительное... Клочок надежды. А он и есть центр кренящегося мироздания. Если что-то может спасти мир, то только личное противостояние хаосу — в себе, в своем, на время арендованном, теле.

Ее поэзия устремлена к диалогу, она настроена слушать: «Ты другого мнения? / Выскажи его». Диалог, часто внутренний, заполняет стихотворение целиком. Среди собеседников присутствует самый... авторитетный, самая, так сказать, высокая инстанция. Правда, присутствует инкогнито, безответно, «молчание храня». «Досадно, Господи, и больно, / Что жизнь Тебе не подконтрольна. / Она течет невесть куда»... Безучастность делает Его неким эфемерным адресатом, о котором можно сказать, что он вообще «устал» и что «его уж нету»... В таком случае, присутствует ли?..

Мало кто сегодня сомневается в Его бытии — да, есть, да, сотворил Вселенную, Землю и прочие объекты, но я Ему до лампочки, иначе откуда столько крови и ненависти?! Так оправдывает себя дуалистическое мировоззрение. Двойственность его подметил Г. Зиммель, исповедовавший философию жизни и размышлявший о трагедии творчества: «В глубине нашей души кроется, очевидно, некоторый дуализм, который, не позволяя нам воспринимать картину мира как неразрывное единство, постоянно разлагает ее на целый ряд противоположностей».

Но в поэзии Миллер преобладает иное мироощущение. Она в постоянном поиске адресата, местонахождение Которого (если можно так выразиться) для нее сомнительно. И тем не менее она ждет отклика именно от Него. Напряженное ожидание чревато безотчетной тревогой и даже отчаяньем: «Дело, кажется, пахнет психушкой».

Блаженный Августин согласился бы с таким выводом. В молодости он пережил сходные настроения, пока не услышал призыв свыше. Как подходят его слова к нашей сегодняшней клинической ситуации: «Ты создал нас для Себя, и мятется сердце наше, доколе не успокоится в Тебе». Успокоиться — не значит бездействовать, а самораскрыться в обретении подлинной свободы и воли. Не об этом ли мечтал в конце жизни Пушкин?..

Есть и другой непроявленный адресат: множественные местоимения — *они, их...*

Хоть бы памятку дали какую-то, что ли,
Научили бы, как принимать
Эту горькую жизнь и как в случае боли
Эту боль побыстрее снимать.

Еще:

Как жаль, что всех отправят,
Куда Макар телят...
.....
Под этой кровлей яркой
Еще подержат нас...

Дадут, поднесут, отправят... Кто — ОНИ? Кто эти злосчастные фантомы, на которых можно взвалить наши беды? Вообще-то Миллер не из тех, кто ищет козлов отпущения. Но эта обезличенная обобщенность как-то соотносится — может быть, полярно? — с Тем, к Которому взывает душа, жаждущая ответа.

Однако — вернусь к мелодическому равновесию. Стихи раскрываются, как фортепьянные пьесы, — с их единством настроения и содержания. В малом объеме, в многомерном чувстве — философская глубина. Теза перекликается с антитезой, антифон с антифоном. Диалог динамичен.

Мировоззрение художника может быть абсурдным, настроение крайне неустойчивым, но выраженные художником, они сбалансированы, оправданы средствами искусства. Благозвучие оправдывает содержание и каким-то непостижимым образом обогащает его.

Александр ЗОРИН.

«БОГУ ДОПИСАТЬ СТИХОТВОРЕНЬЕ»

Владимир Смоленский. «О гибели страны единственной...». Стихи и проза. М.,
«Русский путь», 2001, 286 стр., ил.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) приводит в своих «Аскетических опытах» такой поучительный разговор: «*Пимен*: Монах должен постоянно иметь в себе плач... Все житие монаха — плач... Плач составляет поучение (душевное делание, душевный подвиг) инока. *Я отвечал*: Когда я в келии, тогда плач пребывает со мною; если же кто придет ко мне или я выйду из келии, то уже не обретаю его. *Пимен*: Это оттого, что плач не усвоился тебе, но как бы дан взаймы... Если человек потрудится всеусильно о стяжении плача, то обретает его в служение себе, когда захочет».

Можно долго спорить, какое место на Парнасе русской литературной эмиграции занимает поэт Владимир Смоленский (1901 — 1961), сравниваемый по звучанию своей лиры с Георгием Ивановым и Борисом Поплавским, а сам называвший первым среди своих учителей Владислава Ходасевича. Эта книга, любовно, но, увы, без должного историко-литературного комментария составленная Виктором Леонидовым, впервые дает полное представление о его поэтическом творческом пути. И она открывает беспримерный опыт усвоения неотвратимого, хотя и отнюдь не монашеского плача в процессе его очищения от случайных житейских наслоений.

Жизненный путь юноши, ставшего белогвардейцем после того, как большевики на его глазах расстреляли отца, выражен с немногословной пронзительностью и эпической емкостью.

Над Черным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.

Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель с севера.

Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом,

И Ангел плакал над мертвым ангелом...
— Мы уходили за море с Врангелем.

Рядом с этим стихотворением — другое, в котором поэт как бы отрывается от своей и поколенческой биографии, где исторический опыт становится поэтической мудростью:

Есть яма, которую ты не минуешь;
Есть губы, которые не поцелуешь.

Далекая лира, которую бредишь,
Отчизна, в которую ты не доедешь.

Над горем, которому нету начала,
Над счастьем, к которому нету причала,

Горит в небесах, утопая глубоко,
Недвижное, страшное Божие око.

Именно ему (на два года младше Набокова) дано было в своих парижских «Стансах» выразить емкую поэтическую формулу русской культуры. Сначала в «*виденье сонном*» является архитектура «*четырёх белых колонн*». А в итоге звучание «*всей России*» целиком претворяется в бытие «*ямба торжественного*»:

Закрой глаза, в виденье сонном
Восстанет твой погибший дом —
Четыре белые колонны
Над розами и над прудом.

И ласточек крыла косые
 В небесный ударяют щит,
 А за балконом вся Россия
 Как ямб торжественный звучит.

В «Элегии» он формулирует некую меру мировой вертикали: «*Пушкинским стихотворением / Пролетает высота*». Дано было ему показать и во многом про- роческую картину нового мирового порядка, когда «тесной станет земля, как тюрь- ма», и возобладает «знание», что «ни Бога, ни ада, ни вечности нет».

И когда зазвенит над кружащимся миром труба,
 И когда над землей небеса распахнутся как
 двери,
 И погаснут огни, и откроются в skleпах
 гроба —
 То никто ничего не поймет и никто не поверит.

И все же большая часть стихов Смоленского выражает не эпические, замкнутые или опрокинутые в будущее формулы, а экзистенциальное и истинно диалек- тическое погружение автора в свои душевные глубины.

Как сердце взволнованно бьется
 В ответ на чужое биенье,
 Как звезды сияют чудесно
 В ответ на сияние глаз —
 Но сердце твое разорвется
 И станет добычею тленья,
 И звезды, в пучине небесной,
 Погаснут в назначенный час.

И будет одна иль другая
 Судьба у тебя в этой краткой,
 Бессмысленной жизни — в итоге
 Все судьбы пред смертью равны.
 Безжалостна правда земная,
 Беги от нее без оглядки
 В мечты о бессмертье и Боге,
 В безумье, в поэзию, в сны.

То менее, то более острое чувство неотвратимости своей смерти стало для по- эта каждодневным личным Апокалипсисом. Выражая его, автор порою впадает в душевное кокетство («Как медленно я умираю...»), порой готов пожертвовать «жалким бессмертьем» за земную «каплю света» (ведь будто бы «пуста / Над миром ледяная высота»), порой отождествляет лежанье в постели с лежаньем в могиле, а порой умудренно заявляет, что «смерти нет» вообще. В итоге возобладало понима- ние призрачности именно этого, посюстороннего мира.

Не плачь, не плачь, все это сон и бред —
 И ты, и я, и этот тусклый свет.
 И этот тесный дом, и этот низкий свод,
 Толкни его рукой — он поплывет.

Наиболее глубоко опыт поэтического смертеведения Смоленского выражен в этих строках:

Я слишком поздно вышел на свиданье —
 Все ближе ночь и весь в крови закат,
 Темна тропа надежд, любви, мечтаний,
 Ночь все черней, путь не вернуть назад.
 Я заблудился в этом мраке душном,
 Глаза открыты — не видать ни зги,
 Кружит звезда в эфире безвоздушном,
 О Господи Распятый, помоги!

Я стал немым, но лира плачет в мире,
 О Господи, дай смерть такую, чтоб
 В гробовой тьме я прикасался к лире,
 Чтоб лирой стал меня объяввший гроб.

Невольно вспоминается «нощелюбивая» и «смертелюбивая» лирика «*полузабытого, но гениального*», по выражению Ю. Лотмана, поэта Семена Боброва, у которого «гроб стал и единицей измерения человеческой жизни, и своеобразным квантом исторического процесса».

О ночь! — лишь погрузишь в пучину мрака твердь,
 Трепещет грудь моя; в тебе мечтаю смерть;
 Там зрю узлы червей, где кудри завивались;
 Там зрю в ланитах желчь, где розы усмехались.
 Одр спящего и гроб бездушный — все одно;
 Сон зрится смертью, смерть сном, и все равно.
 Открою, где чертог премудрость жидет свой;
 На мшистых сих гробах, где мир небесный веет!
 Ступай! — учись! — гроза прошла, — луна багреет...

Нетрудно заметить, вероятно, невольную преемственность некоторых образов, при всей стилистической, через полтора века, разнице: лиричность Смоленского — ценой отказа от былого эпического космизма («томительный и жалкий звездный свет / Не нужен в темноте существованья»). Смоленский ждет от смерти какого-то последнего земного знания и даже красоты, вопреки трактовке французского философа русского происхождения Владимира Янкелевича, утверждающего «*абсолютную апоэтичность*» смерти: «Смертью просто-напросто оканчивается существование эмпирической промежуточности. Можно ли такой кризис почувствовать на „собственной шкуре“, можно ли его испытать? Нам приходится умирать, но *самой смерти* мы не испытываем; сама смерть, последнее пограничное событие, является объектом нового и внезапно обрывающегося опыта». Смоленский выражает не истину сомнения, как С. Бобров, и не истину рассудка, как В. Янкелевич, а истину ясной, в парадоксальности, своей веры.

.....
 Когда поймешь, что все на свете ложь, —
 Лишь смертная правдива в муке дрожь, —
 Что мертвый лик воистину красив,
 Что только мертвый рот красноречив,
 Тогда ты замолчишь и будешь ждать,
 Чтоб смерть сняла с молчащих губ печать.

Но на новой ступени «спокойного, как торжество», отчаяния «даже смерти не ждатель — даже чуда». Сердце каменеет, и «последним местом земным», «чтобы сердце согреть ледяное», оказывается уже хорошо прописанная в поэзии (начиная с того же С. Боброва) кабацкая стойка.

А вот эти строки вполне можно назвать парадоксальным апофатическим *эмигрантским заветом*:

Здесь Бога нет, Он где-то там,
 Он где-то — иль нигде — над нами,
 Не поднимайте ж к небесам
 Глаза, сожженные слезами.

Примите тлен и нищету
 Земли и, вместе с ней сгорая,
 Все разлюбив, все понимая,
 Клонитесь молча в темноту.

Впрочем, сам поэт, как отмечено выше, обладал опытом ощущения на себе всевидящего и умудряющего Божьего ока. Если в стихотворении «Святой Франциск Ассизский» Смоленский переводит в стихи традиционный богословский опыт: «Надо, чтоб в вере сгорело ненужное знание», — то в «Ангеле Смерти» (с которым поэт не раз общается в своих стихотворениях) автор в своем обращении к

посланнику свыше сам надеется поэтически богословствовать: «Но оставь мне малый срок, мне надо / Богу дописать стихотворенье».

Четверостишие, давшее название книге:

О гибели страны единственной,
 О гибели ее души,
 О сверхлюбимой, сверхъединственной
 В свой час предсмертный напиши.

Сам он — написал, оставив это открывающее выход в иные миры чувство «сверхъединственности». В книгу также входят фрагменты «Воспоминаний» и «Мысли о Владиславе Ходасевиче», «проницательном реалисте».

Александр ЛЮСЬИЙ.

*

«ОДНАЖДЫ БАРКОВ ЗАШЕЛ К СУМАРОКОВУ...»

Г. А. Гуковский. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. Общая редакция и вступительная статья В. М. Живова. М., 2001, «Языки русской культуры», 367 стр.

В год смерти Пушкина появился первый «Очерк русской словесности XVIII столетия». Его автор Николай Стрекалов меланхолично замечал: «Отечественная словесность XVIII века представляет довольно безотрадное зрелище». Прошло почти столетие, прежде чем за этим «безотрадным зрелищем», за «унылой пустыней классицизма» открылась яркая картина литературной жизни. Ее первооткрывателем явился Григорий Александрович Гуковский. «У Гуковского в ранней молодости (мы тогда с ним как раз познакомились) был особый комплекс противостояния... Эта наивная, задиристая позиция принесла, как ни странно, отличные плоды — открытие русской литературы XVIII века», — писала Л. Я. Гинзбург. Дело в том, что предшественники Гуковского (П. П. Пекарский, М. И. Сухомлинов, М. Н. Лонгинов...), сделавшие очень много для изучения XVIII века, воспринимали эту эпоху как время господства «серого ложноклассицизма», как «предпушкинскую неведомую и темную эру». И в этом смысле Гуковский действительно совершил открытие, показав вместо «ожидаемого серого однообразия» «оживленную картину литературных направлений» и яркую художественную жизнь.

«Мало кто интересуется поэзией XVIII века; никто не читает поэтов этой отдаленной эпохи». Эти слова, открывающие вышедшую в 1927 году книгу Гуковского «Русская поэзия XVIII века», за редкими исключениями можно отнести и к нашему времени — к моменту нового издания ранних работ ученого. В частности, и поэтому переиздание работ Гуковского ожидалось достаточно давно. И вот, вслед за вышедшим в 1999 году переизданием учебника Гуковского «Русская литература XVIII века», последовали «Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века». Этот том включает в себя исследования молодого ученого, печатавшиеся с 1926 по 1929 год.

Впрочем, подход к литературному процессу и круг научных интересов Гуковского определились уже в самом начале 20-х годов — ко времени окончания университета. И это, пожалуй, не случайно: Григорий Гуковский, которому было в ту пору чуть больше двадцати лет (он родился в 1902 году), именно в это время начинает читать лекции по русской литературе XVIII века, а по воспоминаниям Л. Я. Гинзбург, «Гриша говорит, что... лучшие мысли возникают у него в процессе говорения (особенного, лекторского)».

Что же заставляет ждать переизданий работ двадцатилетнего ученого, написанных около восьмидесяти лет назад, и есть ли вообще смысл переиздавать эти работы? Смысл есть, и более того, «Ранние работы...» — одна из важнейших нынешних публикаций филологических трудов 20-х годов.

Рецензируемый том представляет собой своего рода «собрание сочинений» молодого Гуковского. Кроме книги «Русская поэзия XVIII века» в том включены ста-

ты, печатавшиеся в сборнике «Поэтика», и две статьи на французском языке, вышедшие впервые в «Revue des Etudes slaves». Конечно, ряд существенных моментов истории поэзии XVIII века остался не отраженным в книге. Можно надеяться, что благосклонный читатель не посетует на меня за это, памятуя, что условия работы всякого исследователя XVIII века сильно напоминают условия деятельности путешественников XVI или XVII веков», — пишет Гуковский в книге «Русская поэзия XVIII века». Сама эта книга представляет собой ряд очерков, на первый взгляд не объединенных единой концепцией. Однако все не так просто. В первом очерке — «Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова» — рассказывается «о двух поэтических системах, о направлениях, жизнь и борьба которых составила главным образом содержание 40-х, 50-х годов и даже более позднего времени». Грубо говоря, в этих словах и заключается тот взгляд на развитие русской словесности XVIII века, который предлагает Гуковский, и две эти поэтические системы — разумеется, системы Ломоносова и Сумарокова. «Комплекс противостояния» ученого проявляется и здесь. В первом же очерке (или главе) своей книги Гуковский прямо ставит большой вопрос о подражательности русской литературы XVIII века. Не отрицая фактов заимствования и даже приводя многочисленные их примеры, Гуковский отвергает мнение о «простом подражании французским образцам» и объясняет все иначе — «не слепок, не бездушный лик», не «ложноклассицизм» (как полагал, например, Н. Н. Булич), а ситуация ученичества. И далее, основываясь на работах своих предшественников (в частности, В. Сиповского), посвященных связям литературы XVIII века с древнерусской традицией, разворачивает их наблюдения и делает вывод, достаточно неожиданный для 20-х годов: «...разнообразные воздействия, скрещиваясь, создавали нечто своеобразное, нечто оригинально-русское; ибо они попадали в сферу действия старых русских традиций, переданных современникам Тредиаковского или Ломоносова еще XVII веком и Петровской эпохой».

Примечательно, что несколькими годами позже, в совсем уже другое время и в другую научную пору своей жизни, Гуковскому тоже пришлось «оправдывать» литературу XVIII века. Так, в 30-е годы Гуковский совместно с В. А. Десницким выступил против взгляда на русскую литературу XVIII века как на «мало интересную», на классово чуждую, а потому не требующую изучения, как на литературу, расположенную «в одном из отдаленных закоулков». Но в первой главе книги «Русская поэзия XVIII века» это «оправдание» имело совсем иной характер — Гуковский не защищался, а нападал.

Кратко описав литературное пространство XVIII века и одним ударом отменив понятие «ложноклассицизм», Гуковский показывает, как из разнообразия литературных влияний появляются «свои собственные... поэтические системы», с «новыми именами, с новой славой».

«В 1741 г. из Германии вернулся в Россию Ломоносов... Своим творчеством он создал целое литературное направление». По Гуковскому, «литературному направлению» Ломоносова присущи «лирический подъем и восторг», ведущие за собой многочисленные метафоры, славянизмы, библейские выражения, «поддерживающие общую атмосферу величия слога». И если для Ломоносова «восторженный пиит руководим в своем пении не разумом, но восхищением», то для А. П. Сумарокова именно без руководства «острого разума» поэт «набредит и бредом своим себе и несмысленным читателям поругание сделает».

В Сумарокове Гуковский видит «новое, более молодое течение», столкнувшееся с литературным направлением Ломоносова. Он — полный антипод Ломоносова: главное для Сумарокова — это «ясность и чистота» в стихах, отказ от искусственности, а значит, и от «фигурности» и метафоричности речи; важнее всего для поэта простота и естественность, и плох тот, кто создает «речь совсем необычайну, надуту пухлостью, пушенну к небесам».

Столкновению и борьбе этих двух систем и посвящена первая глава книги. Начав с критики, Сумароков стал использовать «орудие еще более страшное — пародию». Впрочем, и Ломоносов отвечал тем же. В завязавшуюся литературную войну стали втягиваться молодые силы — «современники живо ощущали разлад на Парнасе, многие из них определяли свои вкусы той или иной системой и становились на сторону одного из поэтов». Гуковский очень подробно описывает перипетии

тии литературной войны, в которую включился и сторонник Ломоносова Поповский. Однако с появлением в 1759 году журнала Сумарокова «Трудолюбивая пчела» соотношение сторон резко изменилось. Так, именно после возникновения «Трудолюбивой пчелы», а затем «Полезного увеселения» можно говорить о появлении сумароковской школы: «Это решительная атака сомкнутыми рядами, приступ, для которого Сумароков мобилизовал все свои силы». Вместе с тем даже после этого «приступа» война не закончилась, споры о преимуществах поэзии Ломоносова и Сумарокова не умолкали и позднее.

Вряд ли, вслед за Гуковским, столь яростную полемику можно объяснить только «взаимным положением Ломоносова и Сумарокова в литературе». Скорее дело и в различных взглядах на развитие русской словесности, и в истории личных отношений, и в том, на какую традицию опираются эти авторы. Как замечает И. З. Серман, «мы должны исходить в своих оценках известных нам русских литературных фактов не только из них самих, но и обязательно реконструировать общеевропейский литературный контекст... который они (Ломоносов и Сумароков. — Ф. Д.) хорошо знали и с которым соотносили свои решения насущных литературных проблем эпохи». Именно этого не хватает Гуковскому в его описании литературной войны Ломоносова и Сумарокова и сумароковских учеников.

Впрочем, не освещая европейского контекста полемики, Гуковский подробнейшим образом описывает ее развитие. И тогда становится понятным снисходительное замечание Сумарокова 1774 года: «Мне уже прискучилося слышати всегдашние о г. Ломоносове и о себе рассуждения». Однако «слышати» приходилось еще долго — если и не Сумарокову (он умер в 1777 году), то его младшим современникам, русскому читателю конца XVIII — начала XIX века. Кроме многочисленных эпиграмм, пародий и критических статей, появляются и такие тексты, как «Разговор в царстве мертвых Ломоносова и Сумарокова» Федора Карина (по свидетельству современника — Н. Е. Струйского). Примечательно, какое влияние приобретали эти «рассуждения» — вряд ли «законодатель российского Парнаса», часто указывающий в эпиграммах на Ломоносова на его чрезмерные возлияния, мог предугадать, что его младший современник, Семен Бобров, которого в начале XIX века сравнивали с Ломоносовым, будет упрекаем в том, что «пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться», и не в том дело, что «покойник и вправду выпить любил», а в укорененной литературной схеме.

Со смертью Ломоносова в 1765 году борьба «литературных направлений» отнюдь не заканчивается. Напротив, все только начинается. «Усвоив систему Сумарокова, они (ученики поэта. — Ф. Д.) принялись за самостоятельное продолжение его труда», — пишет Гуковский и, следуя своей любимой мысли о взаимодействии различных культурных пластов, замечает: «Рядом с элементами нового крепко держится и старое, составляющее фон, в который вплетаются новые штрихи». Однако в 1766 году в литературе появляется человек, творчество которого сложно определить как просто «новый штрих» в сумароковском направлении. Речь идет о Василии Петрове, «попытавшемся сказать новое слово, отчасти напомнившее Ломоносова». К сожалению, Гуковский не слишком подробно говорит об этом поэте, чье творчество представляет собой сложный сплав и ломоносовской (прежде всего), и сумароковской традиций. Вот уж когда «верьхи Парнасски возстенали» и литературная полемика разгорелась почти с прежней силой. Впрочем, Гуковский, стремясь четче выстроить свою картину литературного развития, отказывается от «ряда существенных моментов». Дело в том, что главное уже сказано им: «...школе Сумарокова принадлежала руководящая роль в развитии русской литературы ближайших годов и даже десятилетий».

Итак, теперь схема развития русской словесности XVIII века, предлагаемая Гуковским, делается совсем прозрачной: литературный процесс XVIII столетия составляют два борющиеся литературные направления, различные по своим поэтическим, эстетическим и прочим установкам, — «школа Сумарокова», требующая простоты и ясности в противовес «пышности» ломоносовского стиля. Но и внутри «сумароковской школы» идет «оживленная поэтическая работа». Позволим себе привести анекдот, записанный Пушкиным, который занятно иллюстрирует предложенную Гуковским концепцию:

«Сумароков очень уважал Баркова как ученого и острого критика и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков... пришел однажды к Сумарокову.

— Сумароков великий человек! Сумароков первый русский стихотворец! — сказал он ему.

Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему:

— Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй — Ломоносов, а ты только что третий.

Сумароков чуть его не зарезал.

Сумароков Баркова так и не зарезал, однако борьба за звание первого стихотворца, пусть не всегда в подобной форме, велась на протяжении всей второй половины XVIII столетия. Описанию этой борьбы и раскрытию вышеизложенной концепции, ее детализации посвящены остальные очерки и статьи Гуковского, собранные в книге.

Следующие четыре главы книги «Русская поэзия XVIII века» по характеру материала можно объединить в пары. Так, очерк «Элегия в XVIII веке» и «Об анакреонтической оде» посвящены соответственно развитию двух жанров русской поэзии. Гуковский прослеживает историю жанра элегии от Третьяковского («О, кто щастливый еще не бывал в разлуке!») до кризиса «элегии 60-х годов», приведшего в дальнейшем к ее гибели. И тогда появляются пародии: «Что ж делать мне теперь, терзаться и стенать, / Грустить, печалиться и млеть и тлеть, вздыхать, / Леденеть, каменеть, скорбеть и унывать, / И рваться, мучиться, жалеть и тосковать, / Рыдать и слезы лить, плачевный глас пускать / И воздух жалостью моею наполнять».

И по мнению Гуковского, последующее бытование элегии («элегия Батюшкова и потом Пушкина») ничего общего с *элегией* сумароковской и херасковской, «самая память» о которой «изглаживалась», не имеет. Между тем, хотя литераторы начала XIX века действительно опирались на совсем иную традицию и, как замечает Н. В. Сушков, вспоминая первые годы XIX столетия, «элегий Сумарокова давно уже никто не читал», все же традиция сумароковской школы не умерла и оказала определенное — пусть и не очень значительное — влияние на развитие жанра элегии, что, впрочем, требует специального «расследования».

Очерк, посвященный анакреонтической оде, особенно интересен тем, что определяющим признаком этого жанра Гуковский впервые называет «метрическую характеристику» как «замечательный пример жанрового мышления эпохи». Гуковский, как справедливо отмечает В. М. Живов, игнорирует вопрос тематического развития русской анакреонтики, «однако его работа фиксирует ту формальную динамику жанра, которая неразрывно связана с его содержательной эволюцией». Одним словом, «Мне петь было о Трое, / О Кадме мне бы петь, / Да гусли мне в покое / Любовь велют звенеть».

В последних главах «Русской поэзии...» Гуковский переходит от истории развития поэтических жанров к отдельным авторам. И здесь возникает фигура Алексея Андреевича Ржевского.

По большому счету именно Гуковский «открыл» поэзию Ржевского, показав, что литератор, чье творчество «замкнуто в промежуток времени всего нескольких лет», — крупный поэт, и не только в глазах своих современников.

Ржевский интересен Гуковскому прежде всего как ярчайший представитель «сумароковского направления» (ср. письмо Ржевского Сумарокову: «Я вас начал почитать почти с рабства (sic!), я видел ваши ласки ко мне с тех же пор»), наравне с Херасковым наиболее полно выразивший «смысл и содержание изменений» в литературной системе Сумарокова. И статья о Ржевском — о том, как из «среды сумароковского направления выросло его отрицание», как «[п]оэзию простоты сменяла поэзия искусственности». Ржевский «создал поэзию изящного ухищрения, сознательной, подчеркнутой игры, он обнажил перед читателем закулисную механику поэзии, он снова стал эквилибрировать на канате, в то время как Сумароков хотел убедить публику, что он ходит по земле». Кажется, эти слова и републикация всего очерка о Ржевском в очередной раз доказывают необходимость нового достойного комментированного издания творческого наследия этого канатоходца в поэзии, а то,

что «Чертами многими нам Ржевский показал, / Что он к словесности похвальну страсть питал: / Он вкусом, знанием и слогом в ней блистал; / И если б звание его не скрыло пышно, / В писателях его бы имя было слышно», — нам объяснил еще в 1807 году Александр Палицын в «Послании к Привете...».

Впрочем, обращаясь в следующем очерке «Русской поэзии XVIII века» к творчеству Г. Р. Державина, говоря об авторе, который, казалось бы, совсем не нуждается в представлении (так, уже в 1883 году вышел последний — справочный — том превосходного академического издания сочинений поэта, подготовленного Я. К. Гротом), Гуковский предлагает нечто новое. Вопреки установившейся научной традиции, Гуковский прямо указывает на «явственные следы последовательного подражания Сумарокову», на то, что, «как ни велико было почтение молодого Державина к Ломоносову», он все же по молодости принадлежал прежде всего к «сумароковскому направлению», и на разнообразие литературных традиций, «разнородных элементов», которые усваивает поэт и «вольное обращение» с которыми привело к знаменитому разрушению жанровой системы. И в конце главы о Державине, а значит, в финале книги «Русская поэзия XVIII века», Гуковский делает вывод, сводящий все ранее высказанные соображения воедино: «Таким образом, творчество Державина, вытекаая из всего хода развития поэзии с 40-х по 70-е годы, подводя итоги этому развитию, привело к созданию новых формаций и явилось началом новой эры в истории русской поэзии».

Статьи, публиковавшиеся в сборнике «Поэтика» и собранные в рецензируемом издании, и по материалу, и по подходу продолжают и дополняют книгу «Русская поэзия XVIII века». Так, статья «Из истории русской оды XVIII века. (Опыт истолкования пародии)» посвящена так называемым «вздорным одам» — «пародиям на торжественные оды, в частности на оды Ломоносова», и показывает, что Сумароков в это время пародировал не определенный текст Ломоносова, а, что гораздо важнее, все его «литературное направление». Однако «вздорные оды» — не единственная научная проблема, освещаемая Гуковским на страницах сборника «Поэтика». Чуть ранее — в 1926 году — вышла его статья «О сумароковской трагедии».

Ю. М. Лотман в очерке «Двойной портрет» справедливо замечает: «Отличительной чертой подхода Гуковского было то, что в центре внимания оказывается один излюбленный им персонаж... В первой книге таким персонажем был Сумароков...» И в этом смысле одинаково пристальное внимание Гуковского и к «вздорным одам», и к «сумароковской трагедии» вполне понятно. «Изучая судьбы русской литературы додержавинской эпохи, я пришел к убеждению, что главенствующим направлением в конце 50-х, в 60-х и даже 70-х годах было то, которое осуществлялось школой Сумарокова... Во всяком случае, история русской трагедии в середине XVIII столетия — это история сумароковской трагической системы». Разбирая эту «трагическую систему», Гуковский отрицает механическое перенесение французской трагедии на русскую почву и указывает на факт использования лишь отдельных ее элементов, «получивших, конечно, иной смысл в новой связи приемов». (Это, по Гуковскому, прежде всего «крайняя экономия средств» — уже знакомая нам «естественность».)

Примечательно, что примерно в то же время — в конце 20-х годов — этой проблемой занимался другой ученый — современник Гуковского. Борис Исаакович Ярхо, чья работа «Распределение речи в пятиактной трагедии» была (почти через семьдесят лет после создания) недавно опубликована («Philologica», 1997, № 8-10, стр. 201 — 288), совсем иначе подходит к проблеме «связи приемов» в трагедии. Указывая на необходимость количественного подсчета при исследовании структуры трагедии, отказываясь от связанного с исследовательской интуицией «дедуктивного метода», Ярхо призывает к «коллективной „муравьиной” работе». Здесь не место подробно разбирать отличия подходов Гуковского и Ярхо, однако представляется, что «муравьиный» труд Ярхо, ученого, стремящегося сделать науку о литературе строго доказательной и точной, способен многое скорректировать в широко концептуальной, пронизанной пафосом первооткрывателя работе Гуковского (интересно, например, что если Гуковский приходит к мысли о самостоятельности трагической системы Сумарокова, то Ярхо, рисуя схемы распределения речи персонажей в пьесах различных драматургов XVII и XVIII веков, делает вывод, что существует «единый вкус эпохи» и что в трагедиях Сумарокова как в «продуктах

классического вкуса» достаточно много общего с пьесами, например, француза Дюсиса — «независимость этих двух поэтов друг от друга не подлежит сомнению», однако «единый вкус эпохи» приводит их к схожим художественным результатам).

По мнению В. М. Живова, статьи Гуковского «К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы)» и «О русском классицизме» «знаменуют новый подход к истории литературы». Эти исследования, представляющие собой две части одной работы, действительно заметно отличаются от более ранних. В них Гуковский стремится выявить основные черты русского классицизма, определить «художественный фон» эпохи, исследовать «историко-литературную среду» — все это для того, чтобы ответить на вопрос, «что же... создавало единство всей эпохи, которого невозможно не замечать». Разбирая проблему поэтических состязаний, многочисленных заимствований, бытования принципа анонимности, Гуковский приходит к неожиданному для его времени выводу, с которым мы теперь настолько свыклись, что уже не замечаем его новизны. Все эти литературные факты XVIII века ученый объясняет не «серым однообразием» «ложноклассицизма», а отражением того самого «духа эпохи», заключающегося в представлении поэтов о существовании вневременной абсолютной истины. Так, «поэты обязаны без конца... браться за решение той же задачи, пока не будет найдено идеальное словосочетание», осуществлен идеальный перевод, создано идеальное поэтическое произведение — одним словом, до тех пор, пока Ломоносов не воскликнет: «Восторг внезапный ум пленил», а Сумароков как бы между делом не заметит: «Стихи по правилам премудрых Муз текут».

Пути, «вехи будущих изысканий» установлены. «Открытие» XVIII века состоялось.

В двух статьях Гуковского на французском языке речь идет о рецепции творчества Расина в XVIII веке. Если первая статья (подзаголовок — «Критика и переводчики») посвящена выяснению вопроса о степени влияния Расина в России (рассматриваются тексты от «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» Тредиаковского (1735) до вышедшей в 1805 году «Федры» в переводе В. Анастасевича), то во второй статье (подзаголовок — «Подражатели») исследуется уже проблема конкретного, реального влияния расиновских трагедий на русские сочинения — прежде всего на пьесы Сумарокова и Хераксова.

Положения, выдвинутые в очерках Гуковского, в той или иной степени стали классикой отечественного литературоведения, и нам иногда сложно понять, насколько новаторский характер они имели в 20-е годы. Прочнее же всего укоренилась концепция противостояния ломоносовского и сумароковского направлений, существования особой «школы Сумарокова». Разумеется, схема эта так или иначе нуждается в корректировке, и она корректировалась (например, в исследованиях Л. В. Пумпянского — в частности, по поводу функции «парения» в стихах Ломоносова, или в статье П. Н. Беркова «Жизненный и литературный путь А. С. Сумарокова», или в недавней (1992 год) работе М. С. Гринберга и Б. А. Успенского «Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов», где говорится, что «едва ли не центральное место» в литературной борьбе середины XVIII века занимает полемика *Тредиаковского* и Сумарокова...)

Но при всем том концепция Гуковского до сих пор действенна и актуальна. Это отмечал и Ю. М. Лотман в 1959 году: «Данный Г. А. Гуковским анализ художественного метода Сумарокова широко вошел в исследовательскую литературу и в основном сохраняет свой кредит и в настоящее время» (Лотман здесь, разумеется, имеет в виду и более поздние работы ученого). Очевидно это и сейчас, и, как замечает современный исследователь, «эта концепция в основном выдержала испытание временем» (А. Зорин).

Заметим, что концепция эта так или иначе уже существовала со второй половины XVIII века. Так, например, Александр Грузинцов писал в 1803 году: «К сожалению России, сии два Гения [Ломоносов и Сумароков] разделялись несогласием, чему нигде и ни в какое время быть не должно было. Гений, изторгши из невежества г. Ломоносова, невероятною силою прямо вознес его на Геликон. Нужно было для г. Сумарокова советоваться с Лириком, а не ссориться; вот главная черта, которая их устыжает больше, чем литературные их ошибки». И не поспоришь.

Осмелимся не согласиться с В. М. Живовым, полагающим, что молодому Гуковскому, в отличие от его старших современников-коллег (Тынянова и Якобсона), не свойственна «сомнительная дискурсивная практика» «перебрасывать мостик» от авторов изучаемой им эпохи к современной словесности — к «литературному сегодня». Помимо того, что вряд ли эту «дискурсивную практику», составляющую одну из характерных черт формализма, имеет смысл называть «сомнительной» и не слишком «исторически оправданной», она к тому же, как представляется, достаточно важна и для Гуковского. Сам Живов указывает на слова Гуковского: «...общий эмоциональный тон, пафос, присущий той молодой, бодрой эпохе, — должен радостно и желанно восприниматься современным читателем...» Как представляется, эти слова не просто «отголосок» формалистских идей, но и определенная позиция, во многом связанная все с той же проблемой «открытия» литературы XVIII века. Примечательно, что позиция эта, несколько отличающаяся от тыняновской, не столь очевидным образом проявляется и в отдельных статьях Гуковского. Для примера вернемся к характеристикам двух поэтических систем, которые дает Гуковский. Систему Ломоносова отличает «высокая речь, оторванная от привычного практически-языкового мышления», «моменты описания, из которых вытравлена конкретная образность», «Ломоносов... подчас доходит до туманностей»; Сумароков же, по Гуковскому, напротив, ратует за «легкое восприятие и верную передачу сущности данного психологического состояния», «[д]ля него слово это как бы научный термин, имеющий точный и вполне конкретный смысл; оно прикреплено к одному строго определенному понятию», «[о]твлеченный, астральный восторг Ломоносова покинут, хотя основной стихией поэзии является лирика». Как нам представляется, в этих характеристиках Гуковский, специально не проговаривая, отсылает читателя к современной ему литературной ситуации — к относительно недавним полемикам символистов и акмеистов. Хотя в действительности расхождения между этими двумя направлениями начала XX века не всегда и не во всем были жесткими, однако очевидно, что современниками они подчас воспринимались как две различные литературные программы. И определения, которые дает Гуковский системам Ломоносова и Сумарокова, очень напоминают критические выступления 10-х годов XX века — вспомним, например, статьи В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» 1916 года («взамен мистического прозрения в тайну жизни — простой и точный психологической эмпиризм, — такова программа, объединяющая „гиперборейцев“») и «Метафора в поэтике русских символистов» (с которой Гуковский мог быть знаком) или манифесты и рецензии акмеистов.

В пользу предположения о своеобразном «перекидывании мостика» в работах Гуковского свидетельствует и взгляд ученого на собственное научное творчество, его стремление к созданию открытой, «эмоциональной» науки. В письмах к Евгении Яковлевне Ленсу, опубликованных Д. В. Устиновым в № 4 (44) «Нового литературного обозрения» за 2000 год, Гуковский писал: «Ведь и мне... очень свойствен такой путь мысли: от воображения, от эмоции к мысли, а не наоборот». Это восприятие литературы через воображение, отношение к литературному процессу как к живому организму проявлялось и в мелочах — Алексей Алмазов в очерке «Гуковский и „западники“» вспоминает, как однажды Гуковский проводил консультацию для студентов: «Он сразу взял тон непринужденной дружеской беседы, легко переходил от темы к теме, отвлекался в сторону, сыпал острыми и неожиданными формулировками: „Ломоносов, конечно, понимал, что Анна Иоанновна тоже не компот“. „Когда говорят о ‘Новой Элоизе’, у меня поднимается температура“». Отношение к литературному процессу как к чему-то бесконечно увлекательному и создает «ощущение живой сопричастности своему предмету», отмечавшееся многими и сохранившееся и в поздних работах.

И трудно согласиться с Ю. М. Лотманом, заметившим в письме 1984 года, что «уже нельзя читать Гуковского, кроме самых ранних работ», равно как и с В. М. Живовым, полагающим, что «[х]ронос поторопился расправиться с теми трудами почтенного автора, которым присуща характерная колористическая гамма сталинской эпохи». Вряд ли можно говорить и о безусловном «добровольном компромиссе» Гуковского в 30-е годы — все гораздо сложнее и неоднозначней (см., например, мемуары Ленсу, заставляющие вспомнить позицию О. Мандельштама 30-х го-

дов, описанную М. Л. Гаспаровым: «Пора вам знать, я тоже современник»). «Г. А. Гуковский умел намечать для себя далеко идущие перспективные дороги, — писал Лотман уже в начале 90-х годов. — ...В нем были два человека: один как будто точно знал, куда идет литература, и готов был ее учить, другой всегда стоял на пороге двери, открытой в неизвестность, и готов был заново учиться. Именно этот второй Гуковский был наиболее плодотворен для своих учеников...» Это замечание способно многое объяснить. Кажется, что «гамбургский счет», предъявляемый Гуковскому Живовым, в этом отношении неуместен. А о том, что «хронос» все же не «расправился» с поздними работами ученого, свидетельствуют недавнее переиздание его учебника 1939 года «Русская литература XVIII века», а также ссылки на эти работы — в том числе и в блестящей книге В. М. Живова «Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века».

В последнее время вышло несколько ярких работ, задающих новые перспективы в изучении XVIII века, — исследований, совершенно различных и по подходам, и по отбору материала. Назовем монографию В. Д. Рака «Русские литературные сборники и периодические издания» (СПб., 1998), посвященную переводной литературе второй половины XVIII века, книгу В. М. Живова «Язык и культура в России XVIII века» (М., 1996), книгу А. Л. Зорина «Кормя двуглавого орла» (М., 2000) и, наконец, долгожданное издание «Сборника трудов по истории русской литературы» Л. В. Пумпянского (М., 2000). В этом контексте переиздание работ Гуковского становится особенно актуальным, и, без сомнения, справедливо замечание Живова: «Фундаменты, как мы знаем, изнашиваются и требуют обновления, но для этого занятия существующую конструкцию надо обследовать. Эта надобность и побуждает переиздавать ранние работы Гуковского». Вместе с тем приходится признать, что долгожданного издания Гуковского мы так и не получили. В рецензируемом томе, лишенном именного указателя, включающем непереуведенные французские статьи, только вступительная полемическая статья Живова действительно посвящена обновлению фундамента. Между тем совершенно очевидно, что требуется новое, комментированное издание работ Гуковского — и ранних, и поздних: такое издание, с пространными комментариями (как, например, в сборнике работ Ю. Н. Тынянова «Пушкин и его современники»), со сверкой цитат, и вправду могло бы выполнять роль фундамента, и общая «муравьиная работа» от этого только бы выиграла.

К сожалению, снова остается ждать. Но приглашение к «открытию» уже лежит на столе. Дело за «малым» — преодолеть «препятствие, поставляемое на первых порах устарелым, на современный слух даже несколько неповоротливым языком», прочитать поэтов той отдаленной эпохи. А затем — «пройти с компасом исследования в руках».

Филипп ДЗЯДКО.

КНИЖНАЯ ПОЛКА НИКИТЫ ЕЛИСЕЕВА

+2

Борис Акунин. Внеклассное чтение. Роман. СПб., Издательский дом «Нева», 2002, 200 стр.

А чем плохо стать автором сказок для взрослых? Почему Стивенсону можно, Честертону можно, Дюма-перу можно, а русскому писателю нельзя? Б. Акунин в новом своем романе про потомка Эраста Фандорина, сочиняющего электронную игру про предка Эраста, точно определил место своего создания — в детской, где взрослый рассказывает сказку детям на сон грядущий: мальчику — про битву с Кошмеем, девочке — про любовь к Марье-царевне. Именно это делает Николас Фандорин, когда в дверь его московской квартиры звонит представитель правоохранительных органов. Дверь приходится открыть и оказаться именно что в сказке про...

Кошея Бессмертного и Марью-царевну. В исторической части своего романа (про Данилу Фондоруина) Б. Акунин особо тщательно подчеркивает инфантильность, мультипликационность повествования. Главный герой этой части семилетний вундеркинд Митя (Митридат) Карпов — минимум житейского опыта, полная невинность, максимум поверхностной эрудиции, благосклонность судьбы, встраивающей в смертельно опасные приключения и спасающей от неминуемой гибели. Мультипликация, но тем и хороши мультяшки, кукольные представления Б. Акунина, что нет-нет, а полотно экрана рвется, и пораженный читатель видит нечто очень серьезное, человеческое, слишком человеческое. Как правило, это серьезное и человеческое связано с преступниками... Как вы уже поняли, в новом романе Б. Акунина перемешаны времена. Глава, описывающая приключения Данилы Фондоруина и его маленького друга, Митридата Карпова, во времена Екатерины Второй, сменяется главой, описывающей приключения Николаса Фандоруина и его маленькой воспитанницы? подруги? Миры — Куценко? Краснокоммунарской? (как обычно у Б. Акунина — женский мир гадателен, сомнителен, непредсказуем) уже в наше время. Смещение времен для Б. Акунина — историософично. По-видимому, он полагает, что наше время — время очередной вестернизации России — ближе всего не к петровской ломке, но к екатерининской... космологической (по сравнению с хирургией Петра) операции. (Недаром главная тема современной части романа — космология.) Б. Акунин как бы спрашивает образованного читателя: вы хотите сказать, что нынешняя вестернизация — несамделишна, кукольна, но поглядите-ка: точно такой же она могла показаться и во времена Екатерины. Ничего — выросла великая культура. Может быть, вообще судьба России — фантастическим образом переиначивать Европу и Азию. Может быть, вообще главная тайна русской национальной идеи — не бояться быть смешными, нелепыми, бурлескными. Великая держава, которая не боится быть смешной, — в этом, по-видимому, для Б. Акунина — расшифровка хрестоматийного афоризма насчет непонимания нашей страны — умом. Во всяком случае, в бурлескном, пародийном, цитатном, откровенно несерьезном своем романе Б. Акунин один раз заставил себя посерьезнеть, лирически отступить от приключений в рассуждениях как раз таки о западно-восточных влияниях: «Купол Воскресенского монастыря — пузатый, несуразный, не похожий ни на одно известное Николасу Фандоруину творение православной архитектуры, — засверкал позолотой над полями задолго до того, как грузовичок подъехал к тихому городку. Заглядевшись на диковинную конструкцию, Фандорин на минуту отвлекся от насущных мыслей, вспомнил жестокый патриарх Никона, который затеял в дополнение к Третьему Риму и даже в затмение оного воздвигнуть новый Господень Град. А поскольку ни патриарх, ни его зодчие в Святой Земле отродясь не бывали, то черпали сведения из европейских картин, на которых Иерусалим изображен в виде фантастического златобашенного бурга готико-мавританского обличия. Как это по-русски, подумал Николас: материализовать заведомо европейскую химеру. Но лучше уж монастырь, чем логический немецкий парадиз в одной отдельно взятой стране». Собственно говоря, это одна из главных тем Б. Акунина, которой он посвящает все свои «варьяции», — неприязнь к «логическому парадизу», уверенность в том, что благородная непредсказуемость жизни вообще и российской жизни в частности — одолеет сухие математические расчеты. Стоит только в романе у Б. Акунина появиться деятелю, делателю, работнику, пытающемуся внести рассудочную стройность в симфонию бытия, как читатель настораживается: это или несчастный безумец, или опасный преступник. Виноват, я, кажется, поступил, как тот билетер из анекдота, шепнувший опоздавшему зрителю кинодетектива: «Убийца — шофер!»

Хольм ван Зайчик. Дело лис-оборотней. Перевод с китайского Е. И. Худенькова и Э. Выхристюк. СПб., «Азбука-классика», 2001, 350 стр.

Хольм ван Зайчик. Дело победившей обезьяны. Перевод с китайского Е. И. Худенькова и Э. Выхристюк. СПб., «Азбука-классика», 2002, 350 стр.

Шаг от феодализма до социализма, шаг от социализма к феодализму — короче воробьиного клюва и глубже Марианской впадины. Страшно и приятно вместе заглядывать в эту узкую, как укол божьей шпаги, рану. Хольм ван Зайчик — быв-

ший голландский коммунист, бывший советский шпион, в годы Второй мировой войны помогавший СССР и США справиться с фашизмом и сохранивший в себе гуманистический исток коммунизма — мечту о всесветном братстве народов и людей, передал своим переводчикам, Евстафию Худенькову и Эмме Выхристюк, новые два романа о приключениях ордусских детективов Багатура Лобо и Богдана Руховича Оуянцева-Сю. В первом действии происходит на Соловецких островах, описанных (надо отдать должное голландцу, забывшему о существовании родной Голландии ради полюбившихся ему России и Китая) очень узнаваемо. Тема первого романа очень близка одному из представителей переводчиков Хольма ван Зайчика, Вячеславу Рыбакову: как это мучительно, что европейская, христианская традиция не предполагает многоженства. (Кажется, дела с этим в Европе изменяются с пугающей быстротой.) Вообще говоря, Хольм ван Зайчик гораздо больший европеец, чем сам предполагает. Мир, изображенный им, чаемый европейскими либералами и социал-демократами, мультикультуральный веротерпимый мир разных конфессий и наций, — утопия западного образца, а не идеальное общество восточного чекана. Действие второго романа происходит в Москве. Тема — «Анти-Государь», «Анти-Макиавелли» — со времен Фридриха II родственная европейской культуре. Мол, нет ничего хуже и опаснее для политика, чем наживание капитала на стравливании двух противоборствующих сил и на использовании их драки в своих интересах. Иное дело, что Фридрих II *писал* «Анти-Макиавелли», но поступал частенько именно как Макиавелли. Однако это совсем другой коленкор, поскольку Хольм ван Зайчик все ж таки не Фридрих Великий.

-7

Леонид Гиршович. Суббота навсегда. СПб., «Чистый лист», «Ретро», 2001, 752 стр.

Графоманский бред, в котором нет-нет да и появляются гениальные литературные находки. Но все эти находки тонут в нечитабельной семисотстраничной лохани. Леониду Гиршовичу кто-то, видно, объяснил, что он-де — Джойс. НЕТ! Он не Джойс. Он — другой... Добро бы он еще писал красиво, толково, а то: «Три вспорхнувших орла тут не главное». Конечно, не главное. Порхают и вспархивают бабочки, воробышки и колибри. Орлы не порхают. Или: «Даже речь Ленина, которую я сейчас слышал, хоть и совпадала внешне, за вычетом какой-то чепухи, с нашей „савейской“, по сути своей не являлась таковой»... Если вы подумали, что имеется в виду речь известного экстремиста, Ленина, то вы ошиблись. Леонид Гиршович имеет в виду речь старорежимной барышни Лены. А «проломленный черный череп лужи»? (Террорист, понимаешь...) А «прямо, пукнул и извинился»? Такого рода ляпы немыслимы в романе со столь широким временным и пространственным охватом — от библейской древности до наших дней, от средневековой Испании до России XX века — каковым является «Суббота навсегда» Леонида Гиршовича.

Виктор Широков. Шутка Приапа. Роман. М., ЗАО «Издательский дом Гелиос», 2001, 317 стр.

Умелая, но несмешная пародия на бульварные романы прошлого, позапрошлого и нынешнего веков. Всевозможные стилистические ляпы, исторические и психологические ошибки оправданы тем, что это же «pulp fiction»! Тем самым писательская задача облегчается за счет благодарного реципиента-читателя. Описание злоключений современного писателя, скрывающегося от милиции из-за одного преступления, арестованного за другое, а совершившего (по всей видимости) третье, смонтировано с бульварным романом XIX века про предков этого самого писателя. (Предки нафулиганили. Сын трахнул маму, а потом — по незнанию — трахнул свою же дочку от своей же мамы.) Пародийный текст не без морали. Дескать, стремление сдобности ложно понятое приличия приводит к нарушению самих основ человеческого, цивилизованного общества. Мораль претендует на некую историософичность. Мол, к социальной катастрофе в XX веке России привело

стремление соблюсти ложно понятые приличия. В главной (современной) части романа содержатся какие-то не ясные мне намеки. Но это — для следователей, которые читали «Драму на охоте» Чехова.

Кирилл Еськов. Евангелие от Аффания. Роман. М., ООО «Издательство АСТ», 2001, 288 стр.

Неудачная попытка превратить Евангелие в шпионский роман. Из всех теологов и историков, занимавшихся проблемой Христа, Еськов изучил только Джоша Мак-Дауэлла, братьев Стругацких, Юрия Домбровского, Михаила Булгакова и... не слишком внимательно прочел Четвероевангелие. Результат — очевиден. Когда Достоевский пытается поднять бульварные жанры до уровня Евангелия, это вызывает уважение; когда Еськов опускает Евангелие до уровня весьма бестолкового детектива, то это (мягко говоря) уважения не вызывает. Речь идет даже не о немислимой модернизации, которой подвергается под пером Еськова седая древность, — в конце концов, черт бы с ним, с обращением «экселенц» среди римских военных, ну, начитался юноша братьев Стругацких, — речь идет о том изумительном, параноидальном ощущении всевластия и всемогущества спецслужб, с которым современный человек никак расстаться не может. Христианство, оказывается, тоже результат деятельности спецслужб. Римских. Древнеримских. Что тут скажешь? Шпиономания тоже лечится.

Сергей Морозов. Великий полдень. Детективный роман. М., «Астрель», 2001, 624 стр.

Неимоверно длинный фантастический детектив с потугами на сатирическое изображение жизни «верхов» и с «намекками». Аллюзии и намеки разбирать скучно, да и незачем. Сейчас в чести прямая, а не эзопова речь. Тем более, что для эзоповой речи, для намека необходим вкус, каковой у Сергея Морозова отсутствует. Когда он принимается описывать всевозможные красоты, созданные или вымечтанные главным героем его романа, гениальным архитектором, поневоле вспоминаешь шутку Набокова: «Аскету снится пир, от которого гурмана бы стошнило». Сергей Морозов не овладел одним из важнейших умений создателей текста — умением вычеркивать. Будь его роман раз в пять короче, он был бы читабельнее. Две главные идеи держат конструкцию романа. Первая — социально-эмоциональная. Ей приличествует эпитафия из Ибсена: «Юность — это возмездие». «Верхние», властные и богатые, растягивая себе возмездие. Их возмездие — это их дети. Жестокость, интриганство, властолюбие — все способности родителей приобретают у детей гомерические размеры. Другая идея романа — антидостоевская и антируссоистская. (Ее куда динамичнее давным-давно аранжировал Уильям Голдинг в «Повелителе мух».) Миф о чистом, безгрешном ребенке — опасное заблуждение. Предоставьте детишкам мощь взрослых, и они учинят Апокалипсис. И та и другая идеи — в меру спорны, в меру очевидны, то есть как раз подходят для беллетристического произведения, но роман Сергея Морозова уж очень скучен и водянист, многословен и претенциозен.

Анна Малышева. Ночь опасна. Роман. М., 2001, 430 стр.

Если вы скажете, что *это* не Дороти Сайерс, я вам поверю *без* честного слова.

Детектив домохозяйки, писанный для домохозяек. С психологической и социальной (я бы даже сказал — с этнографической) точки зрения — очень любопытная макулатура. Творческий импульс авторессы — конкурентная ненависть и зависть к представительницам высшего «среднего класса», жадным и развратным женам бизнесменов (убийца и воровка — Нина), с одной стороны, и брезгливая ненависть к неудачникам (мещанка Лика) — с другой. На этом топливе можно ездить, но... идиотизм детективной интриги означенного текста сопоставим разве что с убожеством языка Анны Малышевой. Усредненный канцелярит зрительницы телесериалов и слушательницы рассказов подруг за жизнь по телефону. «„Не хотите ли чаю?“ — Олег понял, что предложение исходило от хозяйки». (А входило, надо по-

лагать, в гостя). «„Я не слушаю”, — донеслось из шкафа. Нина исчезла там почти целиком». (Но что-то от Нины осталось, будем надеяться.) «Увидев потрясенные глаза девушки, шеф слегка смягчился». (Если глаза потрясти, они будут «потрясенные», — и шеф смягчится. Слегка.) Бог с ним, со стилем, хотя детектив — самый стильный жанр в литературе, — но интрига! детективная интрига какова! Перечислять все идиотства этого сногшибательного романа невозможно. Однако финальное идиотство — не откажу себе в удовольствии — перескажу. Как обычно, в *русском* детективе разгадывает тайну не хитроумный сыщик, а случайно созвавшийся обормот. («Коробейники» Некрасова — «Ты вяжи меня, вяжи, да не тронь мои онученьки!»... «Их-то нам и покажи».) Что убийца — жена бизнесмена, рассказывает охранник офиса ее мужа. Оказывается, ночью жена бизнесмена приехала в офис, стырила у охранника пистолет, быстренько съездила на Чистые пруды, укуцала запутавшуюся в ее сетях интеллигентку, воротилась в офис и... тихонько положила пистолет на место, а когда охранник стал проверять оружие перед сдачей смены... Нет, я глазам своим не верил, когда читал признания охранника своему шефу: «Да я насчет оружия... Вы знаете, оно в ящике стола, на ночь я его туда кладу, чтобы не таскать на себе...» Меня больше всего порадовало вводное предложение «Вы знаете». То есть шеф и его жена знают: их офис надежно защищен. Охранник разоружается и кладет пистолет в ящик стола. Чтобы не таскать на себе... такую тяжесть. Где же они этого Чарлза Бронсона сыскали? «Потом, когда стал сдавать смену, по привычке проверил пистолет. Он ведь заряжен...» — и, цепенея под страшным взглядом шефа...» (ой, я в этот момент тоже оцепенел), охранник сообщает ему: «Знаете, на ночь я кладу пистолет в тумбочку, ну, знаете, там, щетка, гуталин, подворотничок, презерватив, письмо от девушки и пистолет. Но он заряжен!» Шеф должен был удивиться: «Как заряжен?!»

Владимир Тучков. Танцор. Роман первый. Ставка больше чем жизнь. М., «Захаров», 2001, 200 стр.

Владимир Тучков. Танцор-2. Роман второй. Дважды не живут. М., «Захаров», 2001, 208 стр.

Владимир Тучков. Танцор-3. И на погосте бывают гости. М., «Захаров», 2001, 220 стр.

Образец беллетристического масскульта. Стрельба, черный юмор, мат-перемат, робкая эротика, нарушения политкорректности — не слишком, а слегка. На сотой странице, когда стало ясно, что главных героев не убьют и даже не ранят, — сделалось скучновато. К концу первого романа, когда автор не слишком тонко, а очень толсто намекнул: мол, все героини романа — программы компьютера, а может быть, и все мы, люди, всего только программы Бога? И вся наша свобода — свобода игрушек в Божественной игре? — сделалось... ну очень скучно. Вл. Тучков на редкость не изобретателен. Описание первого удавшегося покушения Танцора настолько нелепо, что я, не имеющий никакого отношения к киллерам и антикиллерам, и то подумал: «За кого же писатель меня держит? За полного, что ли, недоумка?» А эротические сцены? В первый раз, когда хакерша Стрелка под Танцором разревелась и завопила: «Блядь! Мамочка! Умираю!», а соседи стали стучать по батарее ключом, чтобы, значит, унять неистовых любовников, было смешно, но когда на протяжении всех трех романов та же шутка повторяется раз двадцать... товарищ Райкин, вчерашняя хохма — уже не хохма или, как говорили на Кировском стадионе в годы моей молодости: «Второй замах — хуже дрисни».

Александр Афанасьев. Гражданин тьмы. Роман. М., «Мартин», 2001, 352 стр.

Грамотно слепленный, бульварный роман, успех которого основан на самых мерзких человеческих свойствах — ксенофобии, неблагодарности, зависти к богатым, сильным, ученым, несправедливой мечте о суперменстве. «Черные», насилующие наших русских красавиц; продажные ученые, ставящие эксперименты за американские «бабки» на наших русских людях; благородные спецслужбы, разоблача-

ющие вурдалаков, спрятавшихся под вывеской хосписа «Надежда»; хамский юмор, мне читать все это — противно, а писать про все это и того противнее. Николай Шпанов Александру Афанасьеву кланялся.

±1

Владимир Соловьев. Семейные тайны. Роман. М., «Алетейя», 2001, 400 стр.

Большой плюс этой книжки — нормальный русский язык. Зверещь от сквернословия, ложной красоты, претенциозности и безграмотности абсолютного большинства современных писателей. Владимир Соловьев пишет красиво и грамотно. К сожалению, многочисленные гинекологические подробности, которыми он густо уснащает свой роман об инцесте и расстреле Верховного Совета в октябре 1993 года, способны довести читателя до приступа рвоты. Это — беда всех российских писателей, берущихся писать эротические романы. Эротика у них, минуя стадию порнографии, плавно соскальзывает в гинекологию. Кроме того, гибель героев книги — отца и соблазвившей его дочери — слишком случайна (хоть и символична), чтобы стать финалом трагедии. До этой гибели (всерьез) вся компания — отец, мать, отчим (влюбленный в падчерицу), дочка (забеременевшая от своего отца) — так идиллически обсуждали проблему, кому за кого выходить замуж и кому на ком жениться, что — право же! — хотелось пропеть частушку, приведенную в том же романе: «По деревне дождь идет. / Занавески дуются. / Отец дочь свою ..., / Мать на них любитесь». Огромная литературная ошибка Соловьева — сексуальная революционерка, пятнадцатилетняя монархистка и некронавка Катя Волкова, соблазняющая своего отца. Таких интеллектуалок среди современных разбитных тинейджеров просто нет. Достаточно почитать тексты, которые ляпают самые из них... продвинутые. Катя Волкова — воплощенная мечта Соловьева. Красавица, девственница, развратница (в воображении), образованная, умная. Фрейда читает, о сексе и смерти рассуждает, матом кроет, с интеллектуалами про умное разговаривает... и монархистка. И лет ей — пятнадцать! Ну — все!

С.-Петербург.

КИНООБОЗРЕНИЕ ИГОРЯ МАНЦОВА

ЖИВУ И ВИЖУ

Где, укажите нам, Отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли — ...?!

В редакции Акунина любят, запретили трогать. Очень надо! Все нужные мне книги написаны давным-давно. Современную словесность полагаю за невозволительную роскошь и бессмысленную профанацию. Когда читать? И зачем? Возможно, Акунин лучше других нынешних, так что же? Где тот новый роман, который способен меня не удивить, так развлечь? Такого романа нет. Нет — и не надо. «Букера» — господину Акунину, «Национальный бестселлер» — ему же. Все золото мира — образцово-показательному стилизатору. Акунин — чемпион продаж среди пассажиров метрополитена. Я же в метрополитене разглядываю девочек. Что называется, почувствуйте разницу.

И все же Акунин неизбежен. Как майская гроза. Как октябрь 17-го и август 91-го. Где-то под диваном отыскались три неразрезанных романа прошедшего столетия. Кто посмел? Подбросили, навязали! Напрягаю память: «Левиафана» и «Ахиллеса» покупал сам, клюнув на рекламный слоган «стильный детектив». «Статского советника» («новый детектив») подарил какой-то неблагодарный чита-

тель. Значит, пролистать, добросовестно и немедленно. Хотя как побороть превентивное отвращение? Как локализовать и канализировать благородный гнев? Фильм Адабашьяна дивно нехорош собою. Теле-«Азазель» тошнотворен.

И вдруг: да, да, «Букера» — господину Акунину, «Национальный бестселлер» и все прочее, что вкупе со спонсорами припаса литературная общественность для поощрения виртуозов пера, — ему же! Теперь без дураков. В горле клокочет нечто вызывающее, хотя очевидное: «Новый Гоголь явился...» Кому-то не нравится? Плевать, отныне у господина Акунина нет более оголтелого поклонника, более агрессивного адвоката, более непримиримого мстителя.

Но чего ради Акунин выбрал Адабашьяна?! Разве «Нимфа» делает гробы? — Именно гробы. Совместный телепроект ОРТ, студии «ТРИТЭ» Никиты Михалкова и режиссера-постановщика Александра Адабашьяна — это очередной дорогостоящий, прямо-таки хрустальный гроб, в который российская культурная общественность беззастенчиво упрятала жанровую чистоту и непорочность. Акунину в этом поистине фарсовом сюжете была предложена роль бедного рыцаря, поначалу начертавшего на своих штандартах светлое имя пресловутой непорочности, воспевшего Ее прелести и даже заставившего молиться Ей всеядных пассажиров метрополитена, но затем коварно обманутого Ее ненавистниками. Акунин выступил в качестве кинодраматурга и — себя подставил. Дело было заранее проиграно. Господин Фандорин, то бишь Акунин, стал жертвой тщеславных и сребролюбивых двойных агентов. Э-гей, Автор и Демиург, разве не вы научили нас проницательной осторожности? Зачем вам телевизор, кино? Всех денег не заработаешь. О-о, это на редкость опасные люди, с двойным дном, с далеко идущими намерениями. «Твердо помня, что прыгать надо без толчка, он вытянулся в струнку и сделал шаг в пустоту. Ощущение полета показалось Эрасту Петровичу отвратительным».

Борис Акунин разработал, канонизировал, довел до совершенства и навязал закосневшей в своих интеллектуальных претензиях читающей публике — русский комикс-роман. Быть может, термин не вполне корректен, зато вполне удобен для целей, поставленных перед собой автором кинообзора.

«...лишь генерал-губернатор пребывал в неведении, шепча что-то на ухо Эсфири Авессаломовне.

— Щекотно, — сказала она, отодвигаясь от его пушистых крашенных усов».

Конечно, это высший пилотаж! Выразительно и смешно. Вызывающе бессодержательно. Крупный план, острый ракурс, самодостаточный жест. Плюс лаконичная реплика в комикс-облачке. Акунин из абзаца в абзац попирает законы психологического письма. Он кадрирует и монтирует. Акунин — сам себе бумажное кино, зачем ему Адабашьян, Михалков, ОРТ — решительно не понимаю. Разве что поманили гремучая слава и телевизионный материальный ресурс? Ну, здесь бы не сломался только сумасшедший. Или святой. Но ни тот ни другой никогда не напишут такого самоигрального крупного плана:

«Ужасна также привычка круглоглазых сморкаться в носовые платки, класть их вместе с соплями обратно в карман, снова доставать и снова сморкаться!»

Зубодробительной силы удар по художникам психологического толка, чье письмо моделирует внутренний монолог кабинетного интеллектуала. А la Prust. Грамотно и пристойно. Взгляд уперт в белый лист бумаги или в компьютерный экран. Внутренний взор сосредоточен на прихотливых ассоциациях и судорожных движениях души. Отвлекается ли сознание интеллектуала на внешние раздражители? Сморкается ли интеллектуал, отправляет ли иные естественные надобности? Доподлинно неизвестно. С определенностью выявлено вот что: без устали стилизует интерес к физиологии рыцарь концептуализма Владимир Сорокин. Место эзотерического пирожного мадлен в его воспаленном сознании занимает говно. Однако нормальному человеку это все равно, нормальный человек, НЕ литератор, а значит, НЕ принадлежащий к одному из «обществ взаимного восхищения», не находит здесь особой разницы. Какое нам дело — в говне или в пирожном сосредоточите вы свою интеллектуальную силу, свой богатый творческий потенциал? (Заметьте: я утрирую, но не лжесвидетельствую.)

Мне бесконечно симпатично, что Б. Акунин служит в некоторой конторе под другой фамилией, это правильная постановка вопроса. Как выражались рыцари

концептуализма старшего поколения, «живу и вижу». Примерно о том же высказался Ницше: я пишу всем телом, мне непонятно, что такое чисто духовные проблемы. Акунин благоразумно поместил Фандорина и компанию в ситуацию второй половины XIX столетия: Бог умер, торжествует новая витальность (примерно то же, что «новые русские», только не персонифицировано, а так — клубится). Фандорин и его противники — знаки, конденсаты стерильной витальности, супермены, герои комиксов. Если Бог умер, у человека появляется шанс думать о себе несколько лучше. Фандорин и компания — это люди в превосходной степени, чистая механика. Самодостаточность. Дедуктивная механика мысли и выразительная пластика физического существования. Угадал ли Акунин, рассчитал? Бог вещь, важен феерический результат. Необязательные ахи-вздохи уступили место жесткой технологии производства: живу и вижу. Иногда «слышу»: реплики в комикс-облачке безукоризненно технологичны.

«— Вы самый настоящий герой, — произнесла она очень серьезным и спокойным тоном, будто констатировала доказанный наукой факт. — Вы все герои. Не хуже народныхольцев.

И посмотрела так, что ему сделалось неловко».

Я знаю, как она посмотрела. Как комикс-красотка Роя Лихтенштейна и ему подобных метафизиков плоскости. Глаза и губы в пол-лица. Звенящая пустота. Смертельное обаяние соблазна. Своими текстами Акунин безупречно соблазняет. Самое восхитительное: делает это «очень серьезным и спокойным тоном, будто констатируя доказанный наукой факт». Они — «все герои». Каждый — «самый настоящий герой».

Настоящие герои проявляют свои лучшие качества в мире, где насилие и жестокость являются нормой. Это — мир динамической графики, мир плоскости, мир комикса. Выжечь кислотой глаза, поотрывать руки и ноги, вымучить жертву, методично расстреливая ее коленные чашечки. Террорист Грин начинает самодельные бомбы шурупами: представляю, как несладко пришлось его преследователям-жандармам. Все вышеперечисленное есть обязательный элемент поэтики (согласен, звучит кощунственно и где-то неприлично), а не авторская фантазия. Когда в финале своего «Азазеля» режиссер Александр Адабашьян демонстрирует оторванную дамскую руку в кружевной перчатке, он расписывается в тотальном непрофессионализме и непонимании специфики своей кинематографической работы. Все же кино, даже телевизионное, — это отнюдь не обобщающая графика, это фотографическая конкретность. Кинематографическая плоскость многослойна, каждая последующая фаза движения органично вытекает из предыдущей. В комиксе, напротив, движение разбито на дискретные ракурсы, разнесенные в пространстве бумажного листа и в сознании потребителя. Одномерность комикса — содержательна. Комикс лишен *другого*, этического измерения. Скажем, оторванная рука и выжженные глаза обозначают «жестокость», и все. Никакого сочувствия, никакого гуманизма плоскость комикса не вмещает: однослойность. Один ракурс комикса — одно элементарное понятие. «Жестокость», «преступность», «страсть», «секс», «предательство», «великодушие» и т. п., лексикон в принципе не ограничен. Этическое измерение присутствует в мире комикса как «минус-прием». «Сочувствие» — это то, что вырабатывает, подобно железе внутренней секреции, живой, многомерный потребитель комикс-продукта: вы, я, метрополитен-дамы.

Не то в кино, где запечатлена физическая реальность, континуум. Человек с экрана демонстрирует нам свой характер, темперамент, жизненный опыт вкупе с возрастом, наконец, свою *безусловную конечность*, физиологический *предел* собственной *телесности*. Вот почему фотографическое изображение с неизбежностью содержит этическую составляющую. Оторванная рука, пускай муляжная, в рамке киноэкрана — это сложная художественная проблема, которой необходимо специально заниматься. Адабашьян не смущается: рука шевелит пальчиком. Видимо, это означает привет с того света. Быть может, постановщик — буддист? Быть может, для него человеческая смерть на экране — всего лишь обещание новой, куда более удачной инкарнации? Сомнительная шутка юмора окончательно утверждает теле-«Азазеля» в качестве весьма *подлого* и *циничного* зрелища. Уточняю: прилагатель-

ные «подлое» и «циничное» характеризуют исключительно эстетику фильма. Относительно добрых намерений продюсеров и постановщика у меня нет никаких сомнений: старались.

Не далее как нынешней весной пролистал мемуарную книгу актрисы Елены Кореневой «Идиотка». В душу запал эпизод из первой половины 70-х годов. Коренева, Андрон Кончаловский, Александр Адабашьян, счастливые, молодые, спешат по заснеженной России в автомобильном салоне. Кончаловский рулит и на два голоса с Адабашьяном декламирует Пастернака. Упоительная сцена! Зима, Россия, Пастернак. В своей первой, середины 70-х, книжке Кончаловский рассказал, как собирался решать один из ключевых эпизодов «Дяди Вани» (внимание!): один в один, построфно экранизировать поэтические тропы Бориса Леонидовича. Кажется, эпизод должен был закончиться тем, что «куда-то в сад бежит трюмо...».

Кончаловский, он всегда мыслил масштабно, как никто. Думаю, художника остановила бдительная и не самая глупая советская редакция. Не то получилось бы комично, в духе не Пастернака, но Чуковского: «Вдруг из маминой из спальни, кривоногий и хромой...» Впрочем, Пастернак аукнулся спустя тридцать лет. Дело даже не в том, что Александр Адабашьян осмелился размазать однослойную комикс-эстетику по многослойной плоскости киноэкрана, не внося в исходный материал никаких эстетических корректив. Дело в Пастернаке. Но не в том замечательном поэте и прозаике, которого мы все помним по текстам и фотографиям. Я имею в виду «Пастернака» не как личность, а как класс¹.

Итак, в те достославные времена, когда лучшие западные художники устремились навстречу потребителю, чтобы как можно выгоднее продать ему свою книгу, фильм или виниловый диск, наши, прикормленные непрактичным государством за так, за красивые глаза, за потомственную или благоприобретенную грамотность, искали любые способы, чтобы этому самому потребителю *насолить*. Чтобы никому ничего не понравилось. Чтобы самоизолироваться на кухне или в ресторане Союза кинематографистов и противопоставить Гайдаю с Муратовой незаурядную, непродажную тусовку, локальное «общество взаимного восхищения». И вот вам картинка с натуры: непрактичное государство силится прокачивать непросвещенные массы навязчивым, но талантливым оптимизмом, из репродукторов несется что-нибудь вроде «Как прекрасен этот мир, посмотри...», а в это время по ледяной пустыне матушки-России несется маневренная «вольво» с непримиримыми интеллектуалами, совестью русской земли, норовящими перекричать отвратительный, продажный масскульт, противопоставив ему не включенного в школьную программу, нелюбимого идеологическим отделом ЦК нобелевского лауреата...

Да бог с ним, с Пастернаком, я Пастернака ценю, разве вот про трюмо с годами подзабыл и декламирую неуверенно. На месте Пастернака мог быть кто угодно другой: Тютчев, Пушкин и даже Александр Введенский. Сами по себе люди безусловно достойные. Элита, без дураков. Российская беда в том, что наше массовое искусство, в первую голову кино, давно и безрезультатно делают люди, откровенно презирающие массу как заказчика, потребителя и — шире — как человеческий ресурс. Они пытаются работать на территории масскульта, используя непригодные там специфические технологии, заимствованные у элитарных, малотиражных культурных институтов. Так, задача здорового масскульта — формирование у массового потребителя единообразной эмоции, а задача Введенского и Пастернака — диаметрально противоположна. Введенскому и Пастернаку интересен индивидуальный отклик. Когда бы Пастернак проснулся Лебедевым-Кумачом, к вечеру сошел бы с ума. Титаны и рядовые масскульта работают, что называется, с коллективным бессознательным. С коллективной, очень сильной и определенной эмоцией, с мегаваттами и мегатоннами. Индивидуальная эмоция — качественно *иное*, зачастую и не эмоция вовсе, а так, легкая искра, настроение, меланхолия, печаль, карманная батарейка, прикватный фонарик, ночничок.

¹ Нескромно рекомендую заинтересованному читателю свою рецензию на фильм Сергея Соловьева «Нежный возраст» «Что-то лирики в почете» («Искусство кино», 2001, № 6, стр. 53 — 57), где подробно разбирается аналогичный «случай Тютчева».

Так вот, пока Григорий Чхартишвили по долгу службы штудировал западных и восточных мастеров слова, обреченных реальным рынком на борьбу за читателя, пока, обобщая, перерабатывал бесценный опыт, чтобы вскорости выстрелить сериалом про Фандорина, кинематографическая общественность заучивала Пастернака, декламировала Пастернака, молилась Пастернаку, а некоторые осилили факультативное чтение: Тютчева с Бродским. Когда стороны встретились, случился легкий конфуз: телевизионному начальству пришлось сократить *сериал* «Азазель» едва ли не вдвое и показать безразмерную трехчасовую картину в *один вечер*, предварительно пробомбив медиапространство навязчивой рекламой. Всем было очевидно: *зрелища не случилось*. Случился заунывный лапотный лубок, в конечном счете инспирированный «пастернаком», но не имеющий к Пастернаку как достойному культурному символу никакого отношения.

Терпеливо отсматривая домашнюю видеозапись с опусом Адабашьяна, тихонько, болезненно постанывая, я клялся себе никогда, никогда, ни за что не читать беллетриста Акунина. Да что же это, да как же это, дивился я на постановщика, известного своим многозначительным молчанием и оперной режиссурой в Мариинском театре. Где же пресловутая Высокая Культура? — зывал я к бессердечному Небу. Сосредоточившись, Небо ответило майскою грозой. Так неужели все бабы из метрополитена — круглые дуры?! — отважился я на вопрос из разряда «проклятых». Ну отчего же, — подсказала надежная зрительная память, — иные так очень ничего... Потом были три неразрезанных романа, репутация классика спасена, гонорар за эту статью обязуюсь потратить на полное собрание Б. Акунина, а разговор о *культуре* требует некоторых уточнений.

Наши грамотные держат за культуру: элитарную поэзию, оперу, камерные и симфонические консерваторские посиделки, то бишь все малотиражное, способствующее их, грамотных, социальному обособлению. Это неправильно.

Полный провал «Азазеля» должен бы поспособствовать отрезвлению самонадеянных постсоветских *барчуков*. Наши кинематографисты полагают массовую культуру плевым и примитивным делом. Уверен, они до сих пор презирают Пырьева, Гайдая и Алексея Коренева, никогда ничего не слышали о Любиче, братьях Маркс и Престоне Стерджесе. Наши загадочные люди будто бы явились со страниц безусловного шедевра Акунина, романа о двойных агентах и провокаторах под названием «Статский советник».

Помните, некий Пожарский, по статусу князь, а по мне — проходимец, декларирует идею всеобщего блага. Здесь я хотел бы на время предать свою заветную мысль о том, что комикс-романы Акунина — эдакий «пустотный канон», всеобъемлющий, но ненавязчивый, торжество принципа равновесия. Решительно нарушаю равновесие и предлагаю воспринимать реплику Пожарского в *содержательном* ключе, как то принято в классическом социально-психологическом романе.

«— А что, прикажете капитулировать? Чтобы взбесившиеся толпы жгли дома и поднимали на вилы лучших людей России? Чтобы доморощенные Робеспьеры залили города кровью? Чтобы наша держава стала пугалом для человечества и откатилась на триста лет назад? Я, Эраст Петрович, не люблю патетики, но скажу вам так. Мы — тонкий заслон, сдерживающий злобную, тупую стихию. Прорвет она заслон, и ничто ее уже не остановит. За нами никого нет. Только дамы в шляпках, старухи в чепцах, тургеневские барышни да дети в матросках — маленький, пристойный мир, который возник на скифских просторах менее ста лет назад...»

Браво, браво, Акунин! Иногда не удержится и вместо информативных реплик в «комикс-пузырях» (они же — «облачка») выдаст самодостаточное многослойное письмо. «Дамы в шляпках, старухи в чепцах да дети в матросках» — стóит дорого. «Маленький, пристойный мир», за который перегрызут глотку любому несогласному скифу. «Нут-ка, любезный, пятнадцать страниц Пастернака, от сих до сих, с выражением! Да наиграть по памяти растакую сонату композитора Присыпкина...»

Ладно, «тонкий заслон», чтобы нарушить твои ожидания, нечеловеческим усилием воли сдержу злобную, тупую стихию, kloкочущую где-то в груди. Кулаки — поглубже в карманы. Мат-перемат неслышно, про себя. А почему бы это, «Тонкий

Заслон» (что-то вроде Кожаного Чулка из Фенимора Купера), *твоя новая культура* такая худосочная? Фильмы твои не берут на западные фестивали. Тексты твои легким движением руки, между делом, после основной работы, играючи, превзошел качеством г-н Акунин, скромно обозвавший себя не Художником, но беллетристом. А вот оно, ключевое: «За нами никого нет». «Маленький, пристойный мир». Пирожное мадлен дурно пахнет, смердит.

Нет ни печатной площади, ни права распространяться о Высокой Комикс-культуре. Замечу лишь, что Адабашьян не имеет о ней ни малейшего представления. Между тем влияние этой Культуры на мировой кинематограф огромно. *Film noir*, «черный фильм», едва ли не вершинное достижение Голливуда, состоит в неразрывной связи с комикс-эстетикой, одновременно питая, развивая ее и вбирая в себя открытия бумажных художников. Хоукс, Уайлдер, Олдрич, десятки других постановщиков 40 — 50-х годов прошлого столетия хорошо знали, как локализовать условный детективный сюжет, как вынести его за границы символического порядка, как отстранить стерильное действие, хитросплетения фабулы от реального социальнo-исторического фона. Сотни современных российских кинематографистов, полтора десятка лет без зазрения совести клепающих невразумительные криминальные истории, не смотрели ничего, кроме опусов ближайших коллег (чтобы поглумиться) и в лучшем случае Федерико Феллини (уж и не знаю, за что они так его полюбили).

Важнейшую работу, тотальную ревизию *film noir* осуществили в 50 — 60-е годы критики и режиссеры французской «новой волны». Уникален опыт Годара, неустанно экспериментировавшего с героями, изобразительными и иными клише Комикс-культуры и, в частности, *film noir*. Реклама, взаимовлияние масскульта и социальной реальности, условное и живое, насилие и культура — эта территория была исхожена молодыми французами, а впоследствии их американскими и европейскими последователями, вдоль и поперек. И что же? Пару лет назад, к юбилею «новой волны», журнал «Искусство кино» напечатал анкету, где многочисленные советские и постсоветские постановщики рассуждали о Годаре, Трюффо со товарищи. О боги, что было! Наши обвиняли французов в мальчишестве, легкомыслии и верхоглядстве. Дескать, играли в бирюльки, собирали-разбирали детский конструктор! То есть Годар — страшно вымолвить — был у наших за *дурачка*.

Теперь наступил момент истины. Французы приращивали к своей великой, своей непоколебимой культуре — новое заокеанское чудо. В конечном счете занимались Делом. Наши декламировали великие стихи, стояли в очереди на Мону Лизу, прорывались в заграничные поездки, в Уфищи (или все же Уффищи?) и Лувр. Отплевывались от Эйзенштейна, а ведь не последний был человек! Однако все напрасно, зазря, не по профилю, не по уму. Стихи писали другие люди, и картины писали другие люди (а хотя бы и Шилов! всё лучше теле-«Азазель»). Пришло время свободы от пролетарского диктата. Правящая некогда партия сдала полномочия, скомандовала: можно. Пришло время создавать здоровую массовую культуру. Время — предлагать свой товар потребителю. Потребитель поморщился и сплюнул. «А ведь вы, барин, не того... Товар-то с гнильцой, па-ахнет!»

О социопсихологических проговорах телепроекта «Азазель» можно говорить бесконечно: вся беспомощная новорусская эклектика как на ладони. За неимением места отмечу лишь одну показательную деталь. Комикс-проект «Б. Акунин» ориентирован на широкий слой людей, то есть в результате на *сплочение общества*. Элитарные горе-проекты «обществ взаимного восхищения» (одно из них вполне могло бы называться «Азазель!») — на локализацию, обособление, *выбраковку чужих*. А кто же чужой на этот раз? Кого полубессознательно высмеивали и дезавуировали мастера кинематографа? Вероятно, вы очень удивитесь, но вряд ли найдете, что возразить.

Итак, ключевая оппозиция фильма Адабашьяна: *отцы и дети*. Будучи заинтересованы в том, чтобы консервировать существующее положение дел, свой социальный статус и обезопасить рынок интеллектуального труда от нашествия молодых скифов и гуннов, генералы, полковники и даже майоры от инфантерии заняли круговую оборону, не подступишься. В теле-«Азазеле» все молодые герои, в первую очередь Фандорин и его возлюбленная, представлены как недоросли, недо-

умки, патологические инфанты, *сопляки и соплюшки*. Так выбраны актеры, такая манера игры им вменена.

Теле-Фандорин никакой не Герой комикса (пускай начинающий), а тюфяк. Его жизнерадостная *слюнявая доброта* неуместна в мире радикального насилия, который из романа в роман, в полном соответствии с жанровыми законами, воспроизводит Акунин. Финальный эпизод ужасает: вначале супермен плачет на плече у невесты, сожалея (но герой комикса никогда ни о чем не жалеет! таков он и у Акунина!), что потревожил осиное гнездо и распугал «азазелей» всего мира. Затем, получив из рук террориста коробку с бомбой, беспечно передает ее любимой женщине. Еще через секунду, когда *зритель все уже понял*, наш супермен оказывается на порядок тупее рядовой домохозяйки и бросается вослед злодею, предоставляя девушке почетное право разлетаться на клочки и кусочки. Я специально не стал проверять, как сцена прописана у Акунина: в прочитанных мною трех романах нет ни единой неточности, ни одного отступления от жанрового канона. Не сомневаюсь, что и этот эпизод на бумаге точен, непротиворечив. Как я говорил выше, свою задачу ни в малейшей степени не представляет режиссер-постановщик. На протяжении трех с лишним часов он демонстрирует профессиональную беспомощность, ибо не понимает, с каким материалом работает и какие средства необходимо к этому материалу употребить. Сознание Александра Адабашьяна, человека культурного и талантливого, *не знает жанровых законов*. Он снимает однослойный экшн, безудержную комикс-фантазию в той манере, которой по мере сил выучился, работая с Никитой Михалковым на «Неоконченной пьесе...» и «Обломове». Похоже, Адабашьяна, да и Акунина, который Адабашьяна выбрал, мистифицировало совпадение исторического времени «Обломова» и «Азазеля». Но делать кинокомикс про железного человека, про ниндзю Фандорина в манере сентиментальных лубочных зарисовок из жизни дворянской усадьбы — значит обречь супермена на сладкие сопли и поражение, а зрителя на скуку и отвращение к еще не прочитанному первоклассному беллетристу. По сути, актеру, играющему Фандорина, предписано быть Калягиным и Табаковым из картин Никиты Сергеевича, непрерывно плакать, страдать и терроризировать своими страданиями таких же рахитичных окружающих.

А невеста, помилуй, Господи! Вот сейчас передо мною картинка Роя Лихтенштейна «Девушка с лентой в волосах», от чего сладко замирает сердце и переворачиваются внутренности. Женщина-вамп, никакой «души», никакого внутреннего мира, пирожного мадлен, никаких слез и соплей. Плоскость, одномерность, *выразительный ракурс*. Совокупность эффектных ракурсов — вот то содержание, которого требуем мы, читатели и зрители, от Героини комикса. У Адабашьяна — актриса с миловидным, но неоформленным, бессмысленно-подвижным лицом, на котором она то и дело пытается изобразить «чувства» и «переживания». Ну а что говорить про фигуру, пластику тела, этим Адабашьян вовсе не занимается. Между тем женская фигура — уникальный генератор соблазнов...

Зато большое внимание уделено матери-кормилице «азазелей» в исполнении Марины Неёловой. Это знаменитая, опытная актриса, простите, «в возрасте». Несомненно, с нею идентифицируется Александр Адабашьян. Она — его alter ego. Говорит с патологическим апломбом, настолько медленно и рассудительно, что тормозит без того вялую телекартину до неприличия. Зачем это? А чтобы мы прониклись: вот опытная матрона, народная артистка, держательница акций символической власти. Преклоните колена, господи! Вот и Фандорин преклонил, заплакал, дескать, тетенька, хочу жить и любить, пощадите. Боже, как посмотрела! Простила, но презирала. Я очень не люблю народных артисток. Впрочем, народных артистов тоже. Они хотят, чтобы мы ползали перед ними на коленях, облизывали сандалии, просили о снисхождении. Они готовы умиляться: «Повзрослел, уже почти мужчина. Смел, задирист и дурачок. И очень-очень хорошенький. Какой у вас румянец! Что же мне с вами делать?»

Странно, их совсем не интересует, что будем делать *с ними* — *мы*. Простим ли то, что они наваяли за отчетный период. Даже отъездивший на барских харчах, мордатый швейцар разговаривает с надеждой нации, талантливым суперменом Фандориным с позиции тупой и равнодушной силы: «*Не пуццу!*» «Азазель» плохо кадри-

рован и медленно смонтирован, отчего люди на экране то и дело перестают быть персонажами, превращаясь в постсоветских «россиян» из плоти и крови. «Не пушшу» — и вынуждает затюканного юношу *прислуживать*, натягивать на себя, большого и толстого, парадно-выходную ливрею.

Все это — социально-психологический реализм. Мое жанровое сознание взыскует иного: «Фандорин сказал себе: „Я только что убил четырех человек и ничуть об этом не жалею“». Всего-навсего литература, а как прочищает мозги, возвращая чувство собственного достоинства.

Господа режиссеры, не трогать Акунина, пока не обретете чистоту жанровых помыслов.

CD-ОБОЗРЕНИЕ МИХАИЛА БУТОВА

«МИР, КАК МЫ ЕГО ЗНАЛИ, ПОДХОДИТ К КОНЦУ...»

«Аквариум», «Сестра Хаос». — Студия «Союз», 2002.

В одном из лучших романов двадцатого века — «Объяли меня воды до души моей» японского писателя Оэ Кэндзабуро — радикально настроенные подростки принимают в свое общество главного героя, человека значительно их старше, в качестве «специалиста по словам»: доверяют ему свою речь. Для главных радикалов предперестроечного времени в СССР — рок-сочинителей, гонимых властью и не столько даже сознательно отрицающих, сколько не приемлющих на уровне почти физиологическом большую часть легитимной на тот момент культуры, — подобная ситуация была бы немислима. Участники тогдашнего рок-андерграунда (и по сей день без них не обходится ни один многотысячный сборный концерт), вероятно, искренне считали, что заняты прежде всего музыкой, раз уж колеблют гитарные струны и колотят в барабаны. Между тем музыкальные, и в первую очередь стилистические, достижения русского рока за три десятилетия практически равны нулю. Лучшее, что умеют делать русские рокеры «от себя», — подкладывать под тексты более-менее удачные гимнические или лирические (бывает и то и другое сразу) попевки; иногда на выходе почти мелодия, иногда просто набор аккордов. Это, конечно, очень народно, но это совершенно то же самое, чем занимаются и барды и попсовики, разнища лишь в интонации, но и она постепенно стирается, тем паче, что и барды и рокеры в аранжировках подтягиваются к расхожему профессиональному попсовому стандарту. Новым музыкальным и смысловым качеством, на которое рок претендовал и до сих пор по инерции претендует как особая субкультура, здесь и не пахнет. Теперь видно, что целью и стремлением отечественных рок-исполнителей в поздние советские времена было отнюдь не исследовать неведомые звуковые и экзистенциальные пространства, чем, в сущности, занималась мировая рок-музыка, а отобрать право на публичную речь у присвоившего его и в массе своей никуда не годного «поколения отцов» (если не дедов). Русский рокер хотел, чтобы «отцы» наконец заткнулись или хотя бы подвинулись, — и теперь дали ему произносить слова в микрофон (забавно смотреть, как враждовавшие некогда поколения и культурные типы сегодня благополучнейшим образом уживаются в теремке телевизионной славы и больших денег). Слова поначалу казались новыми; экзистенциальное, эмоциональное поле, куда они вводили, — полем свободы: веселой, трагической, всегда привлекательной (и значение русского рока как мощнейшего культурного фактора, оказавшего в восьмидесятые весьма сильное влияние если не на сиюминутное настоящее, то на ближайшее будущее страны, нельзя отрицать). Слова удачно маскировали общую скудость музыкального материала. Слова сдулись как пузырь, едва исчезло противостояние «отцов», — и обнажили сплошь пустые места. Словами был изъеден изнутри русский рок, родившийся на седьмом месяце и почивший прежде первого зуба.

Западная рок-музыка в целом независима от текста. Здесь существуют известные рок-поэты, и я мог бы назвать десяток песен, в которых тексты кажутся мне очень сильными. Как правило, исполнитель, чьи тексты несут значительную смысловую нагрузку, ищет свой собственный, особый модус их музыкальной подачи. Обыкновенно музыка здесь мелодически достаточно скупа, минималистична, монотонна — что не исключает замечательных, тонких решений и аранжировок. Это может быть сделано в фолк-роковом, блюзовом, балладном, авангардном ключе — и это в любом случае чрезвычайно сложная задача, потому что скупость и монотонность никому не нужны как таковые, но должны одновременно преодолевать себя, наполняясь авторской индивидуальностью. Недаром Боба Дилана или Лу Рида, вроде бы вполне вписанных в рамки определенных стилей рок-музыки, представителям которых числа нет, все же узнаешь с первых тактов, когда и голос еще не звучит. Пример неудачного сочетания «музыка-текст» — творчество очень известной группы «Джетро Талл», где «загруженные» слова (даже можно сказать — стихи) пытались соединить с плотным, развернутым, сюитообразным арт-роком; в итоге слова тормозили музыку, не позволяли ей запустить собственный «мотор»; музыка была претенциозна и вроде бы многое обещала, а на деле не могла выйти из растянувшегося зачина — обслуживая текст, неизбежно замыкалась в надоедливых повторениях, не отрефлексированных как прием.

Во всем мире публика ждет от рок-музыкантов песен — тут никуда не денешься. Инструментальный рок (хотя бы мягкий вариант, когда треть или четверть материала, выпускаемого группой, чисто инструментальные, бессловесные композиции) приказал долго жить еще в середине семидесятых, что стало решительным шагом к общему вырождению рок-музыки как жанра. Но интуитивно, по крайней мере дельными исполнителями, здесь были найдены способы построения песенных текстов (а может быть, даже не построения, а отношения к ним), мера их «наполненности» — не мешающая самодвижению музыки. Пение слов — будь то любовная ахинея или псевдоинтеллектуальный туманный сюрреализм — не то чтобы вовсе не имеет значения, но приобретает скорее энергетическую, нежели смысловую функцию и не тянет одеяло на себя, подчиняется логике музыки, логике звука. Грамотный панк сделает отличную вещицу из единственной строчки со словами fear или hate; тексты рок-гимнов шестидесятых, вроде «Satisfaction» и «My Generation», не отличались программностью, последовательностью изложения и смысловыми глубинами. Российские рок-исполнители молодого поколения уже пытаются кроить тексты по западной модели, но поскольку музыка у них калькированная, цели исключительно коммерческие, а появиться на культурной карте они опоздали лет на пятнадцать, ничего интересного не выходит и выйти не может. Динозавры же отечественного рока по-прежнему желают вещать, и чем дальше, тем это смотрится патологичнее: например, Константин Кинчев, подрисовывающий себе в гриме глаза таким «панмонголическим» образом, какой привел бы в панический ужас Владимира Соловьева, безо всякого стёба рассуждает в газетных и телевизионных интервью, какое православие истинное, а какое — не очень.

Позиция «гуру», учителя и наставника, чуть ли не проповедника, в важных вещах вроде музыки, любви, духа и вообще отношения к жизни всегда входила и в образ Бориса Гребенщикова, тщательно культивируемый им самим. Но Гребенщиков — не Кинчев, и в его «наставничестве» сколько-нибудь чуткому уху обыкновенно был очевиден театр. Фигура для русского рока начальная (пусть и не единственная в этом начале), символическая, да и по сей день, пожалуй, наиболее репрезентативная, Гребенщиков, естественно, в полной мере был подвержен всем свойственным русскому року болезням. Однако ему хватало ума и таланта держать дистанцию и по отношению к формирующемуся стандарту русского рока, и по отношению к собственному имиджу. Что, вероятно, и помогало ему все-таки оставаться именно рок-музыкантом, одним из очень и очень в России немногих (речь не об инструменталистах, способных играть весьма убедительно, а о лидерах групп и сочинителях, чьими именами размечена интересующая нас культурная область). Уже в самых первых, почти тридцатилетней давности записях — на препарированный бытовой магнитофон под акустическую гитару — заметен вкус Гребенщикова к музыкальной оригинальности. Заметен даже сегодня — в семидесятые, понятно,

оригинальным представлялось все, что не было похоже на творчество композитора Серафима Туликова. Можно вообразить виртуального Гребенщикова, продолжающего то, с чего начал: то есть более-менее плотно занятого поисками новых выразительных средств в звуке и «откупающегося» сюрреалистическими или абсурдистскими текстами. На Западе много таких людей, и как-то они находят себе экологическую нишу. В России, однако, такая творческая позиция не приемлется на корню (кто назовет за тридцать лет хоть один отечественный рок-состав, у которого тексты играли подчиненную роль, просуществовавший дольше одного-двух фестивалей?). Реальный Гребенщиков придумал метод сочинять, благодаря которому и обеспечил себе достаточно музыкальной свободы и сразу стал безусловно лучшим в русском роке текстовиком. Он научился, не изменяя до конца своим юношеским абсурдистским привязанностям, создавать тексты с массой «пустого» смыслового объема, лакун, — но лакун, расположенных в таком верном порядке, что слушатель провоцируется заполнять их тем смыслом, который важен для него. Хорошим тоном у выпускников культурологических факультетов считается рассуждать о том, что данный гребенщиковский метод целиком заимствован на Западе, да еще налицо подражание обэриутам, и перечислять цитаты из Боба Дилана или Дэвида Бирна, уловленные в песнях. По-моему, все это никакого значения вообще не имеет. Так или иначе, на русскую почву Гребенщиков принес совершенно особую поэтику — такой раньше тут не было. Более того, он создал новую текстовую ситуацию и в ней сумел выговорить — или заставить выговорить слушателя — вещи, которые до него выговорить не удавалось (по крайней мере моему поколению). Я думаю, мои ровесники помнят еще свои первые впечатления от, например, «Синего альбома» с его «Железнодорожной водой» и — главное — «Электрическим псом». Мне было тогда семнадцать лет. И мало что впоследствии оказывало на меня столь же катарсическое действие.

В мыслимо «чистом» гребенщиковском тексте грамматически верные фразы не должны нести никакого послания, они пусты и лишь эмоционально окрашены, а какое-никакое их наполнение целиком предоставлено слушателю (который при этом верит, что и впрямь происходит коммуникация) — это идеальный для рок-музыки вариант. Важное свойство и достоинство такого способа сочинять — его гибкость. К «чистому» веществу здесь можно подмешать в той или иной пропорции множество разнообразных вещей, иногда действительно что-то сообщая слушателю, иногда тонко манипулируя им, направляя в нужную сторону. В разные периоды «примеси» у Гребенщикова были разными — их перемены, их история составляют интересный предмет. Почти любую песню Гребенщикова можно описать в трех координатах: координата отчетливого «собственного послания», координата «манипулирования слушателем» плюс координата подключенности к тому или иному культурному «массиву»: к буддизму, к христианству, к американскому кино или русскому анекдоту, к хиппианскому жаргону и русской литературной классике — тут перечень можно долго вести. Уже с начала восьмидесятых Гребенщиков вступает на путь, который в то время был откровенно опасен: во многих его текстах делается заметна социальная едкость (на мой взгляд, стилистически безупречная, нигде нарочито не педалируемая), пугавшая тогда власти едва ли не более, чем откровенно политические выступления. Трехмерная «текстовая машина» исправно служила Гребенщикову, пластично подстраиваясь под меняющуюся современность. Ее посредством Гребенщикову случалось достигать и подлинной горечи, и высокого лиризма.

От каких-либо собственных музыкальных поисков Гребенщиков со временем отказывается, нащупав иную возможность не потерять оригинальность и не дать своим песням слипнуться в плоский «русский шансон» (допустим анахронизм в терминах). Здесь метод — эклектика и бриколаж, перекликающиеся с таковыми и в текстах (по третьей координате). В дело годится все, что в данный момент находится в сфере гребенщиковского внимания или просто оказалось под рукой, с чем могут справиться работающие с ним музыканты: регги, тибетская, кельтская музыка, балалайки, гармошки, колесные лиры, валторны и мандолины, даже — апофеоз, как будто самому духу рок-н-ролльному противоречащий, — диксиленд! Все умеет соединяться друг с другом, вплетается в звуковую ткань весело и органично. Как правило, бриколажны даже составы ансамблей Гребенщикова. Достаточно вспомнить

легендарный, давший шороху комсомольцам на первом официальном советском рок-фестивале в Тбилиси в 1980 году: гитара, барабаны, виолончель, фагот и флейта (по мне, хулиганские записи «Аквариума», сделанные на том фестивале, входят в число лучших записей отечественной рок-музыки). Легкость, юмор, безоглядность, заключенные в таких сочетаниях, также стали «фирменным» гребенщиковским знаком. Они позволяли ему быть неожиданным и часто заставляли слушателя радостно удивляться. Наряду с характерной манерой пения, они обеспечивали концептуальное единство различным по звучанию и стилистике ансамблям Гребенщикова. И обыкновенно его неудачи отмечены именно понижением бриколажного «градуса».

Из всех путей слушать музыку мне с возрастом все более по душе случайность. Самые затертые вещи, неожиданно раздвинувшие пелену технического и человеческого шума, могут предстать необычно яркими, с новым значением. Радио способствует открытиям. Некоторые классические темы, транслируемые радиоприемником на лесах у строительных рабочих или радиоточкой в квартире и вдруг выплывшие на летнюю улицу из открытого окна, — буквально впечатались в мою память. Это было давно, филармоническую музыку теперь по радио мало кто передает. Зато однажды, на чужой даче, довелось послушать через два участка и три забора Гребенщикова с «Московской октябрьской» (это где «по небу бабы голые летят»). Непреднамеренность сделала впечатление особенно сильным. И как-то было очевидно, что нет смысла даже вопросом задаваться: существует ли иной богатырь на Руси рок-н-роллной, способный сочинить вещь, чтобы начиналась с треньканья балалайки, естественным образом разворачивалась в мощный рок-драйв, в большой струнный оркестр, целый звуковой мир, и к концу стягивалась опять к балалаечке — и чтобы без запахов лампы и творческого потения?..

Промоцию новому альбому «Аквариума» обеспечивало «Наше радио» — странная и действительно очень русская радиостанция. Я полагаю, «Наше радио» — самое унылое радио в мире. Ибо преобладающая интонация нынешнего отечественного рока, на котором станция специализируется, — эдакий сероватый кокаиновый героизм (то есть когда человека еще даже и не ломает, но известно, что вскоре ломать начнет, и нет уверенности, что поправиться удастся немедленно, хотя есть уверенность, что рано или поздно поправиться обязательно удастся). Ну да интонация — леший с ней. Интересно, что вся представленная на «Нашем радио» музыкальная продукция звучит так, будто записана в одной и той же студии одним и тем же звукорежиссером под командованием единого для всех продюсера (причем родом откуда-нибудь из Екатеринбурга). Распознать на слух, если не оповещен заранее, кому какая песня принадлежит, — дело безнадежное. И песни Гребенщикова на таком фоне, конечно, как жемчужины в компосте. Тут тебе и современный грав а-ля «Red Sparre», и какая-нибудь бразилия, напоминающая Дэвида Бирна, и азиатское пение, и текст вроде настоящий гребенщиковский, не без злости...

Но все куда менее оптимистично, если сравнивать Гребенщикова с ним самим. «Сестра Хаос» представляется альбомом совершенно сконструированным, причем сконструированным с натугой.

Гребенщикову случалось записывать очень плохие программы. Особенно во второй половине девяностых. Уровень альбомов вроде «Чубчика» или «Кунсткамеры» я могу объяснить только контрактными обязательствами Гребенщикова перед граммофонными фирмами — требовалось хоть что, но выпустить (кстати, сомнительно, чтобы эти диски сколько-нибудь успешно продавались). «Сестру Хаос» плохой работой не назовешь. Напротив, музыкально альбом, возможно, вообще самый сильный из гребенщиковских альбомов. Сильный не в том плане, как некогда переполненные новизной и идеями «Треугольник», «Табу» или «Радио Африка»; сильный — потому что весьма чисто и не без фантазии сыгран весьма профессиональными музыкантами. Но оттого лишь заметнее, что делался диск на потребу, как будто составлялся из наиболее узнаваемых штампов. Гребенщиков словно поставил себе задачу записать альбом, единственный смысл которого — удовлетворить ожидание и спрос публики на Бориса Гребенщикова (что, понятно, вполне вписывается в современную экономику искусств). Здесь последовательно изложено все, что должно иметь место: «драматический» рок в духе «небо становится ближе», абсурдизм в духе «Треугольника», бодрое регги в духе бодрого регги

(чтобы не забывали, кто первым из русских музыкантов удостоил вниманием рас-таманскую музыку), завершающая грустная баллада в духе позднего Гребенщикова, задумывающегося о смерти («Список кораблей никто не прочтет до конца; кому это нужно — увидеть там свои имена?»). Присутствуют — на уровне скорее знаков, чем продолжительных звучаний и долгих высказываний, разные поклоны: в сторону модных музыкальных веяний, от индустриальных до этнических (в балладе сыграл на дудке приблизительно то же самое, что он играет всегда, сам знаменитейший Дживан Гаспарян), в сторону интеллектуальной публики, не чуждой литературных интересов. И чересчур много для стареющей рок-звезды каких-то жеманных и как бы свойских подмигиваний в сторону молодежи (видимо, сюда следует отнести и позорные штаны с многочисленными надписями «fuck», в которых Гребенщиков играл и записывал на TV рекламный для альбома концерт в честь тридцатилетия «Аквариума»).

Будь тексты посдержаннее, вышел бы нормальный, честный альбом: не супер и не провал. Но это было бы как раз против ожиданий, которым Гребенщиков стремился пографить. Конечно, от «гуру» Гребенщикова ждут большего. Ждут слов таких, чтобы весело, и духовно, и про нас с тобой — все в одном флаконе. «Гуру» очень старается. И на первый взгляд даже странно, отчего не поместили в «Сестру Хаос» какой-нибудь развеселый хит вроде знаменитой «телефонной» песни «2-12-85-06». Но дело в том, что сочиняются такие только на подлинном кураже. Много можно имитировать: высокоумие, вселенскую скорбь, — но только не настоящие раздолбайские стёб и отвязность. А куража-то и нет, что становится ясно уже на третьей песне альбома. И дальше вся развеселая и великолепно сыгранная эклектика выглядит обреченительно-тяжеловесно.

Обмануть природу своего дарования Гребенщикоу все равно не удастся. Имитировать самого себя непринужденно, будто все в полном порядке, он просто не способен, ничего не напишешь. И едва берется за столь несвойственное своей натуре дело, начинает сбивать даже самое верное и безотказное — «текстовая машина». Самоповторы всегда были частью поэтической системы Гребенщикова, но им всегда и находилось оправдание за рамками текста, в новой и для автора и для слушателя бытийной ситуации. Может быть, очень не демонстративный (вот какая роль Гребенщикоу явно всегда претила, в отличие от многих русских рокеров, — так это роль рок-н-рольного бетховена, трагического художника-героя), но все же непрестанный поиск Гребенщикоу таких оправданий для повторений уже не раз пропетых слов и являлся тем необходимым усилием, которое обеспечивало — по крайней мере в последние годы — достоверность его творчеству. Все рухнет, если усилие не совершается, а изображается. Не спасает напичканность текстов «актуальностями» типа «офиса Лукойла» или «братвы», которую «колбасит на кислоте», — но наводит на мысль, что автору надо поменьше смотреть телевизор. И если прежде за повторами читался еще один уровень смысла, теперь в них хочется тыкать пальцем и штампы, посмеиваясь, подсчитывать. Что остается? Ну, несколько удачных строк, которые потом долго крутятся в голове. Не так уж мало. Но я и далек от того, чтобы вовсе отказывать Гребенщикоу в таланте.

Среди «патентованных» пафосов Гребенщикова есть, сохранился и пафос здорového анархизма: все, что подается нам сегодня как события первостепенного значения, важнейшие факторы жизни: копошения политические, копошения шоу-бизнеса, большие деньги, — на самом деле не имеет вообще никакого отношения к человеческой жизни подлинной, глубокой и только выжигает необходимый для нее воздух. Под чем и автор настоящих строк обеими руками подписывается.

А в самой раскрученной, да и самой живой из песен альбома есть такие слова: «Пока ты на этой стороне, ты сам знаешь, что тебя ждет. Вставай. Переходим эту реку вброд».

Сколько лет я Гребенщикоу слушаю, все мне охота его спросить: он действительно верит, что знает, как это сделать?

WWW-ОБОЗРЕНИЕ СЕРГЕЯ КОСТЫРКО

Лучшие сайты 2001 года; а также — вебгорода и деревни; мифы древние и новейшие; «Велесова книга» в Интернете

Вручение интернетовских Оскаров — Национальной Интернет Премии Российской академии Интернета (nagrada.ru) — пока не обрело еще у нас статуса общекультурного события. Событием это воспринимается в сугубо интернетовском мире. Что не совсем справедливо, потому что к итогам конкурса следует относиться как к завершению многомесячной работы квалифицированных экспертов, результатом которой становится рейтинг лучших сайтов русского Интернета за прошедший год. Список сайтов очень даже полезный для широкого круга пользователей.

Лауреатами 2001 года стали:

Гран-при Российской академии Интернета — MULT.RU Мультфильмы (<http://www.mult.ru/>).

Приз «Открытие Года» — MULT.RU Мультфильмы (<http://www.mult.ru/>).

Приз «Человек Года» — Семен Мушер (профессор, известный интернет-просветитель, директор дирекции интернет-программ Федерации Интернет Образования).

Приз «Веб Выбирает Вас! (BBB)» — MULT.RU Мультфильмы (<http://www.mult.ru/>).

В номинации «Интернет в традиционных СМИ» — Журнал «Коммерсантъ-Власть», ИД «Коммерсантъ».

В номинации «Информация и общественно-политическая жизнь» — NTVRU.com (<http://www.ntvru.com/>).

В номинации «Традиционные СМИ в Интернете» — Общенациональная газета («Известия» <http://www.izvestia.ru/>).

В номинации «Образование и наука» — РУБРИКОН — Река информации (<http://www.rubricon.ru/>).

В номинации «Органы власти и самоуправления» — Министерство Российской Федерации по налогам и сборам (<http://www.nalog.ru/>).

В номинации «Изобразительное искусство и музеи» — Государственный Эрмитаж (<http://www.hermitage.ru/>).

В номинации «Здоровье» — 7я.ру (<http://www.7ya.ru/>).

В номинации «Сайт для детей и юношества» — Детский портал «Солнышко» (<http://www.solnyshko.ee/>).

В номинации «Музыка» — Джаз в России (<http://www.jazz.ru/>).

В номинации «Литература» — Журнальный зал «Русского Журнала» (<http://magazines.russ.ru/>).

В номинации «Сетевое искусство» — MULT.RU Мультфильмы (<http://www.mult.ru/>).

В номинации «Спорт» — СПОРТ сегодня (<http://www.sports.ru/>).

В номинации «Электронная коммерция» — Интернет-магазин Ozon.ru (<http://www.ozon.ru/>).

В номинации «Рубрикаторы, поисковые системы, каталоги товаров и услуг» — Яндекс (<http://www.yandex.ru/>).

В номинации «Сетевые сервисы» — Gismeteo.Ru: Погодный сервис ФОБОС и МэпМэйкерс (<http://www.gismeteo.ru/>).

В номинации «Персональная страница» — Сева Новгородцев online (<http://www.seva.ru/>).

Специально комментировать позиции этого списка, думаю, не нужно. Что можно найти на сайтах «Яндекс», «Государственный Эрмитаж», «Известия» или «Министерство Российской Федерации по налогам и сборам», ясно и так. Поэтому только два необходимых, на мой взгляд, замечания.

Абсолютный лидер этого года — Гран-при и победа в трех номинациях — у WWW.Mult.ru Хит сезона. Наша суперзвезда 2001 года, питерская мультдевица Мясня (пол, впрочем, определяется здесь не сразу).

Успех Масяни поначалу мне казался загадочным — стёбный, как сказали бы лет десять назад, мультик. Уровень, к которому приучила нас отечественная анимация, отводит Масяне достаточно скромное место забавной, иногда остроумной, иногда неожиданной компьютерной игрушки. Не более того. Однако через некоторое время я вдруг почувствовал, как фразы и фразочки Масяни, ее ужимки и жаргончик начинают всплывать в памяти словно сами по себе, точнее, текущая вокруг жизнь заставляет их вспоминать. Иными словами — Масяня начала для меня структурировать жизненное пространство. То есть выполнять одну из функций современного искусства. И это уже был не морок. Похоже, Олег Куваев, создатель Масяни, смог ухватить нечто, носящееся в воздухе, точно соответствующее «месту и времени». В проспекте «Российской академии Интернета», выпущенном к церемонии оглашения премии, «Масяня» названа отечественным аналогом «Бивиса и Батхеда». Можно, конечно, и так сказать. Но с большой натяжкой. Похож только жанр. Наша Масяня — не копия, у нее своя индивидуальность, она полностью тутошняя, на собственных ножках стоит.

И очень хорош сайт «„РУБРИКОН — Река информации” (<http://www.rubricon.ru>), информационно-энциклопедический проект, инструмент поиска лучших ресурсов и свободный доступ к полным электронным версиям важнейших энциклопедий: Брокгауз и Ефрон, Большая Советская Энциклопедия, Малая Медицинская Энциклопедия, „Толковый словарь” Владимира Даля, „Рок-энциклопедия” Сергея Кастальского и еще более 20 энциклопедий и словарей», — так представляют себя создатели, и все сказанное соответствует действительности. Так что к ссылке на собрание энциклопедий на Яндексe (<http://encycl.yandex.ru/>), которую я приводил в прошлом обозрении, можно добавить еще и вот эту.

Не менее интересен и, главное, полезен для пользователей Интернета будет общий список номинантов (<http://www.nagrada.ru/Nominations.aspx>). Это 17 номинаций, 85 сайтов — мини-каталог наших лучших сайтов в 2001 году.

По этому списку и пройдемся. Точнее, по некоторым обозначившимся там тенденциям.

Вот вполне как бы служебный функциональный сайт, представленный в номинации со скучным названием «Органы власти и самоуправления», — «Информационно-справочный сайт поселка «Селятино» (<http://www.infosel.ru>). Содержит информацию об истории поселка, географии, административных органах, строительстве новых объектов и ремонте старых, образовании и проч. Новости поселка, объявления. Что-то вроде районной газеты плюс краеведение в Интернете. Оформлен достаточно скупо — немного игры со шрифтами, немного фотографий. Авторы — два студента: Владимир Орлов и Александр Ваганов. Но вот странность: листать его страницы интересно. Затягивает. При том, что это вполне среднестатистический поселок. 18 тыс. жителей; как населенный пункт возник в середине пятидесятых со строительства двух общежитий на 108 мест каждое и четырех двадцатидвухквартирных жилых домов. В них должны были разместиться не имеющие столичной прописки квалифицированные рабочие развивающихся предприятий отечественного ВПК. Исторический очерк, помещенный на сайте, сопровождается полным списком первых жителей Селятина. Фотографии объектов строительства в Селятине не сравнить с фотографиями, скажем, строящегося в Москве Сити или же с фотографиями восстанавливаемых монастырей, но странно, они обладают не меньшей выразительностью. Так же, как и все исторические, географические и прочие материалы, помещенные на сайте. То есть выстроенный в Интернете поселок имеет признаки чего-то большего, чем просто отражение реальности. Он претендует уже на собственную реальность, близкую к реальности художественного образа. Образа неожиданного — перед нами контуры реальной России, а не той, отцеженной инерцией накопившихся традиций восприятия, в которой русский город — это исключительно Суздаль, или Псков, или Москва, или Нижний Новгород (именно Нижний Новгород, тот, что на высоком берегу Волги, а не Горький, распластавшийся типовыми многоэтажками на противоположном берегу реки), ну а деревни — соответственно это поленовская и левитановская Русь.

Не думаю, что авторы «Селятино» специально ставили перед собой эстетические задачи. Просто само перенесение реального городка в виртуальное пространство уже обладает этим эффектом.

Сайт же, в котором именно художественная задача ставилась осознанно (и скажу сразу, разрешена вполне), — это «Деревня Шанево» (<http://www.shanevo-art.narod.ru/>) питерского художника Александра Кудрявцева. Делал он свой сайт в жанре «интернетовского краеведения», а получилось произведение сетевого искусства. (Я всегда относился осторожно к этому словосочетанию, особенно к неофитскому энтузиазму вокруг «сетевой литературы», но в данном случае признаки именно сетевого искусства несомненны.) На титульной странице сайта выразительная фотография окна с крынкой, с зелеными ветками за окном, тающими в солнечном луче; там, за стеклом этого окна и за перечнем разделов, уже своей интернетовской жизнью живет Шанино Кудрявцева — «небольшое селенье, затерянное среди чащоб Валдайской возвышенности. Непроходимые дороги отделяют мир деревни от суеты цивилизации... и возникает некий самодостаточный таинственный мир — мир сновидений и сказок... приглашаю побродить по тропинкам нашей вебдеревни и вообразить, почувствовать запахи и звуки настоящего Шанева...». Разделы сайта: «О деревне», «50-е», «60-е», «90-е», «Жители», «Часовня», «Карта», «Остров», «Письма», «История-1», «История-2», «Рыбак», «Волчица», «Собаки», «Кот», «Живопись», «Графика», «Стихи» и так далее. В разделе «Жители» (их немного в деревне) — фотографии всех односельчан, сопровождающиеся краткими портретными очерками-байками. Собственно, постоянных жителей уже и нет. Деревня оживает летом, когда сюда приезжают горожане, в основном из Москвы и Петербурга, по большей части потомки уроженцев Шанева. «...сейчас в деревне 17 домов. Нет ни одного петуха и ни одной коровы. Зато прилюдно бегают зайцы, ползают змеи, а по ночам ходят любопытные медведи... А зимой лишь ветер гуляет между домов». В соответствующих разделах изложена история деревни в фактах и в деревенских преданиях (о 50-х и 60-х рассказывали автору дядя и отец автора сайта, уроженцы этой деревни), тут и рисованные карты местности, письма из Шанева; есть даже своя небольшая библиотека — стихи, проза, воспоминания, принадлежащие авторам, как-то связанным с деревней и кругом живущих в ней людей. Ну и, разумеется, фотопейзажи деревни, окрестностей, озера, живности, живопись автора на «шаневские мотивы», графика. Есть удачные работы, есть менее удачные, но выразительность отдельных фотографий или графических работ — здесь дело второе. Каждая из них — составная того образа, того уже художественного пространства, которое создает Кудрявцев. «Фотографичность» сайта не должна обманывать. В том виде, в каком представлено Кудрявцевым Шанево, оно может существовать именно в Интернете.

Есть своя закономерность в появлении вот таких сайтов. Сама специфика интернетовского пространства, поэтика компьютерных игр провоцирует игры в географию, историю, создание собственных миров с реальными прототипами («Селятино», «Шанево») и уже полностью виртуальных. Мифологических. В этом отношении очень характерен сайт «Арда-на-куличках» (<http://www.kulichki.com/tolkien/index.html>).

Он посвящен Джону Рональду Руэлу Толкиену и созданному им миру. Это крупнейший сайт толкиенистов, имеющий на соответствующей странице ссылки на родственные сайты, то есть одновременно являющийся выходом во многоуровневый мир Толкиена в Интернете. На «Арде...» представлена информация о писателе, тексты его книг, переводы еще не изданного у нас, а также творчество и игры самих толкиенистов. Сайт подчеркнуто «для своих», человеку со стороны трудно сориентироваться даже в его разделах «Орлы Манве», «Архивы Минас-Тирита», «Паланктир Ортханка» и т. д. Человеку со стороны следует открыть «путеводитель» (<http://www.kulichki.com/tolkien/orient.html>), и тогда структура сайта проясняется: «Орлы Манве» — новости, «Кабинет Профессора» — раздел, содержащий подборки биографических материалов, посвященных жизни и творчеству Толкиена, его фотографии, рисунки, коллекции переводов, в основном неопубликованных (в подразделе «Рабочий стол»), в соответствующих подразделах — календарь

Средиземья и энциклопедия Средиземья. В разделе «Архивы Минас-Тирита» — статьи и исследования мира Толкиена, литературная критика и т. д.

Ну это, так сказать, клуб по интересам, культурная игра в мифологию. Полезная, наверное, — не мне, далекому от этих игр человеку, судить. Мне милее мифология деревни Шанево, а что касается собственно мифов, то с большими ожиданиями я открывал попавшие в список номинантов премии сайты, специально посвященные мифологии. И надо сказать, ожидания эти не были обмануты.

Первый из них — это сайт Владимира Ларченко «**Культура и искусство Древнего Египта**» (<http://www.kemet.ru/>). Содержит пятнадцать разделов. Основные: «Хронология» (хронология правления царей Древнего Египта по годам, именам и династиям царей...), «Книжная полка» (список русскоязычных книг о Египте), «Древнеегипетский словарь», «Переводы древних текстов» (тексты из гробниц, со стен храмов, папирусов, обелисков, камней), «Египет глазами художников» (галереи художников, которые во время своих путешествий рисовали Египет), «Фотогалерея» (фотографии памятников, храмов, статуй, сделанные на протяжении всего XX века), «Карта Египта» (интерактивная карта страны; кликнув мышью на городе, вы получите историческую справку), «Виртуальный музей» (снимки экспонатов с описаниями из музеев всего мира).

Этот сайт ставит обозревателя в трудное положение, потому как, кроме слов «сайт сделан безупречно», сказать, в общем-то, нечего. Сходите сами и убедитесь.

Сложнее ситуация со вторым — скажу сразу, не менее замечательным — сайтом «**Мифы нашего мира**» (<http://ml.volny.edu/>). Сайт действительно хорош. Объем содержащегося здесь вызывает некоторую даже оторопь — представлена мифология ассирийцев, аштеков, шумеров, египтян, греков, римлян, кельтов, валлийцев, германцев, карелов, китайцев, японцев и т. д., и т. д. Основной раздел сайта: «Тексты мифов», содержащий все эти подразделы мифологий, в свою очередь каждая из мифологий имеет свои подразделы. А также в числе основных разделов сайт предлагает «Словарь», «Боги и герои», «Линия времени», «Источники», «Другие сайты» и т. д. Вот цифры: представленных на сайте мифов — 3723, терминов — 5078, персонажей — 3717. Прделана действительно колоссальная работа группы энтузиастов. Руководитель проекта Денис Шумаков. В творческом коллективе (на странице «Авторы» значится 14 фамилий) есть историки, во всяком случае, против двух фамилий значится: «подбор материалов, научные консультации», — это Сергей Кулдин и Сергей Калинин.

Понятно, что объять необъятное невозможно. Создать сайт, полностью отвечающий названию «Мифы нашего мира», — задача в принципе неразрешимая. К тому же это сайт, рассчитанный на самую широкую аудиторию. И потому авторы использовали в качестве источников как античные и средневековые тексты («Песнь о нибелунгах», «Младшая Эдда», «Песнь о Роланде», «Калевала», «Энеида» Вергилия и др.), так и изложение мифов в книгах современных популяризаторов («В мире мифов и легенд» В. Н. Синельченко и М. Б. Петрова, «Легенды и мифы Древней Греции» Н. А. Куна и другие).

Естественно, с особым интересом я искал здесь славянскую мифологию. И нашел. Славянская мифология представлена на сайте «Велесовой книгой» Это, так сказать, главная опора славянского раздела. И только где-то на периферии его, в подразделе «Другие», можно ознакомиться со всем тем, что, собственно, накопила отечественная наука за два с половиной века, в кратком изложении по книге Синельченко и Петрова «В мире мифов и легенд».

Жест выглядит, мягко выражаясь, странным, особенно если сравнить уровень представления — вполне репрезентативный — других национальных мифологий. Понятно же, что устроители сайта, люди достаточно квалифицированные, его научные консультанты, не могли не знать о двусмысленном научном статусе этого источника. Я специально сходил на страницу «Линия времени» (<http://ml.volny.edu/timeline.html?act=1>), где посетителю предлагаются хронологические таблицы, и открыл сводный перечень событий «за период с 10000 года до н. э.» — да нет, все правильно, упоминания о славянах в мировой истории здесь начинаются 882 годом (основание Новгорода) и 863 годом (созданием кириллицы). Здесь продемонстрирован вполне корректный подход к предмету. Так же вполне

объективно, культурно оценивается уровень рекомендованных на странице «Другие сайты» родственных проектов.

Я понимаю, что этот сайт не научный, что здесь не место для научных дискуссий. Сайт — для широкого круга читателей. Но тем ответственнее задача.

Нет, я здесь не собираюсь вмешиваться в спор о подлинности «Велесовой книги». Для меня принципиален сам факт спорности этого источника. Факт бесспорный.

Предложенная «Велесовой книгой» картина мира настолько неожиданна и сенсационна, что, по существу, ставит вопрос о пересмотре всего известного нам о доисторическом периоде народов Европы, а это соответственно требует подтверждений со стороны археологии, палеонтологии, лингвистики и т. д. Пока же специалисты этих наук относятся к «Книге», мягко выражаясь, скептически.

Скепсис этот не может не усугубляться и самой историей появления книги — что-то такое из эстетики голливудского кино: Гражданская война в России в духе песни «Четвертые сутки пылают станицы», белогвардейский офицер находит в разоренном дворянском поместье таинственные таблички, далее действие переносится в Европу — русский эмигрант и книжник полтора десятилетия в тишине и тайне расшифровывает записи «новгородских жрецов», итоги свои публикует еще через полтора десятилетия, к тому времени сами таблички бесследно исчезают, — как предполагает один из «ретрансляторов» этой легенды академик Ю. К. Бегунов, «они были похищены спецслужбами СС», ну и так далее — сходится Роману Полански, если он после своего мистического триллера «Девятые врата» ищет сюжет для нового блокбастера.

Короче, этот текст не кажется настолько авторитетным, чтобы именно им представлять славянскую мифологию на подобном сайте.

Я, разумеется, знаю, насколько сложной научной проблемой является славянская мифология. Можно было бы, конечно, пометчать, что вот если бы составитель «Сборника Кириши Данилова» не мешкая приступил к работе вслед за александрийскими филологами, начавшими записывать античные мифы почти две тысячи лет назад, тогда-то и у нас было бы что-нибудь вроде своей «Илиады». Увы, нормальная работа по изучению нашей мифологии и фольклора стартовала только в конце XVIII века. Но и того, что собрано и изучено учеными, начиная с А. Н. Афанасьева и Ф. И. Буслаева, было бы достаточно, чтобы дать представление о предмете. Предпочтение сомнительного источника данным бесспорным — для ситуации этого сайта очень болезненный прокол. В данном случае уровень представления мифологий, скажем, вьетнамцев или валлийцев для меня как читателя уже не играет роли. Интерес к кельтской, и греческой, и скандинавской мифологии у меня, скажем так, общекультурный, его не сравнить с интересом к собственной. И получается, что авторы сайта «Мифы нашего мира», по сути, отмахнулись от серьезной работы по представлению славянской мифологии, заменив ее эффектным жестом.

Воспользовавшись предложенными «Мифами нашего мира» ссылками, я сходил на два рекомендованных здесь сайта, посвященных истории славянских культур, в надежде найти аргументы за и против подлинности «Велесовой книги». Такого рода научная дискуссия, даже независимо от конечных выводов, дала бы возможность познакомиться с тем, чем располагает современная наука.

Увы, ничего похожего я там не обнаружил.

Интонация, в которой комментируются тексты «Велесовой книги» на сайте «Славянские мифы», не оставляет места для размышлений: «„Книга Велеса” — священное писание славян. Была написана на деревянных дощечках (43 доски) в V — IX столетиях жрецами Русколани и Древнего Новгорода. Содержит мифологию славян, тексты молитвенные, легенды и рассказы о древней славянской истории с XX тысячелетия до нашей эры по IX век нашей эры» (<http://www.telinform.ru/misc/legend/legenda61.htm>).

«Славяне — один из древнейших народов Земли. Исторические корни славян уходят в те времена, когда славяне выделялись из общей семьи индоевропейских, индоиранских (арийских) народов. Потому и русский язык (как и иные славянские языки) почитается очень древним арийским языком, он близок к санскриту..

С X по XVI век — постепенный упадок ведической и языческой религий, время религиозных междоусобиц, двоеверия, иноземного ига, зависимости от иноземцев и иноплеменников. С XVII века и поныне — преследования язычников, угасание древней веры, время последних хранителей веры» (<http://www.tel-inform.ru/misc/legend/legenda60.htm>).

Речь тут идет уже не о поисках научной истины, не о поисках своих «мифологических корней», — модальность приведенных высказываний сугубо учительная, проповедническая. И полбеда, если бы мы имели дело с проявлением, скажем помягче, некоторого горестного недоумения: как же так, у евреев, немногочисленного по сравнению с русскими народа, есть Библия, оплодотворившая всю европейскую, да и мировую культуру; у исландцев — «Эдды», у киргизов — «Манас», у якутов — «Олонхо». А у одного из самых культурных народов мира — только обрывки разрозненных сведений о языческих богах. Согласен, обидно.

Но похоже, ситуация печальнее. Речь идет (по крайней мере в том, интернетовском, пространстве, которое я смог осмотреть) о сугубо идеологической проблеме. «Велесова книга» рассматривается не как факт истории или культуры, а прежде всего как факт современной идеологии. С помощью «Велесовой книги» новые идеологи пытаются «очистить» русское самосознание от христианства, противопоставив ему истинную веру предков («Велесова книга», как священная книга славян). Или попытаться растворить христианство внутри новой, с помощью «Велесовой книги» обретаемой религии, как это предлагают авторы сайта «Славянское язычество» (<http://paganism.ru/news.htm>):

«Вопрос: Как относится язычество к христианству?»

Ответ: Как целое к части. Язычество — это прежде всего естественная религиозность человека во всей ее полноте. Фиксирование на каких-либо определенных формах (через которые проявляется эта религиозность) в ущерб всем иным формам — порождает различные религиозные конфессии. В целом язычество — это, конечно, не „театр одного актера”, к тому же „актера страдающего”».

Тут голая идеология, и, кстати, замечательное в этом отношении высказывание о «Велесовой книге» встретил я в Интернете:

«In Reply to: Велесова книга posted by Аристарх on February 11, 1999 at 07:43:00:

Прошу покорно кому-нибудь из историков помочь с объяснением вопроса „Велесовой книги”... Что это? Подделка, натуральный документ, болгарская беллетристика. Я пишу работу об арийском прошлом индоевропейских народов, и это мне очень помогло бы. А так уже выстроил теорию, и все сходится тютелька в тютельку, не хотелось бы ломать...

Заранее благодарен». <http://home.onego.ru/~kitezh/veche/messages/412.html>

Тут уж, как говорится, ни убавить, ни прибавить...

В качестве частичной реабилитации славянского раздела «Мифов нашего мира» скажу, что, воспользовавшись рекомендуемыми им ссылками, я открыл для себя сайт **Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика** (<http://www.ruthenia.ru/folklore/>). Вот здесь как раз наука — книги современных ученых, посвященные изучению русского фольклора, доклады, статьи на различных научных семинарах и конференциях, персональные страницы ученых (И. Г. Матюшиной, Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова, Е. С. Новик), библиографические списки и др.

Разумеется, это для специалистов. Для обычного читателя все же предпочтительнее был бы сайт более популярный, именно такой, каким задуманы и выполняются в большинстве своих разделов «Мифы нашего мира». Было бы замечательно, если бы здесь появилась более развернутая информация о том, что есть в нашей науке бесспорного о славянской мифологии, об итогах пути, который она прошла за два столетия от Кириши Данилова до Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова. Будем надеяться — сайт все же работает, обновляется. Может, появятся и новые материалы.

СОЛОВЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ИВАНОВЕ

В бытность А. А. Носова одним из ведущих сотрудников «Нового мира» журнал старался следить за новыми вехами в изучении наследия Владимира Соловьева. Теперь, после кончины Александра Алексеевича, хотелось бы сообщить о сравнительно недавнем событии, связанном с творчеством русского философа и посвященном памяти замечательного исследователя В. С. Соловьева и его эпохи.

«Соловьевский» проект — официально он называется постоянно действующим научным семинаром «Философское наследие Вл. Соловьева и современный мир» — осуществляется в Ивановском государственном энергетическом университете уже более трех лет. В первый год это было относительно камерное мероприятие, фактически замкнутое в рамках кафедры философии ИГЭУ. Однако после проведенной в мае 2000 года представительной международной конференции «Владимир Соловьев и философско-культурологическая мысль XX века» статус семинара изменился, и сегодня без особого преувеличения можно сказать, что Иваново стало одним из основных центров отечественного «соловьевоведения».

Говоря о причинах успеха этого проекта, неизбежно упираешься в старый тезис о роли личности в истории. Рискнем предположить, что «раскрутке» семинара способствовал прежде всего личный энтузиазм его руководителя, заведующего кафедрой философии ИГЭУ М. В. Максимова, сумевшего убедить в перспективности проекта не только своих непосредственных сотрудников, но и московских ученых. Сначала «коспонсором» семинара выступила кафедра истории русской философии МГУ (особую заинтересованность в сотрудничестве с ивановскими коллегами проявили заведующий этой кафедрой М. А. Маслин и известные специалисты-«соловьевцы» А. П. Козырев и Б. В. Межуев). Несколько позже к организации работы семинара присоединились сотрудники кафедры истории русской философии РГГУ. Стоит упомянуть также о финансовой поддержке проекта, оказанной РГНФ.

12 — 13 апреля состоялось первое из трех намеченных на 2002 год заседаний семинара. Его тема — «Отечественное и зарубежное соловьевоведение: итоги и перспективы исследований». Заседание началось с минуты молчания: собравшиеся почтили память скончавшегося в феврале 2002 года А. А. Носова. С развернутым некрологическим сообщением о трудах и днях покойного — по сути, с первым из трех своих докладов, прочитанных за два дня, — выступил Н. В. Котрелев. (Стоит отметить, что в программе майской конференции 2000 года были заявлены два доклада А. А. Носова. Тогда Александр Алексеевич не смог приехать в Иваново, но в изданном по итогам конференции сборнике была опубликована его статья «Владимир Соловьев — военный корреспондент», посвященная поездке философа на русско-турецкую войну 1877 года в качестве корреспондента «Московских ведомостей», а также атрибуции Вл. Соловьеву заметки «Из Свиштова», появившейся в катковской газете 16 июля. Кроме того, в рамках конференции прошла презентация только что вышедшего тогда первого тома Полного собрания сочинений Вл. Соловьева, ответственным редактором которого был А. А. Носов.)

В первый день работы семинара собравшиеся заслушали около двух десятков докладов. Отметим среди прочих доклады Н. В. Котрелева «Владимир Соловьев и католический мир», А. П. Козырева «Вл. Соловьев в судьбе и творчестве священника Сергия Булгакова», а также профессора Беэр-Шевского университета им. Бен-Гуриона Хамуталь Бар-Йосеф «Sophiology in the poetry of Hayim Nahman Bialik» (к сожалению, не прозвучал заявленный в программе и обещавший быть очень интересным доклад Б. В. Межуева «Первый биограф Вл. Соловьева: некоторые факты из биографии В. Л. Величко»).

Во второй, и последний, день работы семинара был заслушан почти двухчасовой и чрезвычайно насыщенный доклад Н. В. Котрелева «Проблемы издания Пол-

ного собрания сочинений и писем В. С. Соловьева», в котором докладчик рассмотрел несколько вопросов: от характеристики соловьевских материалов, хранящихся в российских и зарубежных архивах, до анализа опыта зарубежных издателей сочинений философа (речь шла в первую очередь о брюссельском двенадцатитомнике).

Очередное заседание семинара состоялось 7 — 8 июня с. г. Его тема — «Владимир Соловьев и современный мир». А последний в этом году заезд соловьевоведов в Иваново намечен на ноябрь, когда ожидается обсуждение поэтического и литературно-критического наследия философа.

Михаил ЭДЕЛЬШТЕЙН.

Журнал «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ФОРУМ» («ИФ»)

*заполняет свободную ныне нишу интеллектуального журнала.
Адресован любому думающему человеку, уважающему
сложность мира — своего и чужого.*

*Выходит раз в три месяца.
Учредитель — Русский Институт (Москва).*

Сфера интересов нового журнала — широкое культурное пространство. «ИФ» публикует статьи, затрагивающие проблемы самых разнообразных отраслей знания (истории, философии, литературы, искусства, естественных наук) в их взаимосвязи с повседневной жизнью.

Цель журнала — способствовать воссоединению специальных знаний с нашими заботами и проблемами.

Журнал публикует переводные и оригинальные материалы; каждый номер включает рубрику «Вернисаж „ИФ“», книжный и музыкальный обзоры, отсылающие читателя к интересным публикациям, а также музыкальным новинкам, отвечающим самому взыскательному вкусу.

Формат 60×90/16. Объем 18 п. л., цветная вкладка, обложка.

Переводные материалы «ИФ» взяты из лучших американских и английских изданий, пользующихся заслуженным признанием мировой интеллектуальной элиты, — таких, как The New Republic, The New York Review of Books, London Review of Books, The New Yorker. «ИФ» заполняет свободную ныне нишу интеллектуального журнала. Он адресован любому думающему человеку, уважающему сложность мира — своего и чужого.

Журнал распространяется по подписке. Стоимость годовой подписки — 160 руб. Доставка журнала включена в стоимость подписки.

Телефон для справок: 201-75-51.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

КНИГИ

Апокрифы Древней Руси. Составление, предисловие М. Рождественской. СПб., «Амфора», 239 стр., 4000 экз.

Памятники древнерусской литературы представлены в четырех разделах: «Апокрифы Ветхого Завета», «Апокрифы Нового Завета», «В поисках Рая», «Христиане-мученики». Подготовка текстов и комментарии М. Рождественской, А. Боброва, Л. Навтановича, Г. Прохорова, Р. Тарковского, О. Творогова. «Из всего корпуса дошедших до нашего времени древнеславянских апокрифов для этой книги мы отбирали тексты прежде всего по их литературным достоинствам. Вторым критерий — жанровое разнообразие. Читатель найдет здесь религиозные легенды, утопии, христианско-мифологические сказания, видения, рассказы о „хождениях“, жития, мученичества» (от составителя). Значительная часть текстов публикуется в переводах, сделанных для данного издания по рукописям из древлехранилищ петербургских библиотек.

Фернандо Аррабель. Красная мадонна. Роман. Перевод с французского Нины Хотинской. М., «Текст», 205 стр., 5000 экз.

Первая в России книга знаменитого в Европе испанца, живущего во Франции и пишущего на французском и испанском, — философский роман, написанный как исповедь женщины, убившей свою дочь.

Сэмюэль Беккет. Мерфи. Роман. Перевод с английского М. Кореневой. М., «Текст», 2002, 282 стр., 3500 экз.

Впервые в России — роман, с которого началась всемирная слава Беккета; написан в 1938 году.

Кнут Гамсун. Август. Роман. Перевод с норвежского С. Фридлянд. М., «Текст», 2002, 365 стр., 3000 экз.

Вторая книга из знаменитой трилогии об Августе.

Владимир Жаботинский. Пятеро. Роман. Рассказы. Предисловие Е. Голубовского. Послесловие И. Зотова. М., Издательство «Независимая газета», 2002, 448 стр., 5000 экз.

Книжное издание романа, открытого широкому читателю журналом «Новая Юность» (№ 46, 47), — лиричная, ироничная, ностальгическая, как бы непреходящая — но при этом с жестко прописанной мыслью — пластичная проза, без следов литературной архаики (автор — современник Горького и Короленко); художественное исследование судеб русского еврейства, логическим завершением которых, по мнению автора, должен стать новый исход. А также — рассказы «Белка», «Edmée», «Диана», «В темные века», «Муза моды».

Григорий Петров. Жильцы нашего дома. Повесть в десяти главах. М., «Иностранка», НФ «Пушкинская библиотека», 2002, 266 стр., 5000 экз.

«...истории десяти человек, живущих в одном московском доме. Повествование строится как некая игра с элементами иронической фантастики. Наряду с реальными персонажами действуют персонажи условные — призраки умерших, древние монахи, всяческая чертовщина. Книга Г. Петрова — это своего рода житейская история и в то же время крах рационального мирозерцания» (из издательской аннотации). Книга вышла в новой серии «Русская проза» издательства «Иностранка».

Валерий Попов. Очаровательное захоlustье. Повести. М., «Вагриус», 2002, 352 стр.

«Грибники ходят с ножами», «Ужас победы», «Очаровательное захоlustье» — три текста из своеобразной художественной хроники наших дней, которую пишет Попов в последние годы. Первоначально публиковались в «Новом мире» (соответственно — 1997, № 6; 2000, № 11; 2001, № 1).

Дмитрий Стахов. История страданий бедолаги, или Семь путешествий Половинкина. М., «Новый век», 2002, 152 стр., 1000 экз.

Веселое авантюрное повествование, в котором киноштампы современной «новорусской экзотики» органично скрещиваются с фольклорными и мифологическими архетипами.

Ив Мабен Шеневьер. Турако — птица печали. Роман. Перевод с французского Я. Никитина. М., «Текст», 2001, 189 стр., 2000 экз.

Роман современного французского писателя, действие которого разворачивается в некоем тропическом островном государстве; среди действующих лиц — француз-археолог с женой, аборигены, вожди местных родовых кланов. «Гогеновский фон» оттеняют события отнюдь не идиллические — восстания, убийства и насилия. Писатель пытается сочетать стилистику современной социально-психологической прозы с поэтичностью мифа.

Илья Эренбург. Любовь Жанны Ней. Жизнь и гибель Николая Курбова. Романы. М., «Текст», 2002, 493 стр.

Романы, написанные в начале 20-х годов. Послесловие «Два романа Ильи Эренбурга. (От Андрея Белого к Чарльзу Диккенсу)» Бориса Фрезинского.

А. С. Мартынов. Конфуцианство. «Лунь Юй». В 2-х томах. СПб., «Петербургское востоковедение», 2001, 3000 экз. Том 1 — 368 стр. Том 2 — 384 стр.

Первый том издания составили очерки «Конфуций. Жизнь и учение» и «Конфуцианство». Во втором томе — очерк «Различные аспекты конфуцианства» и текст основного памятника конфуцианской мысли «Лунь Юй» («Беседы и высказывания») в переводе А. Мартынова.

Н. Е. Мясоедов. Пушкинские замыслы. Опыт реконструкции. СПб., «СпецЛит», 279 стр., 1000 экз.

Анализ и исторический комментарий набросков так и не написанных Пушкиным произведений (исторические записки, которые поэт собирался писать в начале 30-х годов, «Роман на Кавказских водах», эпиграммы на Михаила Каченовского и некоторые другие тексты, свидетельствующие о нереализованных замыслах).

Джошуа Рубинштейн. Верность сердцу и верность судьбе. Жизнь и время Ильи Эренбурга. Перевод с английского М. А. Шерешевской. СПб., «Академический проект», 2002, 512 стр., 1000 экз.

Биография, написанная американским славистом (первое издание в Нью-Йорке в 1996). Автор почти не касается вопросов литературного творчества, сосредоточившись на хронике жизни Эренбурга, обстоятельствах писательской и журналистской биографии, на круге близких и друзей, на истории взаимоотношений Эренбурга с властями. Подробно рассматриваются ключевые для биографии Эренбурга эпизоды: эмиграция, революция, гражданская война в Испании и сталинский террор в СССР, война с фашистами, на годы которой пришелся пик славы Эренбурга-публициста и одновременно одно из самых серьезных (в конце войны) осложнений во взаимоотношениях Эренбурга и властей; создание государства Израиль и проявления государственного антисемитизма в СССР («дело врачей», подготовка депортации русских евреев из Центральной России в Восточную Сибирь), взаимоотношения Эренбурга с диссидентскими движениями. По степени насыщенности фактическим материалом и проработанности данная монография может соперничать только с мемуарами самого писателя и является необходимым дополнением к ним как приоткрывающая множество обстоятельств личной биографии и событий общественно-политической жизни, о которых автор книги «Люди, годы, жизнь» не имел возможности писать в 60-е годы.

Владимир Савченко. Отступник. Драма Федора Раскольникова. М., «Детектив-Пресс», 2001, 384 стр., 5000 экз.

Беллетризованная биография известного деятеля Октябрьской революции и Гражданской войны, впоследствии — дипломата и одного из первых советских диссидентов. Повествование начинается эпизодами знаменитой встречи на Финляндском вокзале вернувшегося из эмиграции Ленина и заканчивается смертью Раскольникова в клинике Ниццы в сентябре 1939 года; последняя глава содержит открытое письмо к Сталину, опубликованное в западных газетах через месяц после смерти Раскольникова. Среди персонажей книги Лариса Рейснер, Гумилев, Каменев, Радек, Троцкий, Ленин, Сталин, Рыков, Зиновьев, Молотов, Литвинов.

Жан-Поль Сартр. Дневники странной войны. Сентябрь 1939 — март 1940. Предисловие и примечания Арлетты Элькаим Сартр. Перевод с французского и комментариев О. Волчек и С. Фокина. СПб., «Владимир Даль», 2002, 814 стр., 3000 экз.

Военные дневники Сартра. «Я воевал по собственному образу и подобию: будучи буржуа, я встал на военную стезю по указанию; будучи пацифистом, я вступил на нее

пацифистом; будучи антимилитаристом, я хотел воевать простым солдатом... будучи неприспособленным к физическим нагрузкам... я оказался в нестроевом составе... странная война отражала наше сокровенное желание не воевать, ведь Гитлер, зная наши чувства, не атаковал, дабы война *не загнила на корню*. Иначе говоря, я отражался в этой войне, которая отражалась во мне и возвращала мне мой собственный образ. В результате я сначала писал о войне, а затем *о самом себе*, — от автора. «Если считать „Бытие и ничто” главным философским сочинением Сартра, то „Дневники” предваряют этот труд как своеобразное историко-биографическое и психологическое введение (из издательской аннотации).

Рюдигер Сафрански. Хайдеггер. Германский мастер и его время. Перевод с немецкого Т. Баксановой при участии В. Брун-Цеховского. Вступительная статья В. Бибикина. М., «Молодая гвардия», 2002, 614 стр., 3000 экз.

Философская биография ученого, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей». Журнал намерен отрецензировать издание.

Составитель Сергей Костырко.

ПЕРИОДИКА

«Время МН», «Время новостей», «Второй Курицынский сборник», «Газета.Ру», «Грани.Ру», «День и ночь», «День литературы», «Ex libris НГ», «Завтра», «Звезда», «Известия», «Итоги», «Книжное обозрение», «Лебедь», «Литера», «Литература», «Литературная газета», «Литературная Россия», «LiveJournal», «Москва», «Московские новости», «НГ-Религии», «Независимая газета», «Неприкосновенный запас», «Новая газета», «Новая Юность», «Огонек», «Подъем», «Россия», «Русская мысль», «Русский Журнал», «Русский Удодь», «Спецназ России», «Топос», «Труд», «Урал», «Уральская новь», «Художественный журнал»

Александр Агеев. Голод 71. Практическая гастроэнтерология чтения. — «Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/krug>>

«Как хотите, но правдоподобная версия мне в голову пришла только одна: ординарной повести Сергея Бабаяна премию [имени И. П. Белкина] дали только потому, что очень не хотели давать ее [Ольге] Славниковой».

Игорь Анатольев. Четвертый рейх. — «Завтра», 2002, № 14, 2 апреля <<http://www.zavtra.ru>>

Лара Крофт (кто знает, тот знает) как выражение общеевропейской идеи.

Андрей Андреев. «Этническая» революция: причины и следствия. — «Москва», 2002, № 4 <<http://www.moskvam.ru>>

Русские и россияне, русские и нерусские, россияне и нероссияне.

Дмитрий Бавильский. Мне скучно, бест. — «Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/krug>>

«Если и было в русской литературе пропущенное десятилетие — так это отнюдь не 90-е годы, накопившие, как теперь видно, значительный информационный и культурный потенциал, но предшествовавшие, 80-е, когда страна вздохнула „Огонек”, смотрела съезды народных депутатов и пичкала себя возвращенной литературой».

Сергей Беляков. Оптические эффекты. Заметки о творчестве Ольги Славниковой. — «Урал», Екатеринбург, 2002, № 4 <<http://magazines.russ.ru/ural>>

«На страницах романов О. Славниковой множество упоминаний о самых разнообразных оптических приборах: „самодельная”, по выражению автора, оптика (подглядывание в замочную скважину), уподобление глаз героев биноклям, подзорной трубе и, наконец, микроскоп в руках самого автора, напоминающего естествоиспытателя в научной лаборатории».

Леонид Бородин. «Считаю себя русистом». Беседу вел Владимир Бондаренко. — «День литературы», 2002, № 4, апрель <<http://www.zavtra.ru>>

«Первое достоинство советской литературы — это то, что в лице лучших талантливых представителей она сохранила русский язык. Греша против правды, умалчивая о многом, сохранила высочайший стилистический уровень».

«Русский консерватизм — это Православие. <...> Консерватизм без Православия обернется очередным уродством».

«Почему я должен быть националистом? Я просто русский — и всё. <...> Шотландский национализм, фламандский национализм — звучит, а русский национализм — какое-то принижение для нас. Мы просто русские, и это здорово».

См. также: **Павел Басинский**, «Четвертая правда Леонида Бородина» — «Литературная газета», 2002, № 17, 24 — 30 апреля (речь при вручении Бородину литературной премии Александра Солженицына 18 апреля 2002 года).

Леонид Бородин. В августе 68-го... Из книги мемуаров. — «День литературы», 2002, № 4, апрель.

Синявский в Дубровлаге. «Недоброжелатели вроде меня называли Синявского (за глаза, разумеется) „людоедом“ — в том смысле, что всякий человек бывал ему интересен только до той поры, пока интерес не иссякал».

Питер Брайль. Наказание Сталиным. — «Русский Удодъ». Вестник консервативного авангарда. № 12 <<http://udod.traditio.ru:8100>>

«<...> было отмечено, что в подсознании русских запрятан призрак фашизма. Но этот призрак угнездился там только потому, что мы — вполне европейский народ. Фашизм — архетип европейской культуры. Европа — изначально фашистская земля».

Равиль Бухараев. Ностальгия по откровению. — «Ex libris НГ», 2002, № 15, 25 апреля <<http://exlibris.ng.ru>>

Религиозное откровение как информация. Автор (поэт, эссеист, обозреватель Биби-си) — мусульманин.

Дмитрий Быков. Дисквалификация. — «Огонек», 2002, № 11-12, март <<http://www.ropnet.ru/ogonyok>>

«<...> Но после десяти лет либерального владычества, когда все, что не окупало себя, объявлялось излишним и тормозящим прогресс, я стал патриотом от противоположного: я стал любить свою страну, потому что ее так легко, без всякого чаадаевского отчаяния, с веселым злорадством презирают богатые и самодостаточные люди, которым эта страна вдобавок не успела особенно попортить кровь».

«Но уверяю вас, эта страна в 1941 году была еще хуже. В ней свирепствовал тоталитаризм кровавее нынешнего».

«<...> если бы я точно знал, что Лазутина применила допинг, и от меня зависело бы — передать или не передавать этот факт огласке, я никогда не присоединился бы к числу гонителей представительницы *моей* страны».

«Так что ж, спрашивают меня на одном из форумов Интернета, мальчик, который кричит: „А король-то голый!“ — тоже дурно поступает? Очень дурно. Это же твой король, мальчик. Ты его не выбирал. Поди стань в угол. А лучше подай ему прикрыться».

Дмитрий Быков. Антифашизм как высшая стадия капитализма. (Быков-*quickly*: взгляд-35). — «Русский Журнал» <http://www.russ.ru/ist_sovr>

«Подозреваю, что для нынешней власти, у которой такие проблемы с определением своей программы, главным врагом является не абстрактный скинхед, обладающий фашистскими убеждениями, — а любой конкретный человек, обладающий убеждениями вообще. Квалифицировать их как экстремистские, экстремальные, радикальные и проч. — не составляет труда <...> Этот мир становится не так уж страшно покинуть».

Ср.: «Этот [правительственный] проект [закона о борьбе с „экстремизмом“] чудовищен. <...> Сама постановка вопроса о смене власти, общественного устройства, модели правления трактуется как „экстремистская“ идеология», — пишет **Андрей Фефелов** («Завтра», 2002, № 17, 23 апреля).

Дмитрий Быков. Гоголевский проезд. Магистральный русский путь. [К 150-летию со дня смерти Гоголя]. — «Огонек», 2002, № 15, апрель.

«Хорошо было Белинскому. Он ничего не понимал».

Андрей Ваганов. Человек-чип. — «Независимая газета», 2002, № 68, 6 апреля <<http://www.ng.ru>>

«В Оксфорде, в больнице Редклифф, прошла операция по вживлению в левое запястье [профессора кибернетики] Кевина Уорвика кремниевого микрочипа площадью около 9 мм. Чудо микроэлектроники на этот раз было соединено сотней микроконтак-

тов непосредственно со срединным нервом. <...> По замыслу профессора, оцифрованные сигналы нервной системы можно будет передать на компьютер, а затем вернуть обратно на имплантированный чип. <...> суперцель Уорвика — соединить через Интернет нескольких человек с имплантированными микрочипами».

В этот же день в газете «Известия» (2002, № 60, 6 апреля <<http://www.izvestia.ru>>) напечатана статья **Татьяны Батеневой** «Порочное зачатие» о том, что известный гинеколог Северино Антинорй заявил на международной конференции в Абу-Даби, что он будто бы создал *первый в мире клон человека* — беременная женщина должна родить через семь месяцев (то есть в ноябре?).

Ср.: «Я опять вспомнила сон. Как мы стояли двумя стеночками. Только те, кто на-против нас, номера эти принимает, тем самым способствуя складыванию универсально регламентированного, унифицированного информационного мирового сообщества, возлюбив блага мира сего. Никак им не отказаться от поспешения за прогрессом. А мы, эту складывающуюся систему тотального контроля и потребительского оболванивания поддерживать не желающие, есть „малая часть некоторых людей, не обязавшаяся суетой мира, но наплевавшая на все радости и сладости мира, хотя и в мире живущая...“, как сказано о нынешних событиях в пророческой рукописи, найденной монахами Почаевской лавры... пророчествующей из XVII века о сегодняшних днях. На ИНН действительно проверка. <...> В Эстонии в этом году введут вместо паспортов электронные карточки. И как будто бы на поверхностный взгляд ничего в них такого. Через три года будут менять на более совершенные. За три года система сложится вполне. И складывать ее можно „безобидными“ картонками без апокалипсических шестерок. И потом поменять на что угодно. Через три, шесть, десять лет. <...> В будущем вне электронной системы будут только асоциалы. Сдается мне, их станут отлавливать, как собак, внедряя подкожные чипы...» — пишет прозаик **Лариса Ванеева**, которая в настоящее время живет при Пюхтицком Свято-Успенском женском монастыре («Монастырский дневник» — «Урал», 2002, № 4 <<http://magazines.russ.ru/ural>>).

См. также сайт «Стояние за Истину»: <http://www.zaistinu.ru>

Венок Борису Рыжему. [К годовщине со дня смерти]. Составил Ю. Казарин. — «Урал», Екатеринбург, 2002, № 5.

<...> Явись из глины, / Давай сюда — / Такой картины / Ты никогда / Не видел в жизни, / Ты поспешил, / Ты как на тризне / При смерти жил» (Александр Верников).

Юрий Владимиров. Война глазами ребенка. Из автобиографической повести. — «Урал», Екатеринбург, 2002, № 5.

«Да, я помню на дорогах города вереницы заключенных местной тюрьмы, которые в сопровождении охранников тянули на больших телегах, а зимой на санях бревна с реки Вятки. Это напоминало картину „Бурлаки на Волге“. В грязной арестантской одежде и плохой обуви они месили грязь и с натугой тянули веревочные лямки. <...> Интересно, что когда в 1944 году привезли пленных немцев, то их (немцев? заключенных? — А. В.) уже не заставляли таскать бревна».

Борис Волков. Мы — те же гунны. Предисловие и публикация Виктора Леонидова. — «Новая Юность». Литературно-художественный познавательный журнал тридцатилетних. 2001, № 6 (51) <http://magazines.russ.ru/nov_yun>

Несколько стихотворений белого эмигранта Бориса Николаевича Волкова (1894 — 1953). <...> Надо беречь патроны / И терпеливо ждать, / Пока не покроют склоны, / Как муравьи, опять. / И только когда их лица / Ты различишь, — пулемет, / Забившись в руках, как птица, / В последний их раз сметет. <...>» («Пулеметчик Сибирского правительства»).

Юрий Гончаров. Чуждый элемент. Страницы памяти. — «Подъем», Воронеж, 2002, № 4 <<http://www.pereplet.ru/podiem>>

См. также в «Подъеме» рассказ **Юрия Гончарова** «Преступление и наказание» (2001, № 12) и его воспоминания «Лишь слову жизнь дана...» (2001, № 7).

Дмитрий Горбатов. К проблеме латинской транслитерации кириллицы. Попытка универсального проекта. — «Лебедь». Независимый альманах. Бостон, 2002, № 269, 28 апреля <<http://www.lebed.com>>

«Тем не менее я убежден, что, проведя долгую и кропотливую работу, можно будет добиться однозначной непротиворечивой транслитерации даже такого языка, как китайский».

Евгений Горный, Олег Постнов. Беседы при Черной Луне. О мировом правительстве, махатмах и экзистенции. — «Русский Журнал» <http://www.russ.ru/ist_sovr>

Сериал «X-files» — «там есть пища для ума. <...> можно сказать, конечно, что представления о существовании заговоров коренятся в структурах человеческой психики <...> и тогда соответственно „скрытый враг” есть архетип человеческого сознания, а само это сознание порождает подобные концепции вне зависимости или в очень косвенной зависимости от реальных фактов. А с другой стороны, ведь и то, что происходит в так называемой реальности, оно тоже определяется тем же самым сознанием, потому что реальность создается людьми, которые действуют; люди действуют исходя из каких-то своих представлений и мотивов; и так эти архетипические вещи воспроизводятся и встраиваются в реальность» (**Евгений Горный**).

Ср.: «Конспирологи страдают своим мозговым вывертом — они слишком уж хорошо думают о человечестве. Слишком оптимистически смотрят на способность „Великих Посвященных” управлять массами человекоподобных баранов. От современного человечества скорее ждешь того, что в самый решающий момент, когда наши стратеги „моссоны” проворачивают свою главную операцию, находится раздолбай, забывающий (условно говоря) „переключить рычаг С из положения А в положение Б”. И все летит к чертовой матери!..» (**Питер Брайль** — «Русский Удодъ», № 12 <<http://udod.traditio.ru:8100>>).

Элиезер Дацевич. Сталинский миф и постсоветская история. Тезисы к докладу. — «Русский Удодъ». Вестник консервативного авангарда. № 12 <<http://udod.traditio.ru:8100>>

«В Сталине поражает именно то, что его историческая роль неразрывно связана с презрением к человеку и „человеческому”. Он совершенно за пределами и непостижим, он напоминает какую-то чужеродную, инопланетную сущность».

«Не будучи ни коммунистами, ни сторонниками сталинских проектов, все, кто сегодня противостоит дегенеративным либеральным упрощениям, должны понять: Сталин вместе с нами в этой борьбе».

Ср.: «Тот, кто думает, что Сталин был человеком, разумеется, ошибается. Он был землетрясением в человеческом облике, чумой, по какой-то странной прихоти реальности облеченной во френч, самумом, вышедшим из глубин Азии, чтобы покрыть кровавым песком улицы Европы...» (**Питер Брайль**, «Наказание Сталиным» — «Русский Удодъ», № 12).

Ср.: «Сталин — это больше, чем человек и вождь. Это категория. Это способ существования России в XX веке» (**Александр Проханов** — «Завтра», 2002, № 11, 12 марта).

Михаил Дунаев, профессор Московской духовной академии. Игра в жизнь. — «Труд-7», 2002, № 63, 11 апреля <<http://www.trud.ru>>

«<...> Игра, когда она превращается в самоцель, — становится системой удобств и выгод для не желающего бороться с грехом человека. <...> Имея дело с мнимыми сущностями, человек получает способность испытывать подлинные эмоции, освобождая себя от ответственности за свои деяния. <...> Всякая игра может обернуться своего рода небытием, ибо, отвергнув непреложные ценности и требования, данные нам свыше, человек лишается сознания греха и спасения и обрекает себя тем на гибель. <...> Религия, несущая в себе систему абсолютных ценностей, абсолютно и противостоит игре <...>». См. также в журнале «Москва» (2002, № 4 <<http://www.moskvam.ru>>) диалог **Сергея Казначеева** с **Михаилом Дунаевым**.

Ольга Елисеева. Окультизм в «Гарри Поттере». — «Русский Удодъ». Вестник консервативного авангарда. № 16 (2002, апрель) <<http://udod.traditio.ru:8100>>

«Каков же мистический прообраз Гарри Поттера? <...> Если оставить в стороне чисто художественное оформление образа и обратиться к голым характеристикам, то получится следующее. Он носит печать. Он сирота и отвергаем людьми. Он понимает язык зверей и птиц, особенно змей. Он является источником силы для магов. Он — двойник другого могущественнейшего персонажа, только с противоположным знаком. Его первая битва с антиподом уже произошла в самом начале истории, а вторая — решающая — планируется в самом ее конце. Теперь каждый может про себя назвать имя библейского персонажа, к которому подходит данное описание. <...> В связи со всем вышесказанным основная идея книг Дж. Ролинг поражает своей наивностью. Раз прихода Антихриста избежать не удастся, можно попробовать воспитать его добрым и хорошим. Ведь известно же, что поначалу он будет творить много светлых дел. Нужно не допустить трагического вывиха в характере будущего мессии, его поворота ко злу. Тогда он будет не вреден людям, а даже полезен в домашнем хозяйстве».

Ср.: **Ольга Брилева**, «В защиту Гарри Поттера» — «Общая газета», 2002, № 6, 7 февраля <<http://www.og.ru>>

Славой Жижек. Возлюби мертвого ближнего своего. (Твой ближний мертв. Возлюби ближнего своего!). Перевод с английского Владислава Софронова-Антони. — «Художественный журнал», 2002, № 40 <<http://www.guelman.ru/xz>>

<...> А что, если рискнуть и расположить „Танцующую в темноте” [Ларса фон Триера] в этом ряду — понять пение Сельмы не как эскапистский жест, а как жест героического сопротивления? И более того, что, если — прежде чем приступить к спекуляциям насчет связей между голосом и реальностью — обратить внимание на тот факт, что в обществе со всеобщим здравоохранением проблем, связанных с необходимостью тяжело трудиться ради операции для зрения сына (жертвывая при этом собственным зрением), вообще не возникло бы? <...>»

Дмитрий Замятин. Имена российских городов. — «Новая Юность». Литературно-художественный познавательный журнал тридцатилетних. 2002, № 1 (52).

«Имена российских городов — это гео-морфо-логические „машины”, придающие „рельеф” поверхности русского языка <...>».

Михаил Золотоносов. Пропавшее настоящее. Культурологические заметки о вторичной литературе. — «Московские новости», 2002, № 13, 2 апреля <<http://www.mn.ru>>

«Новый рассказ [Надежды Венедиктовой] „Интимный кайф эволюции” — „Знамя”, 2002, № 1] тоже вторичен и символичен для всей ситуации в современной культуре, которую автор почему-то ощущает гораздо тоньше других. По сути, это не рассказ вовсе, а метаописание современной культуры (отсюда и язык — местами тройной очистки, язык культурологических сочинений)».

Станислав Золотцев. Вознесенный и убитый веком. К 100-летию со дня рождения А. А. Фадеева. — «Подъем», Воронеж, 2001, № 12.

«...Мы [мальчишки] им действительно зачитывались».

Ср.: <...> Ну, а „Молодая гвардия” — это просто часть моей жизни. <...> Я и сейчас могу назвать половину из молодоговардейцев — до полусотни — по именам», — вспоминает **Леонид Бородин** («День литературы», 2002, № 4).

Александр Иванов («*Ad marginem*»). В защиту спецэффектов. — «Второй Курицынский сборник» <<http://www.guelman.ru/slava/kursb2>>

«Проникновение кинообразности в литературу — есть свершившийся факт, который нуждается в анализе».

«Попытка [Ольги Славниковой (см. ее статью „Спецэффекты в жизни и литературе” — „Новый мир”, 2001, № 1. — А. В.) со слесарным инструментом подходить к массовой культуре неадекватна: эта сфера требует тонких хирургических инструментов <...>».

«Нужно отдавать себе отчет в том, что завтра будет хуже, чем было вчера, и жить, исходя из этой установки <...>».

Наталья Иванова. Привкус Хакамады. — «Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/krug>>

<...> А другие „живые” классики? Пересыпающие слова из одной книжки в другую? Чего сказать-то хотел — зачем издавал? Не ведаем. Но: есть рынок, и пока будут покупать, до тех пор будут и издавать эту *интеллектуальную* литературу, которую на самом деле сочинил Пушкин, а не Битов <...>».

В. А. Каверин. Из книги «Оглядываясь назад». Публикация Т. В. Бердиковой. Вступительная статья Андрея Арьева. — «Звезда», Санкт-Петербург, 2002, № 4 <<http://magazines.russ.ru/zvezda>>

К 100-летию со дня рождения. Каверин пишет Лихачеву, Лихачев — Каверину.

Ольга Канунникова. Неизвестный «Онегин». [К 120-летию К. Чуковского]. — «Новая газета», 2002, № 25, 8 апреля <<http://www.novayagazeta.ru>>

1904 год. Двадцатидвухлетний журналист Корней Чуковский описал редакцию газеты «Одесские новости» в юмористическом романе в четырех песнях «Нынешний Евгений Онегин». Приводятся отрывки.

Виктор Колупаев. Сократ сибирских Афин. Фантастическая пародия. — «День и ночь», Красноярск, 2001, № 7-8; 2002, № 1-2 <<http://www.din.krasline.ru>>

<...> „Радуйся и ты, Сократ”, — ответил старик [Парменид] и отхлебнул из тарелки ложку шей, со свешивающейся из нее квашеной капустой». Для пародии — слишком уж длинно.

Сергей Коротков. Татьянин день. — «Литера». Ежемесячная литературная газета. Тираж 400 экз. Обнинск (Калужской обл.), 2002, № 1, март.

«Так кусает осенняя муха. Так пишет Татьяна Толстая».

Константин Крылов. Глобализация. — «Спецназ России». Газета Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа». 2002, № 3, март <<http://www.specnaz.ru:8101>>

«<...> Тем не менее первый успешный опыт создания „глобальной международной системы“ был произведен именно Российской Империей. Мы имеем в виду так называемый Священный Союз — прообраз позднейших Лиги Наций, ООН и прочих международных структур».

Павел Кузнецов. Эмиграция, изгнание, Кундера и Достоевский. — «Звезда», Санкт-Петербург, 2002, № 4.

Как Бродский защитил Достоевского от Кундеры.

Дмитрий Кузьмин. Не то базар, не то цугундер. — «Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/kgug>>

«<...> мы имеем выдающуюся поэзию (в диапазоне, если угодно, от Дмитрия Быкова до Станислава Львовского) и первоклассную прозу, но практически не имеем вменяемой критики».

Валентин Курбатов. Одна счастливая весна. — «Литературная Россия», 2002, № 17, 26 апреля <<http://www.litrossia.ru>>

«<...> А Надежда Яковлевна [Мандельштам], грешница, порядком врала в воспоминаниях. Часто в злую сторону, а иногда в обидную, хотя внешне лестную. Лучшие из мыслей, которые рождались у нас в разговорах о поэзии в ее доме, мы потом видели приписанными Осипу Эмильевичу», — рассказывал **Валентин Берестов**.

Олег Любимов. Бесовский рай. — «Подъем», Воронеж, 2002, № 4.

Солженицын — «трагик по сути своего творчества».

Вячеслав Лютый. Случайные черты. — «Подъем», Воронеж, 2002, № 1.

Акунин выпотрошил «Чайку». Нехорошо.

Андрей Матвеев. Средиземноморский роман. — «Уральская новь», 2002, № 12 <<http://magazines.russ.ru/urnov>>

«Роман тут — не как литературный жанр, роман как определение взаимоотношений. К примеру, взаимоотношений моих и Средиземного моря».

Алексей Машевский. Вопросы Баратынского. — «Литература», 2002, № 14, 8 — 15 апреля <<http://www.1september.ru>>

Последний поэт. «Ситуация и впрямь ужасная...»

Юрий Мизинев. Сдаст ли человечество экзамен Господу Богу? Интервью с председателем Исламского комитета Гейдаром Джамалем. Послесловие Валерия Лебедева. — «Лебедь». Независимый альманах. Бостон, 2002, № 265, 31 марта <<http://www.lebed.com>>

Говорит **Гейдар Джамаль**: «Смысл ислама — это изначально революция духа против естественных традиционных религий, которые дают колоссальные возможности клерикальным элитам, то есть шаманам, жрецам, для того, чтобы держать в духовном подчинении людей, народы. И всякая социальная революция должна начинаться с идеологической революции, с революции духа, которую осуществил 4300 лет назад наш праотец Ибрахим, Аллях-исаам, христиане знают его как Авраама. Это полное отрицание зависимости человека от сил природы, от каких-либо идолов, от космических энергий, от всяких высших разумов — всего того, что стало таким модным сейчас, в эпоху нью-эйджа, когда восстанавливается интерес к язычеству, к неоязычеству, и, кстати говоря, Запад разделяет эти позиции, поощряет их. То есть то, что сегодня называется прогрессивным, модернистским западным обществом, на самом деле является восстановлением языческого сознания времен Римской империи, осложненным, может быть, еще и Вавилоном, Египтом и т. д. <...>».

Ср.: **Юрий Каграманов**, «Какое евразийство нам нужно» — «Новый мир», 2002, № 3.

Юрий Мизинев. Казахи — этнос Евразии. Интервью Александра Дугина интернет-газете «Навигатор». — «Лебедь». Независимый альманах. Бостон, 2002, № 266, 7 апреля <<http://www.lebed.com>>

Говорит **Александр Дугин**: «Для Запада „народ“ состоит из „людей“ („граждан“, „индивидуумов“), и если люди перегруппируются, например, переедут в другую страну, сменят гражданство, то они образуют другой „народ“, так как „народ“ в таком понима-

нии есть нечто искусственное, оторванное от качественной природы. Для евразийства „народ”, напротив, первичен по отношению к „индивидууму”, „человеку”. „Народ” и есть то, что делает „человека” „человеком”. „Человек” сам по себе есть клон, голем, биоробот, механизм, машина. Все богатство жизни заключено в этносах, в языке, в культуре, в специфическом, всякий раз разным отношении к пространству и времени, к вызовам природы и истории... <...> США есть великий эксперимент по организованному стиранию этнического начала, тот самый *melting-pot*. Это искусственная цивилизация искусственных людей. Отсюда „права человека”...»

Ирина Моргулес. Записки обжоры. — «Уральская новь», 2002, № 12.

Партийные боровички. Президентский шоколад. Антитеррористический борщ.

Андрей Морозов. Самоубийственная действительность. — «Независимая газета», 2002, № 71, 10 апреля.

«За 2000 год, последний год, за который имеются сейчас официальные данные, среди насильственных причин смерти лидируют самоубийства. <...> По-видимому, речь может идти о самой настоящей эпидемии самоубийств в современной России». См. также: **Евгений Стариков**, «Россия: „время Лемминга”» — «Наш современник», 2001, № 11.

«Мы провоцируем свое будущее». Политолог Александр Панарин приоткрывает завесу над актом исторического предвидения. Беседовал Александр Васинский. — «Время MN», 2002, № 58, 3 апреля <<http://www.vremyamn.ru>>

«Кто мог подумать, что замысел кучки доктринально одержимых авантюристов совершит переворот в ночь с 24 на 25 октября 17-го года увенчается успехом? Этот пример свидетельствует: главной пружиной мировых событий, главным механизмом тектонических сдвигов истории является политика, чья сущность — производство власти», — говорит политолог **Александр Панарин**, лауреат премии Александра Солженицына.

См. также: «Главное, что хотелось бы подчеркнуть здесь, — это наличие некой точки в развитии событий или некоего „поступка” (решения) ангажированного автора, после которых ход событий делается необратимым даже в том случае, когда у всех заинтересованных сторон есть веские основания об этом пожалеть. <...> Основная гипотеза, лежащая в основе предлагаемого аналитического сценария на XXI век, состоит в том, что роковое событие (решение), способное определить характер и „имидж” начавшегося века, возникает сегодня, на наших глазах», — пишет **Александр Панарин** в статье «Стратегическая нестабильность XXI века» («Лебедь», Бостон, 2002, № 269, 28 апреля <<http://www.lebed.com>>). Он же — здесь же: «Самым большим парадоксом, вписанным в экзистенциальную тайну *homo sapiens*, является то, что наиболее пагубные, наименее рациональные решения вытекают не из нужды, не диктуются какой-то жесткой необходимостью — они вытекают из свободы».

«Все народы заражены вирусом гедонистического вырождения», — говорит **Александр Панарин** («Литературная газета», 2002, № 10, 13 — 19 марта <<http://www.lgz.ru>>). Он же — в другом номере «Литературной газеты» (2002, № 11, 20 — 26 марта): «Геополитика гедонистического индивидуализма раскрывается в стремлении покидать трудные пространства и мигрировать в легкие. <...> И разумеется, покидаемое пространство всячески дискредитируется в глазах мирового общественного мнения как „невыносимое”, непригодное для цивилизованной жизни, наводненное „недочеловеками” и заряженное агрессией».

Ср.: «Можно с легкостью, за считанные годы усвоить гедонистическую форму потребления — но не аскетическую традицию производства; открытую информацию товарного культа — но не закрытую информацию промышленной технологии; крикливую „цивилизацию досуга” — но не угрюмую „цивилизацию труда”; *плоды* технического роста — но не *мотивы* к научному творчеству», — пишет **Михаил Ремизов** («Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/politics>>).

См. также: **Валентин Непомнящий**, «Сигнал истории» — «Литературная газета», 2002, № 17, 24 — 30 апреля (речь при вручении Александру Панарину литературной премии Александра Солженицына 18 апреля 2002 года).

Николай Набоков. Багаж. Фрагмент книги. Перевод с английского М. А. Шерешевской под редакцией М. В. Ледковской. — «Звезда», Санкт-Петербург, 2002, № 4.

«Уистен Оден скользнул в мою жизнь неприметно — то ли поздней осенью, то ли зимой 1943 года...» Другие части книги см.: «Звезда», 1998, № 10; 1999, № 4.

Незнакомая реальность свастики. — «Россия», 2002, 1 апреля <<http://www.rgz.ru>>

Говорит автор книги «Свастика: священный символ», историк **Роман Багдасаров**: «Пятиконечная звезда, часто используемая сейчас в символике, — предельно индивидуалистичный, чувственный символ. Пять чувств, которые обозначают ее пять лучей, разбе-

гаются из общего центра, бесконечно удаляясь друг от друга. <...> Иное дело свастика. В этом символе заложена не пустая гордыня, а смирение перед неизбежным ходом вещей. <...> Пятиконечная звезда встречается как в архаически народном, так и в православно-церковном искусстве... Но неизмеримо реже, чем свастика! К моменту революции свастика вполне могла войти в государственную символику России (ее уже печатали на бумажных деньгах), ее любила святая мученица царица Александра Федоровна. Однако большевикам нужно было подчеркнуть разрыв с прежним строем и солидарность с коммунистическим Интернационалом. Поэтому традиции были отброшены и выбор пал на звезду. <...> Я твердо знаю: в первой четверти наступившего века свастика будет окончательно реабилитирована. Этот символ необходим нормальным людям».

Ср.: «Красная звезда, серп и молот *должны стать* (курсив мой. — А. В.) также отвратительны, как свастика. Ведь свастика сама по себе тоже ни в чем не виновата — картинка, это очень древний символ плодородия. Поэтому когда говорят, что под красной звездой было сделано что-то хорошее, то это все равно как сделать свастику эмблемой Министерства сельского хозяйства; свастику можно изображать только перерубленной мечом», — уверен **Леонид Гозман** («Неприкосновенный запас», 2001/2002, № 5 <<http://magazines.russ.ru/nz/>>).

Александр Неклесса. Мир после 11 сентября: логика глобальной трансформации. — «Москва», 2002, № 3.

<«...» происходящие в настоящее время события есть не что иное, как „вертикальное“, диахронное столкновение цивилизаций. Иначе говоря, происходит столкновение современного мира не с теми культурами, которые хорошо нам известны и существуют на планете в проявленном виде, но с некой тенью, призраком цивилизации, нависающей из будущего».

Андрей Немзер. Заметка для полосы «На рынке». Издательство «Ад маргинем» запустило новый продукт. — «Время новостей», 2002, № 82, 13 мая <<http://www.vremya.ru>>

«Читая [Владимира] Сорокина, „умник“ формально отрекается от своей „элитарности“ (в „цивилизованном мире“ дебиловатость давно почитается высшим интеллектуальным шиком), а образованец ощущает себя „продвинутым“...»

«Ну вот Сорокин и подвел итог своему творчеству. Написал главную книгу своей жизни [роман „Лед“]. Отжал из текста все стилистические заимствования, весь советский новояз, все Достоевские рыдания. Избавился, насколько смог, от кала. Сполоснул, высушил на солнце, разгладил. Что осталось? Немного, — считает **Остап Кармоди** («Газета.Ru», 2002, 29 марта <<http://www.gazeta.ru/2002/03/29/>>). — <...> Обнаружилось, если подвести итог, совершенное мастерство и полное отсутствие фантазии. Великий ремесленник, никакой творец».

«Осталось выснить только — зачем? <...> Стандартный метод, стандартные темы, стандартный сюжет, стандартные приемы, не по-сорокински убогий бедный скучный язык... <...> Типа теперь такой крутой и признанный, что можно гнать, как Ахматова какая, любую пургу, потому что все равно купят?» — язвит **Денис Якутко** в сетевом литературном журнале «Топос» <<http://www.topos.ru>>

Ср.: «Новая вещь под названием „Лед“ — основательный аргумент в пользу того, что теперешний Сорокин способен писать занимательно, просто, прозрачно и тривиально <...>», — считает **Дмитрий Ольшанский** («Время MN», 2002, № 57, 2 апреля <<http://www.vremyamn.ru>>).

«Мир „Льда“ в отличие от ранних, подчеркнуто концептуалистских романов — мир уже победившей энтропии, торжествующего „гнилого бридо“, — пишет **Кирилл Куталов-Постолль** («Ex libris НГ», 2002, № 13, 11 апреля).

«Кажется, именно сейчас Владимир Сорокин написал свою лучшую на сегодняшний день книгу, наиболее цельную, точную, смешную, именно что сорокинскую, — считает **Дмитрий Бавильский** («Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/krug/>>). — <...> Поразительно, как Владимиру Сорокину удастся так по ветру держать нос: сегодня обществу, как никогда, необходим образ положительного героя, пропаганда правильного образа жизни, наконец, светлая идея, которая могла бы замотивировать наших растерянных современников на всяческие разнообразные трудовые и творческие свершения».

«„Лед“ — это первый для меня роман, где на первом месте не форма, а содержание, — говорит **Владимир Сорокин** („Грани.Ru“ <<http://www.grani.ru>>). — <...> Можно сказать, что „Лед“ — это реакция на разочарование в современном интеллектуализме».

«Я попрощался с концептуализмом, — говорит **Владимир Сорокин** в интервью журналу „Итоги“ (2002, № 11 <<http://www.itogi.ru>>). — <...> Но можно сказать, что в целом роман [„Лед“] ницшеанский». А также: «<...> я лишний раз убедился, что телевидение — это мясорубка, превращающая людей в фарш. <...> Но господство визуальных

практик сходит на нет. Я думаю, что литературу рано хоронить, и жду в ней новых прорывов в ближайшие годы».

«Крест я ношу», — говорит **Владимир Сорокин** в интервью журналу «Огонек» (2002, № 17, апрель).

Виктор Никитин. Рассказы. Предисловие Олега Павлова. — «Подъем», Воронеж, 2001, № 12.

Воронежская проза. Городская.

Вадим Нифонтов. 1788 [год]. — «Русский Удодь». Вестник консервативного авангарда. № 15 (2002, январь) <<http://udod.traditio.ru:8100>>

«Вообще, в новом мире становится весьма актуален малопонятный нынешнему читателю „Замок” Кафки. Советую это сумбурное произведение перечитать с точки зрения „описания нового мирового порядка”. Государства-замки будут угрюмо нависать над разоренными деревнями, выставив в глущую темноту свои сверхмощные суперорудия».

«Наступает Великая Тьма, Великая Беспробудная Ночь Человечества. Но так мы можем говорить только с нашей, внутренне извращенной двадцатым веком точки зрения. Человек средневековья сказал бы, что возвращается эпоха бесконечного счастья. Вероятно, он был бы более прав. Сколько продлится Великая Тьма? Не знаю. Надеюсь, что долго. Ибо за ее границами только яркая искра Конца Мира — и все. Дальше обледеневший и никому не нужный камень, бывший когда-то Землей, продолжит некоторое время по инерции вращаться среди разбитых хрустальных сфер небес подобно тому, как старые часы, лишенные стрелок, продолжают зачем-то ходить. Мы же увидим новое небо и новую землю, но уже где-то далеко-далеко отсюда. Все это суждено нам увидеть, понять и принять. Или взять оружие, чтобы погибнуть в безнадежной борьбе с великим жерновом истории, с его черным колесом. Необходимо сделать выбор. Те, кто против, должны умереть, сжимая в руках автомат Калашникова».

Вадим Нифонтов. Что такое Европа? — «Русский Удодь». Вестник консервативного авангарда. № 16 (2002, апрель) <<http://udod.traditio.ru:8100>>

«Сегодня Европы нет. Она может возникнуть в любой момент. <...> Я думаю, что сегодня любой наследник римско-византийского мира имеет равные права на потерянное европейское знамя. Поэтому сегодняшняя Европа — это Россия. Это мы с вами».

Андрей Новиков. Вторжение без оружия. Реклама как бедствие национального масштаба. — «День литературы», 2002, № 4, апрель.

«Вглядитесь в тех, кто работает в рекламных агентствах: это либо душевнобольные (ибо психически здоровый человек никогда не сделает то, что делают они), либо *черти*».

«Смысл действия и рекламы, и рекламоподобных „вставок” преследует, в сущности, одну цель: создать дисперсивное (раздробленное) восприятие действительности».

«Это управляемое общество».

Евгений Носов. Памятная медаль. Рассказ. — «Подъем», Воронеж, 2002, № 1.

Рассказ курского прозаика — лауреата литературной Солженицынской премии — ранее печатался в журнале «Москва» (2000, № 1). См. также: **Евгений Носов**, «Алюминиевое солнце» — «Москва», 1999, № 7; «Наш современник», 2000, № 1; «Картошка с малосольными огурцами», «Тёпа», «Покормите птиц» — «Москва», 2001, № 1; «Сронило колечко», «Два солиды» — «Москва», 2002, № 1. См. также в «Новом мире» статью **Александра Солженицына** о прозе Евгения Носова (2000, № 7). 13 июня с. г. на 78-м году жизни Евгений Иванович Носов скончался в Курске.

Дмитрий Ольшанский. От гексогена до галлюциногена. — «Время MN», 2002, № 60, 5 апреля.

«Роман Александра Проханова „Господин Гексоген”, возможно, — главное событие текущего литературного года. <...> пользуясь типичными установками романов в мягких обложках, Проханов взламывает их канон, пишет очевидную литературу самым неочевидным, диким и чудесным манером. <...> Кроме того, Проханов, конечно, писатель мистический и во многом родственный русскому символизму — аналогичными приемами превращения буквального действия в магическое „сверхдействие” отмечены „Навы чары” Сологуба и „Петербург” Белого. Соответственно и эзотерический пласт в „Гексогене” основательный. <...> Именно эта, подпольная, „скрытая” атмосфера романа в сочетании с откровенно психоделическим, постоянной колдующим, „кислотным”, как выражается иная молодежь, повествованием направляет читателя к неожиданным литературным связям „Гексогена” — а именно к сопоставлению его с крайне „левой” прозой Америки прежних годов. Консерватор и реакционер Проханов, по существу, главный русский аналог Уильяма С. Берроуза („Голый завтрак”), Хантера С. Томпсона („Страх и ненависть в Лас-Вегасе»). В заговорах и видениях, сюжетных разломах и блаженном визионерстве главный редактор газеты „Завтра” даст сто очков

вперед всякому самоуверенному авангардисту. Ведь реальность наша, что литературная, что политическая, побуждает всякого значительного русского троглодита и держиморду к тому, чтобы быть недовольным существованием метафизическим и стилевым миропорядком. И недовольство это сродни умонастроениям западных левых радикалов — только вот буйство у нашего охранителя оказывается куда более весомое и созидательное, как и всякая „традиция“.

«Роман, первоначально напечатанный в газете „Завтра“, соглашается опубликовать книгой (в сокращенном, правда, варианте) издательство „Ad marginem“. Контекст, заметьте, — В. Г. Сорокин, Жак Деррида, Бодрийяр, Болмат, переписка Хайдеггера с Яс-персом. Тоже, конечно, компания бунтарей — но это примерно как если бы в клетку с детьми, нарядившимися мартышками, засунули вдруг конголезскую, зараженную СПИДом, гориллу», — комментирует **Лев Данилкин** («Афиша» <<http://www.afisha.ru>>).

Ср.: «Эстеты подают Проханова как нечто уникальное, как явление в литературе, как смачную, хорошо написанную прозу. <...> Мне говорят, что это суперроман, а я вижу, что это дешевый памфлет. <...> Проханов — это Глазунов от литературы», — пишет **Петр Алешковский** («Время МН», 2002, № 65, 12 апреля).

«То, что второй год подряд в „шорт-лист“ [премии „Национальный бестселлер“] попадают безграмотные опусы Проханова, никак не сенсация. Ради этого „НацБест“ и завели. <...> Может, искусство и „вне политики“ (я так никогда не думал), но при чем тут Проханов? Кроме политики (жесткой и глупой) в его писаниях есть только болезненное самолобие», — пишет **Андрей Немзер** («Время новостей», 2002, № 60, 5 апреля <<http://www.vremya.ru>>).

«Я в ярости, — пишет **Александр Архангельский** («Известия», 2002, № 60, 8 апреля), — московская литературная тусовка окончательно сошла с ума. Объявленный на прошлой неделе список претендентов на „Национальный бестселлер“ не оставляет сомнений: великолепный графоман Проханов со своим „Господином Гексогеном“ получит премию. <...> Агрессия маргиналитета, дорвавшегося до информационного ресурса, не знает пределов; в сравнении с ней злобный рык традиционалистов вроде тов. Басинского — сродни сладкому пению Лорелей».

Он же — чуть позже («Известия», 2002, 13 апреля): «Прохановский роман о взрывах в Печатниках вышел в свет практически одновременно с лондонской демонстрацией фильма Березовского о взрывах в Печатниках же. <...> Обрывочный фильм, снятый по олигархическому заказу и предупреждающий об угрозе внутреннего фашизма, срифмовался с ключевато-наркотическим повествованием о том, как на смену кровавым жидам-олигархам приходят не менее кровавые жида-чекисты и псевдопатриотические сотрудники ГРУ. Я не сомневаюсь в том, что Березовский искренне отстаивает свою версию московских взрывов, — и убежден, что сам Проханов не верит в свою путаную фантазмагорию <...>».

«В этом [общественно-политическом] контексте „Господин Гексоген“ выглядит примерно так же, как „Бесы“, — попыткой логически осмыслить хаос реальности путем ее „переупорядочивания“ сверхлогическим объяснением — заговором, — пишет **Михаил Золотонос** („Московские новости“, 2002, № 16). — <...> В общем, это „Бесы“ наших дней, такие же скороспелые, такие же газетно-узнаваемые и дешево-символические».

Большую подборку рецензий и текст романа см. на сайте: <http://www.geksogen.veshnyaki.ru>

Дмитрий Ольшанский. Как я стал черносотенцем, или Упромысливать, гнобить и не петюкать. — «Ex libris НГ», 2002, № 13, 11 апреля.

«Оглядываясь назад, на свое либеральное прошлое, я не вижу ничего, кроме лжи и позора. Неугомонные девяностые годы — во многом потерянное время для русской литературы, время либеральной буковерской мертвечины, и чувство вины за это продолжительное дурновкусие нельзя отделить от новых, куда более оптимистических ощущений. <...> Первый раз чувство тотальной собственной неправоты появилось у меня во время чтения романа Астафьева „Прокляты и убиты“ — величайшего военного текста, обойденного, разумеется, в свое время буковерским жюри. Вещь эта при всех непреходящих особенностях астафьевского стиля, о которых здесь не место говорить, демонстрировала какое-то ужасающее, физиологическое, невозможно-чуждое явление Соборности — поглощения не только индивидуального героя, но и читателя как персонажа, как фигуры чтения таким огромным, варварским потоком насилующего всех и вся текста. У Астафьева этот классический для теории постструктурализма прием получился, однако, в тысячу раз более убедительным, чем у любого писателя-постмодерниста. Стилистическая, идеологическая, да и просто человеческая энергия, исходившая от Виктора Петровича в этом романе, несравнима с вялыми потугами тех, кто не готов, заведя в квартире льва, принимать кровавую ванну. А именно таковы все либералы, та-

ким был и я. От позднего Астафьева я двинулся дальше. Чем дальше, тем больше мне становилось ясно, что хорошая литература в России категорически несовместима с тем умеренным, сонным, толерантным каноном 90-х, который пропагандировали все эти годы либеральные критики. Особенно хорошо виден этот разительный контраст при взгляде на истинные итоги 2001 года, подведенные в газете „День литературы” умнейшим из современных литобозревателей Владимиром Бондаренко. Большинство из названных им событийных книг года („Блуждающее Время” Мамлеева, „Миледи Ротман” Личутина, „Книга Мертвых” Лимонова) никогда не получают ни Букера, ни Аполлона Григорьева. О них не пишут в большинстве газет, и читательское внимание им достается вопреки, а не благодаря критике. <...> Метафизические усилия, необходимые для написания чего-то, превосходящего качеством толстый журнал *N*, требуют от автора признания тех органических и, возможно, зловещих законов бытия (страх Божий, неотвратимость смерти, благополучие России в силе ее святых штыков, иерархичность и принудительность как точка отсчета для гармонии в мире *etc.*), что ненавистны и страшны либеральному, условно-реалистическому литератору-атеисту. <...> В подмогу традиционной уваровской триаде мне хотелось бы предложить для идеологического строительства новой русской словесности другую вспомогательную глагольную триаду, хорошо поясняющую то, что в современной словесности является важнейшим достижением для писателя. Упромысливать — всячески содействовать распространению душеполезных, направленных против либеральной гордыни идей. Гнобить — обращать свое строгое внимание на явления, противные писательской и человеческой совести. Не петюкать — с достоинством принимать власть в разных ее формах и проявлениях, не упорствовать в злом индивидуализме. Иными словами, понимать порядок. Упромысливать, гнобить и не петюкать. Лучшим русским писателем 2002 года является Александр Проханов».

«<...> с кем мы имеем дело в лице журналиста Ольшанского. А имеем мы дело с фашистом, — пишет **Станислав Львовский** («Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/krug>>). — Употребляя этот термин, я испытываю некоторые трудности, связанные с тем, что он давно уже перестал быть термином, а превратился в матерное слово навряд ли „мудака”, которым вольно перебрасываться в непринужденной газетной полемике, благо под административный кодекс слово „фашизм” у нас не подпадает. <...> То, что журналист Ольшанский имеет возможность печатать фашистские (никаких ярлыков!) статьи в одном из двух рецензируемых изданий страны, — это позор. Тот факт, что реклама Проханова от „молодых интеллектуалов” находит себе место на страницах изданий, всерьез полагающих, что они являются полезным социальным институтом под названием свободная пресса, — это позор. Тот факт, что это происходит при полном молчании и попустительстве всех остальных, — это позор такой, что непонятно уже, как теперь отмываться».

Станиславу Львовскому отвечает **Дмитрий Ольшанский** («Выводить на снег и расстреливать, или Наша цветущая сложность» — «Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/krug>>): «<...> в ситуации, когда циничные, напропалую прогрессивные „плюралисты” вроде Львовского превращают русскую словесность в „поле разработки инновационных типов письма”, прости Господи за этакий жаргонек, священный долг расквасить этим плюралистам физику объединяет и консервативных противников, и консервативных же сторонников газеты „Завтра” (я, кстати, отношу себя к первым). То же самое, кстати, повторялось в истории не раз — так, чтобы унять испанскую революционную шваль в 1936 — 1939 годах, под знаменем Крестового Похода каудильо Франко объединились прежде несовместимые монархисты и буржуа, аристократы и крестьяне, карлисты и фалангисты, объединились, потому что унимать вредителей, пытающихся уничтожить литературу, семью, государство и частную собственность действительно нужно. А уж после дискутировать между собой. <...> Как сказал бы Галковский, подходит время „лапушками потоптать кое-кого” <...>».

«Возникает ряд важных проблем. Ольшанский физически существовать не перестал, каждый из нас с ним рано или поздно встретится все в тех же местах. Как с ним поступить? Животных (так! — *А. В.*) в таком состоянии отвозят на улицу Юннатов навсегда, но с Ольшанским так нельзя, потому что он человек, а мы либералы», — недоумеает **Вячеслав Курицын** («Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/krug/news>>).

«Называясь „черносотенцем”, Митя Ольшанский же не думает, что я потом ему руку не подам? Он же уверен, что это только игра. И он уверен, что мы все об этом знаем, что это только слова, ничего, кроме слов. Литература типа. Подождите, мы до конца года еще парочку Митиных трансформаций увидим», — размышляет в своем сетевом дневнике за 12 апреля **Дмитрий Бавильский** <<http://www.livejournal.com/users/paslen>>.

«Досадно только, что, перестав быть либералом, он [Ольшанский] немедленно стал черносотенцем — слово „другой альтернативы у нас нет“ <...>, — пишет **Дмитрий Быков** („Русский Журнал“ <http://www.russ.ru/ist_sovr>). — Вот я чего понять не могу: почему выбирать надо непременно между петлей и удавкой <...>».

«<...> меня мало заботят его [Ольшанского] политические пристрастия, а гораздо интереснее мне будет, когда закончатся декларации и начнется собственно *дело*, то есть его работа литературного критика и публициста <...>», — пишет **Дмитрий Крылов** («Русский шибболет» — «Топос» <<http://www.topos.ru>>).

«„Патриотизм“ был и остается последним прибежищем закомплексованных неудачников», — уверенно комментирует эскапады Ольшанского **Александр Агеев** («Время МН», 2002, № 66, 13 апреля).

«Я человек молодой, — отвечает **Дмитрий Ольшанский** („Зипуны к бою готовы!“ — „Русский Журнал“ <<http://www.russ.ru/krug>>), — и в трансформациях моих повинен мой возраст, а вовсе не зарплата у потенциального „патриотического“ олигарха — я пишу это, вполне отдавая себе отчет в тех издевательствах, что, возможно, последуют с вашей стороны. <...> У меня достало ума отказаться от собственного [либерального] позора. <...> Я не Агеев. Я люблю русский народ и терпеть не могу интеллигенцию. <...> Вы можете петюкать, насколько хватит свободомыслия, но вас ведь все равно нарочет нашим Ласковым Русским Зипуном».

Pavell. Голландские странности. — Сетевой дневник *Pavell's LiveJournal*, 2002, 7 мая <<http://www.livejournal.com/users/pavell>>

«На самом деле нет ничего удивительного в том, что [убитый Пим] Фортейн был консерватором. Просто для Голландии гомосексуализм (а „Евроныйс“ передали, что покойный был открытым гомосексуалистом) есть традиционная ценность, а вот иммигранты — нетрадиционная. Мы фактически присутствуем при рождении „либерального консерватизма“ (он же „голландская болезнь“). „Голландский консерватизм“ — это такой консерватизм, когда лесбиянки и геи выходят на демонстрацию протеста против арабских иммигрантов, шокирующих общество своим гетеросексуализмом и нежеланием курить „траву“. В Голландии гетеросексуализм воспринимается частью общества как модернизм и вызов традиционным ценностям и потому отторгается именно правыми. Левые же здесь те, кто выступает за „терпимость“: „Гетеросексуалисты — это такие же люди, как и мы“...»

Лев Пирогов. Как хорошо расстреливать. — «Ex libris НГ», 2002, № 13, 11 апреля.

«<...> „Единица — ноль“, — говорил русский математик В. Маяковский. Ценность отдельной жизни бессмысленна — значение имеет только идея, которой эта жизнь подчинена. На уровне риторики это все еще звучит для нас дико (Беломорканал, чистки и все такое), но каким-то органом, ответственным за инстинкт исторического самосохранения, мы уже начали кое-что понимать».

При свободе слова многим сказать нечего. Последнее интервью Фридриха Горенштейна, которое он дал корреспонденту «Труда» [Анатолию Стародубцу] незадолго до своего ухода. — «Труд», 2002, № 65, 13 апреля.

«Вообще немецкое кино традиционно плохое. Фасбиндер ужасен. <...> Но поскольку в Германии, как и в любой небольшой стране, наблюдается дефицит с гениями, то они его объявили гением».

«Музыка Российского гимна (но не его слова) мне всегда нравилась. Не понимаю, чем была вызвана свистопляска вокруг этого. Например, в Германии музыка Иосифа Гайдна к национальному гимну „Германия, Германия — превыше всего“ осталась такой же, какой была и до Гитлера, и в его время, и после, это гордость немецкого народа. Поверьте, не так-то просто найти удачную музыку для гимна».

Александр Проханов. Плаха во чреве. — «Завтра», 2002, № 15, 9 апреля.

Очерки московского *абортария*. «<...>Насос с чмоканием, хлюпом выпивает красную, как варенье, жижу, прогоняет ее сквозь прозрачную трубку. Малиновая трубка дергается, гонит перетертого в слизь и сукровицу крохотного человека. <...> Казненную безгрешную душу, чей неслышимый вопль, заглушаемый чмокающим звуком насоса, подхватывают рыдающие ангелы. Прижимают к груди убиенное дитя, похожее на нераспустившийся красный цветок. Влекут его в райский сад».

См. также: **Александр Проханов**, «Дух дышит, где хочет...» — «Завтра», 2001, № 49, 4 декабря, *очерки московской свалки*; «Меж люлькой и гробом» — «Завтра», 2001, № 42, 16 октября, *очерки московского крематория*.

Вячеслав Пьеху. «Писательский дар — редкое заболевание». Беседу вел Анатолий Стародубец. — «Труд-7», 2002, № 76, 30 апреля.

«Были [в советское время] литераторы, которые обслуживали власть или *низменные потребности протонародья* (курсив мой. — А. В.). Но всем было понятно, кто есть кто...»

Валентин Распутин. «Самая большая беда литературы — безязыкость». Беседа вела Надежда Горлова. [К 65-летию писателя]. — «Литературная газета», 2002, № 14-15, 10 — 16 апреля <<http://www.lgz.ru>>

«Патриотизм писателя прежде всего во владении родным словом, в способности стать волшебником, когда берешься за работу».

«У меня есть ощущение, что история подходит к концу».

См. также: «Можно выстаивать службы, и креститься, и исповедоваться, и причащаться — и делать все это как бы волевым усилием, потому что так нужно, а не духовным тяготением к преображению. Я и сам, пожалуй, из таких, не совсем воцерковленных. Я могу делать все то же самое, что совсем воцерковленные, но знаю при этом, что земное притяжение сильнее», — говорит **Валентин Распутин** («Москва», 2002, № 3).

Рустам Рахматуллин. Коровий Брод и Золотой Рожок. (Константинополь в Москве). — «Новая Юность», 2002, № 1 (52).

«Тем удивительней, что имя Коровий Брод есть калька греческого имени Босфор». См. также в «Новом мире»: **Рустам Рахматуллин**, «Три монумента» (1998, № 12); «Исход» (2000, № 1); «Точки силы» (2001, № 2); «Облюбование Москвы» (2001, № 10).

Жак Росси. Ах, как была прекрасна эта утопия! Гулаговские хроники. Перевод с французского Н. Горбаневской. — «Русская мысль», Париж, 2002, № 4391, 10 января — № 4413, 13 июня, продолжение следует <<http://www.rusmysl.ru>>

«Лагерному начальству больше не удавалось остановить кровавое сведение счетов между ворами и суками...»

Бenedикт Сарнов. Тайнственные лучи. Из книги «Скуки не было». — «Литература», 2002, № 13, 1 — 7 апреля <<http://www.1september.ru>>

Как Сарнов ходил на суд над Синявским и Даниэлем.

См. также: **Бenedикт Сарнов**, «Угол отклонения» — «Литература», 1999, № 44; «Ходит птичка весело...» — «Вопросы литературы», 2000, № 1; «Колесница Джаггернаута» — «Литература», 2000, № 11; «Наш советский новояз. Из новой книги» — «Литература», 2000, № 27; 2001, № 8, 22.

Александр Силаев. Братва по разуму. Повесть. — «День и ночь», Красноярск, 2002, № 1-2, январь — февраль.

Ироническое повествование от лица сибирского психа/заговорщика-«мартиниста»/алкоголика/убийцы Гриши. Странное сочетание изобретательности (в деталях) и бессмысленности (целого). Забавная авторская сноска: «Повесть адаптирована „для семейного чтения”, то есть прошла известную цензурную обработку. В более открытом виде находится на сайте www.list.krasline.ru». См. также другие повести молодого автора в журнале «День и ночь»: «Армия Гутэнтака» (1999, № 5-6); «Подлое сердце Родины» (2000, № 5-6). См. также отклик **Сергея Костырко** в «Обзрении С. К. # 102» («Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/krug/period>>).

Александр Соломин. Тайный смысл «маленьких трагедий». — «Подъем», Воронеж, 2001, № 11, 12.

Полемика с Белинским, Ахматовой, Цветаевой. «И тут я вижу, что ближе всех к пониманию сути Вальсингама и его жизненной позиции подошел другой наш поэт — Владимир Высоцкий».

Валерий Суриков. Розанов, Шпенглер, «Идеогендер». — «Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/politics>>

«<...> поэтому России не нужно под кого-то „делать себя”, не нужно превращать свое бытие в перманентно „проектное”. Достаточно, действительно, „просто быть” <...>».

Игорь Сухих. Сочинение на школьную тему (1964 — 1971, 1978 — ... «Пушкинский дом» А. Битова). — «Звезда», Санкт-Петербург, 2002, № 4.

«[Битов] сам стал за эти годы бродячим филиалом Пушкинского дома».

Марк Тартаковский. Чувственные радости и революция. — «Москва», 2002, № 3. Ущемленная сексуальность, она же — ненависть к норме, она же — тяга к смерти, она же — революционность Александра Блока.

См. также: «<...> Блок был все-таки слабее Ленина, а может, просто умнее — и потому умер раньше. Но обоих погубило глобальное разочарование и страшное чувство личной вины: представьте себе, что чувствовал бы Конек-Горбунок, который толкал Ваню в кипящую воду, чтобы вышел оттуда добрый молодец... а вместо доброго молодца всплывает вареный Ваня» (**Дмитрий Быков**, «Нерушимый Блок» — «Огонек», 2002, № 17, апрель).

Денис Токмаков. Урок для России. (Наука побеждать). — «Завтра», 2002, № 17, 23 апреля.

«У нас же слишком серьезно, как к приговору, относятся к тому, что в Кремле, в правительстве, в Думе — везде засели американские агенты. Ну и что? У агентов тоже льется кровь».

Александр Федосов (Брянск). «Республика» карателей. — «Труд-7», 2002, № 76, 30 апреля.

Полтора года на оккупированной немцами территории существовало «Русское самоуправление округа Локоть», под руководством бывшего советского политзаключенного (по делу Чайнова), впоследствии бригадефюрера СС и, как выясняется, не слишком усердного агента НКВД Бронислава Каминского.

Ср.: **И. Г. Ермолова, С. И. Дробязко**, «Антипартизанская республика» (М., 2001); **Кирилл Александров**, «Оккупация отдельно взятого региона. История неизвестного самоуправления» («Посев», 2002, № 5).

Егор Холмогоров. Русская доктрина. — «Спецназ России». Газета Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа». 2002, № 1 <<http://www.specnaz.ru:8101>>

«Наша история для нашей нации нам нужна *вся*, от первого и до последнего ее года. <...> Только в этом случае возможен станет нормальный русский *консерватизм*, который на эту единую традицию ориентирован и который, ссылаясь на нее, сопротивляется деструктивным переменам. Сегодня же русский консерватор невозможен и немислим, поскольку, защищая одну традицию (скажем, имперско-монархическую), он должен бескомпромиссно отрицать другую (например — имперско-советскую или либерально-демократическую)».

Ср.: «<...> Специфика российской ситуации состоит в том, что в России предметом политической дискуссии являются те вещи, которые во всем остальном мире считаются необсуждаемыми, само-собой-разумеющимися <...>. Так, например, никакие западные либералы не ставят под сомнение само существование своих государств и народов. В России же сомнения в том, „нужна ли нам Россия“, являются весьма актуальной (скажем больше — самой актуальной) либеральной темой. Разделение на „русских консерваторов“ и „русских либералов“ проходит именно здесь. Грубо говоря, русский консерватор исходит из того, что *Россия должна быть*, причем *безусловно и независимо от любых обстоятельств*. Либерал же исходит из того, что *России быть не должно* — или как вариант, — что ее существование возможно допустить только на определенных (как правило, очень жестких) условиях — например, ее верности либерализму, правам человека, „европейскому выбору“ и так далее <...>», — размышляет **Константин Крылов** в своем сетевом дневнике от 3 мая 2002 года <<http://www.livejournal.com/users/krylov>>

Ср.: «Какой электорат, такой и консерватизм, но если уж переименовывать партию, то с сохранением аббревиатуры — в Консервативную партию Российской Федерации» (**Максим Соколов**, «Больной человек российской политики» — «Огонек», 2002, № 17, апрель).

Феликс Штильмарк. Очарованный странник. — «Литературная Россия», 2002, № 18, 3 мая.

«Мне, старшему сыну автора легендарного романа „Наследник из Калькутты“, нет нужды подробно описывать жизненный путь Роберта Александровича Штильмарка (1909 — 1985) <...>».

Глеб Шульпяков. Бегство в Стамбул. — «Новая Юность», 2002, № 1 (52).

Город городов и столица столиц.

Кирилл Якимец. Интеллектуальная гербовая табуретка. — «Русский Журнал» <<http://www.russ.ru/politics>>

«Гитлер, например, пал жертвой стремления к единству стиля. Если верить воспоминаниям Шелленберга (что не вполне обязательно), Гитлер мог сохранить многие завоевания Третьего Рейха, капитулировав в самом начале войны. Германия бы с лихвой компенсировала результаты версальского позора... Но Гитлер бы из „героического вождя“ превратился в „осторожного политика“, стиль был бы бесповоротно „переломан“. <...> Сломка стиля могла привести к общенациональной депрессии, последствия которой оказались бы для Германии более катастрофичными, чем поражение во Второй мировой войне».

Составитель **Андрей Василевский** (www.avas.da.ru).

**«Вестник Европы», «Вопросы философии», «Знамя»,
«Новое литературное обозрение», «Склянка Часу»**

В. М. Алпатов. Филологи и революция. — «Новое литературное обозрение», № 53 (2002, № 1).

Четыре варианта: революционеры, конформисты, плывущие по течению, отстранившиеся.

Александр Апальков. «Книжная полка СЧ». — «Склянка Часу», 2002, № 21-22.

В издающемся на Украине частном *литературно-мистецьком* журнале (редактор-издатель А. Апальков выпускает его на трех языках: украинском, русском и немецком) работают удивительные, горячие люди. Это видно во всем: в представляемых ими публикациях, комментариях и предисловиях, в рецензиях.

Вот начало отзыва на две поэтические книги луганского автора Александра Сигиды: «Одна массажистка, говоря со мною, все время *расцепляла* мои руки... Я их снова сводил в пригоршню...

— Это у вас уже привычка, — улыбнулась она...

„Это у него привычка“, — подумал теперь и я, читая стихи Александра Сигиды... Он начнет стихотворение хорошо, от себя, а потом сойдет к библейским штампам...»

Д. Гинев. Философская идентичность науки в постметафизической перспективе. — «Вопросы философии», 2002, № 3.

Приведу самое первое предложение из статьи болгарского товарища. Ну чтобы дать почувствовать. «Постметафизическая перспектива требует мыслить философскую идентичность науки, не стилизуя ее посредством оперативных в исследовательском процессе критериев эпистемологической и методологической рациональности, но и не обесмысливая, игнорируя когнитивную специфику науки посредством абсолютизации точки зрения социального конструктивизма и когнитивного релятивизма».

Не забалуешь.

Лев Копелев, Раиса Орлова. «Мы жили в Кёльне». Предисловие Марии Орловой. — «Вестник Европы», 2002, том IV.

Отрывок из книги, опубликованной в переводе на немецкий в 1996 году. На русском языке книга не издавалась. Очень горькие записи. «А кому нужны эти записи? Зачем? Только для себя как упражнения. <...> Все, что растрчено на статейки, листовки, тропари и снова и снова статейки — энтропия. Вороха слов, из которых только будущий архивист, если найдется, что-нибудь выкопает. Но архивы растут быстрее, чем население Земли» (Л. Копелев).

Нестор Кукольник. Дневник. Предисловие Александра Апалькова. Подготовка текста и комментарии А. Николаенко. — «Склянка Часу», 2002, № 21-22.

Из вступления издателя журнала **Александра Апалькова** к публикации «Дневника» Кукольника, автора либретто знаменитой оперной драмы «Жизнь за царя»: «В советское время была „поставлена“ еще одна, посмертная трагедия Кукольника: кости его выбросили из гроба, а на месте могилы построили заводской цех... Воистину — забвение не имеет ни стыда ни совести <...> Хочется пожелать читателям интересного и поучительного чтения».

Когда-то изъятый из научного оборота, дневник Кукольника публикуется впервые. Из записи 29 июля 1838 года: «С м е с ь (записные книжки, письма, дневники, пометки. — П. К.) каждого писателя приходит сама собой; это лучшее его сочинение <...> изо всего этого, поверьте, вы составите о писателе такие собственные его записки (memoires), каких он сам сделать не был бы в состоянии. Одно беда — время и случай бессовестно воруют эти летучие листки: одно подцепит журналист, другое — дама, третье — невежа лакей <...>. Если автор хотя несколько одарен чувством собственного достоинства, он должен дорожить даже своими заблуждениями: собирать, прятать свои сокровенные мысли; изредка пересматривать их, исправлять прежние свои заблуждения, словом, исключать власть случая из своих записок, завести в них хозяйство <...>. Тут <...> гордость человека, сознающего свое достоинство».

Инна Лиснянская. Старое зеркало. Стихи. — «Знамя», 2002, № 4.

Почему-то в осеннюю пору
Мотыльковая доля жальчей.
Хорошо, что чужда монитору
Пепелящая сила лучей.

Хорошо, что пыльцового тельца
Мой компьютер не испепелит,
Хорошо, что мне некуда деться
От всего, что на свет мой летит.

Самуил Лурье. Русалка в сюртуке. — «Знамя», 2002, № 5.

Иннокентий Анненский.

Блестящее многослойное эссе одного из моих самых любимых писателей, «Боратынского от критики», как я его про себя иногда называю. В этом году ему исполнилось шестьдесят лет и вышла новая книга статей. Ура!

А. С. Майданов. Логика богоборчества. — «Вопросы философии», 2002, № 3.

«Митра и Варуна — это боги, лишенные обмана». Сонм цитат из древних индийских вед. Ей-богу, завораживает.

Андрей Медушевский. Как научить демократию защищаться: Курцио Малапарте как теоретик государственных переворотов. — «Вестник Европы», 2002, том IV.

О технике и теории переворотов (опираясь на известного итальянского писателя-авантюриста, автора множества книг о Ленине).

В. И. Мильдон. Ни Афины, ни Иерусалим. Еще раз об экзистенциальной философии. — «Вопросы философии», 2002, № 3.

Киркегор и Шестов. «Вера без разума не решение, а уход от решения, не добровольный, а подневольный выбор, следовательно, не выбор, ибо по-настоящему выбирает свободная воля. Но с разумом вера не соседствует, хотя и неотделима от него, и потому ее нельзя считать свободной. Вероятно, это имел в виду Киркегор. „Жизнь поэта <...> оттого так несчастлива, что она подымает его над обыкновенной земной жизнью и в то же время не в силах вознести его в вечное царство духа”».

Вадим Михайлин. Переведи меня через *made in*: несколько замечаний о художественном переводе и поисках канонов. — «Новое литературное обозрение», № 53 (2002, № 1).

Жаль, что автор «Высокого искусства» — Чуковский — этого прочесть не может. Как, впрочем, и пополняющейся коллекции интервью переводчиков в «Русском Журнале». Много изменилось и многое повторилось. Очень интересно о нашем российском «вступлении в эпоху эпигонов», «паническом» опыте первых постсоветских лет («В России же не было своей „оригинальной” постмодернистской литературной революции, — пишет Михайлин. И добавляет: — По крайней мере в прозе»).

В. С. Нерсесянц. Философия права: либертарно-юридическая концепция. — «Вопросы философии», 2002, № 3.

«Право говорит и действует языком и мерами равенства и благодаря этому выражает свободу людей. В этом смысле можно сказать, что право — математика свободы. <...> Какой-либо другой формы бытия и выражения свободы в общественной жизни людей, кроме правовой, человечество до сих пор не изобрело. Да это и невозможно ни логически, ни практически. Люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы».

Т. И. Ойзерман. Марксистская концепция социализма и реальный социализм. — «Вопросы философии», 2002, № 2, 3.

«Весьма показательно, что в советской марксистской литературе феномен тоталитаризма никогда не был предметом научного исследования. <...> Тоталитарное государство в СССР и других социалистических странах было радикальным отрицанием не только марксистского гуманизма, но и демократических завоеваний трудящихся в капиталистических странах».

Трогательно, что во время подготовки этой «Периодики» в наш журнал пришло письмо из Челябинска, из Государственного университета, от читателя В. Н. Савченко. Почему свой отзыв на статью Ойзермана (на деле — политэкономический мини-трактат) он прислал именно нам — неведомо. Но мы прочитали его не без интереса. Главная претензия читателя к академику в том, что тот-де представил *общественную и государственную* собственность — синонимами. По его мнению, это антиподы. Письмо я передаю в «ВФ», вдруг напечатают.

Денис Осокин. Ангелы и революция. Вятка 1923. Предисловие Игоря Иртеньева. — «Знамя», 2002, № 4.

Автору — 25 лет, это дебютная публикация. Участник проекта «Дебют». Учится на филфаке в Казани. Редакция сообщает тему даже его дипломного сочинения: «Семантическое поле народных названий ядовитых растений и грибов в русском языке», — а заодно и то, что автор работает в Центре русского фольклора при управлении культуры города Казани в должности художественного руководителя. Игорь Иртеньев же, кото-

рый просто принес эту рукопись в редакцию, поделился в предисловии: «Честно говоря, у меня до сих пор не очень-то укладывается в голове, как мог совсем еще юный автор с такой достоверностью и почти гипнотической убедительностью воссоздать дизайн, речевой строй, если угодно, сам запах времени, от которого его, как ни крути, отделяет дистанция длиной в несколько собственных жизней». Присоединяюсь. Фантастическая звукопись, удивительный ритм. Подобный ужас, смешанный с восторгом, я уже испытывал от чтения: лет в тринадцать стащил у бабушки сборник рассказов какого-то Бабеля. Я говорю только о чувстве, Бабель тут ни при чем!

А. Н. Паршин. Русская религиозная мысль: возрождение или консервация? — «Вопросы философии», 2002, № 4.

«В России есть и святые люди, есть и мыслящие люди. Будет ли пустующее пространство между ними расширяться или сужаться, на то, конечно, воля Божья...» Естественно, предлагаются и рецепты для заполнения пустот.

С. М. Половинкин. Всё. — «Вопросы философии», 2002, № 4.

Начало спора о месте философии в современной культуре. Следующий за С. М. Половинкиным текст **А. Ф. Зотова** (члена редколлегии «ВФ») назван конгениально: «Вот и всё». Напряженный и очень яркий обмен мнениями с внятным богословским подтекстом. Вот как заканчивает свой ответ на половинкинскую *воскресную проповедь* (должен же член редколлегии философского журнала как-то объяснить читателю, почему *это* печатается здесь, а не в «Вестнике РХД») **А. Ф. Зотов**: «Это сразу и практическая (чуть не сказал — утилитарная), и этическая, и философская, и научная, и технико-технологическая задача (сохранение *земной* человеческой цивилизации. — *П. К.*). Конечно, при этом никому не возбраняется ограничиться тем, чтобы *молить о чуде* спасения нашей планеты и земного человечества. Но разве не достойно порядочного человека *причаститься к этому делу* (курсив мой. — *П. К.*) не только духовно, в совместной молитве, но и, так сказать, материально, используя и свои руки, и свою способность мыслить, и современные научные достижения, и современную техническую мощь? Или все-таки у России опять свой, особый, путь, и своя, особая, судьба, и своя собственная „дорога к Храму“, которая будет лучше видна, если воздеть руки к небу и закрыть глаза на то, как приходят в упадок и разрушаются наше образование, наша наука, наша культура? И более того — почему бы в этой материальной и культурной деградации страны не усмотреть даже не наказание Божие за прежние наши грехи, а Его благословение нашего страстного пути на нашу Голгофу? И тогда в сегодняшнем хаосе, напоминающем финал столпотворения Вавилонского, мы, избранный на мучи народ, радостно узрим предвестие Второго пришествия Спасителя... Вот в чем вопрос, ответ на который дает автор текста в виде призыва к смиренномудрию и душевному успокоению в молитве. Такой ответ *меня лично* (курсив мой. — *П. К.*), семидесятилетнего человека, земной путь которого подходит к концу, совсем не устраивает — не столько из практических (не говоря уж об эгоистических), но прежде всего из этических соображений. И да будет мне, рационалисту и скептику, Господь судей и справедливым, и милосердным — как и автору статьи, которой я здесь оппонирую».

Никак не привыкну, что до подобных публичных обменов мнениями мы с авторами этих текстов дожили. Цитата сия очень дорога мне явной и скрытой интонацией, своими человеческими подтекстами. Кстати, мой кум (крестный моего сына), один из самых трудолюбивых людей, встреченных мною в жизни, недавно очень серьезно *пожаловался* мне, что молитва — это, оказывается, и есть самый тяжелый труд. Конечно, *лично для него*.

Евгений Попов. Без хохм. Рассказ о бедных людях. — «Вестник Европы», 2002, том IV.

Из врезки: «Журнал „Вестник Европы“, учитывая успехи Евгения Попова на прище российской словесности, решил в качестве аванса выплачивать писателю ежемесячное содержание. Со своей стороны писатель Попов обязался передавать журналу в течение текущего года по одному рассказу в номер. Обе договаривающиеся стороны остались вполне удовлетворены новой формой взаимоотношений». Вопрос: а почему к Эппелю, который идет вслед за Поповым, такой врезки не написали?

Евгений Рейн. Граненый алмаз. Стихи. — «Знамя», 2002, № 5.

Стихотворение называется «Тридцать седьмой».

В море бумажный летит голубок,
Берия чешет в Тбилиси висок.
Два дирижабля плывут в высоту,
смотрит Ежов на тяжелый ТТ.
Лезет Стаханов в донбасский забой,
плачет Орлова над лучшей судьбой,

в руки берет Тухачевский смывок.
 В школу с портфелем идет новичок.
 За Днепрогэсом ревут осетры,
 тонут витрины под грузом икры.
 «Черные вороны» строятся в ряд,
 окна всю ночь на Лубянке горят.
 В Ленина льется раствор сулемы.
 Чешский генштаб напрягает умы,
 ночью Уланова пляшет «Жизель»,
 Сталин ложится в шестую постель.
 Льдины на полюсе плавятся в срок,
 Гитлер под утро глядит на восток.

...Руки и ноги скорей сполосни-и, / Спи, моя радость, усни-и-и.

Закурсивленное хулиганство — мое. Это все потому, что я чужие напечатанные стихи обычно вслух читаю.

Михаил Робинсон. Русская академическая элита: советский опыт (1910-е — 1920-е годы). — «Новое литературное обозрение», № 53 (2002, № 1).

Голод, аресты, давление, вербовка. И смерть лучших (А. А. Шахматов).

Из письма В. Н. Перетца — М. Н. Сперанскому, по случаю грядущего юбилея Академии наук (1925): «Слышали ли Вы о порядке приглашения гостей на академический юбилей? Любопытно: приглашают учреждение прислать список предполагаемых лиц, этот список рассматривает ГПУ и в случае, если окажутся нежелательные лица, — вычеркивает; затем остальных уже приглашают. Интересно, много ли народу придет после такого отбора. И не потому, что многих вычеркнул, а потому, что и не вычеркнутые из солидарности могут отказаться».

Александр Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов. Публикация В. А. и О. А. Твардовских. Примечания В. А. Твардовской. — «Знамя», 2002, № 4, 5.

«Собственно говоря, нечего мне бога гневить: у меня еще есть здоровье (с малыми изъянами — зубы, жопа); отличный дом, к которому все больше привыкаю, возможности милых моей душе утех на участке (посадки, пересадки, уход за деревьями и цветами); у меня есть и должны быть деньги, достаточные для привычного обихода, у меня безусловно доброе имя литератора в глазах многих и многих людей и, что не менее важно и даже не менее питает тщеславие, — нелюбовь тех рядов и кругов, с которыми я никогда не примирюсь, не оставляю своей „линии“. У меня, наконец, есть работа и заботы — реальные, существенные и необходимые и сулящие удовлетворение и радость. Я сейчас больше сам по себе, чем при этой эфемерной принадлежности к рукоставу, которая всегда смущала и тяготила, давая лишь слабую компенсацию в смысле тщеславного самочувствия. Нужны еще несколько дней, чтобы прояснилось — что к чему, — как оно дальше поворачивается в смысле общем и конкретном: что будет с журналом...» («Знамя», 2002, № 4).

«Всемогущество есть бессознательность — бессилие — память о себе. Спасаться от этой памяти о себе можно посредством любви к другим, посредством сна, пьянства, труда и т. д.; но вся жизнь людей проходит в искании этого забвения...» («Знамя», 2002, № 5).

Начало см.: «Знамя», 2000, № 6, 7, 9, 11, 12; 2001, № 12; 2002, № 2.

Александр Уланов. На развалинах разговора. — «Новое литературное обозрение», № 53 (2002, № 1).

Обстоятельный разговор о связях русских поэтов с зарубежными, о выборе представляемых русскому читателю авторов, о переводах, о мифах. Досталось, в частности, Иосифу Бродскому как *связнику* и *знатоку*. Замечательны два последних предложения статьи, они же и заявление: «Автор этих строк готов, не отходя от компьютера, составить антологию современной американской поэзии, куда вошли бы, скажем, Джон Эшбери, Роберт Данкен, Кларк Кулидж, Эдвард Фостер, Розмари Уолдроп, Леонард Шварц, Джон Хай, Мишель Мерфи, Джозеф Донахью, Сьюзен Хау, Джудит Голдман... Или полноценные по объему сборники Шварца или Мерфи...»

Составьте, Александр, составьте! А «НЛО» издаст, а?

А. А. Хамилов. Философия Востока и философия Запада: к определению мировоззренческой валидности. — «Вопросы философии», 2002, № 3.

«Но спрашивается: существовала ли или существует ли на нашей планете такая философия (та, которая стимулирует правильное отношение человека к другим людям и самому себе. — П. К.)? Речь при этом, конечно, идет — если воспользоваться характеристиками И. Канта — не о философии „по школьному понятию“, а о философии „по мировому понятию“, то есть о философии, соответствующей собственному понятию и назначению». Интересно, каким еще читателям Хамилова кроме меня последние метафоры русского языка услужливо напомнили о себе в процессе чтения?

Как это о нем (не о Хамилове, о — русском языке) написала любимая мной Елена Шварц: «В кожу вьелся он и в поры, / Будто уголь, он проник, / И во все-то разговоры — / Русский траченный язык. / Просится душа из тела, / Ближе ангельская речь. / Напоследок что с ним сделать — / Укусить, смолоть, поджечь?»

По понятиям с ним надо, по сусалам.

Олег Чухонцев. «— Кыё! Кыё! По колена стоя в воде...». — «Знамя», 2002, № 5. Надо еще и *слышать*, как О. Ч. читает это чудесное и страшное сочинение.

Г. Г. Шпет. Источники диссертации Чернышевского. Публикация, послесловие и примечания Л. В. Федоровой. — «Новое литературное обозрение», № 53 (2002, № 1).

Одоловшему сорок с лишним страниц плотного (и по мысли, и по языку) текста, гарантирую вознаграждение: диссертация классика («Эстетические отношения искусства к действительности») отнюдь не философия, а разновидность «руководства к действию». К будущему действию.

Василий Шукин. Историческая драма русского европеизма. — «Вестник Европы», 2002, том IV.

Подробный обзор — от Рюрика до князя Петра Козловского, в личной судьбе которого «были, однако, такие моменты, которые можно рассматривать как проявление новой исторической тенденции: русские европейцы вновь стали себя чувствовать „лишними людьми“». Чуть выше сообщается, что, «живя за границей, Козловский не был свидетелем ни Бородинской битвы, ни пожара Москвы».

Составитель Павел Крючков.

ЛИКБЕЗ: «Редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан и организаций, либо ущемляющих права и законные интересы граждан, либо представляющих собой злоупотребление свободой массовой информации и (или) правами журналиста: <...> если они являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации» (статья 57 «Закона РФ о СМИ»).

АДРЕС: открытый литературный конкурс «Российский сюжет»: <http://konkurs.palmira.ru>

ДАТЫ: 8 августа исполняется 75 лет со дня рождения прозаика Юрия Павловича Казакова (1927 — 1982); 19 августа исполняется 65 лет со дня рождения (17 августа — 30 лет со дня смерти) драматурга Александра Валентиновича Вампилова (1937 — 1972).

ИЗ ЛЕТОПИСИ «НОВОГО МИРА»

Август

15 лет назад — в № 8 за 1987 год напечатана третья часть романа Василия Белова «Кануны. Хроника 20-х годов».

60 лет назад — в № 8 за 1942 год напечатана пьеса Леонида Леонова «Нашествие».

75 лет назад — в № 8, 9 за 1927 год напечатана повесть Федора Гладкова «Пьяное солнце».

SUMMARY

The issue offers Mikhail Pozdnyayev's, Darya Kulesh's and Victor Kulle's new poems, as well as «The Oath» — a story by Aleksey Varlamov. Also highlighted «There is Light Remains in the House I Visited», a story by Irina Povolotskaya, and her «outlines» (as a special genre) «Meanwhile».

Dmitri Galkovsky, a philosopher, publishes a new literature scenario «A Friend to the Ducklings». Also emphasized Boris Yekimov's essay «The People and the Ground» dedicated to the contemporary country life in Russia.

Also:

The Close and the Distant section: «Regarding the Ever Young Issue of Art for Art's Sake» — an early article by Korney Chukovsky.

Phylosophy. History. Politics section: the ending of Renata Galtseva's article «The Debats over Russia. On the Border of Centuries» and a study by Sergey Bocharov «„Thou that Despised Humanity” — discussing a topic in Russian fiction and its importance in our time».

The World of Science section: Galina Muravnik, a biologist, regards the biological and theological aspects of death in the article «You are Dust, and to Dust You Shall Return»

Literary Critics section: Vladimir Gubaylovsky's article «All the Rest and Literature» discussing a new novel by Sergey Gandlevsky, known as a poet.

As the Text Goes, a permanent section, is prepared by Maria Remizova.

«Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение» (Закон РФ «О средствах массовой информации», ст. 42).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Словесное сочетание «НОВЫЙ МИР» зарегистрировано ЗАО «Редакция журнала „Новый мир”» в качестве товарного знака по классам МКТУ 16, 38, 41, 42.

Редакция журнала «Новый мир» не имеет никакого отношения к деятельности одноименных компаний в Москве и за ее пределами.

Общественный совет: С. С. Аверинцев, А. Г. Битов, С. Г. Бочаров, А. Г. Волос, Д. А. Гранин, Б. П. Екимов, Ф. А. Искандер, Ю. М. Каграманов, А. А. Ким, А. С. Кушнер, [С. И. Ларин], Б. Н. Любимов, А. М. Марченко, В. С. Непомнящий, П. А. Николаев, О. А. Славникова, Т. В. Чередниченко, М. О. Чудакова

Главный редактор А. В. Василевский

Редакционная коллегия: М. В. Бутов, Р. Т. Киреев, С. П. Костырко, П. М. Крючков, Ю. М. Кублановский, О. И. Новикова, И. Б. Роднянская, О. Г. Чухонцев

Корректоры Н. Н. Замятина, Т. И. Филиппова

Редактор-библиограф А. И. Фрумкина

Компьютерная верстка — И. Н. Колесникова

Компьютерный набор — Т. В. Дорофеева

Адрес редакции: 127994, ГСП-4, Москва, К-6, Малый Путинковский пер., д. 1/2.

Телефоны: главный редактор — 209-57-02, ответственный секретарь — 209-91-81,

отдел прозы — 200-54-96, отдел поэзии — 229-56-92, отдел критики — 209-05-88,

зав. редакцией (хозяйственные вопросы) — 209-62-68,

для справок, продажа журналов — 200-08-29.

Факс: 200-08-29. Электронная почта: newworld@newtimes.ru;

по вопросам зарубежной подписки: novy-mir@mtu-net.ru

Сетевой журнал «Новый мир»: http://magazines.russ.ru/novyi_mi

Свидетельство Государственного комитета Российской Федерации по печати № 138 от 9 января 1998 г.

Учредитель и издатель — ЗАО «Редакция журнала „Новый мир”».

Сдано в набор 20.03.2002 г. Подписано к печати 01.06.2002 г. Формат бумаги 70x108 1/16. Бумага кн.-журн.

Высокая печать. Объем 15,0 печ. л., 21,0 усл. печ. л., 27,0 уч.-изд. л.

Тираж 9 300 экз. Зак. 2270. Цена договорная.

Отпечатано с оригинал-макета в ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента РФ, 101999, ГСП-9, Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЮРИЯ КАЗАКОВА

Премия имени Юрия Казакова присуждается с 2000 года автору, живущему и работающему в России, за рассказ на русском языке, впервые напечатанный в текущем году на территории России (циклы и сборники рассказов, рукописи и сетевые публикации не рассматриваются).

Правом выдвижения произведений на премию обладают критики, издатели и творческие организации.

Выдвигаемые произведения направляются в редакцию журнала «Новый мир» с пометкой «На премию» до 1 декабря 2002 года.

Состав жюри:

ВЛАДИМИР ГУБАЙЛОВСКИЙ, поэт,
литературный критик, интернет-обозреватель;

ВИКТОР КУЛЛЭ, поэт, главный редактор
журнала «Старое литературное обозрение»;

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ,
президент АКБ «Национальный Резервный банк»,
президент Благотворительного Резервного фонда;

ОЛЬГА НОВИКОВА, председатель жюри,
прозаик, зам. зав. отделом прозы «Нового мира»;

МАРИЯ РЕМИЗОВА, литературный критик,
сотрудник журнала «Континент»;

АНТОН УТКИН, прозаик.

Координаторы премии:

главный редактор журнала «Новый мир»
АНДРЕЙ ВАСИЛЕВСКИЙ;

генеральный директор Благотворительного Резервного фонда
ТАТЬЯНА ЧЕРЕДНИЧЕНКО.

Сумма премии — 3000 \$.

Объявление лауреата и торжественное вручение премии
состоится в начале 2003 года.

Контактные телефоны: (095) 209-57-02, 200-54-96.

E-mail: newworld@newtimes.ru